

№ 4 (44)
2018

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

20

Корнев А. В.

Практические основания
теоретической юриспруденции

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

30

Лазарев В. В.

Интегративное видение государственности
в ранних работах К. Маркса

49

Марченко М. Н.

Государственно-правовые взгляды
П. И. Новгородцева и современность

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

83

Исаков В. Б.

Некоторые проблемы
новой российской кодификации

№ 4 (44)
2018

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор.

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Члены редакционного совета:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

ГОНЧАРОВ Игорь Владимирович — заведующий кафедрой государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЖАВОРОНKOVA Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», Республика Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор.

КИРЕЕВА Елена Юрьевна — декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующий кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор.

НИКИТИН Сергей Васильевич — проректор по учебной работе Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — профессор кафедры международного права, начальник Управления организации научной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — заведующий сектором сельскохозяйственного и земельного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

Ответственный секретарь:

САЛИЯ Марианна Романовна — эксперт отдела научно-издательской политики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ответственный редактор выпуска:

ЛИПЕНЬ Сергей Васильевич — профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

Дата выхода в свет: 30.04.2018.

Усл. печ. л. 29,19. Тираж 150 экз.

Издатель — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Адрес редакции:

125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 556).

E-mail: vestnik@msal.ru

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 4 (44)
2018

Edition
**THEORY OF THE STATE
AND LAW**

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairman of the Editorial Board:

BLAZHEEV Viktor Vladimirovich — Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings, PhD in Law, Associate Professor.

Deputy of the Chairman of the Editorial Board:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law Department, Doctor of Law, Professor.

Editor-in-Chief:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

Editorial Board members:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of the Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor.

BEZVERKHOV Arthur Genadievich — Dean of the Law Faculty of the Samara National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Doctor of Law, Professor.

BUKALEROVA Ludmila Aleksandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the RUDN University, Doctor of Law, Professor.

GONCHAROV Igor Vladimirovich — Head of the Department of Nation Construction and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorievna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Forensic Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Nina Sergeevna — Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Republic of Belarus, PhD in Law, Professor.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2018

Founder:

The Federal State Budgetary Educational Establishment of the Higher Training "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of the Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Doctor of Philosophy, Professor.

KIREEVA Elena Yurievna — Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of Public Administration and Municipal Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor.

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Doctor of Economy, Professor.

NIKITIN Sergey Vasilievich — Vice-Rector for Education of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

NOVOSELOVA Lyudmila Aleksandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

RYLSKAYA Marina Aleksandrovna — Director of the Institute of Problems of an Efficient State and Civil Society

of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of State and Law, Doctor of Law, Professor.

SOKOLOVA Natalya Aleksandrovna — Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, PhD in Law, Associate Professor.

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Head of the Sector of Agricultural and Land Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Doctor of Law, Professor.

Executive Secretary Editor:

SALIYA Marianna Romanovna — Expert of the Department of Scientific and Publishing Policy of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Executive Secretary of the Issue:

LIPEN Sergey Vasilievich — Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law.

Passed for printing 30.04.2018.
Publication base sheet 29,19.
Circulation 150 cop.
Publisher: Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Bld.9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.

The address of the Editorial Office:

Bld.9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.
Tel.: (499) 244-88-88 (# 556).
E-mail: vestnik@msal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	7
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	9
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Авторитетное мнение	
Корнев А. В.	
Теоретические основания практической юриспруденции	20
История учений о праве и государстве	
Лазарев В. В.	
Интегративное видение государственности в ранних работах Маркса	30
Мартышин О. В.	
К истории формирования понятия «государство»	37
Марченко М. Н.	
Государственно-правовые взгляды П. И. Новгородцева и современность	49
Фролова Е. А.	
П. И. Новгородцев как философ теории естественного права	57
Жуков В. Н.	
П. И. Новгородцев: консервативный либерал и религиозный философ права	65
Аубакирова И. У.	
Об идейных основаниях учения П. И. Новгородцева и классического евразийства в контексте традиции русской правовой мысли	74
Российское законодательство: современное состояние и тенденции развития	
Исаков В. Б.	
Некоторые проблемы новой российской кодификации	83
Барзилова И. С.	
Проблемы развития современного российского законодательства	92
Головина А. А.	
Актуальные тенденции развития системы российского законодательства	102
Матевосова Е. К.	
Тенденции и приоритеты развития российского законодательства в эпоху глобализации	111

Кирдяшова Е. В.	
Совершенствование законодательства и развитие права	118
Арзамасов Ю. Г.	
Эффективность законодательства: постановка проблемы, основные пути решения	125
Дидикин А. Б.	
Оценка регулирующего воздействия как инструмент профессиональной оценки рисков и повышения качества российского законодательства	136
Кашанина Т. В.	
Снижение жесткости санкций как тенденция развития законодательства	144
Соколов Н. Я.	
Оценка юристами состояния действующего законодательства	154
Липень С. В.	
Законы о нормативных правовых актах стран СНГ: возможности сравнительно-правового исследования	159
Методология науки о государстве и праве	
Корнеев А. В., Барзилова И. С., Липень С. В.	
Методологические проблемы юридической науки на научных форумах в 2017 г. 1-й методологический семинар кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)	165
Танимов О. В.	
Применение философского (всеобщего) метода познания для исследования фикций в праве	180
Трибуна молодого ученого	
Арнаутова А. А.	
Средства повышения эффективности нормативных правовых актов	188
Степушкина Е. И.	
Правотворческая деятельность социального государства	194
КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ	202
ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ	
Памятники права	
Декреты о суде № 1, 2, 3	210

Юридическое наследие

Новгородцев П. И.

Идеал нового правового государства 224

Трубецкой Е. Н.

Определение права 238

ИЗ ПЕРИОДИКИ ПРОШЛОГО

Алексеев А. С.Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо в ее отношении
к учению Монтескье о равновесии властей 248

ПОСТСКРИПТУМ

Юридические события в датах

Шпаковский Ю. Г., Потапчук И. В.

Новое время. XIX век — начало XX века 251

Сто лет назад: месяц в истории 273

Уважаемые читатели!

Предлагаемый вашему вниманию выпуск журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», подготовленный кафедрой теории государства и права, отражает основные направления ее научной деятельности.

Ученые, работающие на кафедре, разрабатывают теоретические основания развития российской правовой системы и совершенствования отечественного законодательства, исследуют методологические проблемы юриспруденции, закономерности эволюции юридического научного знания.

В рубриках «Авторитетное мнение» и «Методология науки о государстве и праве» представлены материалы состоявшегося 28 февраля 2017 г. первого методологического семинара кафедры теории государства и права.

Профессиональное экспертное обсуждение актуальных вопросов состояния и развития российского законодательства дано в рубрике «Российское законодательство: современное состояние и тенденции развития», сформированной по итогам прошедшего 27 февраля 2018 г. второго методологического семинара кафедры теории государства и права.

Проблемы истории учений о праве и государстве в последние годы получают актуализацию на научных форумах, посвященных юбилейным

датам исторических событий, юбилеям выдающихся мыслителей прошлого. В рубрику «История учений о праве и государстве» вошли научные статьи, подготовленные по итогам конференций, посвященных 150-летию со дня рождения П. И. Новгородцева и 200-летию со дня рождения Карла Маркса.

Авторы публикаций в этом выпуске журнала — известные ученые, представляющие не только кафедру теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), но и авторитетные учебные заведения и научно-исследовательские учреждения, с которыми кафедра традиционно сотрудничает — юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт государства и права РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, факультет права НИУ «Высшая школа экономики».

Мы надеемся, что этот выпуск «Вестника Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» будет способствовать повышению интереса к теоретическим, методологическим, историческим аспектам развития юридической науки и российской правовой системы, формированию академической правовой культуры.

С. В. Липень,
*ответственный редактор выпуска,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

АПРЕЛЬ 2018¹

3 АПРЕЛЯ

Презентация книги Александра Шепеля «Александр Михайлович Рекунков. Генеральный прокурор Советского Союза. 1981—1988»

В зале Ученого совета состоялась презентация книги об известном государственном деятеле, Генеральном прокуроре СССР и выпускнике Всесоюзного юридического заочного института Александре Рекункове.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратился проректор по научной работе МГЮА Владимир Синюков, он же выступил модератором.

Презентация книги носила неформальный характер — автор книги Александр Шепель поделился наиболее интересными моментами из жизни Александра Рекункова; детскими впечатлениями и воспоминаниями о своем дедушке поделилась Екатерина Дедова (Рекункова); заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА Татьяна Отческа выступила с анализом основ прокурорско-следственной деятельности, основоположником которых выступил Александр Михайлович; доклад директора музея Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Михаила Приходько был основан на двух архивных находках, которые документально подтвердили факт окончания А. М. Рекунковым Ростовского филиала Всесоюзного юридического заочного института в 1952 г.

Презентация завершилась торжественной процедурой проставления книжных знаков издательства на экземплярах книги, символизирующих выход книги в свет.

5 АПРЕЛЯ

«Аэрофлот» и МГЮА подписали соглашение о сотрудничестве

В рамках V Московского юридического форума состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между ПАО «Аэрофлот» и Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Соглашение подписали ректор МГЮА Виктор Блажеев и заместитель генерального директора «Аэрофлота» по правовым и имущественным вопросам Владимир Александров.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

В рамках соглашения предусматривается сотрудничество сторон по вопросам организации и проведения совместных научных образовательных мероприятий, прохождения студентами МГЮА практики в «Аэрофлоте» с возможностью последующего трудоустройства, а также открытия на базе Университета программ дополнительного профессионального образования для сотрудников авиаперевозчика.

Представители сторон подчеркнули важность такого взаимодействия и выразили надежду на долгосрочное и продуктивное сотрудничество.

Открытие V Московского юридического форума

В МГЮА состоялось торжественное открытие Московского юридического форума. В этом году Форум проходит уже в пятый раз. За годы своего существования Форум зарекомендовал себя как авторитетная площадка для обмена мнениями, анализа практики и разработки инновационных подходов в самых разных областях права.

Тема этого года — «Будущее российского права: концепты и социальные практики».

С приветственным словом к участникам Форума обратился ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев. Виктор Владимирович обратил внимание аудитории на актуальность темы, поскольку будущее страны напрямую связано с развитием ее правовой системы,

и задача юриста вовремя реагировать на вызовы времени.

С пленарными докладами на открытии Форума выступили:

1. Проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков с темой «Современные технологические вызовы и задачи юридической науки».

2. Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместитель министра юстиции Российской Федерации Михаил Гальперин с докладом об итогах реформы третейского разбирательства.

3. Член Комиссии международного права ООН, президент Австрийской ассоциации международного права Август Рейниш с докладом «Влияние национальных судов на международное право: современное состояние и перспективы».

4. И. о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Богданова с докладом о тенденциях развития гражданского права в эпоху социальных и экономических изменений.

5. Профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Борис Пугинский выступил по вопросу будущего методологии правоведения.

6. Заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Владимир Шумилов с докладом на тему «Глобальная правовая система и глобальная нормативная система».

7. Профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Валерий Цепелев затронул тему «Концепция уголовной политики: современное состояние и перспективы развития».

Пленарное заседание дало старт множеству отраслевых дискуссионных площадок: круглых столов, панельных дискуссий, конференций. Главными темами дня стали тенденции и перспективы развития высшей юридической школы, международная интеграция России, вопросы правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники, роль и место России в международном спортивном движении, обеспечение безопасности предпринимательской деятельности, будущее российской адвокатуры, защита общих интересов в гражданском и административном судопроизводстве и многие другие. Все площадки характеризовала актуальность обсуждаемых вопросов и широта представительства участников.

В первый день мероприятие посетило более 500 участников из более 30 регионов и 8 стран, среди которых — ученые, практикующие юристы, представители органов государственной власти федерального уровня, судьи и адвокаты.

В рамках Форума прошла XVII Международная научно-практическая конференция «Традиции и новации современного российского права».

Модератором конференции выступила проректор по учебной и методической работе Екатерина Тягай.

Участниками дискуссии были советник Адвокатского бюро «ЕПAM» Елена Авакян, партнер юридической компании Taxology Russia Михаил Успенский, директор по правовым вопросам Sistema_VC Шаген Меликян и юрисконсульт компании IBM (Россия/СНГ) Александр Савельев. Также в стенах Университета состоялась XII выставка-форум «День юридической карьеры в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Студенты и выпускники МГЮА традиционно проявляют повышенный интерес к выставке, в связи с возможностью прохождения стажировки и трудоустройства в ведущих юридических компаниях России.

В заключительный день работы Форума, 7 апреля, состоялось награждение победителей XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права», а также проведен второй всероссийский конкурс судебных поединков и ораторского искусства Kutafin Litigation Skills Challenge.

В конкурсе приняли участие более 100 студентов из 10 юридических вузов. Конкурс проходил по 5 направлениям: уголовное право, гражданское право, корпоративное право, банкротство и интеллектуальное право. Организаторы Форума благодарят всех участников и приглашают на VI Московский юридический форум — 2019.

6 АПРЕЛЯ

XII Выставка-форум «День юридической карьеры в МГЮА»

Состоялась XII Выставка-форум «День юридической карьеры в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Организатором мероприятия выступило Содружество выпускников Университета, а официальными партнерами — Ассоциация юристов России, Ассоциация юридического образования, группа компаний «Юриспруденция. Финансы. Кадры».

Традиционно выставка-форум проходит в рамках Московского юридического форума и совместно с Международной конференцией молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права».

Помимо возможности найти стажировку или трудоустроиться, организаторы Дня юридической карьеры предоставляют уникальную возможность встретиться с представителями работодателей лично в рамках круглого стола «Практика и стажировка обучающихся юридических вузов и факультетов. Взаимодействие с работодателями». В этом году в работе круглого стола приняли участие представители компаний-работодателей, профессионального сообщества, Содружества выпускников МГЮА, соискатели вакансий, представители ректората Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С приветственными словами к участникам мероприятия обратились директор Содружества выпускников МГЮА Бениамин Шахназаров и проректор по учебной и методической работе Университета Екатерина Тягай, которые обозначили важность и необходимость углубленного взаимодействия Университета с практикующими юристами, работодателями, а также необходимость изменения подходов к организации практики студентов.

Ключевыми спикерами затрагивались актуальные вопросы, связанные со стажировками и трудоустройством молодого поколения юристов: начальник Управления развития практико-ориентированного обучения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Самсонова выступила с докладом «Опыт Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по взаимодействию с работодателями в сфере организации практики студентов»; руководитель аппарата Ассоциации юристов России Станислав Александров рассказал об опыте Ассоциации юристов России в рамках образования и практики; партнер юридической фирмы White & Case Андрей Донцов поделился опытом проведения стажировок для студентов юридических вузов за рубежом; директор по развитию юридической группы Paradigma Валерия Панасенко и адвокат юридической группы Paradigma Руслан Петручак выступили с докла-

дом «Опыт юридической группы Paradigma по практическому ориентированию и рекрутингу молодых специалистов».

Президент АНО «Перикл» Владимир Лисняк, в свою очередь, рассказал об основных навыках юриста в быстро меняющемся мире. Проблемные аспекты организации практики глазами студента обозначила председатель Студенческого научного общества МГЮА Айна Чарыева.

Повышенный интерес к выставке традиционно проявили крупнейшие на рынке юридических услуг работодатели.

Свои вакансии для молодых специалистов — выпускников ведущих юридических вузов Москвы представили более 30 работодателей: международные юридические фирмы, адвокатские образования, юридические департаменты, отраслевые компании и органы государственной власти, среди которых адвокатское бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», White & Case, Baker Botts LLP, Ernst & Young, КПМГ, адвокатское бюро «Иванян и партнеры», коллегия адвокатов «Юков и партнеры», юридическая фирма «Ильяшев и партнеры», Baker McKenzie, Clifford Chance, Dentons, Hogan Lovells, Alliance Legal CG, CLIFF, юридическая группа Paradigma, Vegas Lex, адвокатское бюро «Сотрудничество», BGP Litigation, AT Lawyers, Pericles Law Center, Art de Lex, группа компаний ЮФК, Арбитражный суд города Москвы, Центральный банк и Министерство социального развития Московской области.

Круглый стол, посвященный пятилетию кафедр энергетического права

В рамках V Московского юридического форума состоялся круглый стол «Правовое регулирование энергетической безопасности». Мероприятие приурочено к юбилею — 5 лет — кафедры энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В рамках круглого стола были представлены презентации памятного альбома по материалам работы кафедры с 2013 по 2018 гг. и монографии «Энергетические рынки: проблемы и задачи правового регулирования» под редакцией заведующего кафедрой В. В. Романовой.

С приветственными словами выступили заведующий кафедрой энергетического права Виктория Романова, статс-секретарь — заместитель министра энергетики Российской Федерации Анастасия Бондаренко, член-корреспондент Российской академии наук Михаил Клеандров, генеральный директор издательской группы «Юрист» Ольга Платонова, первый заместитель директора департамента 613 ПАО «Газпром» Виталий Мозолов, заместитель директора по корпоративно-правовой работе ООО «Газпром энергохолдинг» Лариса Титова, заместитель управляющего директора ПАО «Мосэнерго» Анна Ефимова, заместитель генерального директора ПАО «Мосэнергосбыт» Ирина Пескова, начальник управления ПАО «Россети» Георгий Колташев, начальник отдела нефтегазовой политики Департамента энергетики Евразийской экономической комиссии Ирина Павлова, начальник отдела электроэнергетической и атомной

политики Департамента энергетики Евразийской экономической комиссии Светлана Зайцева, начальник Управления энергообеспечения Департамента жилищно-коммунального хозяйства города Москвы Александр Арендарчук, заместитель заведующего кафедрой правового регулирования ТЭК МИЭП МГИМО Любовь Шевченко, заведующий лабораторией недропользования Института проблем недропользования Республики Татарстан Роза Салиева, куратор программы информационной поддержки вузов Москвы консорциума «Кодекс» Наталия Каширина и другие участники.

На круглом столе участниками были затронуты актуальные проблемы правового обеспечения энергетической безопасности.

По результатам обсуждения отмечено, что рассматриваемые вопросы имеют особую актуальность, заслуживают проведения комплексных правовых исследований, обсуждений.

Кафедре энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) пожелали дальнейших профессиональных успехов, укрепления плодотворного сотрудничества в развитии энергетического права на национальном и международном уровнях.

13 АПРЕЛЯ

Встреча с председателем Московской городской Думы Алексеем Шапошниковым

13 апреля 2018 г. в МГЮА состоялась встреча председателя Московской городской Думы Алексея Шапошникова со студентами Университета.

С приветственным словом к участникам обратилась проректор по учебной и методической работе Екатерина Тягай.

В первой части выступления Алексей Валерьевич рассказал студентам о работе Московской городской Думы в части развития инфраструктуры столицы. Особое внимание городские власти сегодня уделяют созданию комфортной городской среды для жителей мегаполиса, адресным инвестиционным проектам в ключевых для города сферах, транспортной политике, благоустройству и, конечно же, реновации. Не осталось без внимания и участие горожан в управлении городом: «Правительству города важно опираться на мнение москвичей и делать так, как хотят сами москвичи», — подчеркнул Алексей Валерьевич.

В продолжение встречи студенты смогли задать Алексею Валерьевичу вопросы лично. Будущие юристы активно интересовались проблемами обратной

В продолжение встречи студенты смогли задать Алексею Валерьевичу вопросы лично. Будущие юристы активно интересовались проблемами обратной

связи по обращениям граждан, деятельностью молодежного парламента Москвы, перспективами трудоустройства в главный законодательный орган столицы и приоритетными проектами городских властей, призванными уже завтра сделать жизнь москвичей и гостей столицы комфортнее. Алексей Валерьевич поблагодарил студентов за проявленный интерес и пригласил наиболее активных из них на экскурсию в Мосгордуму.

15 АПРЕЛЯ

День открытых дверей в МГЮА — 2018

15 апреля в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся День открытых дверей.

Перед торжественной частью абитуриентам и их родителям была предоставлена уникальная возможность познакомиться с представителями институтов, в которых реализуются образовательные программы МГЮА.

В рамках торжественной части с приветственным словом к гостям обратился ректор Университета Виктор Блажеев. Он рассказал абитуриентам о новых программах подготовки бакалавров, специалистов и магистров, преимуществах вуза на рынке образовательных услуг и об основных направлениях деятельности МГЮА.

Особенным гостем мероприятия стал директор по правовым вопросам Sistema_vc Шаген Меликян (*выпускник МГЮА*).

Шаген Зорикович рассказал о своих студенческих годах в Московской государственной юридической академии, преимуществах получения образования в Университете, высокой востребованности выпускников на рынке труда и завершил свою речь воодушевляющим напутствием:

«На рынке останутся только высокопрофессиональные юристы, которые имеют глубокое понимание права, общественных процессов и экономики. Для того, чтобы быть таким специалистом, нужно лучше всех учиться в лучшем юридическом вузе страны».

Проректор по учебной и методической работе Екатерина Тягай в своем выступлении акцентировала внимание абитуриентов на образовательных программах, реализующихся в Университете, и подчеркнула особенности каждой из них.

Ответственный секретарь приемной комиссии Елена Глотова рассказала о порядке проведения приемной кампании 2018 года и ответила на вопросы гостей, касающиеся основных аспектов поступления.

Программу дня продолжили знакомство абитуриентов с учебными аудиториями вуза, онлайн-тестирование по обществознанию и консультации по вопросам поступления в Университет.

16 АПРЕЛЯ

Мастер-класс по проблемам подготовки диссертационных исследований

В МГЮА прошел мастер-класс по проблемам подготовки диссертационных исследований. Секретами написания диссертаций с молодыми учеными поделилась председатель экспертного совета по праву ВАК России, первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева.

Елена Юрьевна рассказала аспирантам о своем опыте в сфере подготовки диссертационных исследований. Обратила внимание на трудности, ошибки, допускаемые в ходе написания диссертаций по праву, обозначила ключевые тенденции в области научной аттестации кадров высшей школы.

23 АПРЕЛЯ

Заседание Ученого совета Университета

С докладом «О готовности к государственной итоговой аттестации» выступила начальник отдела Учебно-методического управления МГЮА Наталья Софийчук. Наталья Викторовна рассказала также об учебно-методической работе на кафедре гражданского и административного судопроизводства МГЮА.

Отчет об итогах работы V Московского юридического форума предоставил проректор по научной работе МГЮА Владимир Синюков.

В продолжение заседания члены Совета рассмотрели отчеты о подготовке диссертации аспиранта кафедры судебных экспертиз Натальи Колесниковой. Научным руководителем аспиранта выступила директор Института судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Россинская.

III Всероссийский межвузовский юридический конкурс «Защита прав инвалидов»

Состоялся финал III Всероссийского межвузовского юридического конкурса «Защита прав инвалидов». Организаторами мероприятия выступили Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Всероссийское общество глухих и адвокатское бюро «Юшин и партнеры».

Конкурс прошел под эгидой Комиссии по социальному законодательству Ассоциации юристов России. В состав жюри вошли ведущие российские специалисты в области права социального обеспечения, трудового права и других социально ориентированных отраслей юридической науки.

Конкурс проводился в трех номинациях для учащихся образовательных организаций высшего профессионального образования.

В номинации «Молодые юристы за права инвалидов» по результатам выступлений в импровизированном судебном заседании команды заняли следующие места:

1-е место — команда «Юристы Дона» (Виктория Павлюк, Елена Кырлиг, Анастасия Выборова) юридического факультета Южного федерального университета;

2-е место — команда «Петербургские юристы» (Илья Козанкин, Артем Кутловский, Мария Ситникова) юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;

3-е место — команда «Маги ВШЭ» (Дмитрий Сабилев, Джамия Садыкова, Полина Хластова) факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В номинации «Молодые ученые за права инвалидов»:

1-е место заняла студентка Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Малева с конкурсной работой «Проблемы трудоустройства инвалидов на примере Кировской области и Краснодарского края»;

2-е место разделили студентка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова Мария Кутарова с работой «Правовое регулирование обеспечения занятости инвалидов на региональном уровне (на примере Владимирской области)» и студентка Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Татьяна Сосновценко с конкурсной работой «Некоторые аспекты реализации специальных мероприятий, способствующих повышению конкурентоспособности инвалидов на рынке труда Кировской области»;

3-е место заняли студентка Тюменского государственного университета Г. Ш. Ибрагимова — конкурсная работа «Правовое регулирование обеспечения занятости инвалидов на уровне субъекта РФ: опыт Тюменской области»; студентка Марийского государственного университета Ю. А. Луконина — конкурсная работа «Информационные технологии и их влияние на правовое регулирование обеспечения занятости в Республике Марий Эл».

В номинации «Права инвалидов»:

1-го места удостоилось эссе «Право жить, а не существовать» студентки Санкт-Петербургского государственного экономического университета Анастасии Латышевой;

2-е место заняли студент Московского государственного гуманитарно-экономического университета Никита Левичев с эссе «Легко ли быть инвалидом...» и студент Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Матвей Ходаковский с эссе «Случай отказа в трудоустройстве как пример наличия проблем во взаимоотношениях между инвалидами и работодателями»;

3-е место заняли студентка Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма Делия Мубаракшина с работой «Проблемы лиц с инвалидностью при трудоустройстве и пути их решения» и студентка Московского государственного техни-

ческого университета им. Н.Э. Баумана Анастасия Пустовалова с эссе «Права инвалидов».

После судебного заседания и презентаций конкурсных работ состоялось награждение студентов, занявших призовые места. Студентов поздравили заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Никита Лютов, начальник отдела правовой экспертизы в сфере социального обеспечения Департамента правовой и международной деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ Анна Агаджанян, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ Эльвира Тучкова, заведующий отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Наталья Путило, профессор кафедры трудового права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, член Комиссии при Президенте РФ по делам инвалидов Елена Мачульская, директор Института реабилитации и абилитации инвалидов Федерального научного центра реабилитации инвалидов имени Г. А. Альбрехта Оксана Владимирова, заместитель председателя Всероссийского общества инвалидов Олег Рысев и заместитель начальника Управления социальной политики и реабилитации Всероссийского общества глухих Максим Ларионов.

Лауреатам конкурса были вручены дипломы и памятные подарки от организаторов конкурса, Всероссийского общества инвалидов, Всероссийского общества глухих.

После награждения в офисе Уполномоченного по правам человека в РФ состоялась встреча лауреатов конкурса с Уполномоченным по правам человека в РФ, заслуженным юристом РФ Татьяной Москальковой.

24 АПРЕЛЯ

III Студенческая научно-практическая конференция «Право и закон: исторический опыт»

Организаторами мероприятия выступили кафедра истории государства и права и научный отдел Студенческого совета Института прокуратуры.

На пленарном заседании с приветственной речью выступили проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков, заведующий кафедрой истории государства и права Игорь Исаев, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения Олег Гринь, директор Института прокуратуры Сергей Перов и доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Анжелика Берзина.

**Аркадий Владимирович
КОРНЕВ,**

доктор юридических наук,
профессор, заведующий
кафедрой теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
ktgp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение теории и практики применительно к основным видам юридической деятельности. Проводится сравнительный анализ советской системы юридического образования и той, которая имеет место в Российской Федерации в настоящее время. Анализируется содержание терминов «юриспруденция» и «правоведение». Прогнозируется развитие юридического образования в нашей стране.

Ключевые слова: теория, практика, юриспруденция, правоведение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.020-029

A. V. KORNEV,

Head of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor
ktgp@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THEORETICAL FOUNDATION PRACTICAL JURISPRUDENCE

Abstract. The article deals with the relationship between theory and practice in relation to the main types of legal activity. A comparative analysis of the Soviet system of legal education is carried out with the one that takes place in the Russian Federation at the present time. The content of the terms «jurisprudence» and analytical «jurisprudence» is analyzed. The development of legal education in our country is forecasted.

Keywords: theory, practice, jurisprudence, analytical jurisprudence.

Теория и практика суть не одно и то же. Этот тезис не нуждается в особых доказательствах. Однако различие между ними порой принимает гипертрофированные формы. «Практическая» сторона дела в настоящее время явно доминирует, во всяком случае, в интенции, в намерении построить обучение в практико-ориентированном ключе. В этом нет ничего плохого. Да и мировые тенденции говорят об этом. Молодым людям из элитарных слоев общества дают преимущественно теоретические знания, всем остальным — прикладные.

Однако нужно искать синтез теории и практики. Именно синтез, а не просто их сочетание. Недаром говорят, что нет ничего практичнее хорошей теории.

И очень важно определиться с задачей, которая стоит перед юридическим вузом. А сегодня, как мне представляется, отчетливо наметилась дилемма: давать образование или готовить специалистов. Выполнить двуединую задачу вряд ли получится. Если говорить серьезно, то это невозможно в принципе. В системе высшего профессионального образования, учитывая сроки обучения, можно лишь научить неким профессиональным навыкам, и не более того. Большого не позволят ни сроки, ни требования образовательных стандартов. Специалистами становятся исключительно на практике, в ходе осуществления своих профессиональных задач. Хорошими же специалистами становятся, как правило, те, у кого хорошая теоретическая подготовка. Образование нельзя получить как некий товар, заплатив за него деньги. Его можно только взять. А это значит, что без желания получать знания ничего не получится. Не помогут ни «новые» образовательные технологии, ни другие новшества. Это все только средства, которые нужно умело использовать.

В философской литературе теорию и практику характеризуют в качестве категорий, обозначающих духовную и материальную сторону общественно-исторической предметной деятельности людей: познание и преобразование природы и общества. Теория (наблюдение, рассмотрение, исследование) представляет собой систему обобщенного достоверного знания о том или ином сегменте действительности. Назначение теории состоит в описании, объяснении и предсказании функционирования определенной совокупности составляющих его, т.е. этот сегмент, объектов. В теории можно выделить множество аспектов. Но в любом случае теория представляет собой некий результат духовного производства, который формирует цели деятельности и определяет средства их достижения. Теория объективируется в форме развивающихся понятий о предметах человеческой деятельности. Соответственно, юридическая теория исследует свою специфическую сферу человеческой деятельности, отражает ее в понятиях и категориях. Целеполагание — важнейшая функция любой теории, и юридическая (правовая) теория не является здесь исключением.

Практика представляет собой конкретную предметную деятельность людей в различных сферах жизни общества. Она отражает не только субъективный опыт конкретной личности, но и более широко — процесс воспроизводства общественной жизни. Все это имеет отношение и к юридической сфере. В процессе практической деятельности формируются умения и навыки юриста, приобретается опыт, проходят своеобразную апробацию теоретические постулаты.

Практика не только связана с теорией тем, что она ставит перед ней проблемы, которые нуждаются в научном осмыслении. Все это верно. Но еще относительно недавно в научной литературе не просто отражалась эта связь. Подход был более рациональным, а именно: *практика и ее обобщенные результаты составляют необходимый элемент любой теории.*

Вот как раз об этом нередко забывают как теоретики, так и практики. Если же следовать из научного осмысления проблемы теории и практики, то такое разделение есть нонсенс, буквально вздор, и не более. Те, кто упорно разделяют теорию и практику, а среди юристов таковых достаточно, в том числе и на «заметных» постах, не совсем хорошо понимают природу этих категорий. Они не просто связаны, а существуют одно в другом.

Юриспруденция (*jurisprudentia*) в своем первоначальном значении представляла собой соединение двух слов: *juris* (право) и *prudencia* (предвидение, знание). Римляне не делали разницы между естественным правом и позитивным, поскольку полагали, что оно может и должно быть единым. Поэтому под правом вполне можно понимать закон. Это, так сказать, практическая составляющая юриспруденции. А вот знания и предвидение относятся к области теории. Знания нужны на практике, причем опережающие, и функция предвидения относится к предметному полю юридической теории. Таким образом, юриспруденция с момента своего формирования являла собой единство теории и практики.

Юриспруденция — понятие полисемантическое. Нередко под юриспруденцией понимают науку о праве и государстве, изучающую результаты правового регулирования и выдвигающую правовые идеи о возможности внесения передовых идей в механизм и способы регулирования общественных отношений.

Кроме того, юриспруденцией называют совокупность знаний о государстве, праве, управлении, системе права и законодательстве, правовой системе, наличие которых дает основание для профессионального занятия юридической деятельностью.

Юриспруденцией также называют практическое применение юридических знаний, деятельность юристов. Стоит отметить, что данная интерпретация юриспруденции, как правило, доминирует в общественном сознании.

Есть и еще одно значение слова «юриспруденция»: под ним понимают систему подготовки будущих юристов в специализированных учебных заведениях.

В настоящее время мы можем констатировать определенность только в отношении специальности и профессии. Другие же смыслы термина «юриспруденция» ее лишены. Впрочем, юридическая мысль не стоит на месте. Продолжается поиск объекта, предмета и сфер бытия юриспруденции. Некоторые авторы вместо теории государства и права предлагают преподавать теорию юриспруденции. Имеет место предложение под юриспруденцией понимать науку о свободе.

Как правило, за этими предложениями ничего не стоит. Во всяком случае, убедительных аргументов не приводится. Менять же одно на другое, если в этом нет особой необходимости, все-таки не стоит. Что, например, может означать наука о свободе? Да и возможна ли в принципе такая, с позволения сказать, наука? В этом предложении ощущается что-то от лозунга, метафоры и пр.

Юриспруденция пришла на смену правоведению. В советские времена все было несколько иначе. В дипломе ВЮЗИ, который я закончил 30 лет назад, записано, что я прошел полный курс названного института по специальности «*правоведение*» и решением государственной экзаменационной комиссии мне присвоена квалификация *юриста*. Причем оценки и зачеты выставлены всего лишь по 12 отраслям права, включая государственное право СССР, государственное право зарубежных социалистических стран, государственное право буржуазных развивающихся стран. Отраслями права их можно назвать лишь условно.

В настоящее время ситуация принципиально иная. Количество отраслей права, которые изучаются в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), по сравнению с советским периодом юридического образования выросло в три-четыре раза. Заметим, что тогда университетский курс занимал пятилетний срок. Сегодня бакалавриат, предельно насыщенный общеобразовательными, отраслевыми

и прикладными дисциплинами, рассчитан на четырехлетний период обучения. Уже этот факт сам по себе достоин осмысления. К сожалению, реформа образования в нашей стране, как и иные, инициированы и проведены без широкого общественного обсуждения. Результаты этих преобразований нередко дают повод для минорных настроений. От выборов к выборам даются обещания что-либо исправить, но мало что меняется к лучшему. Скорее наоборот.

Не покидает ощущение, что в советский период необходимо было изучать юриспруденцию, а сегодня — правоведение. Тогда право имело фактически только одну форму своего выражения — закон. Советское правоведение по факту было законоведением. Закон выражал волю советского народа и был одним из средств, способствующих построению коммунизма в нашей стране.

В биографиях многих известных людей можно прочесть, что «имярек в таком-то университете изучал право». Иными словами, он выпустился из университета *правоведом*. Например, выдающийся русско-американский писатель В. В. Набоков (Сирин) в автобиографической книге «Другие берега» пишет, что два его дяди — Дмитрий и Сергей — были правоведы, то есть закончили Императорское училище правоведения.

«Правовед» — буквально «человек, сведущий в праве». Право не тождественно закону. Закон просто чаще других форм объективирует право. Но ведь хорошо известно, что, кроме закона, у права имеется множество других форм выражения — обычаи, религиозные нормы, принципы, нормативные договоры, доктрины, прецеденты.

Некогда к источникам права причисляли и правовое сознание. Это сложное явление, которое носит скорее идеальный характер. Но именно правовое сознание, которое отражает правовую действительность, является тем «резервуаром», из которого черпаются идеи, ожидания, цели, которые затем при помощи сложных процессов правообразования и правотворчества принимают форму юридических норм. Опять же, правовое сознание определяет поведение субъекта, объективированное в юридическом результате. Таким образом, правовое сознание является источником права в прямом смысле этого слова не только в период социальных революций (революционное правосознание), но и в относительно спокойные времена. В этом случае правовое сознание является опосредованным источником права. У правоведа должен быть высокий уровень правового сознания и правовой культуры, если понимать под ней синтез знания права, соблюдения и уважения права.

Изучать право — вовсе не то, что изучать законы. Это предполагает выход за собственно правовую сферу, например в социологию, философию, психологию, политическую теорию и другие науки. Гегель считал, что юриспруденция — часть философии. Для своего времени эта точка зрения не была лишена оснований. Мне кажется, что сейчас можно говорить о философской составляющей юриспруденции. Право — мера свободы, мера возможного поведения. Когда говорят о свободе воли, то имеют в виду свободу самоопределения. В правовой сфере границы самоопределения человека очерчены законом.

Некогда ведущие дореволюционные юристы сетовали на то, что студенты юридических факультетов имеют очень слабую философскую подготовку. В силу этого они неизбежно тяготеют к юридической догматике, а на практике это приво-

дит к тому, что при решении дела юрист не выходит за рамки закона и руководствуется только юридическими аргументами. В итоге нравственность, мораль, естественное право (права), правовые доктрины, а иногда просто здравый смысл никак не учитываются.

Если мы думаем, что, вводя так называемое практико-ориентированное обучение, мы тем самым совершаем прорыв в постановке юридического образования, то несколько заблуждаемся. Все это уже было, и в этом подлунном мире ничего нового не происходит. В конце XIX — начале XX в. основным методом обучения на юридических факультетах был разбор казусов и толкование норм законодательства. Считалось, что таким образом наука может быть приближена к практике. Количество лекционных часов было резко сокращено, хотя против этого активно протестовала университетская профессура. Что же в итоге? В итоге скандальная невежественность выпускников. Министр юстиции граф Н. В. Муравьев высказался о том, что исключительной задачей высшего юридического образования должна считаться общая теоретическая подготовка, широта и разносторонность теоретического образования. Кстати, в то время вносились предложения о переименовании юридического факультета в общественный или общественно-юридический. Вызывает любопытство и структурирование учебных курсов. Например, предлагалось назвать базовый курс «Теория общества и государства». Но в любом случае сначала давались сведения о том, что есть человек и общество, а уж затем изучались различные государственно-правовые явления.

Да и сейчас есть над чем подумать. В своем классическом варианте общая теория права и государства являет собой диалектическое сочетание догмы права (основные понятия и категории), социологии права (социальные основания права, эффективность правового регулирования) и философии права (идея права, различные типы понимания права). Когда я пришел в МГЮА, количество лекционных часов (специалитет) составляло 72 часа, практических занятий — 58. Сегодня у бакалавров лекционный курс составляет 36 часов, практические занятия — 74. Вроде бы общее число аудиторных занятий сократилось на 20 часов. Это не так много, но и не так мало. Но лекций стало в два раза меньше. Опять же, по мнению дореволюционной профессуры, лекционная форма занятий как раз и отличает университетское образование от средней школы.

Недавно прочитал первую лекцию четвертому курсу по актуальным проблемам права и пришел на первый семинар в группу одного из наших институтов. Из деликатных соображений не хочу его называть. Группа оказалась не очень готовой к занятиям, что, к сожалению, далеко не редкость. На все мои вопросы большинство студентов реагировали одинаково — начинали нажимать кнопки своих телефонов в поисках ответов на самые простые вопросы. В итоге выяснилось, что многие из них не могли сказать, что такое право, назвать его признаки, перечислить источники и формы права и ответить на другие, как мне казалось, незатейливые вопросы. Когда подводили неутешительные итоги занятия, я пытался выяснить, почему без телефона они не могут воспроизвести хотя бы элементарные дефиниции важнейших правовых категорий. Ответ меня просто сразил: «Мы забыли».

Я, конечно, ожидал чего угодно, но только не такого ответа. Мне казалось, что в процессе изучения отраслевых дисциплин они только укрепят свой понятийно-

категориальный аппарат, наполняя абстрактные теоретические конструкции отраслевым содержанием. Но не тут-то было. Впрочем, так ли уж виноваты студенты?

Учебный план насыщен сверх всяких пределов. Причем дробятся не только «классические» отрасли права на отдельные дисциплины, включая спецкурсы, которые повторяют, по сути, пройденное содержание. Как грибы растут все новые и новые отрасли права. Какого права сегодня только нет!

Однажды спросил своего бывшего первокурсника:

— Как у вас проходят семинары по отраслевым дисциплинам?

— Очень просто. Воспроизводим соответствующие положения из закона и получаем свои баллы.

Откуда они воспроизводят? Естественно, зачитывают статьи, постоянно находясь в «КонсультантПлюс» и других справочно-информационных системах. Или из учебника по отраслевой дисциплине, под обложкой которого переписан все тот же кодекс или базовый закон. Оттого у нас учебники по отраслевым дисциплинам имеют такие пугающие объемы. Авторских позиций там немного. Изложение законодательства заполняет практически все пространство учебного издания. Сразу возникает вопрос о целесообразности такого рода «учебной литературы».

С удивлением узнал, что одна дисциплина изучается целых три семестра. Кроме этого, еще есть спецкурс. Причем Кодекс подвергается изменениям постоянно. Достаточно полистать множество наших кодексов и базовых законов, чтобы убедиться в том, что многие из них действуют в 23, 24, 25, 26 и т.д. редакциях. Уже посчитано, что содержание большинства кодексов и базовых отраслевых законов за пять лет меняется полностью. По факту учебное время уходит на изучение того, что завтра будет отменено.

Однажды после лекции мировым судьям Московской области мне был задан всего лишь один вопрос: «Вы учите своих студентов думать?»

Правду говорить не хотелось, поэтому пришлось изворачиваться. Но сама постановка вопроса говорит о многом. По всей видимости, встречаясь с выпускниками, не обязательно нашего Университета, судьи со стажем отметили одну закономерность, причем не радующего свойства.

Уже несколько авторов в своих работах отмечают, что современный выпускник редко демонстрирует навыки самостоятельного, творческого мышления. А, собственно говоря, где они могут их получить? И самое главное, на каком материале, на каких учебных курсах и дисциплинах? Если запретить пользоваться телефонами, ноутбуками, учебниками на семинаре, то полноценного занятия, скорее всего, просто не будет. Так называемое клиповое мышление — данность, и с этим уже ничего не сделаешь.

Теперь о главном. Такой подход (основанный на изучении и воспроизводстве законодательных текстов) хорош был для своего времени. При советской власти студент изучал соответствующий кодекс в рамках той или иной учебной дисциплины и мог с ним же уйти на пенсию, т.е. практически с тем же содержанием. Практикующие юристы от руки вписывали изменения прямо в кодекс или вклеивали текст, отпечатанный на пишущей машинке. Вот такая была своеобразная, адекватная правовой действительности систематизация.

Однако советская система образования не могла быть начетнической по той простой причине, что страна находилась в обстановке острого идеологического

противостояния. В силу этого обстоятельства советскому школьнику и студенту давали много «лишних» знаний, которые, может быть, ему в практической деятельности и не пригодились бы. Но это только на первый взгляд, ибо лишних знаний не бывает.

Задача общественных наук, как нам говорили, состоит в том, чтобы «разрабатывать научные основы управления обществом». Так вопрос сейчас не ставится. Но в любом случае общетеоретическая подготовка была лучше. Это давало возможность абстрагироваться, создавать мысленные образы, развивать теоретические представления. Понимание имеет место тогда, когда учащийся способен соотносить произносимое с воображаемым. Сейчас же, если школьник или студент не видит перед собой картинки, обозначающей произносимое, он и не вполне понимает, о чем он говорит или ему говорят. На семинарах много раз проводил эксперимент, а именно просил воспроизвести только что прочитанный текст, но уже без носителя. Редко кому удавалось повторить основные положения их «доклада».

Разумеется, это относится не ко всем группам и не ко всем студентам. У нас много способных молодых людей. Но тенденция, увы, просматривается. Я понимаю современные требования: всячески отходить от шаблонов, развивать творческий потенциал студентов, инициировать самостоятельность, внедрять так называемую студентоцентричную систему образования. Но как и когда ее развивать, если для многих любой вопрос требует паузы, пока они не найдут ответа в телефоне.

Реальность такова, что отдельные исследователи насчитывают уже сейчас порядка 100 отраслей права. Представим себе, что все они войдут в учебный план бакалавриата. Во что превратится юридическое образование, причем в его практико-ориентированном варианте? Для ответа не хватает даже самой смелой фантазии.

С другой стороны, жизнь идет по своим канонам. Мы нередко жалуемся на огромное количество законов: громоздких, пробельных, иногда откровенно глупых. Это с одной стороны. С другой стороны, появляются новые сферы общественных отношений, которые правом еще никак не опосредованы в надлежащей мере. Цифровая экономика, робототехника, геновая инженерия могут полностью изменить технологический уклад нашей жизни, в перспективе создать совершенно новую социальную реальность. Насколько мы к этому готовы и какую роль в этой реальности будет играть право? Оно может полностью изменить сущность, форму и содержание, создать новые источники (формы), породить новые виды контроля и ответственности. Об этом нужно думать уже сегодня.

Если рост отраслей права будет продолжаться, а, судя по всему, так оно и будет, то надо что-то менять в системе юридического образования. Убежден в том, что необходимо усиливать общетеоретическую подготовку студентов-юристов, то есть не только возвращать теории государства и права подобающее место, как это было ранее, но и развивать отраслевую теорию (науку). Она сегодня оставляет желать лучшего. Отсутствие хорошей теоретической подготовки приводит иногда к досадным и одновременно комичным результатам. Например, Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2017) до сих пор содержит так и не исправленную ст. 1 «Правоотношения, регулируемые бюджетным кодексом...». Правоотношения уже урегулированы и тем самым от-

личаются от общественных отношений. Воистину, надо совсем не знать элементарной юридической догматики, чтобы так сформулировать статью.

Когда-то основой юридического образования было римское право. Но не просто римское право, а греко-римское право. Византийские правоведы много сделали для систематизации римского права, особенно во времена Юстиниана и его талантливого министра юстиции Тертуплиана. Их дело продолжили университетские профессора западноевропейских университетов. Их несомненная заслуга состояла в том, что в неисчислимой массе отдельных норм они выделили систему отвлеченных понятий. Концептуализм римского права совершенно справедливо противопоставляется прагматизму и партикуляризму английского и американского права.

Средневековый подход может быть востребован и сегодня. Курс римского права в том виде, как он был сформирован, представлял собой сочетание теории и практики. Гарольд Дж. Берман констатирует, что первый в Европе университет, Болонский, был основан (около 1087 г.) специально для изучения юридических текстов, составленных византийским императором Юстинианом. Возрождение изучения римского права предыдущей эпохи привело к анализу текущих проблем права. Римское право послужило сначала идеальным правом, сводом правовых идей, взятых как единая система. В каком-то смысле римское право сыграло для средневекового правового мышления такую же роль, какую история права играла для англо-американского правового мышления с XVII по XX в. И самое главное: «Римское право предоставило перспективу для анализа господствующих законов и идеалы для проверки истинности господствующих законов»¹.

Сегодня возникает проблема «современного римского права». Какая дисциплина или комплекс дисциплин может играть эту роль? Полагаю, что теория государства и права как синтез философии права, социологии права и догмы права. И, конечно же, сравнительное правоведение. На вновь формируемые отрасли права, зачастую искусственные, совсем не обязательно отводить драгоценное учебное время. Если владеешь юридическим словарем, искусством мышления и толкования текстов, следишь за судебной практикой, то зачем все остальное?

К слову сказать, примерно такие же проблемы наблюдаются и в магистратуре. Мы присоединились к болонской системе. Правда, не совсем понятно зачем. Нам объясняли, что западный работодатель не совсем понимает, что означает «специалист». Ему более понятны «бакалавры» и «магистры». Логика интеллектуально ущербная. Мы что, за наши деньги должны готовить кадры для западных стран?

О вредности реформ в сфере образования не высказался разве что ленивый. Но пока ничего не меняется. На Западе магистр юриспруденции — ученый. Так было и у нас в России. Последовательность была такова: кандидат прав, магистр, доктор.

Присоединиться-то мы присоединились, но не пошли дальше. Если наполнять магистратуру реальным научным содержанием, то не совсем понятно, что делать с аспирантурой.

Научную сердцевину магистратуры составляют прежде всего история и методология юридической науки, история политических и правовых учений, филосо-

¹ Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 10, 134.

фия права, социология права, сравнительное правоведение. У них там, у кого мы все это взяли, — это базовые дисциплины. Мне это неоднократно подтверждали наши студенты, у которых есть опыт западного образования.

По всем этим дисциплинам читается всего одна лекция, то есть за два академических часа необходимо изложить хотя бы какие-то основы. Да и эти крохи считаются ненужными. Неоднократно приходилось слышать, что дисциплины, которые читает кафедра теории государства и права, слишком сложные. Усвоить их непросто. Некоторым моим коллегам студенты и вовсе говорили о том, что это им совсем не нужно. При этом почему-то хочется быть магистром юриспруденции. Вообще, людям без запросов и потребностей дальше юридического колледжа идти не сто́ит. Это их планка.

Кстати сказать, такие же настроения имеют место и среди части преподавателей отраслевых дисциплин. Вспоминается выпускной комплексный экзамен по программе «Налоговый юрист». Были там и вопросы по дисциплинам нашей кафедры, причем максимально адаптированные к названной программе. С плохо скрываемой иронией одного из студентов спросили о практической востребованности подобного рода вопросов. К чести студента, он ответил максимально корректно, не задев самолюбия ни «теоретиков», ни «отраслевиков».

Теперь попробуем разобраться, почему в западных университетах той же философии права уделяется столь пристальное внимание. Да потому, что философия права — самая что ни на есть практическая дисциплина. Предмет философии права — что́ есть право, или, по Гегелю, идея права и его реализация. У кого-то в основе права лежит идея порядка, у кого-то — свободы, у других — религиозные постулаты и пр.

Идея права определяет целеполагание. То есть если вы, к примеру, в Налоговый кодекс заложили именно эту идею, то в реальности у вас (у нас) офшорная экономика и запредельное расслоение населения. Это касается и других отраслей законодательства. Это нужно просто понять, но удаётся пока далеко не всем.

У них там, на Западе, давно сложилась доктрина, согласно которой право служит средством конструирования социальной реальности. Поэтому никому в голову не придет говорить об отсутствии практической оставляющей философии права. Еще в большей степени это касается социологии права. Она сама есть порождение практики и на решение практических проблем ориентирована. Совсем не случайно социология стала по-настоящему практически востребованной именно в адвокатских и судебных корпорациях. И те и другие изучают реальную практику, чтобы в одном случае выстраивать свою позицию в интересах клиента, а в другом — поддержать единообразие судебной практики по определенным категориям дел.

Ничего подобного в России пока нет. Руководство вузов вынуждено ориентироваться на мнение студентов. Это понятно: многие из них платят деньги за обучение. Но оно не должно быть определяющим. К сожалению, не всегда преподаватели могут донести до студентов необходимость тех или иных знаний.

Социология права, а также история и методология юридической науки могут оказать неоценимую помощь в подготовке магистерских диссертаций. Особенно полезен практикум по этой дисциплине. К слову сказать, продвинутые студенты,

как принято сегодня говорить, очень хорошо это понимают. Но таковых меньшинство, как бы печально это ни звучало.

В контексте проблематики статьи нельзя обойти вниманием и такой вопрос, как юридическая деятельность. Ведь именно она максимально предметна, практична. Полагаю, что *под профессиональной юридической деятельностью следует понимать деятельность юристов-профессионалов, представителей всех юридических профессий в сфере правотворчества, правореализации и правоохраны, осуществляемую на основе права, в правовых формах и направленную на достижение целей, установленных правом*².

Насколько теоретическая подготовка нужна для тех, кто занимается правотворческой деятельностью? Например, в нашем парламенте кого только нет: артисты, спортсмены, режиссеры, военные, журналисты и пр. Степень их готовности к правотворческой деятельности оценивать не будем. И в других странах наблюдается нечто подобное. Но ведь во многих из них существует специальная теоретическая подготовка парламентариев, как, например, в Канаде. Тем, кто создает право, как никому другому, следует понимать, что оно собой представляет, каковы его возможности. В настоящее время правотворчество являет собой основной канал воздействия государства на общественные отношения. Насколько я знаю, никакой специальной подготовки депутатского корпуса в нашей стране не существует. Априори принято считать, что они и так все знают.

Как это ни странно, но наши законы, особенно в сфере экономики, зарубежные и отечественные эксперты оценивают на твердую четверку. На этом фоне расстраивает «неуд» за реализацию (использование, исполнение, соблюдение, применение) права. Надо попытаться вскрыть причину такого положения дел. Понятно, что никого это не устраивает. Часто говорят, что у нас нет механизма реализации закона. Никакого механизма и не надо. Могут отсутствовать условия реализации закона, например состояние экономики. Но во всем остальном причина одна, и ее нужно искать не где-нибудь, а в головах. Правовое сознание и правовая культура переводят модели поведения в фактические отношения. Формировать и то и другое есть задача теоретических и исторических дисциплин.

Это в полной мере касается и правоохранительной деятельности. Суд хотя и не включают в правоохранительную систему, но он тоже занимается правоохраной.

Итак, все виды юридической деятельности немыслимы без теоретической основы. Еще раз хотелось бы сказать, что отделение теории от практики, равно и наоборот, не просто неправильно, но и противоречит сущности этих феноменов. Во всяком случае, история юриспруденции наглядно это подтверждает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Изд-во МГУ ; Инфра-М — Норма, 1998. — 624 с.
2. Корнев А. В. Социология права : учебник. — М. : Проспект, 2016. — 336 с.

² Корнев А. В. Социология права. М., 2016. С. 199.

История учений о праве и государстве

ИНТЕГРАТИВНОЕ ВІДЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАНИХ РАБОТАХ МАРКСА

**Валерий Васильевич
ЛАЗАРЕВ,**

доктор юридических наук,
профессор, заведующий
отделом имплементации
решений судебных органов
в законодательство РФ
Института
законодательства
и сравнительного
правоведения при
Правительстве РФ,
заслуженный деятель
науки РФ
Lazarev@izak.ru
107078, Россия, г. Москва,
Большой Харитоньевский
пер., д. 22/24

Аннотация. В статье показана актуальность обращения к ранним работам Маркса. Доказывается, что уже в этих работах заложены все методологические позиции марксистского учения о государстве и праве, и, соответственно, нельзя противопоставлять молодого Маркса зрелому.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, право, закон, материализм, идеализм, диалектика, интеграция, единство и борьба противоположностей.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.030-036

V. V. LAZAREV,

Doctor of Law, Professor of the Institute
of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Lazarev@izak.ru

107078, Russia, Moscow, Bolshoy Kharitonievsky per., 22/24

INTEGRATIVE VISION OF THE STATE IN THE EARLY WORKS OF MARX

Abstract. The article shows the relevance of the appeal to the early works of Marx. It is proved that already in these works all the methodological positions of the Marxist doctrine of the state and law are laid, and, accordingly, it is impossible to oppose the young Marx to the mature

Keywords: civil society, state, law, materialism, idealism, dialectics, integration, unity and struggle of opposites.

У входа в науку, как у входа в ад, должно быть выставлено требование: уважающие себя люди вовсе не должны слепо доверять друг другу.
Карл Маркс

вписано в летопись великих исследователей¹. Можно поэтому предположить, что основную дань предстоящему юбилею отдадут экономисты, социологи и политологи, но, надо надеяться, что государствоведы и правоведы также не останутся в стороне. Однако сомнения в этом отношении остаются. Российской правовой науке во все времена было свойственно отдавать первенство идеологическим позициям перед научными, взгляду господствующей в обществе власти, а не строгому поиску истины. В классическом для советского времени учебнике по истории политических учений под редакцией С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина марксизму и марксистско-ленинскому учению о государстве и праве отведено семь глав. В учебнике коллектива авторов той же кафедры МГУ под редакцией О. Э. Лейста издания 2009 г. нет ни одной. Нет главы о возникновении марксизма или о его развитии и в добротном учебнике В. Г. Графского, вышедшего в те же «лихие» годы под эгидой Института государства и права Российской академии наук. Юристы не одиноки. В аннотации к книге известного социолога Б. Ю. Кагарлицкого «Марксизм: не рекомендовано для обучения» подмечено: «Марксизм сегодня — учение немодное, подвергается анафеме, изначально отвергается всеми так называемыми современными политологами. Его настойчиво выпихивают на «свалку истории», по неосмотрительности, по недоумию, не утруждая себя необходимостью разобраться в самой сути этого выдающегося политико-экономического учения XX века»².

Марксистские работы, как представляется, не утратили своей ценности по отношению к современному социуму. Назову только одну проблему, которая даже не называется в современных учебниках по теории государства и права и которая, к сожалению, осталась без внимания в ходе юбилейных мероприятий по случаю революционных событий в России столетней давности. **Слом старой государственной машины — основной вопрос в учении марксизма о государстве.** Разве он не актуален применительно к цветным современным революциям? Разве не заслуживает хороших диссертаций? Юристы до сих пор

¹ В 1999 г. Агентство BBC News провело опрос англичан относительно самого величайшего мыслителя тысячелетия, а в 2005 г. Radio 4 той же компании BBC опросило жителей Великобритании относительно величайшего из философов всех времен и народов. Результаты этих опросов были ошеломляющими, ибо показали, что величайшим мыслителем и философом является... Карл Генрих Маркс. Более того, по утверждению многих сторонников и противников Маркса, именно он оказал на историю мира и становление социальных наук в XX в. наиболее значительное, фундаментальное влияние. См.: *Кондрашов П. Н., Любутин К. Н.* Анализ наиболее распространенных мифов о философии Маркса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 80—97.

² См.: *Кагарлицкий М. Ю.* Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2006. 480 с. Сам автор, различая политический и академический марксизм, пишет о скрещивании традиций западного марксизма и фрейдизма у «франкфуртцев». Но западный марксизм — это не только Франкфуртская школа. Сюда же, по его мнению, надо отнести и философские работы Ж.-П. Сартра, пришедшего к марксизму от экзистенциализма, и поздние работы Льва Троцкого, не говоря уже о его многочисленных учениках, «Тюремные тетради» Антонио Грамши, Дьердя Лукача и многих других.

мучаются, разбираясь в нюансах переворотов и революций. Речь не идет о том, что решаться этот вопрос будет непременно в русле ленинской интерпретации марксова учения, что не без основания отпугивает каждого либерала. Но умолчание о разных путях его решения — порок науки.

Конференция в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ «Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса» (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса), состоявшаяся 21 февраля 2018 г., во многом была привязана к интересам Института. Право и закон; закон и суд; концепции законодательной деятельности. Юридическая сила правовых актов. Их моральная сила. Законность и целесообразность. Социальные интересы и их воплощение в законодательстве. Но все эти вопросы находятся в центре научных интересов юристов вообще. Это фундаментальные проблемы, решение которых ложится в основу любых теоретических и практических работ в сфере права. Со всем не случайно вскорости в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)³ состоялось авторитетное экспертное обсуждение вопросов состояния и развития российского законодательства.

При обсуждении самых разных вопросов возникал и возникает вопрос о необходимости обращения к ранним, а не к более поздним работам Маркса. По поводу цельности взглядов Маркса существуют по меньшей мере три точки зрения. Одни исследователи противопоставляют зрелого Маркса молодому⁴, другие по существу не находят разницы⁵, третьи просят рассматривать его взгляды в развитии.

Нам уже приходилось писать об ошибочности жесткого противопоставления молодых Маркса и Энгельса зрелым⁶. Но мы берем ранние произведения Маркса (1842—1844 гг.) во многом еще и потому, что именно тогда он проявлял себя как юрист, именно тогда он обозначил вопросы, имеющие для правоведов непрехо-

³ Имеется в виду 2-й методологический семинар кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «Российское законодательство: современное состояние и тенденции развития», состоявшийся 27 февраля 2018 г.

⁴ Дилемма «двух Марксов» представлена двумя ветвями марксизма XX в. — сциентистской и гуманистической. Согласно сциентистам, «ранний», «молодой» Маркс — это философская смесь из идей Спинозы, Гегеля, Фихте и Фейербаха о «сущности человека», «праксисе», «отчуждении», «гуманизме» и иных метафизических субстанциях, содержание которых эмпирически верифицировать не представляется возможным. Академик Т. Ойзерман полагал, что «поворот буржуазных идеологов к молодому Марксу является специфической формой борьбы против марксизма», что современные «марксоведы» выискивают в нем то, чего там нет, «т.е. экзистенциализм, персонализм, философскую антропологию, прагматизм и т.п.» (Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. 2-е изд., дораб. М. : Мысль, 1974. 572 с.).

⁵ Вполне имеет под собой почву мнение Майхофера, что в ранних работах К. Маркса (по 1844 г. включительно) «разработана вся материалистическая и социалистическая концепция» (см.: *Maihofer W. Recht und Staat im Denken des jungen Marx // Karl Marx. 1818—1968. Neue Studien zu Person und Lehre. Meisenheim am Glan, 1968. S. 169).*

⁶ См.: История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2008. С. 713.

дящее значение. Конечно, тем самым мы не предлагаем замыкаться на ранних работах и готовы проследивать судьбу зародившихся тогда идей в последующие периоды научной деятельности.

Особо следует подчеркнуть необходимость увязывать оценки соответствующих идей с тем, как они воплощались в реалии, каково их значение в свете решения острых проблем современности. Сегодня технологически, информационно и т.д. многое изменилось до фантастического. Но человек, человеческие отношения, общество изменились не столь существенно. «Ныне та же самая ворона сидит на крыше синхрофазотрона», а тот, кто держит палец на кнопке «пуск», во многом напоминает того, кто ядом питал наконечники своих стрел. Поэтому с научной точки зрения интересно, например, как Маркс характеризует гражданское общество и семью, как сегодня бы он посмотрел на европейские «ценности» в этом плане. Кстати, берем взгляды молодого Маркса как раз потому, что молодой, что сегодня молодежь претендует на очень многое. Когда, в каком возрасте открытия делают? Почему мы только за физиками интуитивное мышление признаем? Здесь же: закончил университет, семью создал и журнал свой открыл. Самое время для творчества. Это с советских времен идет, что Маркс еще не зрелый, не сформировался и т.п. Он, дескать, гегельянец (младогегельянец), идеалист. То, что следовало бы с оговорками записать в позитив, оказывается в негативе. Между тем великие идеалисты, начиная с Платона и завершая тем же Гегелем или идеологами буржуазных революций, дали правовым наукам совсем не меньше, чем материалисты. Причины, как представляется, политические. С того времени, когда «Рейнскую газету» закрывали и до настоящего времени, власть не удовлетворяет то, что написано молодым Марксом.

Молодой Маркс — методолог. Какую бы статью вы ни взяли, вы увидите решительную критику господствующих позиций, переосмысление их с общенаучных и философских высот. Поиск истины — вот что составляет цель молодого таланта⁷. И здесь я отваживаюсь вынести на обсуждение мой главный тезис: **Маркс — один из прародителей интеграционного восприятия государства и права.** Не Джером Холл, и не Графский с Лазаревым и, конечно же, не В. В. Ершов, сколько бы мы все ни «ершились», не внесли в эту методологию столько, сколько внес еще молодой Маркс. Профессор В. М. Сырых только Маркса и признает (в своей интерпретации!) идеологом интегративного понимания права.

Разумеется, надо оговориться, что сам Маркс нигде не объявляет себя приверженцем интегративных теорий права и государства. И даже категорий «интегративность» или «синтетичность» у него не сыскать. Но в том и «фишка», что

⁷ Истина, при вполне определенных условиях, одна, и найти ее может и материалист, и идеалист, если идет научный поиск. Лютер оказывается апологетом Фейербаха! Теолог Лютер против теолога Штрауса в апологии материалиста Фейербаха. Маркс в равной мере протестует против спекуляций хоть в религии, хоть в философии. В поиске истины он просит освободиться от понятий и предрассудков, и судьей у него в данном случае выступает теолог Лютер, способный «дойти до вещей, какими они существуют в действительности, т.е. до истины» (см.: Маркс К. Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 28—29).

не заявлениями конструируется метод, а всем содержательным материалом, который находим у мыслителя. Профессор О. В. Мартышин, доказательно отвергающий легковесный и вульгарный нигилизм по отношению к марксистской теории, вообще видит плодотворность поиска синтеза и взаимного обогащения марксистского «формационного» и «цивилизационного» подходов к государству, что могло бы послужить «основой для полнокровного анализа многоплановой действительности»⁸. Представляется, что и тот и другой подход просматриваются у самого Маркса.

В доказательство того, что Маркса можно считать приверженцем интегративных подходов к пониманию государственно-правовых явлений, можно использовать логические заключения и обращения непосредственно к работам автора. По причине отведенного для статьи места, делаю преимущественно первое.

Общепризнано, что Маркс на всех этапах своей научной деятельности, начиная с младогегельянства, был диалектиком. Но первое, что диктует нам диалектическая логика, — это развитие всех явлений во взаимосвязи, во взаимопроникновении, в борьбе. Это все то, что лежит в основе интегративных подходов.

Интегративное мировосприятие обусловлено законом единства и борьбы противоположностей. Да, например, социологическое и сугубо нормативистское понимание права противоположны, но и то и другое находило и находит свое подтверждение в исторически реальной действительности. Почему же тогда общетеоретическое (не российское и не англосаксонское) воззрение может игнорировать истины того и другого понимания права? Почему игнорируются моменты их единства и, более того, не замечается единство решений в практике реализации права? **Противники интегративной теории понимания права акцентируют внимание на противоположностях и игнорируют их единство.**

Если признать, что молодой Маркс был одновременно и материалистом, и идеалистом во взглядах на общество и государство, а в этом непременно сходились авторы, посвятившие исследования его творчеству, то логично уже в одном этом видеть интегративизм.

Интегративному восприятию явлений и процессов свойственна критика крайних их оценок, попытка найти нечто компромиссное, попытка охарактеризовать их с разных сторон. Мы не акцентируем сейчас внимание на том, какие взгляды преобладали в мировоззрении молодого мыслителя. «Идеализм господствует в публично-правовых воззрениях молодого Маркса, в особенности в его теории государства и законности», — писал И. П. Разумовский⁹. Однако в приводимых цитатах мы этого можем не заметить, поскольку, по Марксу, «право государственных конституций» мы должны выводить «из собственной природы государства, из его собственного существа», «из природы человеческого общества...». Одновременно и «на основе Разума и свободы»¹⁰. Строить «на основе религии» — отвергается как крайность идеализма.

⁸ История политических учений : учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 350, 356.

⁹ Разумовский И. П. Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2—3. С. 68.

¹⁰ Разумовский И. П. Указ. соч. С. 68.

«Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней»¹¹. Мы видим здесь первенство идеалистического, хотя можно было бы прочесть у Монтескье и материалистическое понимание природы вещей. Но важно видеть другое: понимание закона у Маркса сугубо интегративное. «Законы — это положительные, ясные общие нормы, в которых свобода приобретает теоретическое, независимое от произвола отдельных личностей существование... Настоящим законом становится он тогда, когда в его лице бессознательный естественный закон свободы воплотился в сознательный государственный закон»¹². Закон, как убеждаемся, одновременно продукт человеческой деятельности и независимый от нее бессознательный естественный закон свободы. Другими словами, есть в законе и нечто «ангельское» и нечто «сатанинское». О последнем он прямо заметил: «Законы в основе своей сформированы на беспринципности и безнравственности, что отражает сущность государственности, символизируя возглас дьявола»¹³.

Таким образом, **интегративность выводу из основного посыла, что Маркс одновременно и материалист, и идеалист.** Он смотрит и на землю, и на небо (афинская школа). Сам Маркс замечательным образом признался: «От идеализма... я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности»¹⁴. Лучше об интеграции того и другого подхода не скажешь в поиске истины как в качестве ученого, так и в качестве общественного деятеля. Для него «принимать одну основу для жизни, другую для науки — это значит с самого начала допускать ложь». Для него законы о лесных порубках — «это грубый материализм». Он против такой крайности материализма. В этой связи уместно вспомнить афористично сказанное Марксом: «Я знаю только одно: что я не марксист». Материализм и марксизм может быть разный. Интегративный подход требует освобождения от случайного, крайнего, стохастического. За марксизмом утвердилось представление, будто и право, и государство у него суть господство интересов частного собственника. Между тем, по Марксу, действия «сообразно с требованиями частной собственности» суть «принижение государства», несоответствие самой «идее государства»¹⁵. Здесь Маркс наступает на горло материалистической песне не без помощи гильотины идеализма.

¹¹ См.: Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 122.

У Маркса «характер вещей есть продукт рассудка». Если государство хотя бы в одном отношении опускается до того, что действует сообразно характеру частной собственности, вместо того чтобы действовать сообразно своему собственному характеру, то отсюда непосредственно следует вывод, что оно должно приспособить выбор своих средств к узким рамкам частной собственности.

¹² См.: Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. С. 122. С. 63.

¹³ Цитаты Карла Маркса // URL: <https://icitata.ru/karl-marks-citaty/>.

¹⁴ Указ. соч.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Фр. Литературное наследство. М., 1907. Т. 1. С. 197, 206, 265, 272.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высшее образование, 2008. — 917 с.
2. История политических учений : учебник для вузов / под общей ред. О. В. Мартышина. — М. : Норма, 2002. — 912 с.
3. *Кагарлицкий М. Ю.* Марксизм: не рекомендовано для обучения. — М. : Алгоритм, 2006. — 480 с.
4. *Кондрашов П. Н., Любутин К. Н.* Анализ наиболее распространенных мифов о философии Маркса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2011. — Вып. 11. — С. 80—97.
5. *Маркс К., Энгельс Фр.* Литературное наследство / изд. Фр. Мерингом, пер. с нем. Е. А. Гурвич, М. Г. Лунца. — М., 1907. — Т. 1. — 434 с.
6. *Маркс К.* Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 30—84.
7. *Маркс К.* Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 119—160.
8. *Маркс К.* Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 28—29.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. — М. : Госполитиздат, 1956. — 699 с.
10. *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. — 2-е изд., дораб. — М. : Мысль, 1974. — 572 с.
11. *Разумовский И. П.* Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса // Под знаменем марксизма. — 1923. — № 2—3.
12. Цитаты Карла Маркса // URL: <https://icitata.ru/karl-marks-citaty/>.
13. *Maihofer W.* Recht und Staat im Denken des jungen Marx // Karl Marx, 1818—1968. Neue Studien zu Person und Lehre. — Meisenheim am Glan, 1968.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВО»

Аннотация. В статье представлен обзор и анализ терминологии, применявшейся для обозначения государства от древности до XIX века.

Ключевые слова: республика, государство, власть, гражданское общество, содружество.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.037-048

O. V. MARTYSHIN,

*Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

ktgp@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE HISTORY OF THE GENERATION OF THE CONCEPT OF «STATE»

Abstract. Present review and analysis of terminology used to designate state from antiquity to the 19th century.

Keywords: republic, state, power, civil society, commonwealth.

**Орест Владимирович
МАРТЫШИН,**

*доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ktgp@msal.ru

*125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

Государство — объединение людей, проживающих на определенной территории и подчиняющихся единому правительству, обладающему суверенной властью. Подобное первоначальное определение, нуждающееся в уточнениях и детализации, применимо как к межгосударственным, так и внутригосударственным отношениям. Специально для последнего случая более подходит иная дефиниция: организация публичной власти в обществе. И она требует пояснений, так как в глубокой древности публичная власть не носила государственного характера, а если верить анархистам и коммунистам, не будет его носить и в будущем.

Современное понятие государства — продукт длительной исторической эволюции. Его самым отдаленным прообразом явилась, вероятно, идея власти, рассматривавшейся как важнейший элемент социального устройства, являющегося, в свою очередь, частью установленного по воле богов мирового порядка. Власть понималась как средство введения общественной жизни в определенные рамки, подчинения всех людей установленным высшими силами правилам. Еще в доисторические времена люди пришли к выводу, что состояние безвластия — это бедствие. Предметность мышления не позволяла выработать общее понятие анархии, но ее конкретные формы и ее пороки были хорошо известны древним народам. В Индии, в ведийской литературе, часто встречаются два термина: «апарудха» — ситуация, когда царь оказывается изгнанным, и «араджата» — состояние безвластия¹.

¹ Saleore B. A. Ancient Indian Political Thought and Institutions. L., 1963. P. 131.

Анархия — это торжество эгоистических стремлений людей, постоянная борьба между ними, в ходе которой сильные торжествуют над слабыми. Древнеиндийские источники говорят, что в этом состоянии господствует «закон рыб» (большие хищные рыбы пожирают маленьких), что соответствует нашему представлению о «законе джунглей».

Различным вариантам анархий противопоставлялись представления об упорядоченной общественной жизни, о наличии власти. Она определялась словами «раштра» (переводится иногда как «государство» или «царство») и «кшатра» — власть, суверенность.

Монархия обозначалась термином «царство». Немонархические политические образования определялись санскритскими словами «сангха», «гана». Их значение не адекватно «республике», оно более конкретно связано со специфическими формами общин и корпораций. «Сангха» примерно соответствует конфедерации немонархических объединений. «Гана» — отдельное немонархическое объединение. Термин этот понимается и как племя, собрание.

Ведийские источники говорят о двух властях — духовной и светской, «браhme» и «кшатре»; первая — принадлежность варны (касты) брахманов, вторая — кшатриев. Кшатра — это власть правителя, политическая власть, а браhma — духовный авторитет, способность к сношению с высшими силами, обязанность обучать ведам и толковать их и т.п. Древние источники говорят, что браhma выше кшатры, что кшатра произошла от браhмы (Законы Ману, IX, 321), но это не решение проблемы политического верховенства, а утверждение первичности духовного начала по отношению к телесному.

Все древнейшие религиозные системы мировоззрения рассматривают власть в обществе как проявление воли богов. Среди египтян существовал миф, что некогда фараонами были боги и полубоги, потом их сменили люди, которые сохраняли особую близость к богам, что делало вполне объяснимым их обожествление. В ведийской Индии выдвигались два решения проблемы происхождения кшатры: создание правителя богами (или утверждение его власти по воле богов) и избрание правителя людьми. Но и в последнем случае боги всегда санкционируют результат народного выбора и как бы берут власть под свою опеку. В древнейший период истории Китая (династия Инь или Шан) считалось, что основателем правящей династии было само небо, что ваны — властители иньцев — получили власть от своих обожествленных предков и осуществляли связь с небесными силами. Пришедшая на смену иньцам в конце XII в. до н.э. династия Чжоу взяла на вооружение прежнюю систему идеологического оправдания власти — мандат неба (тянь-мин), дополнив ее идеей периодической смены мандатов: небо отбирает мандат у одной династии и передает его другой.

Идея божественного происхождения власти сочеталась у народов Древнего Востока с патерналистскими представлениями о государстве. Конфуций уподобляет государство гигантской семье. Царь — отец, старший в роде. Цель царской власти — общее благо этой семьи. Конфуций предпочитает и семейные методы управления — личный пример, добродетельность царя и чиновников, нравственное воздействие, а не обращение к закону и связанному с ним принуждению. Правда, с конфуцианством конкурировала школа легистов, доказывавших, что

призывы к добродетели — пустая болтовня и что управлять нужно посредством закона и принуждения.

Концепция божественного происхождения власти и патернализма характерны для всех древних и средневековых обществ. На Западе они находили не только выразителей, но и многочисленных приверженцев еще в XVII в. Накануне Английской буржуазной революции король Яков I отстаивал доктрину божественного права королей, неограниченности их полномочий и отеческого характера власти. Другой английский политический мыслитель той поры, Р. Филмер, в сочинении «Патриархия», написанном не позднее 1642 г., переносит принципы семейной организации на политические отношения. Филмер полагает, что создатель, наделив Адама властью над всеми живыми существами, сделал его монархом и что только монархия как форма отеческой власти, предначертанной заповедью «почитай отца своего», основывается на божественном праве. Рецидивы патриархальной теории встречались и в XVIII в. В России представления о «царе-батюшке» сохранялись в народном сознании и значительно позже.

В VI—V вв. до н.э. рядом с мифологическим объяснением природы государства возникает рационалистическое. Конфуцию приписывают мысль, что нет таких явлений, которые не могут быть поняты с помощью разума. Будда, отвергая священный характер вед, стремился десаκραлизировать и политическое сознание. Он не признавал божественного происхождения варн и власти. В сборнике «Дигха Никайя», представляющем собой часть наиболее древних священных текстов буддизма, так называемого Палийского канона (V—III в. до н.э.), содержится поразительный по глубине и оригинальности рассказ о происхождении политической власти. Индийские исследователи видят в нем предвосхищение мыслей, изложенных Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства среди людей». «Дигха Никайя» предлагает вариант договорной теории происхождения государства, которая была известна и источникам ведийской эпохи. Однако, в отличие от брахманистских текстов, идея выбора первого правителя народом проводится с полной последовательностью, о каком-либо вмешательстве или одобрении богов совершенно не упоминается. Вместо абстрактных рассуждений о нарушении людьми своего долга (дхармы), об эгоизме, о «законе рыб» четко проводится мысль, что государство возникло в связи с конфликтами из-за владения землей (именно это вызывает ассоциации с Руссо). С общественными неурядицами и избранием правителя «Дигха Никайя» связывает и возникновение сословно-кастового строя. Первый правитель положил начало варне кшатриев. Принадлежность к той или иной варне определяется родом деятельности каждого человека. Никакого божественного предопределения здесь нет.

В V в. до н.э. Мо-цзы впервые в Китае обратился к схеме, так напоминающей договорную теорию: «В Поднебесной существовал такой же хаос, как в мире зверей и птиц... Наконец люди поняли, что все неурядицы от отсутствия руководителей. Тогда они выбрали наиболее достойного человека и поставили его сыном неба...»

Крупный шаг в деле рационализации представлений о государстве сделали античные греки. Этому способствовала бурная политическая жизнь Греции, столь контрастировавшая с принципиальной неизменностью форм организации политической организации стран Востока (восточная деспотия). Греки поразительно

быстро пробежали путь от патриархальной монархии через аристократию и тиранию к наиболее развитым формам своей государственной организации — полной или цензовой демократии.

Рассуждения о политике, т.е. о государстве, приобрели в Греции постоянный и профессиональный характер благодаря софистам. Их отличали рационализм и скептицизм, сказавшийся в критическом отношении к существующим порядкам. Восточные мудрецы раскрывали разумность извечных божественных установлений. Высшим проявлением критического отношения к действительности с их стороны служил призыв вернуться к первозданному совершенству, нарушенному из-за своеволия неразумных людей. Греки, свидетели и участники бурной общественной жизни, концентрировали свои интеллектуальные усилия на создании модели наилучшего политического устройства. Такая ориентация придавала их мысли динамизм, освобождала от патриархальности.

Если Конфуций уподобляет государство огромной семье, то Аристотель считает важным провести четкую грань между отеческой и государственной, т.е. политической, властью. Для него государство — сложная система, состоящая из многих в чем-то самостоятельных и свободных составных частей, каковыми являются селения, семьи и граждане. Аристотель отмечает, что семья отличается бóльшим единством, чем государство, а отдельный человек — бóльшим единством в сравнении с семьей. Попытка утвердить в государстве ту же степень единства, что в семье и человеке, привела бы к уничтожению государства. В домохозяйстве Аристотель выделяет три вида власти: власть господина над рабами, власть отца над детьми и власть мужа над женой. Лишь последний вид Аристотель уподобляет власти политического деятеля. Принципиальную особенность политической власти он видит в том, что, в отличие от господства над рабами и зависимыми людьми, это власть над людьми свободными и равными.

Греки не прибегают к «мандату неба» для обоснования природы государства и его происхождения. Государство либо создается путем общественного договора (точка зрения некоторых софистов), либо представляет собой творение природы. В последнем случае оно возникает само по себе в ходе общественной эволюции. Это результат естественного разделения труда, диктуемого потребностями достижения наибольшего эффекта посредством профессионализации и кооперации, взаимодополняемости разных профессий (Платон), или столь же естественного стремления человека как «животного политического» к общению с себе подобными для достижения своих целей, подталкивающего его от низших форм объединения (семья, селение) к совершенной форме (государство), позволяющей удовлетворить все потребности человека (Аристотель).

Для обозначения того, что ныне называется государством, Аристотель, как и все мыслители древней Греции, пользовался понятием «полис» (город-государство). Оно и шире, и в то же время уже современного понятия государства. Шире, потому что под полисом понимались и государство, и город, т.е. и государство, и общество, одно не отделялось от другого. Уже, потому что иные формы политических объединений (в первую очередь власть варварских монархов, восточная деспотия) не признавались государствами в строгом смысле слова. Считалось, что они не доросли до полисного или политического уровня. Они оставались за пределами политической науки.

Строгую противопоставлению полисного и неполитического общения людей несколько противоречило деление всех форм государства на правильные и неправильные, характерное для древнегреческих авторов. По Аристотелю, только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются согласованными со строгой справедливостью, правильными, а те, которые имеют в виду только благо правящих, представляют собой отклонения от правильных и основаны на началах господства. Трудно понять, чем тирания, являющаяся неправильной формой монархии, отличается от неполитических форм, от той же деспотии варварских восточных монархов, кроме своих территориальных пределов и специфики исторически сложившихся обычаев.

Если, противопоставляя полисные формы неполитическим, античные греки отгораживались от Востока, то в отождествлении общества и государства, в рассмотрении их как единого, нерасчлененного целого они следовали традиции всей политической мысли древности и Средневековья. Речь шла о едином понятии политически организованного общества, об обществе, неотъемлемой, органической частью которого является политическая власть. Именно таково содержание слова «полис». И мыслители Востока при всей предметности и эмпиричности их представлений о государстве, при отсутствии абстрактного понятия, соответствовавшего греческому полису, понимали под ним примерно то же — общество с политической властью. Так, в древнеиндийской традиции заменителем абстрактного понятия государства в какой-то мере служили представления о составных частях «царства». Ранние шастры (трактаты по «политической науке») перечисляли семь элементов политической структуры: правитель, министры, сельская местность, город, казна, армия и союзник (последнее свидетельствует о том, что представления о внешнем суверенитете, об обособленности государств были столь же условны или неразвиты, как и различия между политическим и неполитическим). Этот перечень воспроизводится и в «Артхашастре» Каутильи (к нему прибавлен восьмой элемент — враг)², и в Законах Ману (IX, 294).

Латинизация категорий, которыми пользовались древнегреческие писатели, в частности перевод на латынь платоновского диалога «Государство», привела к появлению нового термина, которым в Европе стали широко пользоваться для выражения идеи политически организованного общества.

Слово «республика» в буквальном переводе с латинского означает «общее благо», «общее дело», «общее достояние». Оно примерно соответствовало содержанию «полиса» или «политики», для которых было характерно приобщение к управлению, т.е. к решению общих дел широкого круга свободных людей (не иностранцев): первоначальное понимание «республики» расходится с современным. Это именно государство, а не одна из его форм, не власть немногих или большинства, противопоставляемая власти одного лица — монархии. Буквальным переводом латинского термина «республика» явилось многозначное английское слово «commonwealth», употребляемое и по сей день, в основном в смысле «Британское содружество наций». Но это слово употреблялось и употребляется и как синоним государства, а после казни Карла I, с 1649 по 1668 г.,

² Артхашастра, или Наука политики. М.-Л., 1959. С. 283, 285.

оно служило официальным наименованием недолговечной английской республиканской государственности.

С христианством в европейскую мысль и практику пришло различие между духовной и светской властью, неизвестное Греции и Риму.

В чем-то оно напоминало различие между брахмой и кшатрой брахманизма и индуизма. Однако четкая институционализация церкви, ее соперничество со светскими властителями и посягательства на их прерогативы придали этому делению большое политическое значение. Соотношение «града божьего» и «града земного» стало главной теоретической и практической проблемой в политической жизни средневековой Европы. Умеренный вариант решения этой проблемы, предложенный Августином Блаженным, сводился к независимости двух градов и невмешательству в дела друг друга при безусловном признании духовных принципов и ценностей высшими. Однако слабость королевской власти подталкивала папский престол к провозглашению своего верховенства, к притязаниям на высшую не только духовную, но и светскую власть над всем христианским миром. В православной, греческой церкви эта проблема была решена проще и последовательнее. Юстиниан, император Восточной Римской империи, в V в. провозгласил себя высшей властью в церкви, сведя дуализм к минимуму.

Термин, применяемый ныне в западноевропейских языках для обозначения государства, был введен в обиход в начале XVI в. Н. Макиавелли. Итальянское «*stato*» преобразовалось во французское «*État*», английское «*state*», немецкое «*Staat*», испанское и португальское «*Estado*». Близкие к *stato* слова использовались для выражения понятий «состояние», «положение». *Stato* восходило к латинскому *status*, производному от глагола «*stare*», и несло смысловую нагрузку, включавшую «состояние», «установление», «структуру», «порядок». Новый термин придавал понятию суверенитета, т.е. высшей власти, абстрактное содержание, отделял его от конкретных носителей власти. Для Макиавелли государство означало не столько действительность с раздробленностью страны, междоусобицей, сколько состояние, к которому Италии следовало стремиться. Введя термин «государство» (*stato*), Макиавелли впервые стал четко употреблять традиционное понятие «республика» в его современном значении, т.е. как форму правления, как родовое понятие по отношению к аристократии и демократии, как противоположность монархии.

Признаком зрелости понятия «государство» служит его отделение от таких явлений, как общество, страна, народ, территория, от конкретных органов или индивидуальных носителей власти. Хотя Макиавелли не провел этих различий, введение нового термина содействовало решению задачи.

То, что введенный Макиавелли термин прижился во всех западноевропейских языках, свидетельствовало о его полезности. Всеобщее признание было завоевано не сразу. Продолжали употреблять и старые выражения. Современник Макиавелли Лютер в сочинениях на латинском языке пользовался словом «республика», на немецком *Obigkeit*, что значит «власть», «начальство». Жан Боден (1530—1596), который не мог простить Макиавелли его славы творца политической науки (по мнению Бодена, незаслуженной), также рассуждал о «республике». Но у представителей светской мысли в таких случаях происходило постепенное усвоение, восприятие потенциальных возможностей новой терминологии, введенной Макиавелли.

Именно Боден в «Шести книгах о государстве» (т.е. «республике») заложил основы современного понимания этого явления. Боден определяет государство («республику») как «справедливое управление многими семьями и их общими интересами с суверенной властью». Главный компонент этого определения — понятие суверенитета, абстрагирующееся от его конкретных носителей. Суверенитет, по Бодену, абсолютная, т.е. независимая ни от какой другой власти, и постоянная власть. Последующие усовершенствования боденовского определения свелись к выявлению географических пределов, т.е. территориальных границ власти, и ее возможности применять законное принуждение, ее монополии на законное принуждение, впрочем, последнее заложено и в боденовском понимании абсолютной власти.

С XVI в., с Макиавелли, Бодена и их современников, начинает складываться понятие государства-нации, противопоставлявшееся городу-государству, власти феодальных сеньоров. Оно соответствовало практике постепенного, но неуклонного становления централизованных абсолютистских монархий в крупнейших странах Европы. XVI век был отмечен крупными достижениями в этом плане в Англии, Франции, Испании, России. Мечта Макиавелли, цель, которую он ставил перед Италией, — объединение страны, создание национального государства. Новому явлению соответствовало и новое слово.

Появление абстрактных понятий для обозначения политической власти, суверенитета — полис, республика — представляет собой, пожалуй, специфику европейской культуры, результат бурной политической жизни, а главное, существенной эволюции политических институтов, несвойственной странам Востока. Там на протяжении тысячелетий сохранялись патриархальные представления о власти и терминология, возникшая на основе древней или средневековой цивилизации.

Показательна в этом отношении мусульманская традиция, сложившаяся на основе самой молодой из мировых религий — ислама. Исламский мир не знает понятия, полностью соответствующего современному европейскому определению государства. Оно заменяется терминами «халифат» или «имамат», возникшими по той же предметной логике, как царство или королевство — от царя и короля. «Халифат» — это объединение верующих под главенством халифа, преемника пророка, слово означает «преемство». «Имамат» (буквально «руководство молитвой», употребляется шиитами для обозначения государства) — объединение верующих под началом имама. Власть халифа или имама распространяется как на светскую, так и на духовную сферу, она божественна по своему источнику. В отличие от христианства, отстаивающего разделение властей на духовную и светскую, ислам утверждает их единство. Имамат и халифат рассматриваются как теократия.

Развитие представлений о государстве в средневековой России представляет собой нечто среднее между Западом и Востоком.

Русская традиция, в отличие от западноевропейской, также не выработала нового термина для определения государства. Буквальное и архаичное значение этого слова, производного от «государя», тождественно «королевству», «царству». Это словообразование — типичный пример конкретного мышления древних народов. Государство неразрывно связывается с государем: это его владение, его вотчина, объект, на который распространяется его власть. Власть

правителя ассоциируется со справедливостью, законом, правдой, единством. Ей противопоставляется анархия, междоусобица. Согласно «Повести временных лет» варяжский князь Рюрик, основатель династии киевских «державцев», был призван славянскими племенами для установления порядка, которого не было в их земле. Для обоснования власти государя русская политическая литература, наряду с версией добровольного призвания Рюрика, т.е. своего рода договора, широко прибегала и к авторитету религии. Идея божественной санкции царской власти получила четкое выражение в XV—XVI вв. в теории «Москва — третий Рим», в наиболее последовательной форме изложенной в посланиях псковского монаха Филофея. Филофей развивает византийские традиции. Царь для него наместник бога и его слуга, в его лице совмещаются светская и духовная власть.

Но, неся на себе значительный груз средневековых патриархальных и иррациональных представлений, слова «государь», «государство» наполнялись и новым смыслом, в какой-то мере абстрагирующимся от реального и индивидуального носителя власти. Постепенно они сближались с родовыми понятиями типа «полис», «республика». При чем такое понимание было заложено еще в слове «государь», которое означало не только лицо, но и служило выражением идеи суверенитета. Характерно в этом отношении употребление слова «государь» в документах Новгородской республики, где оно становится символом государственного единства и независимости: «господин государь Великий Новгород»³. Великий Новгород, все его концы, все население и должностные лица (причем без участия князя) выступает здесь как коллективный государь, т.е. суверен. Отождествление «государства» не с конкретным лицом, а с идеей суверенитета делало излишними поиски нового слова.

В древности и в Средние века не только на Востоке, где эта традиция сохраняется и по сей день, но и в Европе государство прочно отождествлялось с обществом. Государство охватывало все стороны жизни и ни в коей мере не противопоставлялось обществу и человеку. Человек рассматривался как органическая часть единого, нерасчлененного общества — государства. Понятие полиса (города-государства, политически организованного общества) в этом смысле символично. Возникновение индивидуализма в эпоху Возрождения подложило мину замедленного действия под такие представления. Появляется проблема соотношения личности, общества и государства. Подданный, осознавший свою особость, индивидуальность, самоценность, заявляет притязания на определенные права, которые присущи ему как бы независимо от государства. Он ждет от государства гарантии этих прав, обеспечения своей свободы. По мере становления самосознания личности и ее автономия вступают в потенциальное противоречие с государством. Вопрос ставится так: какой принцип выше — индивидуальности или целостности? Древняя и средневековая политическая культура без колебаний решала его в пользу целостности, т.е. общества-государства. Человек рассматривался как органическая часть целого и входивших в него более мелких общественных структур. Вне их он не мыслил своего существования.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 152.

Притязания к обществу исключались, право личности рассматривалось как награда за исполнение своего долга перед обществом. С индивидуализмом идея естественного права приобретает новое содержание. Это уже не установленный богами или основанный на разуме порядок вещей, но присущие каждому человеку от природы права. Договорная теория происхождения государства, получившая особое признание и новое звучание в эпоху буржуазных революций, также связана с индивидуализмом: гражданин по своей воле участвует в учреждении государства, он создает его для осуществления своих целей, в случае, если власть уклоняется от этих целей, гражданин свободен от обязательств по отношению к власти. Таковы новые аспекты старой как мир договорной теории происхождения государства, получившие широкое общественное признание в эпоху буржуазных революций. Индивидуализм начинает борьбу с теологическими, патриархальными и органическими теориями государства. Идеи неотчуждаемых прав личности и общественного договора легли в основу либерализма, отстаивающего свободу личности, наделяющего личность и общество определенной автономией по отношению к государству. Однако идеи верховенства единого целого над составными частями получают новое выражение в органических или организмических теориях государства, в идеях полной неограниченности суверена, общей воли и т.п. Один из убежденных сторонников превосходства государства над личностью, Гегель, называл либералов и приверженцев теории общественного договора атомистами.

Идеи вычленения государства из общества пробивали себе дорогу медленно. Казалось бы, Джон Локк со своими идеями ограничения государственной власти и незыблемости естественных прав сделал все необходимое, чтобы провести четкую грань между обществом и государством. Однако, как и Руссо, как все представители школы общественного договора, он рассматривал гражданское общество и государство в качестве синонимов. Заключив общественный договор, люди вышли из естественного состояния и положили начало гражданскому обществу или государству. Общество с политической, т.е. основанной на согласии людей, на народном суверенитете, а не деспотической властью — это и есть, по Локку и Руссо, государство.

Первым мыслителем, проведшим грань между гражданским обществом и государством, подчеркнул при этом, что гражданское общество — продукт недавнего времени, был Гегель. Но он, как классический государственник, и поставил гражданское общество ниже государства, объявил его недостаточным, неспособным на самостоятельное гармоническое развитие. В гражданском обществе господствуют слепые экономические законы. Это сфера борьбы частных интересов. Лишь в государстве реализуются политические законы, законы свободы, действующие в интересах органического целого.

Своеобразным возрождением представлений о тождестве общества и государства при верховенстве властного начала явился тоталитаризм.

На протяжении тысячелетий ведется спор о природе или назначении государства. Большинство мыслителей исходило из того, что государство служит общему благу, интересам всех членов общества. Меньшинство считало, что это

инструмент в руках людей, обладающих властью, для осуществления собственных целей.

В четкой форме эта дилемма сформулирована в диалогах Платона. В «Государстве» Сократ (персонаж платоновского сочинения, в уста которого автор вкладывает свои мысли) доказывает, что власть должна служить общему благу, что в основе ее лежит справедливость, т.е. мудрость и добродетель. С ним спорит другой участник беседы — софист Фрисимах, также лицо историческое. Он называет Сократа величайшим простаком и настаивает, что «справедливый человек всегда проигрывает сравнительно с несправедливым». «Справедливость, — утверждает Фрасимах, — это то, что пригодно сильнейшему. Разве ты не знаешь, что в одних государствах строй тиранический, в других — демократический, в третьих — аристократический... Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия — демократические законы, тирания — тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных — это и есть то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот, я и говорю, почтенный Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она — сила, вот и выходит... что справедливость везде одно то же: то, что пригодно для сильнейшего»⁴. Иными словами, государство служит интересам тех, кто держит в своих руках власть.

Платоновская точка зрения явно преобладала в истории политической мысли. Архаичные и религиозные системы, рассматривавшие государство как семью, а царя как отца подданных в древности и Средневековье, сторонники теории общественного договора в Новое время, утилитаристы, либералы, позитивисты, консерваторы XIX в., сегодняшние приверженцы идеи государства благоденствия или социального государства — все сходились на том, что целью политической власти является «наибольшее благо наибольшего числа людей», согласно знаменитой формуле И. Бентама. Однако и мнение Фрасимаха не прошло бесследно. У него были и предшественники. В Древнем Китае легендарный основатель даосизма Лао-цзы (VI в. до н.э.), отвергавший крупные государства как нечто искусственное, придуманное людьми и противоречащее вечному закону дао, полагал, что правители используют власть в своих интересах («народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов»). Отрешенность от мира сего, в том числе и от власти, проповедовавшаяся буддизмом и ранним христианством, содержала в себе и элемент пассивной критики существующих политических порядков. Не случайно среди христиан возникли и анархические секты (гностики), которые заявляли, что Иисус всех сделал свободными.

В XVI в. Томас Мор вкладывает в уста рассказчика из «Утопии» Гитлодея следующие слова: «Когда я внимательно наблюдал и размышлял о всех государствах, которые процветают и донине, честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых под предлогом и под именем государства, думающих о своих выгодах». В 1753 г. в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Ж.-Ж. Руссо воспроизводит в более аргументированном виде ту же мысль. То государство, начало которому якобы положил

⁴ Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 106—107.

общественный договор, предстает в этом сочинении Руссо не как торжество разума (согласно общей традиции школы общественного договора), а как результат обмана бедных людей богатыми. Общество и законы, по словам Руссо, «связывали новыми путями слабых и придавали новые силы богатым, разрушая без возврата естественную свободу и устанавливая навсегда законы собственности и неравенства». Исследователи справедливо отмечают в творчестве Руссо предмарксистские мотивы. Анархисты XIX в. отождествляли государства с насилием, подавлением, рабством. Эта общая оценка у некоторых из них не лишена классовых обертонов. Бакунин считал современное ему европейское государство господством буржуазии и в то же время отрицал выдвигавшуюся Марксом идею господства (диктатуры) пролетариата.

«Фрасимаховская» точка зрения, обогащенная на социальной основе Мором и Руссо, получила своеобразное развитие в марксистском учении о классовой природе государства. По К. Марксу, Ф. Энгельсу и их последователям, государство выражает интересы не просто группы лиц, держащих в своих руках власть, но и господствующего общественного класса. При этом ни Маркс, ни Энгельс не отрицали, что, наряду с классовыми, всякое государство выполняет и общепольные, т.е. отвечающие нуждам всего населения, функции, о чем забывали некоторые интерпретаторы их учения. Классовый подход привел Маркса и Энгельса к оригинальному пониманию сущности государства, отличному от традиционных для либеральной и консервативной мысли представлений. Для марксистов государство не синоним политической власти в обществе. Государство — продукт общества, расколотого непримиримыми классовыми противоречиями. Различия между догосударственным и государственным состоянием приобретают не только формально-организационный (объединение по территориальному, а не по родовому признаку, налоги и наличие особых выделенных из общества отрядов людей и материальных придатков, обеспечивающих осуществление власти), но и социальный характер. Государство, по Марксу, представляет собой организацию господствующего класса, выделившуюся из общества и стоящую над ним. Именно с таким пониманием этого явления связана идея отмирания государства при коммунизме. Под отмиранием государства имелся в виду не отказ от организации и власти, а всего лишь утрата властью классового характера, ее возвращение на новом витке исторического развития к исходному пункту, возвращение в лоно общества, преодоление обособленности власти от общества.

Идея ненужности государства на высших стадиях развития общества выдвигалась не только марксистами. А. И. Герцен полагал, что социализм не требует государства, но это, говорил он, не дело завтрашнего дня. Н. Г. Чернышевский думал, что государство в будущем может исчезнуть, когда изобилие благ устранил возможность конфликтов.

В современных условиях получает все большее распространение компромиссная между платоновской и фрасимаховской, между либеральной и марксистской точка зрения на природу государства. Она сводится к тому, что в прошлом государство действительно выражало интересы правящего меньшинства или класса, но по мере утверждения демократических принципов оно все более приближается к идеалу служения благу всего общества. Такая точка зрения получает особое распространение в кругах реформистского демократического социализма, ориен-

тирующегося на установление социальной справедливости не путем революции и диктатуры пролетариата, а легальным путем, через всеобщее избирательное право и конституционный механизм. Дж. Ст. Милль с его стремлением избежать господства класса и эгоистического законодательства, фабинианцы, современная социал-демократия — представители этого направления.

Нечто подобное, не без четких социально-политических ориентиров, без попыток научного анализа существующего общественного строя и уже тем более его преобразования, характерно и для теории государства и права в современной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артхашастра, или Наука политики. — М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1969. — 802 с.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / ред. Н. Валк. — М.-Л., 1949. — 407 с.
3. *Платон*. Сочинения : в 3 т. — М., 1971. — Т. 3. — Кн. 1.
4. *Saletore B. A.* Ancient Indian Political Thought and Institutions. — L., 1963.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ П. И. НОВГОРОДЦЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды П. И. Новгородцева на революцию в России, Советское государство, русскую государственность. Отмечается, что Новгородцев враждебно встретил социалистическую революцию и неверно оценил сущность советской власти. Вместе с тем Новгородцев был настоящим русским патриотом, высказывал много верных мыслей о русском народе и условиях его устойчивого развития. Анализируются взгляды Новгородцева на западную демократию.

Ключевые слова: Новгородцев, русская философия права, демократия, революция, Россия, консерватизм, либерализм.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.049-056

M. N. MARCHENKO,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation
theory.law.msu@gmail.com
119991, Russia, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, str. 13

STATE AND LEGAL VIEWS OF P. I. NOVGORODTSEV AND THE PRESENT

Abstract. The article discusses the views of P. I. Novgorodtsev on the revolution in Russia, the Soviet state and the Russian statehood. It is noted that Novgorodtsev was met with hostility of the socialist revolution and misjudged the essence of the Soviet power. At the same time, Novgorodtsev was a true Russian patriot, he expressed many faithful thoughts about the Russian people and the conditions for its sustainable development. Examines the views of Novgorodtseva Western democracy.

Keywords: Novgorodtsev, Russian philosophy of law, democracy, revolution, Russia, conservatism, liberalism.

**Михаил Николаевич
МАРЧЕНКО,**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ
theory.law.msu@gmail.com
119991, Россия, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И
ГОСУДАРСТВЕ

1. Для того чтобы глубже понять истоки мировоззрения и развиваемые тем или иным философом, правоведом или социологом общественно-значимые идеи, необходимо хотя бы кратко взглянуть на его творческий жизненный путь и на те условия, при которых формировалась и проявлялась данная личность с ее взглядами.

© М. Н. Марченко, 2018

Павел Иванович Новгородцев (1866—1924) в этом плане не является исключением. Как отмечают биографы и многочисленные исследователи его многогранного творчества¹, окончив с золотой медалью Екатеринославскую гимназию, П. И. Новгородцев поступил в 1884 г. на первый курс физико-математического факультета Московского университета. Спустя некоторое время он перевелся на юридический факультет этого же университета. По окончании юридического факультета в 1888 г. был оставлен на кафедре философии права для подготовки к профессорскому званию. В период с 1890 г. по 1899 г. он периодически находился в научных командировках в Германии и во Франции. На основе собранного материала П. И. Новгородцев защитил в 1897 г. диссертацию на степень магистра по теме «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба», а в 1902 г. — диссертацию на степень доктора государственного права по теме «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве».

В 1896 г. П. И. Новгородцев становится приват-доцентом, в 1903 г. — экстраординарным, а в 1904 г. — ординарным профессором Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В 1906 г. вместе с рядом профессоров был уволен из Московского университета по политическим мотивам. Несмотря на это, он продолжал чтение лекций в Московском университете с 1907 по 1911 г., но на правах приват-доцента. Постоянным местом работы П. И. Новгородцева после его увольнения из Московского университета стал Московский высший коммерческий институт, где в 1906 г. он стал не только профессором, но и директором. В 1919 г. П. И. Новгородцев был переизбран профессором на новый срок, хотя летом 1918 г. он окончательно покинул Москву, опасаясь ареста за свою антисоветскую деятельность.

В 1920 г. П. И. Новгородцев преподавал в Симферополе, в Таврическом университете, а эмигрировав, основал в 1922 г. при содействии чешского правительства Русский юридический факультет в Праге, деканом которого оставался вплоть до своей смерти 23 апреля 1924 г.

2. Рассматривая государственно-правовые взгляды П. И. Новгородцева и пытаясь соотнести их с современностью, следует, как представляется, исходить из их подразделения на *политико-идеологические, мировоззренческие взгляды* и на развивавшиеся им *научные, сугубо академические* по своему характеру *положения и идеи*. Первые из них ассоциируются главным образом с его политическим мировоззрением и с его непосредственной общественно-политической деятельностью как одного из членов ЦК партии кадетов и активного борца против боль-

¹ См.: *Ильин И. А.* Памяти П. И. Новгородцева // *Русская мысль*. Берлин. 1924. № 9—12 ; *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале / сост. и вступ. ст. А. В. Соболева. М., 1991. С. 3—10 ; *Философы России XIX — XX столетий*. Биографии, идеи, труды / гл. ред. П. В. Алексеев. М., 1995. С. 417—418 ; *Жуков В. Н.* Новгородцев П. И. // *Русская философия : энциклопедия* / под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2007. С. 372—373 ; *Жуков В. Н.* *Русская философия права: от рационализма к мистицизму*. М. : Юрлитинформ, 2013 ; *Фролова Е. А.* П. И. Новгородцев о праве и государстве. М. : Макс Пресс, 2001 ; *Фролова Е. А.* Теоретико-методологические вопросы доктрины возрожденного естественного права (П. И. Новгородцев) // *Кантовский сборник*. 2015. № 1. С. 72—83.

шевизма. А вторая группа взглядов и идей П. И. Новгородцева непосредственно связана с его научной деятельностью.

Политико-идеологические взгляды П. И. Новгородцева проявлялись в двух основных направлениях и отношениях. А именно по отношению к советскому периоду развития российского государства и к *Российскому государству и его судьбе в целом*.

Будучи весьма религиозным, патриотически относящимся к российскому государству человеком, П. И. Новгородцев резко критически относился к Октябрьской революции, к Советскому государству и к советской власти. Особенно отчетливо это проявилось в таких его работах, как «Восстановление святынь» (1923), «Демократия на распутье» (1923) и др.

Революция, писал он в «Восстановлении святынь», «оставит за собой глубочайшие разрушения не только во внешних условиях, но и в человеческих душах». Как следствие, «русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ»².

Усматривая в Октябрьской революции лишь «разрушительный» и «опустошительный» потенциал, П. И. Новгородцев в то же время непроизвольно упускал все другие стороны и аспекты данного явления. В первую очередь — те позитивные моменты, которые виделись организаторам и сторонникам Октябрьской революции с пролетарских позиций. В данном случае имеет место вполне естественное для автора — носителя идей либерально-монархической буржуазии — одностороннее восприятие Октябрьской революции, так же как и порожденного ею Советского государства и «умерщвляющего деспотизма советской власти»³.

Наряду с названными воззрениями, П. И. Новгородцевым развивались и другие критические взгляды по отношению к советскому строю и одновременно подвергалась интенсивной критике марксистская идеология. В частности, резкой критике подвергались марксистские взгляды на природу государства как на «организацию классового господства»; на государство как официального представителя общества, задачей которого является «организация насильственного подчинения подвластного класса существующим условиям»; на теорию отмирания государства по мере исчезновения классовых различий, которую автор назвал «утопией безгосударственного состояния», близко подходящей «к мечте анархизма об идеальном существовании без государства и без государственной власти на основе свободного самоопределения общества»⁴.

Соотнося данные и им подобные антимарксистские и антисоветские взгляды и высказывания П. И. Новгородцева с современностью, следует заметить, что, будучи несовместимыми с идеологией советского периода, они в значительной

² Новгородцев П. И. «Восстановление святынь» // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 577.

³ Новгородцев П. И. «Восстановление святынь». С. 580.

⁴ Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 271—272, 280—281.

мере совпадают с идеологическими постулатами постсоветского периода. Основная причина подобного совпадения вполне очевидно заключается в замене в 1990-е гг. советской государственной власти фактическим ее антиподом — постсоветской государственной властью.

3. Иначе обстоит дело с политико-идеологическими взглядами П. И. Новгородцева, касающимися *истории развития и судьбы Российского государства в целом*. Здесь автор в полной мере проявляется не только и даже не столько как носитель и активный проводник буржуазной либерально-монархической идеологии, сколько как верный сын своего Отечества и истинный патриот. Знамени «завоеваний революции», писал он в «Восстановлении святынь», было достаточно, чтобы разрушить Россию, но оно бессильно ее восстановить. Для возрождения России нужно другое знамя — «восстановления святынь», и прежде всего восстановления святыни народной души, которая связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу⁵.

Данные идеи и рассуждения П. И. Новгородцева имеют не только исторический смысл, но и *современное звучание*, вызванное развалом власти имущими в 1990-х гг. своего государства — Советского Союза, а вместе с тем и упадком собственно Российского государства. По-современному звучат, в частности, положения о том, что «воссоздание России может быть совершено только подвигом и порывом *общего национального объединения*, только духом связанности высшими началами и святынями, сознанием ответственности перед целым»⁶. Принципиально важным при этом является, по справедливому рассуждению и логике П. И. Новгородцева, преодоление разрыва между интересами общего, каковыми являются интересы российского государства, и интересами особенного, в качестве каковых выступают интересы политических партий и других участников политического процесса. Интересы государства должны быть выше интересов политических партий и других политических институтов.

В процессе «воссоздания» России, подчеркивал автор, дух классовых разделений и революционных требований должен замолкнуть и замереть. Все мирозерцание, все устремление, весь строй душевной жизни должны коренным образом измениться. При этом, не без оснований утверждал П. И. Новгородцев, для того, чтобы те или иные политические требования утвердились в будущей России, «нужно прежде всего, чтобы Россия, низвергнутая и распростертая, была поднята и призвана к жизни, нужно, чтобы русский народ перестал вымирать». Нужно, призывал автор, «вернуться» к утраченному русскому национальному сознанию и «принять во всей силе этого слова требование преданности России и русской культуре». Это, пояснял ученый, «прежде всего означает поставить Россию выше своих особых интересов и стремлений, личных или групповых, классовых или партийных; это значит иметь в виду прежде всего Россию как целое»⁷.

⁵ Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 575.

⁶ Новгородцев П. И. Восстановление святынь. С. 570.

⁷ Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 570—571, 574—575.

Эти, равно как и иные, им подобные положения и патриотические призывы П. И. Новгородцева были актуальны не только в начале XX в., они остаются таковыми и поныне — в начале XXI в.

4. Наряду с политико-идеологическими идеями П. И. Новгородцева, касающимися истории и судьбы Российского государства в целом, большое значение имеют также развивавшиеся им *научные по своей природе и характеру идеи и теории*.

В качестве примера последней можно назвать *теорию абсолютного идеала*, по поводу которого он «напоминал», что «всецелое» его осуществление «в мире человеческих отношений есть выход из обычных условий, есть чудо всеобщего преобразования и как таковое лежит и вне человеческой мощи, и вне философского предвидения». И добавлял, что «в качестве чуда и тайны оно не может составлять предмета общественной философии» и может быть «доступно лишь верующему сознанию»⁸. Признавая «необходимым понятие абсолютного идеала в качестве исходного и руководящего начала общественной философии, П. И. Новгородцев пояснял: «Мы вместе с тем должны признать, что мыслить этот идеал всецело осуществимым в условиях обычной действительности ошибочно и ложно». Однако, доказывая автор, «необходимо иметь перед собой такой идеал для того, чтобы *в свете его созерцать прогресс общественных форм*, чтобы иметь критерий для различения вечных святынь от временных идолов и кумиров, чтобы знать направление, в котором следует идти»⁹.

Социальная значимость абсолютного идеала и его теории заключается, таким образом, согласно логике суждений П. И. Новгородцева, в том, что этот идеал всегда выступал и выступает в качестве «руководящего» начала «для исторического прогресса», всегда был и остается «вечным требованием и призывом» к совершенствованию общественных форм и личности; порождает в человеке стремление, которое, воплощаясь в жизни, в свою очередь, становится перед новым неудовлетворенным стремлением, способствует «неустанному стремлению в нравственном развитии человечества»¹⁰.

Соотнося научные разработки П. И. Новгородцева с современностью, следует обратить особое внимание также на развитие им теории правового государства, исследование метаюридических оснований и перспектив развития которого было, по мнению исследователей творчества П. И. Новгородцева, главным предметом его научных интересов¹¹. Рассматривая государство, находящееся во власти «стихий общественной жизни», как продукт культуры и творческой личности, П. И. Новгородцев, в отличие от западных авторов, традиционно исследующих правовое государство в формально-юридическом плане, подходил к его познанию с религиозно-метафизических и нравственно-психологических познаний.

Данный подход к правовому государству, несомненно, заслуживает внимания, поскольку позволяет раскрыть новые грани исследуемого, весьма сложного

⁸ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 60.

⁹ Указ. соч. С. 59—60.

¹⁰ Указ. соч. С. 68.

¹¹ См.: Жуков В. Н. Новгородцев Павел Иванович // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд. 8-е. М., 2009. С. 452.

и многогранного явления. Однако глубокое и разностороннее познание правового государства с необходимостью требует широкого использования не только этого, но и всех других подходов, включая формально-юридический. В теоретико-методологическом плане это представляется весьма важным в процессе познания правового государства как на ранних этапах его развития, так и на современном постсоветском этапе эволюции российского общества и государства.

Наряду с теорией и методологией познания правового государства, в научных исследованиях П. И. Новгородцева заметное место занимает рассмотрение *проблем демократии*. При этом последняя трактуется не в широко распространенном восприятии «народовластия» в виде формы государства, прав граждан и т.п., а понимается как «система свободы» и как «система политического релятивизма, для которого нет ничего абсолютного, который готов все допустить, — всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы»¹². По мнению автора, «демократия всегда есть распутье, есть система релятивизма, система открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог». «И если в наши дни, — рассуждал П. И. Новгородцев, — это чувствуется с такой яркостью и осязательностью, то именно потому, что среди народов, живущих под властью демократии, стали обнаруживаться стремления оставить распутье и выйти на какой-либо твердый путь»¹³.

Подходя к рассмотрению демократии с разных сторон и позиций, автор не без оснований замечает, что она, наряду с «некоторыми бесспорными преимуществами», имеет «и свои *неустребимые недостатки*»¹⁴. Наиболее значимые из них заключаются в следующем.

Во-первых, в многочисленности, многозначности и противоречивости понятий демократии, затрудняющих их использование. Понятие демократии П. И. Новгородцев относил «к числу наиболее многочисленных и неясных понятий современной политической теории». Весьма злободневными и поныне являются слова автора о том, что «одно из самых распространенных обыкновений нашего времени, в иных случаях являющееся простительной слабостью, — в вопросах политики непременно становится под знамя демократии»¹⁵.

Во-вторых, в порождении таких ожиданий среди «значительных групп в современных демократиях», которые она (демократия) не в силах удовлетворить. В частности, демократия «оказалась бессильной» в «моральной области». Она, замечает автор, «не сблизила в чувствах братства и дружбы народы, ни людей в пределах отдельных народов. Она не создала общего довольства среди людей и не устранила страх революции»¹⁶.

В-третьих, в создании «системы широких перспектив» и вместе с тем — «неопределенных возможностей» как для различных слоев общества, так и для порождаемых ими институтов. В силу этого, констатировал П. И. Новгородцев,

¹² Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 553.

¹³ Указ. соч. С. 553.

¹⁴ Указ. соч. С. 551—552.

¹⁵ Указ. соч. С. 541.

¹⁶ Указ. соч. С. 554.

«угрозы демократии слышатся одинаково справа и слева», со стороны самых разных политических течений и направлений.

В-четвертых, в завышенных претензиях демократии быть собирателем и выразителем общей воли социально раздробленного и внутренне противоречивого общества. Демократия, писал по этому поводу автор, «обещала быть выражением общей воли, осуществлением равенства и свободы. Но принцип общей воли оказался загадочным и проблематическим, а начала равенства и свободы сложными и противоречивыми». Поэтому, заключал ученый, «осуществление демократической идеи всегда остается лишь очень приблизительным и неточным»¹⁷.

И в-пятых, в открытии «широких перспектив» и возможностей для политических и иных течений, которые не только благоприятствуют развитию демократического государства, но и создают опасность для ряда благ, порождаемых демократией. Если разобраться, размышлял П. И. Новгородцев, «какое из благ демократического государства сейчас подвергается сомнению и находится в опасности, то придется сказать, что это и есть именно политическая свобода»¹⁸.

Помимо отмеченных «неистребимых недостатков» демократии, автор акцентирует внимание также и на других ее недочетах, позволяющих, вместе с общеизвестными ее положительными чертами, судить о ней более взвешенно и объективно. «В противоположность политическому оптимизму недавнего прошлого, — замечал в связи с этим П. И. Новгородцев, — когда казалось, что демократия есть нечто высшее и окончательное, что сто́ит только достигнуть ее, и все остальное приложится, теперь приходится признать, что демократия, вообще говоря, есть не путь, а только распутье, не достигнутая цель, а проходной пункт»¹⁹.

К данному, имеющему глобальный, стратегический характер выводу автор пришел на основе анализа не только соответствующих его времени научных изысканий, но и исторического опыта таких традиционных демократий, как Англия и Франция.

Данный вывод относительно недопустимости преувеличения роли демократии, а тем более — ее абсолютизации в жизни общества и государства, касается не только прошлого, но в полной мере распространяется и на настоящее. Это же касается и ряда других выводов и положений, содержащихся в многочисленных научных трудах П. И. Новгородцева.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жуков В. Н. Новгородцев Павел Иванович // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — Изд. 8-е. — М., 2009.
2. Жуков В. Н. Новгородцев П. И. // Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. — М., 2007.

¹⁷ Новгородцев П. И. Демократия на распутье. С. 554.

¹⁸ Указ. соч. С. 554—555.

¹⁹ Указ. соч. С. 552.

3. Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. — М. : Юрлитинформ, 2013.
4. Ильин И. А. Памяти П. И. Новгородцева // Русская мысль. — Берлин. — 1924. — № 9— 12.
5. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / сост. и вступ. ст. А. В. Соболева. — М., 1991.
6. Философы России XIX — XX столетий. Биографии, идеи, труды / гл. ред. П. В. Алексеев. — М., 1995.
7. Фролова Е. А. Теоретико-методологические вопросы доктрины возрожденного естественного права (П. И. Новгородцев) // Кантовский сборник. — 2015. — № 1.
8. Фролова Е. А. П. И. Новгородцев о праве и государстве. — М. : Макс Пресс, 2001.

П. И. НОВГОРОДЦЕВ КАК ФИЛОСОФ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Аннотация. В статье дается анализ проблем методологии в русской философии права конца XIX — начала XX в. на примере концепции естественного права П. И. Новгородцева. Раскрывается взаимозависимость права и морали в этической-нормативной концепции права; показана связь правового учения Новгородцева с неокантианской философией; представлены некоторые аспекты полемики доктрин формально-догматической юриспруденции и теории естественного права в политической и правовой мысли России.

Ключевые слова: философия права, юриспруденция, право, мораль, П. И. Новгородцев, естественное право, неокантианство.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.057-064

**Елизавета
Александровна
ФРОЛОВА,**
доктор юридических
наук, доцент,
профессор кафедры
теории государства
и права и политологии
Юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
frolova.msu@mail.ru
119991, Россия, ГСП-1,
г. Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 13

E. A. FROLOVA,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University
frolova.msu@mail.ru

119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory, d. 1, str. 13

NOVGORODTSEV AS A PHILOSOPHER OF THE THEORY OF NATURAL LAW

Abstract. The article gives an analysis of the problems of methodology in the Russian philosophy of law of the late 19th — early 20th century on the example of the concept of Novgorodtsev's natural law. The interdependence of law and morality is revealed in the ethical-normative concept of law; the connection between Novgorodtsev's legal doctrine and neo-Kantian philosophy is shown; some aspects of the polemics of the doctrines of formal dogmatic jurisprudence and the theory of natural law in political and legal thought of Russia are presented.

Keywords: philosophy of law, jurisprudence, law, morality, Novgorodtsev, natural law, neo-Kantianism.

В настоящее время повышается интерес к проблемам методологии и философии права, важной составляющей которых является поиск идеальных основ права, для которых нет и не должно быть однозначных решений и предустановленных выводов¹. Русские философы и теоретики права еще

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. с нем., англ., фр. ; сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. СПб., 2015 ; Жуков В. Н. Русская философия

в конце XIX — начале XX в. глубоко исследовали эту материю, в частности природу естественного права. Полемизируя со своими немецкими коллегами, они создавали содержательные, во многом оригинальные учения о праве, не уступавшие философско-теоретическому уровню западноевропейских правоведов. Разработке естественно-правовой доктрины в среде неокантианцев уделялось особое внимание, поскольку источник права представители этой теории видели в правовом сознании.

Большой вклад в изучение философско-правовых вопросов внес известный правовед, теоретик неолиберализма, родоначальник концепции возрожденного естественного права в России Павел Иванович Новгородцев. Основная заслуга ученого в области философии права заключалась в обосновании им этически должного в праве и методологии обоснования политико-правового идеала. Интерес к этой проблематике возник в самом начале его творческой деятельности (цель написания его первой крупной работы — анализ проблем естественного права в немецкой литературе XIX в.²) и сохранился на протяжении всей жизни. П. И. Новгородцев стремился показать, насколько историческое направление в юриспруденции смогло упразднить идею естественного права. Итогом работы «Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба» явились два положения:

- 1) идея естественного права пережила нападки со стороны исторической школы права;
- 2) центр естественно-правовой концепции заключался не в подходах к происхождению права, а в возможности нравственного суда над ним.

В связи с такой направленностью исследования интересен акцент, который был сделан русским юристом применительно к области философии права: в рам-

права: от рационализма к мистицизму. М., 2017 ; *Корнев А. В.* Социология права в методологическом инструментарии юриспруденции // *Методология сравнительно-правовых исследований.* М., 2013 ; *Михайлов А. М.* Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М., 2013 ; *Он же.* Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., 2016 ; *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. М., 2012 ; *Фролова Е. А.* Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017.

² *Новгородцев П. И.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии М., 1896.

В работе «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права» Новгородцев анализировал общий взгляд на развитие немецкой философии права от Пуфендорфа до Канта, учение Канта о праве и государстве и политико-правовое учение Гегеля. В первых двух главах он уделил большое внимание вопросам естественного права (см.: *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 43—72, 146—158). Оценки этой работы см., например: *Трубецкой Е. Н.* Новое исследование о философии права Канта и Гегеля // *Вопросы философии и психологии.* Кн. 1 (61). М., 1902.

ках этой науки, утверждал он, необходимо изучать не условия правообразования, а проблемы самостоятельного значения нравственной оценки явлений³.

Поставив вопросы философского познания права на почву этики, П. И. Новгородцев, яркий представитель баденской школы неокантианства, оправдывал идеализм в качестве исходного пункта всех моральных определений и абсолютизм в виде неизменной формы и сущности моральных предписаний. Этика как область свободы, полагал мыслитель, предполагает самодостаточность и самоопределение личности.

Нравственный идеализм определяет направление и цель развития общественной среды; его конечная цель — возвышение нравственного достоинства и нравственного сознания всех индивидов. Нормативно-этическая теория рассматривает нравственное начало как внутреннюю абсолютную ценность. По Новгородцеву, абсолютизм нравственного должностования является абсолютизмом не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы⁴. При этом неизменная форма нравственных предписаний наполняется различным содержанием нравственной идеи; на этом соотношении основывается не только теория естественного права с изменяющимся содержанием, но и сама возможность построения идеалов. «Вечным, — подчеркивает Новгородцев, — остается лишь требование относительного согласия разума с собою и верности человека своей разумно-нравственной природе. Выражаясь современным языком, формальный нравственный принцип есть признание идеи вечного развития и совершенствования»⁵.

Согласно учению Новгородцева, важной особенностью нравственной идеи следует признать преобладание критических стремлений над положительными указаниями. Из истории философии права хорошо известно, что самые возвышенные идеальные построения были сильны своим критическим духом и слабы положительными предначертаниями (не были исключениями Кант и Гегель, которые при всем радикализме в области философско-методологических оснований своих учений имели весьма скромные программы политико-правовых преобразований). Вместе с тем и критическая составляющая нравственной идеи может иметь свою созидательную силу при условии определения путей своевременного реформирования государства, права, общества.

Развивая философию Канта, русский правовед утверждал, что абсолютизм нравственного закона относится только к его форме, но не к содержанию. В связи с этим нравственный закон может признаваться масштабом оценки явлений, в том числе в области политики и права. Таким образом, являясь, по существу, формальным, моральный принцип не устраняет возможности своего сочетания

³ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 2.

См. об этом, например: Жуков В. Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 14—27; Фролова Е. А. Методологические основы неокантианского учения П. И. Новгородцева // Государство и право. 2012. № 5. С. 68—78.

⁴ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 283—284, 286.

⁵ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права. С. 288.

с временными конкретными целями. Варианты соотношения неизменной формы моральных предписаний и изменяемого и потому относительного содержания права — извечная тема философии и методологии права.

Представляется, что наибольший вклад в развитие кантианского подхода в области философии права Новгородцев внес указанием на практическую сторону нравственного закона. Несмотря на то что умозрительная моральная философия формулирует только общие цели и основные принципы, сущность нравственности раскрывается в потребности действия: нравственный закон должен осуществиться во внешнем мире.

Как отмечалось, согласно концепции Новгородцева идея естественного права получает свои высшие принципы от моральной философии; однако реализация этих требований в конкретных условиях — проблема построения идеала, то есть вопрос о средствах его достижения. Поэтому на уровне осуществления принципов естественного права важны методы исследования, применяемые в юриспруденции, политэкономии, истории. Вместе с тем Новгородцев подчеркивал «чисто служебное» значение этих наук: «они должны явиться арсеналом средств для тех целей, которые указываются этикой. Первенство принадлежит нравственному долженствованию: причинные соотношения берутся только в соответствии с этим высшим и первенствующим принципом»⁶.

Как известно, Кант впервые четко определил грань между бытием и долженствованием и установил между этими областями жесткий дуализм: нравственная идея оказывалась недостижимой целью стремлений. Новгородцев стремился соединить принципы нравственного долженствования с принципами причинной необходимости: «Задача нашего времени, как и эпохи непосредственных преемников Канта, состоит в том, чтобы понять связь двух областей и их конечную гармонию. Эта задача выводит нас за границы как положительной науки, так и моральной философии: мы вступаем здесь в область метафизики»⁷. В области философии права неоднократно обращалось внимание на то, что элементы причинной необходимости могут вступать в противоречие с нравственными законами, однако это случается только в пределах эмпирических явлений, конечное торжество заключено в высшем единстве и гармонии. Именно в этом синтезе науки и этики, в поиске конечной объективной цели неокантианцы видели соединение принципов долженствования с началами бытия.

В конце XIX — начале XX в., несмотря на господство в юриспруденции историзма и позитивизма, наметился рост интереса к идее естественного права⁸. При

⁶ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права. С. 294.

⁷ Указ. соч. С. 296.

⁸ В 1896 г. в русской юридической литературе прозвучали первые заявления о необходимости возрождения естественного права: Л. И. Петражицкого в статье «Введение в науку политики права» (Киевские унив. известия, авг. и окт. 1896) и П. И. Новгородцева в книге «Историческая школа юристов» (1896, сент.). Петражицкий высказывался и ранее (начиная с 1893 г.) в том же духе в своих сочинениях, изданных на немецком языке. С 1902 г. в России начинается возрождение идеи естественного права — на русском языке появляется несколько статей, касающихся этого вопроса: М. М. Ковалевского («Вестник воспитания», 1902, февр., напечатана по-французски в 1900 г.), В. М. Гессена

этом признание заслуг философии естественного права проявлялось не столько как возрождение метода исследований (рационализм классических доктрин теории естественного права был очевиден для этого времени), а как восстановление проблемы преобразования права⁹. П. И. Новгородцев — яркий представитель этой теории. Этический момент в его естественно-правовой конструкции заключался в том, что одновременно это была и оценка настоящего состояния права и государства с точки зрения нравственного долженствования.

Ряд видных теоретиков и философов права критиковали учение Новгородцева о естественном праве, считая его не юридическим, а этическим, только лишь «нравственным суждением о положительном праве». Так, сторонник формально-догматической юриспруденции Г. Ф. Шершеневич призывал изучать не общие исходные пункты права и нравственности, а их отличительные признаки и резонно вопрошал, почему проблемы естественного права относятся к философии права, а не нравственности¹⁰. Этот вопрос в том или ином контексте актуален и для современного состояния науки и учебной дисциплины философии права, преподавание которой ведется как на философских, так и на юридических факультетах, а проблематика исследований требует глубокого погружения в юридическую материя при профессиональных возможностях авторов к философским размышлениям и предельным обобщениям.

Однако если Г. Ф. Шершеневич олицетворял собой позицию конкурирующих направлений в области правопонимания (формально-догматическая методология противостояла теории естественного права), то дискуссия, которая развернулась между П. И. Новгородцевым и представителем психологической теории права Л. И. Петражицким, по существу, была в рамках одного направления права. Открытая, бескомпромиссная, во многом пристрастная их полемика по вопросам понимания естественного права велась на страницах «Юридического вестника» в 1913 г.¹¹ Необходимо отметить, что в этом же году Новгородцев по-новому осмысливает концепцию родоначальника теории возрожденного естественного права, известного представителя марбургской школы неокантианства Рудольфа Штаммлера о естественном праве с изменяющимся содержанием¹².

(«Право», 1900, № 10, 11), Н. И. Кареева («Русское богатство», апр.), П. И. Новгородцева — «Нравственный идеализм в философии права» (в сб. «Проблемы идеализма», 1902), «О задачах современной философии права» (1902), «Из лекций по общей теории права» (1904), «Государство и право» (1904).

⁹ Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 8—11, 13, 14.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : учебное пособие (по изданию 1910—1912 гг.). М., 1995. Т. 1. С. 35.

¹¹ См.: Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права // Юридический вестник. 1913б. Т. 1 ; Петражицкий Л. И. О социальном идеале и возрождении естественного права // Там же. 1913. Т. 2 ; Новгородцев П. И. Психологическая теория права и философия естественного права // Там же. 1913а. Т. 3.

¹² Анализ философии права Р. Штаммлера см., например: Шавело Н. А. Правовое учение Рудольфа Штаммлера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016 ; Он же. Философия права Рудольфа Штаммлера : монография. М., 2018.

В статье «Современное положение проблемы естественного права» русский правовед отмечал: «Естественное право с изменяющимся содержанием — есть идея противоречивая и несостоятельная... Это попытка эклектически сочетать старые философские воззрения с историческим созерцанием»¹³. В данной работе П. И. Новгородцев выступил противником теории Р. Штаммлера, считая, что для философов тут дается слишком мало, а для историков — слишком много. Очевидно, что идеальные представления о праве изменяются с развитием исторических условий, это факт, рассуждал русский юрист, не подлежащий сомнению, однако критерий, являющийся масштабом для оценки права, не должен сам меняться. «Идеальный критерий с изменяющимся содержанием — это еще более противоречивое понятие, чем метр с изменяющейся длиной или килограмм с изменяющимся весом»¹⁴. Л. И. Петражицкий тщательным образом разбирал теорию Р. Штаммлера и по-своему объяснял упреки, высказанные П. И. Новгородцевым в адрес немецкого мыслителя, а именно недоразумениями фактического свойства в силу недостаточной ясности изложения философии права самим Штаммлером¹⁵.

В. А. Савельев в статье «Теория “возрожденного естественного права” в учении П. И. Новгородцева» делал вывод об эклектичности и противоречивости политико-правовой концепции ученого¹⁶. По его мнению, «этика деонтологическая», основу которой образует идея долга, в концепции П. И. Новгородцева сменяется «этикой аксиологической», обосновывающей ценностные ориентиры. Действительно, создается впечатление отхода философа от своих прежних позиций в оценке концепции Р. Штаммлера. Вместе с тем следует заметить, что Новгородцев, последовательный сторонник методологии Канта, отстаивал поиск формальных ценностей: если ценность не носит формального характера, ее нельзя применить в качестве масштаба оценки политико-правовых явлений. Для русского философа права таким постулатом являлся абсолютный идеал в виде автономной личности, который дополнялся относительным: культурная жизнь каждого народа наполняется своеобразием и индивидуальностью. Эти идеи исторического развития понятий, ступеней развития, предопределяющих относительные идеалы, Новгородцев воспринял из философии права Гегеля, тем самым развивая (восполняя) философию кантианства. В соотношении абсолютного и относительного идеалов, представленного Новгородцевым, можно увидеть развитие им идеи естественного права с изменяющимся содержанием (родоначальником

¹³ Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права. С. 19 ; Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В. А. Краснокутского. М., 1908.

¹⁴ Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права. С. 19. Критику теории «естественного права с изменяющимся содержанием» Р. Штаммлера см.: Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. М., 1909. Т. 1. С. 213—214.

¹⁵ См.: Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 579.

¹⁶ Савельев В. А. Теория «возрожденного естественного права» в учении П. И. Новгородцева // Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI—XIX вв. М., 1979. С. 123.

этой идеи выступил Р. Штаммлер). При этом русский философ анализировал не только доктрины Древнего мира и Нового времени, но и обстоятельно исследовал актуальные для конца XIX — начала XX в. политико-правовые идеи, например «солидарность» (Л. Дюги), соотношение «свободы» и «равенства» (А. де Токвиль, Дж. Ст. Милль), теории и социальные движения синдикализма, анархизма, марксизма, которые имели не только и не столько академическое значение, сколько играли ключевую роль в преобразованиях общества и государства.

В целом на протяжении своей творческой деятельности Новгородцев стремился отыскать эквивалент понятиям «долг» и «ценность» в общественной жизни индивидов, найти критерий нравственности применительно к области социального организма. Поэтому ему необходимо было показать постоянный характер норм морали к развивающемуся, исторически преходящему механизму общества. Построение идеального права есть уже, по его мнению, суд над правом положительным: сущность естественно-правовой критики в том и состоит, что, устанавливая идеальное и должное и требуя его осуществления, мы тем самым осуждаем то существующее и недолжное, отмены которого мы желаем. В связи с этим естественное право — совокупность моральных представлений о праве не положительном, а долженствующем быть как идеальное построение будущего.

Основу и права, и нравственности Новгородцев видел в развитии личного сознания. Действительно, естественное право возникает как продукт индивидуального сознания, которое оценивает (как правило, критически) несправедливые предписания положительного права. Нравственная критика права, по мнению философа права, равносильна сознательному отношению к действительности. Следуя кантовской методологии, рациональность в области моральной философии Новгородцев видел в стремлении к сознательному усвоению каждой личностью нравственных начал.

Уровень философии права предполагает постановку универсальных проблем в области познания права — поиск предельных оснований в области государства и права, выявление сущности, ценности права, решать которые можно только исходя из определенных мировоззренческих аспектов. Заметим, что политико-правовые сочинения могут быть остросоциальные и глубокие в плане постановки теоретических вопросов и аргументации позиции автора, но при этом никак не относиться к философии права. Новгородцев — это прежде всего философ права, задающий высокую планку философского осмысления природы права и морали, личности и государства. И лишь потом — теоретик права, государствовед, историк права, политик. В историческом контексте концепция П. И. Новгородцева явилась составной частью гуманитарного направления, возникшего в начале XX в. как реакция на позитивный тип мышления. В современной трактовке проблем философии права остаются востребованными идеи естественного права как ценностного мышления своей эпохи и морального масштаба оценок поведения членов общества. Полемика, которая велась философами и правоведами более 100 лет назад по вопросам понимания и назначения естественного права, актуальна и для обществ XXI в.: отличить социально-детерминированную волю, возведенную в закон, от произвола, выраженного в том же законе, не представляется возможным без обращения к оценочным формам юридического мышления — источника естественного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жуков В. Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. — 2015. — № 9. — С. 14—27.
2. Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. — М., 2017.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. с нем., англ., фр. ; сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. — СПб., 2015.
4. Корнев А. В. Социология права в методологическом инструментарии юриспруденции // Методология сравнительно-правовых исследований. — М., 2013.
5. Михайлов А. М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. — М., 2016.
6. Михайлов А. М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. — М., 2013.
7. Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. — М., 1904.
8. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. — М., 1896.
9. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. — М., 1901.
10. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. — М., 1902.
11. Новгородцев П. И. Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический вестник. — 1913а. — Т. 3.
12. Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права // Юридический вестник. — 1913б. — Т. 1.
13. Петражицкий Л. И. О социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. — 1913. — Т. 2.
14. Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. — СПб., 2010.
15. Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. — М., 1909. — Т. 1.
16. Савельев В. А. Теория «возрожденного естественного права» в учении П. И. Новгородцева // Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI—XIX вв. — М., 1979.
17. Трубецкой Е. Н. Новое исследование о философии права Канта и Гегеля // Вопросы философии и психологии. — Кн. 1 (61). — М., 1902.
18. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. — М., 2012.
19. Фролова Е. А. Методологические основы неокантианского учения П. И. Новгородцева // Государство и право. — 2012. — № 5. — С. 68—78.
20. Шавеко Н. А. Правовое учение Рудольфа Штаммлера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016.
21. Шавеко Н. А. Философия права Рудольфа Штаммлера : монография. — М., 2018.
22. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : учебное пособие (по изданию 1910—1912 гг.). — М., 1995. — Т. 1.
23. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В. А. Краснокутского. — М., 1908.

П. И. НОВГОРОДЦЕВ: КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФИЛОСОФ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается философия права П. И. Новгородцева, его мировоззрение, ценностные и религиозные ориентиры и политические взгляды. Новгородцев — консервативный либерал, который пытался совместить ценности монархической России с идеями правового государства. Новгородцев — левый либерал, поскольку выступал за социальные гарантии для широких слоев населения. С одной стороны, его взгляды отражали идею демократизации России, с другой — стремление сохранить традиционные ценности.
Ключевые слова: Новгородцев, русская философия права, общественный идеал, кантианство, православие, метафизика.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.065-073

V. N. ZHUKOV,

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor of the Department
of Theory of State and Law and Politology at the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow State University
theory.law.msu@gmail.com
119991, Russia, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, str. 13

P. I. NOVGORODTSEV: THE CONSERVATIVE LIBERAL AND RELIGIOUS PHILOSOPHER OF LAW

Abstract. The article deals with the philosophy of P. I. Novgorodtsev's law, his worldview, value and religious guidelines and political views. Novgorodtsev is a conservative liberal who tried to combine the values of monarchical Russia with the ideas of the rule of law. Novgorod — left liberal, as advocated social security for the wider population. On the one hand, his views reflected the idea of democratization of Russia, on the other — the desire to preserve traditional values.

Keywords: Novgorodtsev, Russian philosophy of law, social ideal, Kantianism, Christianity, metaphysics.

Павел Иванович Новгородцев (1866—1924) известен как либерал-западник, кадет, сторонник правового государства и защитник прав человека. Именно такое представление о нем преобладает в нашей современной обществоведческой науке и политической публицистике. Вместе с тем творчество Новгородцева демонстрирует нам глубокое своеобразие русской либеральной мысли, разительно отличающейся от западного либерализма. Философия пра-

**Вячеслав Николаевич
ЖУКОВ,**

доктор юридических наук,
доктор философских
наук, профессор кафедры
теории государства
и права и политологии
Юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
theory.law.msu@gmail.com
119991, Россия, ГСП-1,
г. Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 13

ИСТОРИЯ УЧЕНИЯ О ПРАВЕ И
ГОСУДАРСТВЕ

© В. Н. Жуков, 2018

ва этого выдающегося либерала насыщена архаикой русского национального сознания, пронизана стремлением вернуться к истокам отечественной культуры. Либеральные идеи Новгородцева можно сравнить с ветвями и листьями на древе русского консерватизма. Корень его философии права — глубинные пласты русской духовности, которая веками формировалась в лоне православия. Степень зависимости философии права Новгородцева от религии много больше, чем иногда принято считать.

От идеализма в этике к иррационализму в политике

Новгородцев в своих воззрениях никогда не стоял на позициях материализма, позитивизма, атеизма и вульгарного социологизма, его интеллектуальное поле всегда было очерчено рамками метафизики. Тем не менее, даже оставаясь в данных границах, его взгляды проделали заметную эволюцию от рационализма и идеализма к религии и мистике, от западничества к умеренному славянофильству, от светского либерализма к православному либеральному консерватизму. Такая религиозная направленность определялась в основном двумя факторами. Во-первых, Новгородцев изначально тяготел к идеализму и религии, на формирование его мировоззрения решающее влияние оказали ценности христианства, философия Платона, Канта и В. С. Соловьева. Во-вторых, обратиться к религии его заставили трагические события в России, коренная ломка привычных форм русской жизни и, наконец, факт собственного изгнания. По всей видимости, рациональное объяснение «русской катастрофы» его уже не могло удовлетворить, он нуждался в мистическом откровении.

В дореволюционный период мысль Новгородцева в основном развивается в рамках морального трансцендентализма, подспудно отталкиваясь от религиозной метафизики и предполагая ее в качестве основы. Одна из главных методологических задач на данном этапе — обоснование ценности идеализма, что он и делает либо в форме пропаганды этики Канта, либо в виде критики одностороннего рационализма. Точнее будет сказать, что, отталкиваясь от кантовской этики и критикуя издержки рационализма, Новгородцев идет по пути защиты иррационализма. Личность, с его точки зрения, невозможно полностью понять в традициях европейского просветительского рационализма. В Новое время общественная наука стремилась уложить все явления жизни в рамки строгой закономерности, ее усилия были направлены на познание причинной связи явлений. В личности, рационалистически разложенной на составляющие, «как бы умирает душа, и воцаряется фатальная, роковая, механическая необходимость»¹. А между тем человеческая природа имеет неразложимый иррациональный остаток, который рационально понять нельзя. Всякое пренебрежение данным тезисом ведет к рационалистическому утопизму, к претензии на абсолютную достоверность своих выводов. Либерализм, социализм, анархизм, пытаясь понять человека с позитивистских и социологических позиций, обнаруживают наивную веру во всемогущество человеческого разума, делает вывод философ.

¹ *Новгородцев П. И.* Значение философии // Научное слово. Кн. 2. 1903. С. 115.

Обоснование иррационализма в понимании человека было только началом, отправной точкой, от которой Новгородцев отталкивается в критике рационалистических социальных теорий и создает свою, где доминирует иррационализм.

Переоценка славянофильства и поворот к национальным корням

Процесс перехода на позиции иррационализма проявил себя в переоценке учения славянофильства, которое Новгородцев воспринимал как проблему соотношения русской и западной духовности, применимости западных форм жизни к российским условиям. Если в период неприятия славянофилов он пропагандировал западные государственные институты, то на этапе сближения с их идеями политические учреждения Запада уже во многом им критикуются. При этом если защита западной демократии ведется на уровне формально-юридическом, то ее критика — уже с позиций духовно-нравственных и религиозных.

Новгородцев времен участия в работе Первой Государственной думы, когда либеральную интеллигенцию, как и большинство русского образованного общества, захватил революционный энтузиазм, так отзывался о славянофильстве: «Общественная программа славянофилов отличалась крайней скудостью и неопределенностью своих оснований, и по самому своему существу приводила к идеализации фактического, исторически сложившегося строя русской жизни. Власть истории, власть прошлого тяготела над славянофильскими идеалами, вместо бесконечного простора новых возможностей и нового творчества мысль смыкалась узким горизонтом привычных форм и знакомых явлений»². Отталкиваясь от критики славянофильства, Новгородцев говорит об угнетении народа, о насилии самодержавной власти, о решительном разрыве с прошлым, жажде перемен, об «огромном культурно-освободительном движении, которое должно возродить дремлющие силы России»³.

Таким мыслям способствовала и естественно-правовая философия, приверженцем которой он был. Теория естественного права являла собой почву для своеобразного космополитизма, ориентировала русского либерала выступать в защиту свободы, видеть в личности абсолютную ценность, рассматривать ее в абстрактной и рафинированной форме. Здесь главным было соответствие абстрактной общечеловеческой нравственности политико-правовым учреждениям, национальный аспект во внимание не принимался.

Революционные катаклизмы заставили Новгородцева критически посмотреть на Запад и обратиться к православию, а с ним — к национальным корням русского народа, архетипам его религиозного сознания. Вот что говорит об этом Г. В. Флоровский: «В последние годы пред П. И. Новгородцевым по-новому открылась проблема общественного утопизма, с которым он всегда и вдохновенно боролся. Он увидел, как глубоко обоснован он в самом духовном складе европейского Запада, насколько связан он с особенностями западной религиозной стихии. И понял, что тот кризис общественного сознания, о котором он уже давно говорил, есть,

² Новгородцев П. Современные отзвуки славянофильства // Вопросы жизни. М., 1905. С. 356.

³ Указ. соч. С. 364.

в сущности, кризис Запада. В последние годы Новгородцев напряженно задумывался над Достоевским. У него видел он начала новой, русской и православной, общественной философии, которой, казалось ему, суждено обновить и усталые души европейских людей. Общественный идеал открылся для него в церковной соборности»⁴. Таким образом, вопрос «Запад — Восток» в итоге решился для Новгородцева в пользу Востока.

Православие — единственно возможная основа социального устройства

В серии статей эмигрантского периода («Существо русского православного сознания», «Демократия на распутье», «Восстановление святынь», «О своеобразных элементах русской философии права») философ прямо обращается к православию как единственной опоре мира политики и в целом общественной жизни. «Наступило время, — пишет Новгородцев, — когда все мы нуждаемся в некоторых новых и простых объяснениях существа нашей веры. Ее древняя сущность должна остаться незыблемой, но она должна по-новому уясниться новому сознанию. Для нас, переживших неслыханные, катастрофические события, многое теперь приоткрывается и уясняется из того, что ранее было неясно, к чему относились мы невнимательно. Открываются для нас с небывалой ясностью и драгоценные сокровища нашей веры»⁵.

Новгородцев отмечает, что православие, как и каждое другое религиозное исповедание, являясь определенной системой догматов и положений веры, в то же время есть и культурное творчество народа. Догматы религии, отражаясь в сознании и жизни народа, приобретают национальную специфику. Поэтому рассматривать православие можно не только с точки зрения догматической и богословской, но также и в плане культурно-историческом и религиозно-философском.

Русское православие, по Новгородцеву, при всем своем национальном своеобразии замечательно тем, что сохранило «удивительное согласие с духом первоначального христианства», верность «божественной своей первооснове и первоначальным апостольским и святоотеческим учениям»⁶.

Главным принципом православной веры философ считает «взаимную любовь всех во Христе». По убеждению Новгородцева, «взаимная любовь во Христе» определяет все основные свойства русского православного сознания. Он насчитывает их шесть: созерцательность, смирение, душевная простота, радость о Господе, потребность внешнего выражения религиозного чувства, чаяние Царства Божия.

С православных позиций Новгородцев критикует западное мирозерцание, в основном в форме католицизма и протестантизма. Он соглашается с В. С. Соловьевым, что существо западного мировоззрения приводит к идее индивидуального душеспасения. В этом случае церковь не столько выполняет функцию всепрони-

⁴ Флоровский Г. В. Памяти П. И. Новгородцева // Новый мир. 1991. № 12. С. 218.

⁵ Новгородцев П. И. Существо русского православного сознания // Православие и культура : сб. религ.-философ. ст. Берлин, 1923. С. 22, 23.

⁶ Новгородцев П. И. Существо русского православного сознания. С. 8.

кающего нравственного общения, сколько возвышается над верующими. Поэтому становится возможным приобщение верующих к ценностям веры «не столько силой их внутреннего любовного общения во Христе, — что и составляет идеальную основу церковности, — а внешним актом церковных индульгенций, церковных установлений и предписаний»⁷. Церковное единство католичества утверждается на авторитете папы, на мощной организации и дисциплине, на политике и пропаганде, на дипломатическом искусстве иезуитов. Но в этих условиях принцип церковности утрачивает свое подлинное существо, свой внутренний смысл⁸.

Как считает Новгородцев, только западное мирозерцание могло породить Реформацию, сведшую религию к морали. Реформация привела к всеобщему обмирщению жизни, к отрыву ее от божественных истоков. Отсюда, по его мнению, многие болезненные проявления западной культуры.

Как серьезный недостаток общественного сознания Запада Новгородцев рассматривает идею обожествления человека. «Западный человек, — рассуждает он, — это человек, гордый своей культурой, своим образованием, своей наукой, своей дисциплиной, своей политикой. Он думает, что он все преодолел, все может; он думает, что его конституции и парламенты, что его демократии и республики — верх человеческой мудрости, что тот путь, которым он идет, есть единственный путь к человеческому величию»⁹. Европейское сознание, по Новгородцеву, должно перейти от гордости к смирению, открыв тем самым для себя не преходящие ценности человеческого труда и творчества, а абсолютные основы бытия.

С обмирщением жизни и обожествлением человека в западном сознании, полагает Новгородцев, тесно связана идея установления Царства Божия на земле. Пример тому в католичестве — сама католическая церковь, которая заменила небесное Царство Божие царством земным. В протестантизме, напротив, земная жизнь настолько отделена от религиозных чаяний, что религия становится частным делом личного сознания, а культура, общественность, государственность объявляются автономными областями самобытного светского строительства¹⁰. И в том и в другом случае отрыв общества, государства, жизни в целом от религиозных основ приводит к серьезным социальным деформациям. Говоря о России, Новгородцев подчеркивает, что именно «путь отпадения, отщепенства от положительных начал жизни», т.е. от религии, сделал несчастными «и саму интеллигенцию и нашу Родину»¹¹.

Критика «социального утопизма»

Начиная с «Проблем идеализма», Новгородцев последовательно критиковал социальные теории, построенные, с его точки зрения, на рациональных, внедухов-

⁷ Новгородцев П. И. Существо русского православного сознания. С. 11.

⁸ См.: Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 11.

⁹ Указ. соч. С. 17.

¹⁰ См.: Новгородцев П. И. Существо русского православного сознания. С. 22.

¹¹ Новгородцев П. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины : сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 204.

ных основаниях. Такие доктрины он относил к типу социальных утопий «земного рая» (термин А. И. Герцена), т.е. теорий, претендующих на построение общества абсолютной гармонии, всеобщего счастья. В работе 1909 г. «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» подвергается критическому анализу правовой идеал либерализма — демократия и правовое государство. Вторая глава «Введения в философию права. Об общественном идеале» (1917) посвящена развенчанию «утопии социализма», в третьей главе (по словам автора, она была закончена, но сохранился один небольшой фрагмент) ставилась задача дать развернутую критику анархизма. Примечательно, что критика «социального утопизма» ведется Новгородцевым в рамках и с позиции религии, с использованием религиозной системы координат.

Утопическому сознанию, полагает философ, свойственна религиозно-эсхатологическая направленность: «Каждый общественный идеал, скрыто или открыто опирающийся на идею земного рая, в сущности, воспроизводит идею средневековой теократии о спасении людей через общество верных, силою своей веры или своих заслуг удостоившихся высшей благодати»¹². Здесь общественная проблема совпадает с религиозной — спасение людей ввиду их слабости и ограниченности сил. Совершенному обществу придается значение высшей нравственной основы, которая дает человеку полноту бытия и смысл существования. Это приводит к абсолютизации данного социального устройства.

Другим следствием явного или неявного религиозного эсхатологизма утопического сознания является смешение понятий абсолютного и относительного, Божиего и кесарева. Религиозное сознание утопизма, отмечает Новгородцев, стремится рассматривать сверхприродный порядок как норму человеческой жизни, отрицать относительное ради абсолютного. В результате необоснованно умаляется значение действительной жизни. Абстрактные схемы будущего приобретают абсолютное значение. Рассудочные, логически стройные планы требуют от личности больше того, чем она может по своей природе. С другой стороны, напротив, разрыв с абсолютным и его забвение приводит к абсолютизации относительных форм, к убеждению, что социальными экспериментами можно достигнуть благополучия личности. В любом случае, делает вывод Новгородцев, предполагается «перерыв истории, чудо социального преобразования», что «в своем осуществлении приводит к насилью над историей, к злым опытам социального знахарства и колдовства»¹³.

Закономерным итогом утопических теорий, по Новгородцеву, становится их неизбежный крах. Он усматривает причину такого конца утопий в их эсхатологической направленности. Рождение и смерть идей земного рая является проявлением кризисного, апокалиптического сознания. Катаклизмы мира вызывают катастрофическое мироощущение, вырабатывают философию конца. На протяжении всего времени своего существования утопии неизменно проходят циклический круг: появляясь в результате социальных потрясений как надежда на лучшее будущее, они отвергаются с возникновением новых разрушительных яв-

¹² Новгородцев П. Введение в философию права. Об общественном идеале. Вып. 1. Берлин, 1922. С. 18.

¹³ Новгородцев П. О путях и задачах русской интеллигенции. С. 218.

лений действительности. Соответственно, на смену отжившим утопиям приходят новые. За чрезмерными надеждами приходят чрезмерные разочарования, что, в свою очередь, обуславливает появление следующих неоправданных надежд.

В России, утверждает Новгородцев, социальный утопизм обрел форму народничества, марксизма и анархизма. Утопизм российской интеллигенции проявил себя в «безрелигиозном отщепенстве», отрыве от народа и русского национального духа, результатом чего стала революция, распад государства и национального единства.

Мифологема абсолютного идеала

Религиозная, иррациональная направленность философии права Новгородцева ярко проявилась в его теории абсолютного идеала. Во «Введении в философию права. Об общественном идеале» он формулирует теоретико-методологические основы некоего социального идеала, который, с его точки зрения, мог бы претендовать на абсолютную истинность и универсальность применения независимо от времени и места. Иначе говоря, от критики социального утопизма философ переходит к созданию своей собственной модели идеального устройства общества, которая при ближайшем рассмотрении оказывается очередной социальной утопией, густо замешанной на христианском мистицизме.

Понятие абсолютного социального идеала является прямым производным таких основополагающих категорий философии права Новгородцева, как нравственный закон личности и естественное право. Триада «нравственный закон — естественное право — абсолютный идеал» есть развивающаяся нравственная идея, эволюция представлений личности, идущая от осознания своей нравственной природы к предъявлению нравственных требований к организации общества.

Для Новгородцева абсолютный идеал есть суть разрабатываемой им этико-религиозной концепции, это одновременно ее исходный пункт и итог. В абсолютном идеале принцип личности, как основополагающий для этики, находит свое полное развитие и логическое завершение. Индивидуализм, абсолютизм и формализм нравственного закона выражают, по мнению философа, в абсолютном идеале предельную степень возможной гармонии личности и общества. В итоге абсолютный идеал определяется как принцип всеобщего свободного универсализма, где свобода, равенство и всеобщность объединения лиц сочетаются в свободной солидарности всех: «Это чисто абстрактные требования всеобщего объединения на началах равенства и свободы; это отвлеченный принцип личности, взятый в его двояком значении, — со стороны притязаний и со стороны обязанностей, — и таким образом возведенный до идеи свободного универсализма... Это — идеал не только демократический, но и вселенский, идеал общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства»¹⁴.

Содержание абсолютного идеала полностью раскрывается в философии истории, которая представляет собой попытку Новгородцева соединить кантов-

¹⁴ Новгородцев П. Введение в философию права. С. 86, 87.

скую этику с православной догматикой. Личность, полагает он, связана с Абсолютом, что наполняет ее жизнь смыслом в любой исторический период, при любом политическом режиме. Связь личности с Абсолютом предопределяет двойственность истории, проявляющуюся в рациональном и иррациональном ее аспектах. Разумное начало истории соотносится с преходящими формами общественного бытия личности, иррациональное — связано с ее «творческой глубиной» и «бесконечными возможностями». Абсолютный социальный идеал, уходящий корнями в иррациональное и рожденный им, указывает направление истории и наполняет ее смыслом. Абсолютный идеал возвышается как над концом истории, так и над ее началом, одинаково осуществляясь на всем ее протяжении. В любой исторической эпохе проявляется стремление к абсолютному, но каждый раз оно заканчивается лишь относительным приближением к идеалу. Новгородцев подчеркивает, что таков закон исторического развития, когда путь к абсолютному лежит через относительные ступени возвышения к нему.

Теория абсолютного идеала решает также, по Новгородцеву, проблему соотношения национального и наднационального. С его точки зрения, каждый народ, являющий собой духовное целое, имеющий историю и культуру, носит в себе «живую силу», сплавляющую его. Под «живой силой» подразумевается связь с Абсолютом, Богом, чей императив народ осуществляет в своей истории. Чем более нация близка к религиозным святыням, тем больше согласованности в отношениях между людьми и в обществе в целом. Особой освященностью народной жизни объясняется и крепость государства, основанного на братском сотрудничестве соотечественников. Однако несмотря на превознесение национального, Новгородцев в полной мере отстаивает наднациональное. «Где границы, где перегородки, — утверждает он, — там нетерпимость и замкнутость. А замкнутость — это значит эгоизм, — семейный, классовый, национальный. И выход может быть только один: органическая связь отдельных союзов между собою и с целым»¹⁵. В основу такой позиции кладется христианский принцип равенства всех перед Богом независимо от национальности. Современный человек, по Новгородцеву, живет столько же своим народным, сколько и чужим, общечеловеческим. Философ приходит к выводу о существовании единой, наднациональной общечеловеческой истины, «вселенской правды», которая является руководящим идеалом для каждого общества и для каждой эпохи. «Все соответствующее этому идеалу, — подчеркивает он, — все, что расширяет и освобождает жизнь данного общества, данного народа, правильно и верно; а все, что обособляет данный народ от других, что отделяет его от великой цели всемирного общечеловеческого единства, то неправильно и ложно. В этой идее общечеловеческой солидарности мы имеем надежный признак для того, чтобы отличить должное и недолжное в стремлениях любого поколения и любой эпохи»¹⁶. Иными словами, общечеловеческое единство не есть результат механического слияния и видимых реальных связей между народами. Вселенское единство осуществляется и проявляется лишь в процессе исторического восхождения к Абсолюту и, наоборот, земная человеческая история воплощает

¹⁵ Новгородцев П. Введение в философию права. С. 90.

¹⁶ Указ. соч. С. 91.

в себе развитие вселенского единения на пути к идеалу. Таким образом, по Новгородцеву, история находит свой смысл в трансцендентном единстве абсолютного идеала с человечеством, в одинаковом стремлении всех к этому идеалу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Новгородцев П.* Введение в философию права. Об общественном идеале. — Вып. 1. — Берлин, 1922.
2. *Новгородцев П. И.* Значение философии // Научное слово. — Кн. 2. — 1903.
3. *Новгородцев П.* О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины : сб. ст. о русской революции. — М., 1990.
4. *Новгородцев П.* Современные отзвуки славянофильства // Вопросы жизни. — М., 1905.
5. *Новгородцев П. И.* Существо русского православного сознания // Православие и культура : сб. религиозно-философских статей. — Берлин, 1923.
6. *Флоровский Г. В.* Памяти П. И. Новгородцева // Новый мир. — 1991. — № 12.

**Индира Ураловна
АУБАКИРОВА,**
 кандидат юридических
 наук, докторант кафедры
 теории государства
 и права и политологии
 Юридического факультета
 МГУ имени М.В. Ломоносова
indastana@gmail.com
 119991, Россия, ГСП-1,
 г. Москва, Ленинские горы,
 д. 1, стр. 13

ОБ ИДЕЙНЫХ ОСНОВАНИЯХ УЧЕНИЯ П. И. НОВГОРОДЦЕВА И КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию воззрений П. И. Новгородцева и представителей классического евразийства, затрагивающих основные духовные константы русской правовой традиции. Среди подобных констант автор указывает антирационализм, метаюридическую интерпретацию права, приоритет нравственных принципов над формально-юридическими, понимание идеи правового государства в сопряжении с социальной проблематикой, отказ от абсолютизации западной демократии, иные идеи. Констатируя, что П. И. Новгородцев стоит на либеральных, а евразийцы на почвеннических и этатистских позициях, автор рассматривает общие места в их идейных конструкциях. Анализ позволяет заключить, что, несмотря на расхождения, выражена идейная близость в подходах указанных представителей эмигрантской интеллектуальной элиты. При этом их мыслительные конструкции укладываются в русло основных ориентиров русской правовой мысли.

Ключевые слова: П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, классическое евразийство, русская правовая традиция, почвенничество.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.074-082

I. U. AUBAKIROVA,

PhD in Law, Doctoral Student of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University
indastana@gmail.com

119991, Russia, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, str. 13

TOWARD TO THE P. I. NOVGORODTSEV'S DOCTRINE AND CLASSICAL EURASIANISM IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LEGAL TRADITION

Abstract. The article is devoted to the views of P. I. Novgorodtsev and the representatives of classical Eurasianism, concerning to the main spiritual constants of the Russian legal tradition. On the author's opinion, anti-rationalism, meta-legal interpretation of law, priority of moral principles over formal legal principles, understanding of the idea of a law-based state in conjunction with social problems, refusal to absolutize Western democracy, other ideas are among such constants. Stating that P.I. Novgorodtsev stands on the liberal,

and the Eurasians on «soil-based» and etatist positions, the author analysis of the similarity of their ideological constructions. This analysis allows to conclude that the main approaches of the authors correspond to the orientations of Russian legal thought.

Keywords: P. I. Novgorodtsev, N. N. Alekseyev, classical Eurasianism, Russian legal tradition, «soil-based» position.

Сегодня в юридическом дискурсе прослеживается повышенный интерес к традиции русской правовой мысли, что можно объяснить переломным этапом современной эмпирической действительности, актуализировавшим проблему преемственности интеллектуального багажа, накопленного предшествующими поколениями юристов. Познание магистральных направлений мыслительной деятельности ученых, творивших в прошлом, во многом определяет ныне направления правовой мысли, лежит в основе государственно-правовой идентичности и способствует формированию парадигмальных оснований государственно-правовых систем. Следует согласиться с мнением П. И. Новгородцева, что каждая доктрина, помимо того, что она есть отражение своего времени и предшествующих идейных предпосылок, может простираться далеко за пределы своей эпохи, являясь «источником поучений для последующих веков и поколений». Связь времен посредством мысли выражается в том, что идея стремится выйти за пределы своего времени, воскрешает прошлое, предсказывает будущее и переживает настоящее. Подобное понимание диктует необходимость исследовательской вовлеченности в то, что русский правовед именуется «старой правдой». Логический объем доктрины всегда шире тех конкретных поводов, при которых они возникали, что и объясняет возможность «заимствования старых формул для новых отношений». При этом любые идеи, переходя от века к веку, начинают наполняться новым содержанием. Так, демократический принцип, идея естественного права, иные идеи в каждом временном отрезке истолковываются по-разному¹. С этих позиций следует согласиться с мнением об оправданности проведения исследовательской деятельности, которая фокусируется на вопросах актуализации идейных пластов прошлого, обсуждения и переосмысления наследия классиков и приложения его к современности².

Следует отметить, русской интеллектуальной традиции в целом и правовой в частности свойственна характеристика, свидетельствующая об «общей для русских авторов антропологической позиции»³. Государство и право рассматриваются с той точки зрения, что «конечной двигательной силой является душа человека» (Н. Н. Алексеев). Значимый компонент содержательного наполнения русской мыслительной традиции составляет рефлексия над историко-культурными

¹ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901. С. 20—23.

² Жуков В. Н. Юридическая мысль России за 10 веков: к выходу энциклопедического словаря биографий // Государство и право. 2016. № 10. С. 40.

³ Антонов К. М. От истории философии — к истории мысли // История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И. П. Смирнова. Вып. 3. М.: Вузовская книга, 2005. С. 14.

ми феноменами, цивилизационным фактором, ценностными основаниями существующих политико-правовых форм жизнедеятельности общества. Важным предметом исследования русских мыслителей выступает правовое сознание. Право рассматривается в контексте общественных идеалов. Сущностным отличием русской мысли является отказ от абсолютизации рационалистических объяснений права, политико-правовых явлений. В научной литературе одну из причин русского антирационализма справедливо усматривают в его христианском характере, утверждая, что «чем более привержены христианству были русские мыслители (христианству по сути, а не обязательно по форме), тем более высоким иммунитетом они обладали против абсолютизации любых форм земной жизни»⁴.

Сказанное позволяет сформулировать следующий тезис: хотя мировоззренческие компоненты русского духовного опыта со времен противостояния западников и славянофилов имеют, как правило, либо либеральную, либо почвенническую направленность, они характеризуются тем содержательным родством, которое позволяет рассматривать их в рамках единой русской мыслительной традиции. Данное утверждение справедливо и в отношении правовой мысли, в развитии которой наблюдается наличие вышеупомянутых констант. В данной работе мы придерживаемся позиции о содержательно-смысловой близости духовного наследия П. И. Новгородцева и представителей классического евразийского учения (в их числе Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, В. Н. Ильин, Л. П. Карсавин, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, иные авторы). Сравнение государственно-правовых воззрений позволяет продемонстрировать схожесть их идейных конструкций, несмотря на то, что П. И. Новгородцев представляет либеральное направление русской правовой мысли, в то время как евразийство базируется на почвеннических и этатистских идейных основаниях⁵.

Стоит подчеркнуть, что П. И. Новгородцев имел непосредственную причастность к тому, что для многих из разработчиков евразийского учения Русский юридический факультет Карлова университета (основателем и деканом которого он был) стал местом работы либо учебы. В их числе находился и Н. Н. Алексеев — ученик Павла Ивановича Новгородцева, продолжатель многих его идей и главный теоретик юридических вопросов евразийского учения. При этом сближение П. И. Новгородцева с евразийцами случилось намного раньше вхождения Н. Н. Алексеева в их ряды. В этом ракурсе нельзя не отметить перемены в мировоззрении выдающегося русского философа права: в эмиграции в сознании Павла Ивановича наступает перелом, связанный с отходом от универсалистских ценностей и восприятием почвеннических идей, что явственно усматривается

⁴ Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 156.

⁵ Согласно взглядам евразийцев либеральная идеология является чуждой для евразийской культуры формой, тогда как «мы хотим строить и раскрывать нашу культуру не на индивидуалистических предпосылках... Для нас Россия-Евразия не случайный продукт взаимной борьбы между нациями, социальными группами, индивидуумами, а живое, органически раскрывающееся целое», обладающее единою волею и единым мирозерцанием (Карсавин Л. П. Основы политики // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн*. М., 1993. С. 218—219).

в текстах его работ эмигрантского периода. В своих размышлениях ученый обращает взор в сторону русской идеи как противостоящей европейскому идеалу. Он подвергает критике потерю духовности, излишнюю механистичность, рациональность западных реалий и указывает на самобытность русской культуры, отмечая, что «в этом нашем скифстве, в этом нашем азиатском ходе мысли заключен исток того нового, что мы несем миру»⁶. Философ права призывает понять особую миссию России и «разглядеть ее живую душу и ее призвание, не примеряя к ней чужих мерок, а стараясь помочь ей идти своим путем для блага и своего собственного, и всего человечества»⁷. Подобные взгляды перекликаются с установками в евразийском учении, в рамках которого идея о самобытности пути народов России-Евразии является несущей конструкцией и государственно-правовые феномены рассматриваются в ракурсе синтеза западной и восточной культур.

Одной из основных сюжетных линий истории русской правовой мысли является ясно выраженная экспликация приоритета нравственных принципов над формально-юридическими и религиозно-нравственное обоснование сущности государства и права. Русские юристы отстаивают метаюридическое понимание правовых феноменов. Как верно подмечает А. Валицкий, «самым ценным наследием русского либерализма был его вклад в философию права, а также в то, что можно определить как дискуссию о праве, в которой ценность закона как такового рассматривалась как спорный вопрос»⁸. П. И. Новгородцев в своих трудах последовательно проводит мысль, что для познания сущности права следует выйти за его пределы и взглянуть на него со стороны. Смысл общения не ограничивается формально-правовыми принципами, а заключается в соблюдении всеми высшего нравственного закона, который объединяет людей в «общее культурное стремление»⁹.

Трактовка правового государства в рамках евразийского учения соответствует представлениям, свойственным для русской юридической мысли в целом. «В отличие от ученых Германии, которые обосновали теорию формального правового государства, — пишет о подобных воззрениях В. Н. Корнев, — русские юристы считали, что правовое государство — это понятие метаюридическое, которое представляет собой идеальный тип государства»¹⁰.

Идея правового государства с позиции русской правовой мысли тесно сопряжена с нравственностью. Ценностно-нравственный критерий установленного порядка весьма важен в вопросах легитимации государственной власти. По логике Новгородцева, правовое государство есть лишь подчиненное средство, частный элемент, входящий «в более общий состав нравственных сил», и право по отношению к полноте нравственных требований есть слишком недостаточное и грубое

⁶ *Новгородцев П. И.* О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 367—386.

⁷ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 575—576.

⁸ *Валицкий А.* Указ. соч. С. 157—158.

⁹ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. С. 111.

¹⁰ *Корнев В. Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX — начала XX века : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11.

средство, неспособное воплотить чистоту моральных начал¹¹. Не следует идеализировать роль права, которое само по себе не может изменить социальную действительность. Миссия правового государства заключается главным образом в развитии нравственной личности.

Н. Н. Алексеев, солидаризируясь со своим учителем, признает наряду с «внутренней правдой-истиной-справедливостью» значимость «внешней правды», т.е. установленных государством юридических правил поведения. В «Философии права», ряд идей из которой позднее был им привнесен в политико-правовую проблематику евразийства, он предостерегает от отождествления понятий «правовой идеал», «политический идеал», «общественный идеал». Исторической причиной их смешения является идея правового государства, которая связывает искания «земного рая» с верой, что он может быть отыскан в праве и осуществлен через право. Однако «в истинно совершенном государстве, кроме права, должны господствовать также и чисто моральные силы — силы любви, дружбы, солидарности, жертвенности, служения и подвига». В этом Алексеев — верный продолжатель идей своего учителя. Политический идеал есть не только правовой, но и нравственный идеал. В поисках правового идеала следует отыскивать не формулы общественного совершенства, а реальные пути и средства, при помощи которых может быть улучшен правопорядок¹².

Характерная особенность русской мыслительной традиции заключается в трактовке государства и права сквозь призму социальной проблематики. В трудах П. И. Новгородцев четко просматривается стремление обосновать идею правового государства во взаимосвязи с идеей построения социального государства¹³. Миссию правового государства философ права видит в служении обществу, обеспечении условий для достойного человеческого существования. Он полагает необходимым признать за правом на достойное человеческое существование не только нравственное, но и юридическое значение, при этом высказывает предположение, что в России ранее, чем где-либо, указанному новому виду права будет суждено «получить ясное принципиальное значение»¹⁴. Право призвано охранять личную свободу, но без материальных возможностей свобода становится эфемерной. Свобода личности может быть обеспечена только тогда, когда она подкреплена не только юридическими нормами, но гарантируется материальными условиями¹⁵. Иными словами, движение к правовому государству требует социальных преобразований, что неизбежно актуализирует вопрос о праве на собственность. Правовед настаивает на том, что право на челове-

¹¹ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 25.

¹² Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 200—225.

¹³ Фролова Е. А. Идея правового и социального государства в учении П. И. Новгородцева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10. С. 64.

¹⁴ Фролова Е. А. Теоретико-методологические вопросы доктрины возрожденного естественного права (П. И. Новгородцев) // Кантовский сборник. 2015. № 1. С. 77.

¹⁵ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. СПб., 1883. С. 6.

ское достоинство меняет восприятие в правовом сознании общества принципа неотчуждаемой собственности, «заменяя ее принципом публично-правового регулирования приобретенных с необходимым вознаграждением их обладателей в случае отчуждения»¹⁶.

Подобное понимание идеи правового государства было воспринято и в евразийском учении, в котором она рассматривается в тесной сопряженности с осуществлением социальных программ, и в этом есть глубокий смысл: без реального равенства социально-правовых возможностей формально-юридическое равенство остается официальной декларацией. Либерально-демократические права граждан важны, однако эмпирические реалии показывают, «что права эти висят в воздухе, если они не гарантированы обязанностями государственного целого». Основными правами граждан гарантийного государства являются «право на жизнь, на культурное развитие, на максимальное содействие в пользовании своей свободой, право на национальное и культурное самоопределение, на участие в государственном и социальном строительстве и т.п.»¹⁷. Н. Н. Алексеев в трактовках идеи правового государства идет по стопам своего учителя и обосновывает, что собственность имеет всеобщий характер и потому должна быть функциональной. Собственность включает момент публично-правовой ограниченности, то есть предполагает целый ряд социальных обязанностей, которые лежат на собственнике¹⁸. Важной конструкцией в евразийском учении является идея гарантийного государства. В нем во главу угла ставится задача реализации «положительных социальных принципов», подразумевающих установление на основе развития экономики такой системы распределения материальных благ, которая позволит решить проблему нищеты и бедности, удовлетворять и развивать духовные потребности граждан, обеспечивать условия для создания культурных и духовных благ¹⁹.

Другим общим местом мыслительных конфигураций Новгородцева и евразийцев является трактовка власти как служения. Павел Иванович в этом ракурсе подчеркивает значимость того, чтобы власть воспринималась как дело Божие и подвиг государственного служения²⁰. Стоит подчеркнуть, интерпретация власти в терминах служения, ответственности и долга является неотъемлемым компонентом русской общественной мысли. При этом служение понимается не в утилитарном или формально-правовом значении, а прежде всего в нравственно-общественном. В классическом евразийстве понятие «служение» рассматривается в контексте общественного долга, как служение бескорыстное, посему не измеряемое. Государственная политика в представлении евразийцев должна базироваться на началах служения «власть имущих» согражданам и народно-государственному целому²¹.

¹⁶ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование. С. 10—11.

¹⁷ Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 376.

¹⁸ Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве. С. 215—216, 256.

¹⁹ Указ. соч. С. 374—376.

²⁰ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 580.

²¹ Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX. 1927. С. 169.

Объединяет указанных ученых и неприятие абсолютизации института демократии. Согласно мысли Новгородцева, демократия может быть разной, в зависимости от духовного содержания, которое вкладывает в него народ, и в определенных условиях демократия «может стать и полным извращением справедливости». Ученый соглашается с мнением, что воля народа, на которой якобы основана политическая демократия, по большей части является продуктом манипуляции²². Демократия есть самоуправление народа, но для того, чтобы она не была пустой фикцией, народ должен созреть для управления самим собою, сознавать свои права и уважать чужие, понимать свои обязанности и быть способным к самоограничению. Подобный уровень политического сознания приобретает долгим и суровым опытом жизни²³.

В евразийстве с аналогичных позиций постулируется неприемлемость порядка, при котором выразительницей народной воли выступает «кучеобразная масса». Тезис Руссо, что большинство никогда не ошибается, ставится евразийцами под сомнение, а мнение, признающее общую волю безусловно суверенной, рассматривается как не вполне обоснованное²⁴. Западная демократия утверждает, будто основывает власть на «свободном» общественном мнении, но таковым является не глубоко укоренившееся в народе *убеждение*, а очень изменчивые народные *настроения*, возникшие при этом не самостоятельно и посему не отвечающие интересам государственного целого²⁵. «В демократическом государстве, — утверждает Л. П. Карсавин, — “народ” сводится к голосующему время от времени и дезорганизованному населению, права которого сведены буквально на нет тем, что оно фактически только переизбирает предлагаемых ему и мало ему известных депутатов». Необходимо построить новый тип государства, которое не должно быть чисто демократическим и чисто аристократическим. Подобной государственно-управленческой моделью должна стать *демотия* (от слова «демос» — народ) — «такой способ управления, когда правящий слой «сознательно осуществляет бессознательную волю народа»²⁶.

Несмотря на определенные расхождения, идейная близость этих представителей эмигрантской интеллектуальной элиты просматривается довольно отчетливо, притом развертывание их мыслей вольно или невольно осуществляется в русле основных направлений русской правовой традиции. Это прослеживается в артикуляции как Новгородцевым, так и евразийцами, значимости правосознательных условий, ценностей, интересов, духовных идеалов в познании государственно-правовых феноменов, невыводимости духовно-нравственного из материального начала, в неприятии сугубо формально-юридического понимания политико-правовых феноменов и постулировании сопряженности этических и правовых норм и принципов, рефлексии истории в контексте диалектики универсального и национального, восприятию науки в сопряжении с верой, стремлении в пости-

²² См.: Валицкий А. Указ. соч. С. 392.

²³ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 548.

²⁴ Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве. С. 384.

²⁵ Алексеев Н. Н. О будущем государственном строе России // Новый град. 1938. № 13. С. 101.

²⁶ Философия политики и права. Пушкино, 2014. С. 65.

жении бытия исходить из триединства эмпирического, рационального и духовно-религиозного знаний.

«Нет такого средства в политике, которое раз и навсегда обеспечило бы людям неизменное совершенство жизни», и следует отказаться от попыток найти абсолютную форму жизни и средства осуществления земного рая, утверждает Новгородцев²⁷. Однако при этом невозможность знать свое будущее и предвидеть достижение целей не могут стать препятствием в стремлении «вложить часть своей мысли и надежды в неопределенную перспективу грядущего»²⁸. Идеальная государственность невозможна, рассуждает в аналогичном ключе Л. П. Карсавин, однако из этого отнюдь не следует, что не надо к этому стремиться²⁹.

Траектория научных исканий П. И. Новгородцева и евразийцев не была линейной, отражая антиномичность самой эпохи, в которой они творили. Но, несмотря на всю сложность и перипетии эмигрантского бытия, они находились в постоянном мыслительном поиске наилучших путей грядущего будущего России-Евразии, своими собственными судьбами демонстрируя превосходство духовного над материальным, веры над эмпирическими реалиями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев Н. Н.* О будущем государственном строе России // Новый град. — 1938. — № 13. — С. 91—114.
2. *Алексеев Н. Н.* О гарантийном государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин. — М.: Аграф, 2003. — 635 с.
3. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. — СПб.: Лань, 1999. — 256 с.
4. *Антонов К. М.* От истории философии — к истории мысли // История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И. П. Смирнова. — Вып. 3. — М.: Вузовская книга, 2005. — 212 с.
5. *Валицкий А.* Интеллектуальная традиция дореволюционной России // Общественные науки и современность. — 1991. — № 1. — С. 145—159.
6. Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. IX / под ред. П. Н. Савицкого. — Париж, 1927. — С. 3—12.
7. *Жуков В. Н.* Юридическая мысль России за 10 веков: к выходу энциклопедического словаря биографий // Государство и право. — 2016. — № 10. — С. 39—47.
8. *Карсавин Л. П.* Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М.: Наука, 1993. — С. 174—216.
9. *Корнеев В. Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX — начала XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 55 с.
10. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — СПб.: Лань, 2000. — 352 с.

²⁷ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. С. 33.

²⁸ Указ. соч. С. 138.

²⁹ *Карсавин Л. П.* Указ. соч. С. 208.

11. *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. — М., 1901. — 240 с.
12. *Новгородцев П. И.* О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Сочинения. — М., 1995. — С. 367—386.
13. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. — М. : Пресса, 1991. — 640 с.
14. *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. — СПб., 1883. — С. 3—13.
15. Философия политики и права / под общ. ред. Е. Н. Мощелкова. — Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 248 с.
16. *Фролова Е. А.* Идея правового и социального государства в учении П. И. Новгородцева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2016. — № 10. — С. 60—65.
17. *Фролова Е. А.* Теоретико-методологические вопросы доктрины возрожденного естественного права (П. И. Новгородцев) // Кантовский сборник. — 2015. — № 1. — С. 72—83.

Российское законодательство: современное состояние и тенденции развития

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ КОДИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена назревшим проблемам новой кодификации российского законодательства, неоправданному количественному росту действующего законодательства, недостаточной стабильности принимаемых законов, необходимости разработки и принятия ряда новых кодифицированных нормативных правовых актов, многопредметности законов, отсутствию ясных и четких заголовков, неоправданно большому объему ряда статей законов и другим технико-юридическим проблемам действующего законодательства.
Ключевые слова: систематизация законодательства, кодификация законодательства, оптимальный объем законодательства, стабильность законов, предмет закона, многопредметность законов, изменения в законодательстве, оптимальный объем статьи закона, заголовки статьи закона, нормативность закона, инструктивность закона, законодательное и технико-юридическое регулирование.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.083-091

V. B. ISAKOV,

Doctor of Law, Professor, head of the Department of Theory and History of Law of the Faculty of Law of the National Research University «Higher School of Economics», Honored Lawyer of the Russian Federation
kafedratgp@hse.ru
123022, Russia, Moscow, B. Trekhsvyatitelskiy per., 3

SOME PROBLEMS OF THE NEW RUSSIAN CODIFICATION

Abstract. The article is devoted to the overdue problems of the new codification of the Russian legislation: unjustifiable quantitative growth of the current legislation; The lack of stability of the laws adopted; The need to develop and adopt a number of new codified normative legal acts; The multisubjective laws; The absence of clear and clear headers; An unjustifiably large volume of a number of articles of laws and other technical and legal problems of the current legislation.
Keywords. Systematization of legislation. Codification of legislation. The optimal scope of legislation. stability of laws. Subject of the law. Multisubjective laws. Changes in legislation. The optimal scope of article of the law. Title of the article of Law. Legality of the law. Instruktivnost of the law. Legislative and technical-legal regulation.

**Владимир Борисович
ИСАКОВ,**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права факультета права НИУ «Высшая школа экономики», заслуженный юрист РФ
kafedratgp@hse.ru
123022, Россия, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

© В. Б. Исаков, 2018

Более 25 лет развития российского законодательства в русле новой Конституции Российской Федерации породили огромный и сложный нормативно-правовой массив. За это время в России не проводилось масштабных кодификационных работ. В результате практически во всех отраслях законодательства накопился материал, требующий фронтальной систематизации и кодификации. Со всей определенностью перед российской юридической наукой встает вопрос о подготовке к очередной систематизации и кодификации действующего законодательства.

Трудно согласиться с политиками, депутатами и некоторыми учеными, которые полагают, что в современных условиях, прежде всего в силу небывалого уровня развития информационных технологий, проблема систематизации утратила свое былое значение. Дело вовсе не в том, что с помощью современных компьютерных поисковых инструментов можно в считанные секунды найти любой закон, правоприменительный акт, вообще любой документ. Необходимость систематизации законодательства диктуется не только удобством поиска и обнаружения нормативных правовых актов, хотя и это, конечно, не последний вопрос. Основная, глубинная причина систематизации состоит в необходимости поддержания системности самого права, правового регулирования, государственного управления и, как следствие, системности возникающих на их основе общественных отношений. Реально упорядочить жизнь общества и общественные отношения может лишь то, что само систематизировано, организовано, упорядочено. Законодательство, которое разрозненно, запутано, противоречиво — не в состоянии справиться с этой задачей.

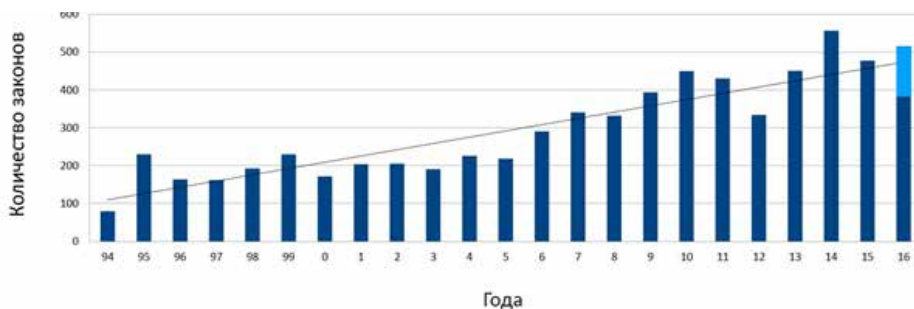
Очередная российская кодификация будет проходить в условиях, когда в относительно молодой российской правовой системе успел накопиться целый ряд проблем и системных деформаций. Рассмотрим хотя бы некоторые из них.

Неоправданный количественный рост. Одна из ключевых проблем развития российской правовой системы заключается в постоянном неоправданном росте как общего количества нормативных правовых актов, так и актов высшей юридической силы — федеральных законов. Ежегодно правовая система России пополняется на 300—500 новых федеральных законодательных актов, а количество подзаконных актов, зарегистрированных в регистре Министерства юстиции России, перевалило за 1 млн 200 тыс. Тенденция количественного роста вновь принимаемых нормативных правовых актов наблюдается во всех отраслях законодательства, за исключением законодательства в области международных отношений (см. диаграмму).

В результате непрерывного неконтролируемого роста российское законодательство теряет системность и обзримость. В некоторых отраслях законодательство в полном объеме неизвестно даже специалистам, а нормативные правовые акты невозможно отыскать без обращения к электронным базам данных. Прекращение неконтролируемого роста законодательства — одна из наиболее актуальных задач предстоящей систематизации и кодификации законодательства.

Должны быть приняты эффективные меры для прекращения стихийного роста действующего законодательства, вплоть до установления плановых заданий министерствам и ведомствам по концентрации и сокращению объема правового регулирования, а для законодательных органов — регулярных публичных до-

Количество вновь принимаемых федеральных законов (1994—2016 гг.)¹

кладов о сокращении количества действующих нормативных правовых актов на основе их плановой систематизации и кодификации.

Недостаточная стабильность законодательства. Российскую правовую систему отличает низкий уровень стабильности даже основных, системообразующих нормативных правовых актов — кодексов. Причем согласно приведенным ниже данным, период стабильности нормативных правовых актов имеет тенденцию к сокращению.

Период стабильности некоторых кодексов²

Документ	Период стабильности, дней (измерение 31.12.10)	Период стабильности, дней (измерение 31.07.16)
Земельный кодекс Российской Федерации	75	27
Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях	18	10
Лесной кодекс Российской Федерации	131	22
Налоговый кодекс Российской Федерации, ч. 1–2	18	14
Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации	42	26

Поправки в основные законодательные акты не только неоправданно часты, но и во многих случаях бессистемны, плохо скоординированы между собой. Низкий уровень стабильности законодательства, в свою очередь, является одним из факторов дестабилизации общественных отношений, что особенно остро ощущается в сферах экономики, предпринимательства, налогов и финансов.

¹ См.: Ткаченко Н. В. Статистическое исследование законодательства Российской Федерации. М., 2017.

² См.: Ткаченко Н. В. Указ. соч.

Отсутствие ряда крупных кодифицированных нормативных правовых актов (НПА). На наш взгляд, неэффективно подходить к кодификации законодательства как к сугубо юридико-технической задаче или пытаться решать ее по частям, например только в отношении федеральных кодексов или избранных «системообразующих» федеральных законов. Подход, при котором одни отрасли законодательства пройдут систематизацию и кодификацию, а другие останутся без систематизационной обработки, представляется нелогичным и несистемным.

Разумеется, возможности государства не безграничны и процесс систематизации законодательства будет в любом случае иметь определенные рамки по масштабам, затратам и времени. Учитывая это, представляется оправданным обратить приоритетное внимание на отрасли и подотрасли законодательства, в которых нет крупных кодифицированных актов — кодексов, которые могли бы служить основой для их дальнейшего развития. А именно:

- 1) экологическое право (экологический кодекс);
- 2) информационное право (информационный кодекс);
- 3) законодательство о пенсиях, пособиях, льготах и социальном обслуживании (кодекс социального обеспечения)³;
- 4) крупные подотрасли:
 - избирательное право (избирательный кодекс);
 - федеративные отношения (федеративный кодекс)⁴;
 - муниципальное право (муниципальный кодекс);
 - управление жилищным фондом (жилищно-коммунальный кодекс);
 - управление в сфере образования (образовательный кодекс);
 - управление в сфере военной службы (кодекс военной службы).

Проведение кодификационных работ в указанных отраслях и подотраслях могло бы улучшить общее состояние российского законодательства и продемонстрировать необходимость продолжения и углубления кодификационных работ.

Многопредметность НПА. Еще одна очевидная тенденция современного законодательства — многопредметность, объединение в одном НПА нескольких разных предметов правового регулирования.

В качестве примера приведем Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵. Даже по наименованию видно, что перед нами — три разных закона, искусственно объединенных законодателем «под одной крышей».

Каков смысл в принятии подобных законов? Основным источником для такой практики, на наш взгляд, является законодательный популизм, желание принять (на американский манер) закон с броским названием, который производил бы впечатление серьезного, комплексного решения крупной государственной проблемы.

³ Предложение Е. С. Герасимовой, кандидата юридических наук, доцента, заведующей кафедрой трудового права и права социального обеспечения НИУ ВШЭ.

⁴ Предложение М. А. Краснова, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и муниципального права НИУ ВШЭ.

⁵ СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

Но популизм и научная обоснованность плохо вяжутся друг с другом. Каждый из искусственно собранных «в букет» законодательных актов продолжает жить своей жизнью, образно говоря, продолжает «летать» на своей космической орбите. Их объединение приводит к загромождению законодательства сложными по содержанию, многопредметными актами. Многопредметность, в свою очередь, затрудняет кодификацию и систематизацию законодательства: НПА действует, даже если он на 99 % устарел, но оставшийся 1 % держит его «на плаву», не позволяет признать утратившим силу. Многопредметность вредна и с точки зрения функционирования правовых баз данных, поскольку вместе с полезной информацией пользователю выдается огромное количество сведений, представляющих для него информационный мусор. На наш взгляд, в законотворческой практике следует придерживаться простого и понятного юридико-технического принципа: «Один предмет — один правовой акт».

Обесмысливание заголовков (наименований) НПА. Один из важных элементов законодательного текста — заголовок, наименование федерального закона. Благодаря заголовку мы отличаем один закон от другого, лучше понимаем цель, смысл и содержание данного федерального закона. Заголовок — один из основных поисковых признаков НПА в правовых базах данных.

Как складывается современная практика присвоения наименований федеральным законам? С использованием официального интернет-портала правовой информации pravo.gov.ru нами была проанализирована практика присвоения наименований федеральным законам в Государственной Думе шестого созыва. Согласно базе данных, с 4 декабря 2011 г. по 31 декабря 2017 г. были подписаны и включены в базу данных 2 834 федеральных закона. Из них 620 федеральных законов имели одинаковое наименование — «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — либо содержали эту фразу как часть наименования. Это примерно 22 % от общего количества принятых Думой федеральных законов. То есть более 1/5 от общего числа принятых за указанный период федеральных законов имеют одинаковый или частично совпадающий заголовок.

Каковы основания для присвоения такому количеству федеральных законов одинаковых заголовков? Видится несколько причин. Первая среди них, на наш взгляд, элементарная лень. Поиск короткой и четкой формулировки заголовка НПА требует определенных интеллектуальных усилий, но современному законодателю некогда этим заниматься. Проще присвоить закону безликий стандартный заголовок «О внесении изменения в отдельные законодательные акты». Возражений ни у кого не возникнет.

Вторая причина связана с тем, что безликий, «стандартный» заголовок — это способ замаскировать содержание НПА, скрыть под ничего не выражающим наименованием проблему, которая может привлечь к себе внимание и вызвать дискуссию в обществе и в СМИ.

Третья причина связана с периодически возникающей потребностью провести в законодательство положение, которое понадобилось для решения текущих задач управления, причем провести как можно скорее. В первые годы после принятия Конституции РФ такие положения технически «подклеивались» к ближайшему законопроекту, находящемуся на стадии принятия. Но появление в тексте законов

«вставок», не относящихся к предмету регулирования данного закона, бросалось в глаза и порождало ряд практических неудобств, например при кодификации нормативного правового акта и при поиске документа в базах данных. Тогда нашлось другое решение: стали формироваться комплексные по содержанию, «сборные» законы, которые депутаты остроумно прозвали «братскими могилами».

В качестве примера такого закона можно привести Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁶. Данный нормативный правовой акт содержит 35 статей, и практически все они посвящены разным, никак не связанным между собой вопросам. Именно так выглядит типичная «братская могила».

На практике у подобных законов выявилась еще одна особенность: они оказались замечательным инструментом для лоббирования, поскольку в них бессмысленно копаться, пытаясь выяснить, что туда попало и на каком основании: никакой общей концепции, логики и единого предмета регулирования в таком законе нет по определению.

Следует отметить, что принятие законов со стандартными безликими наименованиями опирается на использование электронных баз данных с развитыми системами поиска — без них эти законы вообще невозможно найти. А если пользователь не имеет доступа к базе данных или не владеет современной технологией поиска правовой информации? Тогда перед ним выстраиваются в нестройную в шеренгу все 620 федеральных законов с одинаковыми наименованиями: пожалуйста, ищите среди нас тот, который вам нужен.

Внесение изменений в изменения. Из практики законотворчества должны быть полностью исключены случаи, когда изменения или дополнения вносятся не в первичный правовой акт, а в правовой акт о его изменениях. Подобного рода «пристройка флигелей к флигелям» запутывает законодательство и крайне затрудняет определение конечной актуальной редакции, в которой должен применяться нормативный правовой акт.

Современный законодатель должен стремиться к соблюдению принципа «одно изменение — один нормативный правовой акт». В этом случае в интеграции нормативного правового акта в правовую систему не возникнет каких-либо трудностей. В тех же случаях, когда принимаются изменения сразу в нескольких нормативных правовых актах (совсем исключить подобную практику невозможно), следует стремиться к тому, чтобы эти изменения касались одного и того же предмета, а не разных. В ходе последующих кодификационных работ акты об изменениях и о дополнениях, по мере утраты их значения, должны переводиться в статус недействующих путем поглощения их крупными кодифицированными актами, утверждаемыми в новой редакции.

В практике можно найти примеры, когда изменения представляют собой «изменения в кубе», т.е. они вносятся в акт об изменении акта об изменении. При-

⁶ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4359.

ведем в качестве примера Федеральный закон от 6 ноября 2011 г. № 301-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом “О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов” и признании утратившими силу отдельных положений статьи 2 Федерального закона “О внесении изменения в статью 31 Федерального закона ‘О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации’ и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом ‘О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов’”»⁷. Принятие подобных нормативных правовых актов представляет собой, с нашей точки зрения, грубое нарушение правил юридической техники, крайне затрудняющее нахождение и систематизацию правовых документов.

Нарушение оптимального объема статей НПА. Текст федерального закона подразделяется на статьи, имеющие некоторый привычный, устоявшийся объем: как правило, не более страницы, в крайнем случае не более 1,5 страниц текста. Такой объем статьи НПА основывается на возможностях оперативной памяти человека, он оптимален для того, чтобы несколько взаимосвязанных положений обрабатывались человеческим мышлением как единое целое.

В текущей законотворческой практике мы находим существенные отклонения от оптимального объема. В качестве примера можно привести некоторые статьи Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁸. Так, ст. 62 «Предвыборная агитация» занимает 5 страниц текста, ст. 85 «Порядок подсчета голосов» имеет 32 части и растянулась на 11 страниц и т.д. Удержать в памяти такое количество информации и эффективно работать с ней обычный человек не может. Очевидно, законодателю следует более глубоко продумывать структуру нормативных правовых актов, с тем чтобы не создавать статей-монстров, представляющих собой по объему отдельный самостоятельный нормативный правовой акт.

Нарушение баланса между нормативностью и инструктивностью НПА. Завышенный объем статей нормативных правовых актов связан с другим недостатком законотворчества, который можно назвать нарушением баланса нормативности и инструктивности закона.

Если взять в руки двухтомник «Законы СССР» и сравнить союзные законодательные акты с нынешними, российскими, бросается в глаза ряд особенностей. Союзные нормативные акты выглядят как весьма компактные документы. Союзный законодатель не разменивался на мелочи, он оставлял поле для деятельности законодательству союзных республик, подзаконным актам и правоприменительной практике. Нынешний законодатель пошел по другому пути: он пытается максимально реализовать свою правотворческую компетенцию, детализировать законодательное регулирование и порой превращает законы в подробные описательные инструкции. Избыточная инструктивность законов просматривается в избирательном законодательстве, а также в ряде актов налогового, финансового, экологического, социального, пенсионного законодательства и др.

⁷ СЗ РФ. 2011. № 45. Ст. 6331.

⁸ СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

Правильно ли это? Может быть, изменилась эпоха, изменились общественные отношения, изменился и подход законодателя к их регулированию? На первый взгляд, некоторое расширение инструктивности российских законов соответствует общедемократическому требованию осуществлять регулирование на уровне законов и сокращать регулирование подзаконное. На самом же деле за этим стоят нечеткость в определении и использовании законотворческих полномочий, законодательная «мелочность», непонимание законодателем рамок своей компетенции, необоснованная попытка расширить эти рамки. Безусловно, соотношение нормативности и инструктивности неодинаково в различных отраслях законодательства и требует углубленного научного исследования.

Нарушение баланса нормативно-правового и технико-юридического регулирования. Одна из проблем, нуждающихся в осмыслении, — меняющееся на наших глазах соотношение нормативно-правового и технико-юридического регулирования. В ряде случаев техническое регулирование может заменять и даже вытеснять нормативно-правовое, оказываясь более простым, экономичным и эффективным. Поскольку современный человек живет в окружении мира техники, все чаще удовлетворяет свои потребности с использованием разнообразных технических средств, данная тенденция, скорее всего, будет развиваться и нарастать.

Учитывается ли данное обстоятельство в законодательной практике? На наш взгляд, далеко не в полной мере. В 2000-е гг. в нашей стране состоялась реформа технического регулирования, одним из этапов которой стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁹. Данным Законом было установлено, что технические регламенты могут приниматься альтернативно в форме федерального закона либо постановления правительства.

На наш взгляд, уже сам факт возможности «альтернативного» регулирования — теоретический и практический нонсенс. Ведь предметы регулирования законов и подзаконных правовых актов четко различаются: принятие федерального закона по предмету деятельности правительства противоречит конституционному принципу разделения властей.

Не менее важно и то, что законы по своей природе — акты политического характера, которые принимаются в ходе законодательного процесса, имеющего политико-правовой характер. Акты технического регулирования имеют совершенно иную природу. Они основываются на достижениях науки и техники и являются результатом консенсуса в узком кругу профессионалов, работающих в данной сфере. Оживленная политическая дискуссия фракций Государственной Думы, например, вокруг правил разработки, принятия, применения и исполнения требований к продукции, зданиям и сооружениям, процессам проектирования, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, внесение депутатами поправок, изменений и дополнений в указанные технические нормы вызвало бы недоумение ученых и практиков, иронию средств массовой информации и повлекло бы дискредитацию российского парламентаризма.

Реальные итоги указанного «законодательного эксперимента» выглядят следующим образом. С 2002 г. было принято в форме федеральных законов 7 тех-

⁹ СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

нических регламентов, из них действуют полностью или частично 4, отменены 3. Комментируя ход реформы технического регулирования на заседании Госсовета в Ульяновске 24 ноября 2009 г., действовавший в тот период Президент РФ Д. А. Медведев отметил следующее:

«И в отношении технического регулирования... Здесь беда какая-то просто, я просто не знаю, что делать с этим. Не знаю, может, распустить эти органы наши по техническому регулированию?»

Когда я работал в Правительстве, мы как-то эту тему закрутили. Было принято определенное количество технических регламентов, и сейчас они принимаются, но это все равно слезы по количеству. <...> Надо новые правила эти создавать. Вопрос в том, как? <...> Может быть, отказаться от этого закона? Он не работает.

Когда я был в Правительстве, с Сергеем Борисовичем [Ивановым] мы вместе этим занимались, он тоже помнит. Наша попытка создать стройную систему технического регулирования ничем не закончилась. Мы не можем принять эти решения в том порядке, в котором это вытекает из закона. <...>

[Мы]... создали стройный на первый взгляд законопроект, посвященный этому, где были общие регламенты, вводимые в действие через Федеральное Собрание; более специальные регламенты, которые вводятся, по-моему, Президентом, еще часть регламентов вводится Правительством. В результате все между пальцами ушло.

Я не знаю, мне кажется, лучше уж тогда это отдать какому-нибудь ведомству одному, и пусть оно все это сделает, и у нас будут на столе эти регламенты. Возьмут правила Евросоюза, надлежащим образом их обработают, скомпилируют и выпустят, наконец, потому что, мне кажется, это будет бесконечно продолжаться. Государственная Дума с этим не справится»¹⁰.

В настоящее время компетенция по принятию единых актов технического регулирования передана в соответствующие структуры Таможенного Союза. Можно было бы и забыть о неудачной попытке реформирования технического регулирования, если бы не чувствительный урон, который она нанесла авторитету российского законодателя и развитию экономики страны.

Высказанные замечания и предложения, конечно же, не исчерпывают тему научных основ систематизации и кодификации российского законодательства. Жизнь российского общества находится в постоянной динамике. Она требует непрерывного совершенствования законодательства, которое должно обеспечивать высокий уровень защищенности прав и свобод граждан, оперативность, высокое качество и максимальную эффективность управленческих решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ткаченко Н. В.* Статистическое исследование законодательства Российской Федерации. — М., 2017.

¹⁰ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6094>.

**Инна Сергеевна
БАРЗИЛОВА,**

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
 ktgp@msal.ru
 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы развития отечественного законодательства, выделяются основные тенденции и перспективы реформирования действующей системы нормативных правовых актов. Автором анализируются вопросы унификации, кодификации, дифференциации законодательства, использования юридической техники, правовых дефиниций.

Ключевые слова: правовая система, система законодательства, система права, кодификация, унификация, дифференциация, нормативный правовой акт, юридическая техника.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.092-101

I. S. BARZILOVA,

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ktgp@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. In the article modern problems of development of the domestic legislation are considered, the basic tendencies and prospects of reforming of operating system of standard legal acts are allocated. The author analyzes the issues of unification, codification, differentiation of legislation, use of legal techniques, legal definitions.

Keywords: legal system, system of legislation, system of law, codification, unification, differentiation, normative legal act, legal technique.

В настоящее время наблюдается довольно высокая динамика отраслевого российского законодательства, что предопределяет постановку вопроса об интенсификации общетеоретических исследований, посвященных действию нормативных правовых актов. Отраслевые юридические науки все чаще сталкиваются с проблемой отсутствия современных фундаментальных теоретических разработок, посвященных, например, системе российского права, унификации и дифференциации российского законодательства и т.п. В настоящее время теоретические и отраслевые исследования осуществляются не в тесной взаимосвязи, а, по сути, параллельно, без учета достижений, выводов и результатов друг друга. Отраслевые науки, таким образом, формируют свою собственную теорию, довольно часто не учитывающую устоявшиеся и основательно раз-

работанные положения общей теории права. Это очень опасная тенденция для развития юридической науки в целом.

Динамика законодательства предопределена и объективными факторами, связанными, например, с переходом Российской Федерации к цифровой экономике, развитием качественно новых общественных отношений, нуждающихся в создании механизма их правового регулирования.

Необходимость совершенствования законодательства связана со стоящими перед Российской Федерацией проблемами, среди которых можно назвать снижение глобального спроса на традиционные сырьевые товары; геополитическое обострение; снижение численности населения в трудоспособном возрасте; снижение доли инвестиций в структуре ВВП; рост зависимости экономики Российской Федерации от нефтегазовых доходов; ухудшение качественных и количественных показателей расходов бюджетной системы; отставание от мировых темпов технологического развития и др. Среди современных вызовов можно выделить необходимость обеспечения государственного суверенитета, национальной, экономической безопасности; сохранения территориальной целостности Российского государства, исторического наследия; ликвидацию социальных противоречий, конфликтов и т.д.

Реформирование системы законодательства должно осуществляться в целях поддержки бизнеса и улучшения условий предпринимательской деятельности; развития институтов социальной сферы; регионального развития; повышения качества государственного управления; улучшения инвестиционного климата; развития конкуренции; инновационного развития, поддержки науки; расширения доступности кредитных и инвестиционных ресурсов; тарифного регулирования естественных монополий; повышения энергетической эффективности и т.п.

Феномен глобализации, его идеологические установки становятся причиной изменений в правовых системах государств, утратой ими суверенитета. В связи с этим в процессе реформирования системы законодательства должны быть предусмотрены меры, направленные на развитие интеграционных процессов в позитивном русле, обеспечивающие защиту интересов государства на международной арене. Важнейшими аспектами в плане совершенствования системы российского законодательства должны быть обеспечение национальной, международной безопасности; создание препятствий для распространения негативных явлений глобализации, таких как утрата национальной идентичности и культуры народов, проживающих на территории Российской Федерации, проявление международной преступности, коррупции, терроризма и т.п. Реформирование законодательства должно способствовать повышению уровня интегрированности экономики нашей страны в мировую экономику, увеличению инвестиционной привлекательности, обеспечивая в то же время политическую стабильность государства.

Совершенствование законодательства может осуществляться и для предотвращения возможных угроз политического, экономического, демографического, информационного характера. С развитием информационной системы особую значимость приобретают проблемы обеспечения безопасности, минимизации угроз несанкционированного вторжения в информационно-телекоммуникационные сети; обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных

атак на информационные ресурсы РФ; создания эффективных шифровальных (криптографических) средств.

Анализ российского законодательства позволяет обозначить основные тенденции, касающиеся его развития на современном этапе:

- существенное расширение сферы правового регулирования, появление качественно новых правовых отношений, связанных с инновационными преобразованиями;
- повышение интенсивности правового регулирования, возрастание динамики законотворческой деятельности как на уровне Российской Федерации, так и на уровне субъектов РФ;
- углубление специализации законодательства;
- появление новых комплексных отраслей российского законодательства;
- появление новых сложных институтов в системе российского права, включающих несколько субинститутов;
- разработка и внедрение новых механизмов обеспечения реализации законов, закрепление на законодательном уровне новых гарантирующих средств;
- разработка и внедрение новых методик проведения различного рода экспертиз законов и законопроектов;
- повышение значимости закона как источника права;
- разработка и попытка внедрения новых методик оценки регулирующего воздействия права;
- увеличение количества кодифицированных нормативных правовых актов;
- попытка законодательного нивелирования негативных последствий глобализационных процессов;
- оценка влияния международного права на подготовку, принятие и применение российских законов в условиях интеграционных процессов;
- развитие внутрисистемных связей, взаимопроникновение нормативных предписаний разных отраслей законодательства и т.п.

Интенсивное развитие российского законодательства предопределило и возникновение ряда проблем. Так, не всегда оправданными представляются изменения, касающиеся традиционных отраслей российского законодательства и сложившихся в законодательстве правовых массивов.

Размывание предмета правового регулирования на отраслевом уровне привело к появлению значительного числа конкурирующих, дублирующих друг друга норм, что совсем не способствует совершенствованию правореализационного процесса. И это вовсе не является свидетельством дифференциации российского законодательства, наоборот, смешение предметов правового регулирования различных отраслей права затрудняет специализацию законодательства и уводит данный процесс совершенно в другое русло.

Не всегда оправданной представляется попытка закрепления на законодательном уровне новых правовых образований. Неумелое использование средств, приемов и правил юридической техники приводит к тому, что эти правовые образования приобретают, по сути, промежуточное значение между институтами и подотраслями права. Если добавить к этому неправильное использование юридической терминологии, размывание предмета правового регулирования ряда отраслей, то ситуация представляется довольно сложной.

Представляется проблемным и искусственное расширение в ряде случаев сферы правового регулирования, приводящее к излишней «зарегулированности» общественных отношений. Право рассматривается как некая панацея от всех социальных бед, хотя это не всегда так. В результате процесс реализации права для субъектов настолько усложнен, что для нивелирования этого негативного фактора они формируют свои собственные механизмы с использованием в том числе конкурирующих норм из других отраслей права.

Ревизия отечественного законодательства должна происходить и в плане выявления соответствия норм права и гарантирующих их реализацию средств. Неправильное сочетание отдельных видов норм и обеспечивающих их средств приводит довольно часто к изменению цели самой нормы, изначально поставленной в нормативном правовом акте. Причем гарантирующие средства должны быть верно установлены в течение всего процесса реализации этой нормы, в противном случае конечный результат будет совершенно иным. Так, в действующем законодательстве можно наблюдать ситуацию, когда для обеспечения реализации поощрительной нормы используются запреты, а для реализации запрещающей нормы — средства стимулирующего характера. Это не всегда оправданно.

Кроме того, должны быть правильно подобраны сами виды норм (императивные, диспозитивные, поощрительные, рекомендательные и т.д.) для регулирования определенных видов общественных отношений. В данном случае подбор видов юридических норм должен осуществляться с учетом типа и методов правового регулирования, существующих в рамках отрасли.

Среди недостатков развития российского законодательства можно выделить и отсутствие глубокого анализа происходящих изменений, недостаточное проведение аналитической работы, направленной на определение рисков, связанных с девальвацией системы нормативных правовых актов. Так, принятие избыточного и непродуманного числа законов, регулирующих определенную сферу общественных отношений, неумелое применение в них юридических средств могут привести к тому, что после возникновения проблем в плане реализации этих нормативных актов правотворческий орган «переключится» на использование диаметрально противоположных правовых инструментов (например, запретов вместо стимулов и наоборот). Все это в результате приводит к девальвации законодательства, что усугубляется и отсутствием единой методики оценки регулирующего воздействия права.

До сих пор не решена проблема экстраполяции экономических закономерностей на правовую действительность. Важно учитывать, что на современном этапе на первое место выходит информация как фактор производства. Преимущества на рынке получают те, кто использует более современные знания, технологии. Это и необходимо учитывать в действующем законодательстве.

Думается, необходимо осуществлять оценку не только регулирования, но и воздействия права. Последнее представляется довольно важным и в плане расширения сферы правового регулирования, изменения предмета и методов регулирования, выявления рисков в правореализационном процессе и т.д.

Интенсивное подзаконное правотворчество привело к определенной девальвации системы ведомственных нормативных правовых актов, содержащих множество коллизионных норм. В результате наблюдается противоположный процесс,

когда общественные отношения пытаются урегулировать не ведомственным или локальным актом, а сразу на уровне федерального закона или путем внесения изменений (дополнений) в соответствующий кодекс. Если посмотреть на статистику внесения поправок в действующую систему законов Российской Федерации, то это становится сразу очевидным. Так, среди действующих кодифицированных нормативных правовых актов можно встретить такие, которые насчитывают свыше 350 поправок при наличии только 40—150 статей в первоначальной редакции.

Внесение «поправок на поправки» в законодательные акты приводит к необоснованному расходу юридических ресурсов, нерациональному использованию законодательного процесса, его «измельчанию». В связи с этим, думается, целесообразно рассмотреть вопрос о «пакетном» изменении действующего законодательства, об увеличении «испытательного» срока действия того или иного закона. В то же время важным представляется совершенствование механизма оценки регулирующего воздействия ведомственных и локальных нормативных правовых актов.

Представляется проблемой и отсутствие единой системы юридических понятий, используемых на отраслевом уровне, что существенно затрудняет проведение работы по кодификации российского законодательства. Используемые понятия и категории не всегда соответствуют сложившимся подходам в рамках общей теории права.

К числу важнейших проблем можно отнести создание единого согласованного понятийного аппарата юриспруденции. Необходимость логического анализа применяемых определений обусловлена их особым статусом в правовой сфере, связанной с институционализацией всех правовых явлений в нормативных актах. С помощью дефиниций достигается логичность, упорядоченность, стройность правового регулирования. Единый категориальный аппарат способствует унификации законодательства в целом. Дефиниции выступают в качестве долговременной и продуктивной связи между элементами отечественной системы законодательства, структурно оформляя ее. Имеет место и проблема соответствия юридических дефиниций постоянно меняющейся правовой действительности, что придает на современном этапе особую значимость исследованиям в сфере социологии права, изучающей функционирование институтов права в общественной системе. Существенная роль отводится и методологическим вопросам юридической науки в целом, нуждающейся в обширном философском и науковедческом контексте.

Однако довольно часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения отдельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, «перегрузкой» или, наоборот, с существованием пробелов, противоречий в понятийном строе юриспруденции, с отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований, с неоправданным использованием иностранных юридических терминов и конструкций. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и то же правовое явление, что приводит к возникновению трудностей в правореализационном процессе.

Унификация законодательных дефиниций обусловлена усложнением юридических понятий и терминов, громоздкостью текстов нормативных правовых

актов, что создает трудности в интерпретационной деятельности. Унификация законодательных дефиниций приобретает особое звучание и в плане совершенствования ведомственного нормотворчества, определения которого должны вписываться в общую логически выверенную систему юридической терминологии как на общедофедеральном, так и на региональном уровнях.

Точность в формулировании дефиниций нормативных правовых актов позволяет избежать разночтений, тавтологии, неоднозначности в понимании правовых текстов, коллизий между общими и специальными юридическими нормами. Кроме того, правотворческие органы активно внедряют в правовую материю абсолютно новые термины, которые нуждаются в дефинировании. Высокую динамику лексики современной российской юриспруденции обуславливают и происходящие миграционные и глобализационные процессы.

Поэтому представляется важным создание словарей, содержащих единые для всех отраслей права определения государственно-правовых явлений. Здесь ведущая роль принадлежит исследованиям в сфере общей теории государства и права.

С целью устранения большого количества дублирующих друг друга нормативных правовых актов, конкурирующих норм необходимо продолжить работу по унификации российского законодательства. Внутренним свойством унификации является единство. Она способствует согласованному действию всех элементов механизма правового регулирования, укрепляет его системные связи, придает «синхронность» функционированию всех его элементов, экономит юридические ресурсы. Унификация направлена на выявление общих свойств и граней в механизме реализации законов. Процесс унификации может касаться как в целом законодательства, так и отдельных его отраслей.

В настоящее время многие специалисты в целях унификации и систематизации действующего законодательства предлагают принять свод законов Российской Федерации, при формировании которого предполагается устранить как существующие противоречия и несогласованности между законами, так и их внутренние недостатки, пробелы и коллизии. Издание свода законов представляет собой попытку нового подхода к проблеме систематизации законодательства, способствующую упорядочиванию всего массива нормативных правовых актов, устранению пробелов, противоречий в законодательстве, формированию единого стержня правовой системы.

Негативно сказывается и отсутствие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», проект которого был подготовлен Минюстом России. В предложенном проекте закона определяются понятие, виды и формы нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) в Российской Федерации, устанавливаются их юридическая сила и соотношение между собой, общий порядок их подготовки, оформления, экспертизы, принятия (издания), опубликования (обнародования), вступления в силу, толкования, учета и систематизации; основы реализации и мониторинга правоприменения нормативных правовых актов, порядок преодоления и устранения коллизий и пробелов в правовом регулировании, ответственность в сфере правотворчества и реализации нормативных правовых актов. Принятие подобного нормативного акта положительным образом сказалось бы на структурировании и совершенствовании системы действующего законодательства в Российской Федерации.

На современном этапе кодифицированные отрасли законодательства нуждаются не в коренном изменении, как предлагают некоторые специалисты, а в совершенствовании, предполагающем раскрытие их потенциала и выработку новых механизмов реализации норм. В этой связи представляется недопустимым принятие дублирующих кодексов (например, наряду с Гражданским кодексом РФ предлагается принятие хозяйственного и торгового кодекса), что существенно усложнит процесс правового регулирования, создаст значительное количество конкурирующих норм. Недопустимым представляется и существенное изменение структуры кодифицированных актов, внедрение нового понятийного аппарата. Кодифицированные акты должны оставаться основой развития в цивилизованных обществах, эффективным механизмом защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Изменения кодифицированных нормативных правовых актов должны учитывать опыт их применения и толкования судебными органами.

Унификация и специализация — это два взаимосвязанных процесса, касающихся изменения системы действующего российского законодательства. Они направлены во многих случаях на достижение одних и тех же целей, связанных с реконструированием системы нормативных правовых актов, ликвидацией пробелов и коллизий в праве, приданием механизму правового регулирования целостности и единства. Однако, несмотря на это, унификация и специализация являются по своей сути противоположными процессами, выступая в качестве сдерживающих противовесов.

Противоположным процессом в реформировании законодательства является дифференциация, позволяющая учитывать не только многообразие общественных отношений, но и специфику методов, средств и предметов правового регулирования. Это предопределяет увеличение количества принимаемых специальных норм, появление новых разделов в кодифицированных и текущих нормативных правовых актах.

В настоящее время следует констатировать отсутствие единой стратегии развития законодательства, предусматривающей основные этапы и направления развития всей системы нормативных актов. Это приводит к бессистемному изменению законодательства, неравномерности в развитии отдельных его отраслей, институтов, к конкуренции норм, пробелам и коллизиям.

Изменение системы российского законодательства должно осуществляться на концептуальной основе, согласно научно обоснованным направлениям развития, в целях решения социально-экономических, политических, миграционных, демографических и иных задач современного общества. Политика в плане изменения законодательства является мощным рычагом, с помощью которого оказывается влияние на социальные процессы, — изменяются в необходимых случаях их направленность, интенсивность, качественные и количественные характеристики. Правовая политика, как отмечает известный российский ученый-теоретик Н. И. Матузов, должна обладать способностью диагностировать болевые точки жизни общества и своевременно и эффективно профилактировать их¹.

¹ Матузов Н. И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 8.

Реформирование системы российского законодательства должно осуществляться не хаотично, а в соответствии с определенными основополагающими идеями, принципами, использующимися для организации управленческого процесса.

К числу важнейших можно отнести принцип системности. Изменения в законодательстве, проводимые на основе выявленных закономерностей развития правовой системы, а также стоящих перед государством стратегических целей и задач, должны быть связаны с трансформациями, направленными на обеспечение целостности функционирования механизма правового регулирования, рационального взаимодействия его структурных элементов как между собой, так и с элементами окружающей социальной среды. Преобразования должны носить комплексный характер, учитывать многообразие интегративных связей и отношений, возникающих в процессе действия права.

Изменения в законодательстве следует осуществлять в соответствии с научно обоснованными концептуальными основами правовой политики в Российской Федерации (целями, задачами, принципами, приоритетами, направлениями); разработанными поэтапными (долгосрочными, среднесрочными и краткосрочными) программами модернизации правовой системы, предусматривающими особые антикризисные (компенсационные, стимулирующие, ограничивающие, превентивные и т.п.) средства снижения управленческих рисков. Преобразования в правовой сфере должны базироваться на прогнозах развития социальных процессов и последствий реформирования.

Принцип профессионализма касается качества изменений в действующей системе законодательства. Квалифицированность реформирования оказывает существенное влияние на конечный результат преобразований, степень достижения изначальной цели, эффективность механизма правового регулирования, структурируемого в зависимости от потребностей общественного развития, социальных вызовов. Профессионализм связан с экономией в использовании управленческих ресурсов, подбором наиболее оптимальных средств, методов правового регулирования, ликвидацией коллизий в праве.

Изменения в законодательстве должны осуществляться в соответствии с принципом разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также принципами правового государства и социально ориентированной рыночной экономики.

Следует обратить особое внимание и на вопросы, касающиеся юридической техники, единых подходов к формализации статей о порядке вступления в юридическую силу нормативных актов.

Кроме того, среди основных вопросов, нуждающихся в решении, можно выделить следующие:

- необходимость систематизации и конкретизации отраслевого законодательства;
- создание механизмов правового обеспечения эффективного функционирования государственных и общественных институтов;
- преодоление отчуждения граждан от права, обеспечение правовой активности граждан, консолидация гражданского общества;

- преодоление внутрисистемных диспропорций и повышение качества правового регулирования;
- проведение анализа современного состояния и перспектив развития законодательства в сфере науки и инноваций;
- необходимость кодификации пенсионного законодательства посредством разработки Пенсионного кодекса Российской Федерации;
- осуществление комплексного подхода в использовании юридических средств;
- урегулирование процедурных вопросов в самом законодательном процессе (согласование процедуры законодательной инициативы субъектов РФ с системными изменениями законодательства на федеральном уровне) и т.д.

Сохранение отечественных правовых традиций относится, пожалуй, к одной из актуальнейших проблем развития российского законодательства на современном этапе. Непродуманное заимствование институтов и механизмов из иностранных правовых систем со всей очевидностью продемонстрировало недопустимость «ломки» сложившихся отечественных традиций в угоду сиюминутным «новомодным» веяниям. Не следует забывать, что в жизни любого общества право играет первостепенную роль. Упорядочивая существующие социальные связи, оно позволяет в той или иной степени воплотить в жизнь постулаты извечных человеческих ценностей, обозначить общие ориентиры в развитии социума. Ценность национального права как определенной социальной формы заключается в разумной организации и реформировании всей системы общественных отношений. Рассматривая право с позиции его социально-нравственной природы, необходимо отметить его немаловажное значение в реализации идей, заложенных в основе всех цивилизованных сообществ. Так, к числу национальных традиций следует отнести принцип равенства. Подобная форма императивного долженствования является в определенной степени базовой для формирования иных видов ценностно-должного в общей аксиологической системе императивного долженствования.

Думается, на современном этапе необходимо уделить особое внимание не только средствам стимулирующего характера, довольно активно исследовавшимся в рамках общей теории права, но и ограничивающего. Именно подобный подход позволит сохранить на должном уровне императивный метод правового регулирования, существующий в публичных отраслях права, и в конечном счете предотвратить «размывание» системы российского права. Рассмотрение в рамках общей теории права, например, ограничений, приостановлений и запретов позволит повысить качество их закрепления на законодательном уровне; привести в единую систему их определения, используемые в отраслях частного и публичного права; выбрать адекватные средства, приемы, способы юридической техники, применяемые для их нормативной фиксации. Это особенно актуально в плане защиты прав человека, законодательного регулирования медицинского права, биоэтики, так называемого генетического права, права цифровой биометрической идентификации и т.д.

Обозначенные выше проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования проблем развития отечественного законодательства как в рамках общей теории права, так и на отраслевом уровне.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Линия права. — М., 2006. — 461 с.
2. *Матузов Н. И.* Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. — 1997. — № 4.
3. Очерки теории российского законодательства / под ред. И. Н. Сенякина. — Волгоград, 2009. — Ч. 1. — 246 с.
4. Система права. История, современность, перспективы / Т. Н. Радько, Д. М. Азми, Е. А. Киримова. — М., 2018. — 256 с.

**Анна Александровна
ГОЛОВИНА,**

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
aagolovina@mail.ru
117218, Россия, г. Москва, Б. Черемушкинская ул., д. 34

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы развития системы российского законодательства, в том числе инфляция правовой материи в развитии системы законодательства; обновление системообразующих ядер отраслей законодательства; совершенствование терминологии в исследованиях отраслей законодательства; смешение категорий права и законодательства, отраслей права и отраслей законодательства; объем понятия «отрасль законодательства»; принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» и т.д. В статье также подчеркивается, что для решения обозначенных проблем необходимо объединение научного потенциала теории государства и права и отраслевых юридических наук.

Ключевые слова: система российского законодательства, отрасли российского законодательства, инфляция правовой материи, дефекты законодательной техники, Федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.102-110

A. A. GOLOVINA,

PhD in Law, Senior Research Associate of Department of the Theory of Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
aagolovina@mail.ru
117218, Russia, Moscow, B. Cheremushkinskaya ul., 34

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. In the article are considered some actual problems of development of the system of Russian legislation, including such as the problem of inflation of legal matter in the development of the system of legislation, the problem of updating the system-forming nuclei of branches of legislation, the problem of the improvement of terminology in the studies of branches of legislation, the problem of confusion of categories of law and legislation, branches of law and branches of legislation, The problem of the scope of the concept of «branch of legislation», the problem of the adoption of the federal law «On regulatory legal acts in the Russian Federation», etc. Also in the article it is emphasized that to solve the indicated problems it is nec-

essary to unite the scientific potential of the theory of state and law and branch legal sciences.

Keywords: *system of Russian legislation, branches of the Russian legislation, inflation of legal matter, defects of legislative technique, the federal law «On regulatory legal acts in the Russian Federation».*

Анализ состояния системы современного российского законодательства позволяет, на наш взгляд, выделить следующие основные тенденции ее развития и проблемы доктринального осмысления, требующие решения с привлечением научного потенциала не только теории государства и права, но и отраслевых юридических наук.

1. Инфляция правовой материи в развитии отраслей законодательства

Эта проблема является общей для всей системы российского законодательства и проявляется на всех его уровнях — от разрастания объема отдельных законодательных норм и нормативных правовых актов до разрастания объема целых отраслей законодательства.

Инфляцию правовой материи можно довольно легко проследить, сопоставив объемы и содержание правового регулирования одной и той же группы общественных отношений в разных законодательных актах на протяжении длительного периода.

Так, А. Г. Головин отмечает тенденцию прогрессирующего разрастания текста конкретных правовых предписаний и соответствующее увеличение объема законодательных актов на примере избирательного законодательства. Автор в 2008 г. проводил следующее сопоставление. Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» состоял из преамбулы и 10 глав, включавших в себя всего 36 статей, изложенных во вполне подходящем для базовых, рамочных законов лаконичном стиле. Пришедший ему на смену Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» включал в себя преамбулу и 11 глав, содержащих 66 статей. При этом практически вдвое увеличилось не только количество статей, но и объем текста каждой нормы. Действующий Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ состоит из преамбулы, 11 глав и приложения. Количество статей в нем возросло до 85, объем и сложность текстов правовых предписаний вновь увеличились на порядок². По состоянию на 2016 г. этот Федеральный закон включал преамбулу, уже 87 статей (включая новые статьи 111, 35.1 и 81.1) и 10 приложений.

¹ Российская газета. 2002. 15 июня. № 106.

² Головин А. Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. М. : Московское бюро по правам человека. Academia, 2008. С. 98.

Та же тенденция прослеживается и в других отраслях законодательства. Например, Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»³ на момент принятия имел 65 статей. Заменявший его Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁴ включает уже 114 статей, в целом сопоставимых по объему.

В результате возрастает элемент хаотичности и энтропии в развитии системы российского законодательства, затрудняется толкование закона, его применение и упорядочение законодательного массива.

2. Необходимость обновления системообразующих ядер отраслей законодательства

Как правило, в каждой отрасли российского законодательства есть системообразующее ядро — кодекс или крупный отраслеобразующий федеральный закон.

Некоторые из отраслей законодательства за последние годы прошли фазу интенсивного обновления системообразующих ядер. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁵ пришел на смену Закону РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-I «Об образовании»⁶, а Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁷ — Основам законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, утвержденным Верховным Советом РФ 22 июля 1993 г. № 5487-I⁸.

Вместе с тем и сегодня остаются отрасли, в которых актуальна задача обновления системообразующего ядра, которое принималось десятилетия назад в существенно иных политических, экономических, социальных условиях. В качестве примеров можно назвать Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утверждены Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. № 3612-I⁹), Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации»¹⁰.

Количество изменений, внесенных за прошедшие годы в подобные законодательные акты, таково, что они уже напоминают лоскутное одеяло, и в отношении них трудно говорить о концептуальном единстве и логической стройности.

Представляется, что в современных условиях предпочтительнее создавать по заранее продуманной концепции новые системообразующие законы для таких отраслей.

³ Российская газета. 2005. 18 июля. № 163.

⁴ Российская газета. 2013. 12 апреля. № 80.

⁵ Российская газета. 2012. 31 декабря. № 303.

⁶ Российская газета. 1992. 31 июля. № 172. (Документ утратил силу.)

⁷ Российская газета. 2011. 23 ноября. № 263.

⁸ Российские вести. 1993. 9 сентября. № 174. (Документ утратил силу.)

⁹ Российская газета. 1992. 17 ноября. № 248.

¹⁰ Российская газета. 1992. 8 февраля. № 32.

3. Совершенствование терминологии в исследованиях отраслей законодательства

Одной из доктринальных проблем в исследовании отраслей российского законодательства, на наш взгляд, является то, что сам термин «законодательство» используется применительно к различным уровням в иерархии.

Например, некоторые исследователи пишут о том, что «институты избирательного законодательства в то же время являются и институтами конституционного законодательства. Для обеспечения надлежащего качества законодательного регулирования выборов требуется сочетание использования универсального инструментария отраслевого регулирования в рамках конституционного законодательства в целом со специализированным набором регулятивных средств, присущих только избирательному законодательству»¹¹.

Таким образом, в отечественной правовой доктрине нет своих терминов для отраслей законодательства и подотраслей, институтов законодательства. Все они могут в научном обиходе называться «законодательством», в связи с чем простое упоминание того или иного «законодательства» еще не позволяет делать однозначного вывода о его месте в системе законодательства, о его иерархических и генетических связях с другими отраслями законодательства.

По сути, эта проблема является общей и для исследований системы права, где точно так же «правом» могут называть и отрасль, и подотрасль, и институт права. Например, можно встретить упоминания о таких «правах», как «детское право»¹², «модное право»¹³, «фирменное право»¹⁴. Среди самых свежих встретившихся нам примеров — такое экзотическое право, как «пещерное» право, которое В. Д. Резван и Е. В. Захаров предложили ввести в научный оборот на Жидковских чтениях — 2017 в Российском университете дружбы народов¹⁵. Благо сами авторы, предлагая тему доклада для включения ее в программу конференции, благоразумно взяли термин «пещерное» в кавычки.

¹¹ Постников А. Е. Система избирательного законодательства в Российской Федерации : дис. в форме науч. доклада ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 9.

¹² Сочнева О. И. О «детском праве» как комплексном нормативно-правовом блоке социального законодательства // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 1 : Актуальные проблемы социальной направленности цивилистики и смежных областей юриспруденции : сб. науч. тр. Ярославль, 2011. С. 76—100 ; Ребенок как субъект права: актуальные цивилистические аспекты. Ярославль, 2013.

¹³ Шебанова Н. А. Правовое обеспечение индустрии моды — модное право? // URL: <http://www.igpran.ru/articles/3551/> (дата обращения: 1 июня 2016 г.).

¹⁴ См.: Филиппова С. Ю. Фирменное право России. М. : Статут, 2016.

¹⁵ См. доклад В. Д. Резвана, старшего преподавателя кафедры гражданского права и процесса Сочинского института (филиала) РУДН, и Е. В. Захарова, юриста (спортивно-туристский клуб «Кавказ») на тему «Проблемы формирования нормативной правовой базы “пещерного” права и создания субъекта карстолого-спелеологической деятельности в РФ в условиях транснационализации правового регулирования» на Всероссийской научной конференции «Тенденции развития права в социокультурном пространстве (Жидковские чтения — 2017)», Российский университет дружбы народов, 24—25 марта 2017 г.

4. Смешение категорий права и законодательства, отраслей права и отраслей законодательства

Несмотря на то что разграничению этих категорий посвящено достаточно много исследований начиная с советского периода, до сих пор нередки случаи их смешения: в научных исследованиях встречаются высказывания о каком-либо «праве» как «отрасли законодательства» и т.д.

В частности, некоторые современные авторы пишут о том, что «сегодня в юридической литературе достаточно часто встречаются мнения о признании той или иной отрасли законодательства самостоятельной отраслью права»¹⁶, встречаются и рассуждения на тему «здравоохранительного права как комплексной отрасли законодательства»¹⁷ или «соотношения налогового законодательства с другими отраслями права»¹⁸.

Между тем «право» может быть частью только системы права, а отраслью законодательства, что логично, может быть только какое-либо «законодательство», но никак не право. Также сопоставлять можно законодательство с законодательством, но не законодательство с правом.

5. Объем понятия «отрасль законодательства»

Возвращаясь к изложенному выше, одной из доктринальных и практических проблем мы считаем определение объема понятия «отрасль законодательства». В частности, исходя из различных смыслов термина «законодательство» нуждается в обсуждении вопрос о включении в отрасль законодательства подзаконных нормативных правовых актов, актов субъектов Российской Федерации, муниципальных правовых актов и т.д.

6. Вторичная структура в системе отраслей законодательства

Недостаточно разработанной доктринальной проблемой, на наш взгляд, является также существование вторичной структуры в системе отраслей законодательства. В частности, допустимо ли, по аналогии с системой права, вести речь о наличии в ней комплексных образований (комплексных подотраслей законодательства, комплексных законодательных межотраслевых институтов и др.).

7. Применение принципа федерализма к системе отраслей законодательства и системе отраслей права

В частности, Т. Н. Радько отмечает, что сегодня никто не отрицает, и это факт очевидный, что мы имеем федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации. Проблема — в оценке этого факта при рас-

¹⁶ Матюхин М. Ф. Дискуссионные вопросы критериев дифференциации отраслей законодательства и предмета их регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 3. С. 198.

¹⁷ См.: Малеина М. Н. Обоснование здравоохранительного права как комплексной отрасли законодательства и некоторые направления его совершенствования // Медицинское право. 2013. № 3. С. 7—14.

¹⁸ См.: Нагорная Э. Налоговые споры. Соотношение налогового законодательства с нормами других отраслей права // Право и экономика. 2004. № 12.

смотрении построения системы права. Ряд авторитетных ученых (академик РАН РФ О. Е. Кутафин, профессор А. С. Пиголкин, профессор В. В. Гошуляк и др.) твердо высказались в пользу того, что система права России едина и неделима. Например, О. Е. Кутафин в работе «Предмет конституционного права» высказался очень твердо: «Правовое регулирование в субъектах Федерации не является самодостаточным. Оно целиком зависит от Федерации и поэтому входит в единую российскую правовую систему. Реализация предложений о структуризации правовой системы не только по предметному признаку, но и по уровням государственного устройства приведет к развалу правовой системы страны»¹⁹. Однако в связи с этим Т. Н. Радько обращает внимание на следующее: если мы не признаем наличие некоторых отраслей права в субъектах Федерации, то получается парадоксальная ситуация — законодательство есть, а норм права нет²⁰.

Необходимо также учитывать, что наличие в субъекте Российской Федерации собственной системы права в силу неразрывной связи понятий права и государства вступило бы в противоречие с принципом единого и неделимого государственного суверенитета в российском государстве.

Однако, если следовать логике, получается, что в субъектах Российской Федерации нет собственной системы права, но есть своя система законодательства. Как в таком случае быть с принципом взаимосвязи системы права и системы законодательства? Этот дискуссионный вопрос также требует доктринального обсуждения.

8. Формирование нормативных комплексов на стыке национального и международного права

В современном глобализированном мире все больше интенсифицируются системные связи между национальным и международным правом, происходит формирование нормативных комплексов на их пересечении. Например, как отмечают исследователи, «на современном этапе арктическое право представляет собой феномен, нормативно-ценностные свойства которого не позволяют его свести к отдельной отрасли международного или национального права. Это явление иного порядка. В нем все более отчетливо заметны признаки системного образования. В процессе развития его международного и национального компонента оно будет приобретать все более высокий уровень организации, становясь системным комплексом, включающим в себя совокупность взаимосвязанных международно-правовых и национально-правовых элементов, находящихся в тесном взаимодействии друг с другом и с внешней средой. Сегодня же юридическую природу арктического права можно определить как сложную правовую формацию (образование)»²¹.

¹⁹ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 61.

²⁰ Радько Т. Н. Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 2015. С. 366—368.

²¹ Арктическое право: концепция развития / А. И. Абрамова, В. Р. Авхадеев, Л. В. Андриченко [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева; ИЗИСП при Правительстве РФ. М.: Юриспруденция, 2014. С. 10.

Поскольку национальный сегмент подобного нормативного комплекса опосредован нормами различных отраслей российского законодательства, нуждается в доктринальном исследовании проблема места таких законодательных массивов в системе отраслей современного российского законодательства.

9. Систематика отраслей законодательства

С доктринальной точки зрения необходимо обсуждение вопроса о том, насколько оправданно введение в научный оборот понятий «систематика законодательства» или «систематика отраслей законодательства» наряду с уже традиционно используемым понятием «систематизация законодательства».

В частности, понятие систематики законодательства отражает способ его доктринального, теоретического воспроизведения, в отличие от систематизации, имеющей более прикладной, функциональный характер.

10. Необходимость принятия федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»

Отсутствие на федеральном уровне нормативного правового акта, регулирующего основы правотворчества и устанавливающего системы нормативных правовых актов в их целостности и взаимосвязи, при том что такие акты действуют во многих субъектах Российской Федерации, также можно рассматривать в качестве проблемы системы российского законодательства.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в течение 30 лет занимается разработкой проблемы подготовки «закона о законах»²², главная цель которого — «достижение единства и непротиворечивости законодательного процесса, выстраивание нормативных правовых актов в единую систему, обеспечение их иерархии и согласованности, повышение юридико-технического качества принимаемых законов»²³.

Следует иметь в виду, что подобные законы на сегодняшний день уже приняты не только в таких государствах, как Китайская Народная Республика, Япония, Республика Болгария или Венгрия, но и в большинстве стран постсоветского про-

²² См., например: *Казьмин И. Ф., Поленина С. В.* «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. 1989. № 12; *Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г.* Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5; Концепция законопроекта «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2012. № 8; О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2013. № 3; Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М.: ИЗИСП при Правительстве РФ, 2013. URL: http://www.izak.ru/theme/upload/24_10_2014_dab17f1b030f13709e93ff9ebce642e6.pdf.

²³ Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров; ИЗИСП при Правительстве РФ. М.: Юриспруденция, 2015. С. 75.

странства, а именно в Республике Казахстан, Республике Беларусь, Республике Узбекистан, Республике Армения, Туркменистане, Киргизской Республике, Республике Таджикистан, Азербайджанской Республике.

В проекте закона, который разработан Институтом законодательства и сравнительного правоведения²⁴, предлагается, в частности, определить такие понятия, как «правовой акт», «нормативный правовой акт», «правотворчество», «система нормативных правовых актов», «правовая система». Также в проект включены ст. 4 «Законодательство о нормативных правовых актах в Российской Федерации», отдельная глава 2 «Система нормативных правовых актов».

Таким образом, в случае принятия подобного федерального закона дальнейшее системное развитие отраслей российского законодательства получит не только концептуальную, но и сформированную правовую основу, что будет способствовать более гармоничному развитию системы российского законодательства на новом уровне качества, потребность в котором диктует время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арктическое право: концепция развития / А. И. Абрамова, В. Р. Авхадеев, Л. В. Андриченко [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М. : Юриспруденция, 2014.
2. Головин А. Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. — М. : Московское бюро по правам человека. Academia, 2008.
3. Казьмин И. Ф., Поленина С. В. «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. — 1989. — № 12.
4. Концепция законопроекта «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. — 2012. — № 8.
5. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М., 2001.
6. Малеина М. Н. Обоснование здравоохранительного права как комплексной отрасли законодательства и некоторые направления его совершенствования // Медицинское право. — 2013. — № 3.
7. Матюхин М. Ф. Дискуссионные вопросы критериев дифференциации отраслей законодательства и предмета их регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 3.
8. Нагорная Э. Налоговые споры. Соотношение налогового законодательства с нормами других отраслей права // Право и экономика. — 2004. — № 12.
9. Научные концепции развития российского законодательства : монография. — 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М. : Юриспруденция, 2015.

²⁴ См.: Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект).

10. О проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. — 2013. — № 3.
11. *Постников А. Е.* Система избирательного законодательства в Российской Федерации : дис. в форме науч. доклада ... д-ра юрид. наук. — М., 1997.
12. *Радько Т. Н.* Проблемы теории государства и права. — М. : Проспект, 2015.
13. Ребенок как субъект права: актуальные цивилистические аспекты. — Ярославль, 2013.
14. *Сочнева О. И.* О «детском праве» как комплексном нормативно-правовом блоке социального законодательства // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 1 : Актуальные проблемы социальной направленности цивилистики и смежных областей юриспруденции : сборник научных трудов. — Ярославль, 2011.
15. *Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г.* Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. — 2006. — № 5.
16. *Филиппова С. Ю.* Фирменное право России. — М. : Статут, 2016.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Автор формулируется вывод о том, что в настоящее время совершенствование российского законодательства продиктовано как внутренними, так и внешними факторами правового развития, в числе которых решающее значение отведено глобализационным процессам, в частности процессам правовой глобализации — малоизученного наукой, но известного правовому пространству мира феномену. Правовые преобразования, отражающие тенденции мирового правового развития, охватывают все без исключения сферы жизни российского общества. Установлено, что российский законодатель систематически определяет наиболее важные приоритеты обновления регулирования, в числе которых актуальность сохраняют следующие: в сфере информационных технологий, в сфере обеспечения национальной безопасности, в банковской сфере, в сфере финансового рынка и др. Обосновывается тезис о том, что деглобализация как вынужденный ответ государств на негативные проявления глобализирующегося мира имеет достаточно яркую выраженность в российском законодательстве.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, деглобализация, правотворчество, законодательство, правовая система.

**Елена
Константиновна
МАТЕВОСОВА,**
кандидат юридических
наук, доцент кафедры
теории государства
и права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
ekmatevosova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.111-117

E. K. MATEVOSOVA,

*PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

ekmatevosova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

TRENDS AND PRIORITIES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Abstract. The author formulates the conclusion that at the present time, the improvement of Russian legislation is dictated by both internal and external factors of legal development, among which the most important is the globalization processes, in particular the processes of legal globalization — a phenomenon that has not been sufficiently studied by science but known to the legal space of the world. Legal transformations, reflecting the trends of world legal development, cover all spheres of Russian society without

exception. It was found that the Russian legislator systematically identifies the most important priorities for the update of regulation, among them the actuality of preserving: in the sphere of information technology, in the sphere of national security, in the banking sector, in the financial market and in some other. The thesis is substantiated that deglobalization, as the forced response of states to negative effects of the globalizing world, is quite vivid in the Russian legislation.

Keywords: *globalization, legal globalization, deglobalization, lawmaking, legislation, the legal system.*

Ключевым направлением современной российской правовой политики является совершенствование законодательства, требующее качественного обновления собственно специального правотворческого инструментария и пересмотра отдельных научно-методологических подходов.

Законодательство каждого государства, в динамике своего развития, воспринимает запросы общества в рамках национального пространства, а также импульсы, исходящие из сплетений правовой материи глобального уровня.

Вектор развития современного общества, безотносительно его пространственно-географических границ, определяется уникальным по своей природе, всеохватывающим по содержанию и далеко не однозначным по своим последствиям процессом глобализации.

Задачи управления процессами глобализации и прогнозирования детерминированных ею изменений до настоящего времени не решены и, что весьма вероятно, останутся в ряду теоретически важных, но практически невыполнимых задач, поскольку единая цепочка причин и посылов глобализационных сдвигов непрерывно пополняется новыми звеньями закономерного и случайного порядка.

Сегодня экономические, политические, социальные, идеологические и иные проблемы стали приобретать исключительно глобализационный характер прежде всего в силу двух основных факторов: первый — фактор объективированного цивилизационного развития, производящего процессы глобализации; второй — человеческий фактор, искусственное придание той или иной проблеме глобализационного окраса.

Вызовы «глобализационного времени» в правовой сфере характеризуются усложнением механизма правового регулирования общественных отношений, всесторонним преобразованием (нередко до неузнаваемости) существующих правовых процедур и коренным пересмотром основополагающих представлений о праве и его роли в жизни людей, что в целом есть расширение и вместе с тем уплотнение правового пространства, насыщенного бесконечным множеством комбинаций правовой регламентации.

Представляется, что в числе актуальных проблем совершенствования российского законодательства следует особо выделить недостаточное соблюдение принципа научности. Разрабатывая проект нормативного правового акта, законодатель обязан учитывать и использовать достижения различных наук (общественных, гуманитарных, естественных и технических), что служило бы дополнительной гарантией целесообразности и практической реализуемости правовых

норм. Глобализация в политическом, экономическом, культурном и ином измерении требует глубокого научного осмысления, а потому привлечение к законотворческой работе специалистов, обладающих необходимыми знаниями в соответствующей научной области, есть не право, а обязанность законодателя, на которого возложена полная ответственность за регулятивный итог.

Неукоснительность соблюдения указанного принципа затрудняется по причине, во-первых, временных и иных ресурсных затрат для организации работы экспертных площадок и, во-вторых, обширной палитры мнений ученого сообщества, которые порой в силу своей односторонности, противоречивости и агрессивного позиционирования не только не способствуют выработке какого-либо единого консенсуального подхода, но и искусственно осложняют обсуждение вопроса законодателем, который до обращения к просвещенным научным кругам имел большее понимание его сути и пути решения. Однако принцип научности, имеющий неоспоримую ценностную значимость, равно как и другие принципы законотворчества (основополагающие, исходные идеи и положения), должен получить понятную методологическую основу для его реального и действенного воплощения.

Усовершенствование приемов и средств прогнозирования — задача российской правовой политики, в особенности ее правотворческого направления. Базовый и вспомогательный, оптимистичный и негативный, консервативный, инновационный и другие сценарии правового, политического, социально-экономического и культурного развития общества должны разрабатываться в результате научно обоснованного прогнозирования. Сегодня законодатель обязан формулировать такие прогнозные выводы, которые всемерно учитывали бы метаморфозы права на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, динамичное и масштабное развитие государств и мирового сообщества ставит новые задачи перед юридической наукой и практикой. Рассуждая о роли сравнительного правоведения в движении общеправовых идей и концепций, философских и религиозно-этических постулатов правовых семей, российский правовед заключает, что «перемещения» сквозь границы «продуктов» сравнительно-правового анализа стали устойчивой доминантой правового регулирования¹.

Процессы гармонизации и унификации в глобализирующемся правовом пространстве мира требуют от законодателя, используя арсенал сравнительного правоведения, все чаще и внимательнее оглядываться на опыт других стран, в целях обеспечения не догоняющего, а опережающего правового развития, в том числе за счет заимствования тех правовых элементов, которые будут иметь не просто аналогичный, а именно больший правовой эффект, выводя национальную правовую систему на качественно новый уровень. Самобытность, уникальность правовой системы государства есть неиссякаемый источник для правовых преобразований. Вместе с тем накопленный в другом правовом пространстве опыт может быть полезен и применим. А потому так важно, заимствуя, соблюсти баланс между необходимым и возможным.

Универсализация правовых идей и ценностей является одним из проявлений правовой глобализации, способствующей интеграции различных правовых си-

¹ Правовое пространство и человек : кол. монография. М., 2012. С. 11, 14.

стем, их стремительному сближению. Заимствуя, правовые системы, несомненно, сближаются — сближаясь, правовые системы многое заимствуют. Конвергенция правовых систем неизбежно приводит к изменениям подвижной части их «кода», довольно часто затрагивая именно правотворческий сектор системной матрицы.

Однозначный ответ на вопрос о том, является ли заимствование в отсутствие какого-либо конкретизирования «вживляемого» материала благом или злом, невозможен; более того, постановка такого вопроса абсолютно недопустима и ее значение для науки и практики сведено к нулю, будучи ярким примером беспредметной дискуссии (единственным возможным предметом которой является дискуссия как таковая). Успех восприятия положительного правового опыта других стран, разумеется, зависит не только от законодателя; совершенная по форме и содержанию заимствованная норма права может быть отторгнута живым организмом — национальной правовой системой. В этой связи компетентностный подход законодателя, обращающегося к иноземному праву, будет состоять в том, чтобы, заимствуя, очертить пределы «правовой селекции» и не выходить за них. Такие пределы не устанавливаются нормативно, не носят исчерпывающего характера, не имеют статичного состояния; пределы заимствования образуются и стираются, расширяются и сужаются.

Как представляется, изобретательство в законотворчестве рационально тогда, когда правовая ситуация, разрешаемая правотворцем, действительно не была известна богатой истории государств на всей юридической карте мира. Чтобы не растрчивать невозполнимый ресурс — время, правотворец может использовать ранее уже созданный правовой конструкт, изменяя и преобразовывая его с учетом заданных параметров национального правопорядка. Частота законодательных изменений, смены «парадигмы регулирования» является актуальной проблемой российского законодательного процесса, связанной в том числе с тактическими ошибками заимствования. Такие изменения законодательства, безусловно, не заявляются правовыми экспериментами, однако фактически таковыми являются: по истечении непродолжительного времени, подводя неутешительные итоги нововведения, законодатель в таком же стремлении, что и раньше, обращается к зарубежному опыту в попытке найти готовые решения.

Следует указать на то, что неготовность российского общества к восприятию некоторых новых передовых «правовых технологий» возникает на фоне неудовлетворительного усвоения собственных «правовых достижений». В этом усматривается серьезная недоработка законодателя, торопливость которого неоправданна, а потому неуместна.

Вывод о том, что та или иная законодательная новелла есть прямой ответ на глобализацию, требует глубокого научного анализа как результата комплексного междисциплинарного исследования. Однако обнаруживаемая учеными умами связь между глобализационными вызовами и изменениями в законодательстве может быть и не мыслимой правотворцем, а потому только кажущейся. Надо признать, не исключено и то, что обоснование законодательных преобразований может иметь лишь формальную привязку к глобализационным переменам, таким образом прикрывая их истинный замысел.

Предметность правового регулирования и предлагаемые законодателем правовой и организационный механизм действия соответствующих нормативных

установлений является значимой подсказкой для выявления линий глобализационной связи. Следует отметить, что и пояснительная записка к законопроекту (требования к структуре и содержанию которой в российском законодательстве и по сей день не определены, несмотря на всю очевидную необходимость такого введения) нередко имеет такую аргументацию, как «глобализация мира», с использованием различных словесных формулировок, смысловая нагрузка которых в целом одинакова («эволюция глобализации», «условия глобализации», «глобализационные процессы» и др.).

Россия проводит сегодня внешнеполитический курс, в самостоятельности и независимости которого не приходится сомневаться ни одному государству мира. Отставание идей формирования полицентричной международной системы сопровождается ростом глобальной нестабильности, обострением противоречий на мировой арене. Основные концептуальные, доктринальные правовые акты², так называемые базовые документы стратегического планирования, прямо указывают на возникновение в эпоху глобализации новых и усиление существующих угроз и вызовов национальной и международной безопасности, тем самым требуя от законодателя преобразований нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасности. Количество и качество законодательных актов, укрепляющих системы обеспечения национальной безопасности России, в последние годы существенно возрастает.

Прасимвол глобализации — информатизация общества, включенного в единое глобальное информационное пространство и вместе с тем разобщенного вследствие множества противоречий и конфликтов, возникающих за его пределами, но ставших его неотъемлемой частью. Наравне с реальным осязаемым миром возникает мир виртуальный, претендующий на конкуренцию с его создателем и формирующий собственное «игровое поле». Общество оказывается в ловушке научно-технических достижений, вредоносность которых может превысить их неоспоримо высокую полезность.

Определяя специфику и динамику преступности в современном мире, можно со всей уверенностью утверждать о возникновении и широком распространении ее нового вида — киберпреступности, эффективная борьба с которой предполагает законодательные изменения в области уголовной политики государства, криминализирующие те или иные деяния, а также создание единого механизма предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия подобных преступлений. Надо признать, что законодательные нововведения в данной области все же не имеют решающего значения, поскольку обнаружение, предупреждение и ликвидация последствий компьютерных атак возможны только при наличии соответствующих новейших программных и технических средств. Однако недостаточность правового регулирования соответствующих отношений, нуждающихся во

² См., например: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212 ; Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.12.2016. № 49. Ст. 6886 ; Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. № 146. 03.07.2014.

введении в строгие правовые рамки, серьезно осложняет и без того непростую задачу государства по обеспечению безопасности в информационном обществе. Сегодня принимаемые и планируемые российским законодателем меры правового регулирования в данной сфере носят в целом системный характер, соотносясь с мерами конкретно организационными и техническими.

По убедительному мнению М. Н. Марченко, в процессе выявления и рассмотрения тенденций развития права создаются условия не только для более четкого определения промежуточных и конечных целей эволюции той или иной правовой системы, но и для выработки отвечающей «вызовам времени» правовой политики³. Тектонические разломы правового пространства мира как следствие глобализационного движения правовых масс, искажая правовую реальность в попытке ее преобразования, способны привести к обратным процессам, в частности к деглобализации, научные представления о которой применительно к правовой сфере до настоящего времени не сформировались. Однако данный процесс необходимо рассматривать в качестве тенденции зарождающегося типа, свидетельством которой является не согласованное в науке мнение о ее существовании, а сама правовая реальность отдельных национальных юрисдикций, в особенности российской.

Как очевидно, каждое государство в силу специфических свойств своей правовой системы имеет определенный индекс потенциала сопротивления глобализационным влияниям, изменчивый под действием совокупности самых разнообразных условий и факторов, как напрямую связанных с правовой жизнью общества, так и опосредованно воздействующих на ее состояние.

Показатель такого индекса в российском пространственно-правовом измерении достаточно высок, а с учетом складывающейся мирополитической системы имеет явную направленность на дальнейшее увеличение. По мнению министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова, объективной реальностью становится возрастание значения регионального уровня глобального управления и целью усилий государств по деглобализации, имеющей свои императивы, является поскорее преодолеть негативные последствия кризиса, обеспечить устойчивость к возможным новым потрясениям, от которых никто не застрахован, то есть создать своего рода альянсы «за выживание»⁴. Так, Россия, не согласная с политикой трансграничных платежных систем, ущемляющей национальные интересы государства, обнаружив существенные пробелы в законодательстве (в правовом обеспечении платежных инноваций, появление которых вызвано глобальным технологическим развитием, — электронных денег, интернет-платежей, мобильных платежей и др.), определяет курс на формирование системной правовой базы для создания национальной платежной системы, что ознаменовано принятием Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁵ и внесением изменений во многие законодательные акты, регулирующие правоотношения в этой сфере.

³ См.: *Марченко М. Н.* Тенденции развития права в современном мире. М., 2015. С. 104.

⁴ *Лавров С. В.* Интеграция идет от жизни // *Банки и деловой мир.* 2010. № 4. С. 28—30.

⁵ *Российская газета.* № 139. 30.06.2011.

Сегодня отечественная правовая система находится в состоянии интенсивной структурной и функциональной трансформации. Правотворчество как один из важнейших компонентов такой системы должно отражать «правосостояние» общества, упреждая его изменение. В объективной оценке качества и эффективности российского законодательства в контексте мегатрендов глобального правового развития необходимо учитывать внутреннюю и внешнюю устремленность правовой регуляции, а именно способность сотворяемого российским законодателем права своевременно и действенно разрешать такие наличествующие проблемы, которые и продуцированы глобализационными процессами, образуя локальную конфликтную среду, а также сохранять суверенность и устойчивость во взаимодействии с международной правовой системой.

Глобальные перемены, произошедшие в прошлом, запустили механизм глобализации, в устройстве которого еще надлежит разобраться. Перемены, происходящие в настоящем, предоставляя государствам широкие возможности развития, одновременно усиливают их уязвимость и взаимозависимость. И наконец, глобальные перемены, грядущие в ближайшем будущем, явятся очередным испытанием для государств, их национальных правовых систем, для которых совершенствование законодательства есть компонент краеугольного значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Лавров С. В.* Интеграция идет от жизни // *Банки и деловой мир*. — 2010. — № 4. — С. 28—30.
2. *Марченко М. Н.* Тенденции развития права в современном мире. — М., 2015. — 414 с.
3. *Правовое пространство и человек* : монография / Н. В. Власова, С. А. Грачева, М. А. Мещерякова [и др.]. — М., 2012. — 240 с.

**Елена Владимировна
КИРДЯШОВА,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

elena.kirdyashova@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЕ ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме несоответствия (а иногда и противоречия) установленных государством правовых предписаний потребностям общественного развития и результатам правообразования.

В качестве объективной причины неудовлетворительного качества современного законодательства автор называет несформированность, неустойчивость системы общественных отношений, подлежащих правовому регулированию. В итоге на систему законодательства ложится особая нагрузка, связанная с обеспечением стабильности общественного порядка. Однако это чревато разрывом между системой права (содержанием) и системой законодательства (формой), объективно протекающим процессом образования права и законотворческим процессом. Усилиями законодателя складывающееся в результате социальных взаимодействий право может не только деформироваться, но и разрушаться. Поэтому совершенствование законодательства должно предусматривать комплекс мероприятий, касающихся как технической отделки нормативных правовых актов, так и исследования, а также научной оценки результатов правообразования.

Ключевые слова: законодательство, право, порядок, форма, содержание, правообразование, социальные взаимодействия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.118-124

E. V. KIRDYASHOVA,

PhD in Law, Associate Professor of Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSL)

elena.kirdyashova@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE IMPROVEMENT OF LEGISLATION AND THE DEVELOPMENT OF LAW

Abstract. The article is about the problem of discrepancy (and sometimes contradictions) between the requirements established by the legislation and the needs of society and the results of the formation of law.

The author believes, that the instability of the system of social relations is an objective for the unsatisfactory quality of the legislation. As a result loading on ensuring stability of public order lays down on the system of the legislation. It is dangerous by a gap between the system of law (contents) and the system of the legislation (form).

Keywords: legislation, law, order, form, content, establishment of law, social interaction.

Критических замечаний в отношении действующего законодательства России не высказывает разве что ленивый.

Одни исследователи, сопоставляя количество законов времен Советского Союза с количеством федеральных законов, отмечают чрезвычайную зарегулированность общественных отношений при помощи актов высшей юридической силы. Другие, наоборот, пеняют на недостаточное внимание права к новым социальным связям (в сфере информации и компьютерных технологий, медицины, биоинженерии и пр.). Есть и те, кто видит проблему в недостаточной изученности системы действующего законодательства, в определении ее места и роли в правовой системе общества. Можно и нужно упомянуть также и бездействие принимаемых актов, то есть невозможность или нежелание уполномоченных субъектов реализовывать их. Причем это далеко не полный перечень существующих сложностей.

Хочется, однако, сказать несколько слов в поддержку нашего законодательства и указать на объективные факторы, обуславливающие его неудовлетворительное состояние.

Реалии таковы. Отказавшись от социалистического настоящего и коммунистического будущего, Российская Федерация шагнула в эпоху построения буржуазного общества и государства. Очевидно, что по историческим меркам два с лишним десятилетия — срок недостаточный для формирования развитых отношений нового типа.

Следует также принять во внимание, что введенный при помощи права новый экономический порядок не являлся результатом стандартного исторического процесса, закономерным переходом от феодального общества к обществу буржуазному¹. Власть решила, что российское общество должно кардинально изменить жизненные устои и начать заниматься первоначальным накоплением капитала в целях построения рыночной экономики, основанной на частной собственности. Это требовало ломки, разрушения значительной части прежних социальных (в первую очередь экономических и политических) взаимодействий.

Поскольку экономические отношения требуемого уклада по объективным причинам отсутствовали (равно как и их предпосылки), за дело взялось законодательство, которое стало выступать основным средством установления государством новых порядков. Конечно, в одночасье изменить его было нельзя, и некоторое время в Российской Федерации продолжали действовать акты не только РСФСР, но и Советского Союза в непротиворечащей новым целям и задачам части². Однако принципиальные новации были внесены. В итоге часть ранее порицаемых отношений стала рассматриваться в качестве основы нового устрой-

¹ Можно придерживаться точки зрения, согласно которой Россия на некоторое время отклонилась от основного вектора исторического развития, сделав петлю в виде псевдосоциалистического государства, а теперь наконец-то встала на путь истинный. Однако даже в этом случае мы приходим к рынку и частной собственности не в результате обезземеливания крестьян и разорения феодалов-землевладельцев, а вследствие отказа от собственности государственной, плановой экономики и коммунистической идеологии.

² См., в частности: Закон РСФСР от 24.10.1990 № 263-1 «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 25.10.1990. № 21. Ст. 237.

ства общества. Так, взамен ст. 154 «Спекуляция» УК РФ 1960 г.³ появился Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»⁴, вошедший позднее в ГК РФ. Обмен валюты, запрещенный ст. 88 «Нарушение правил о валютных операциях» того же УК РФ 1960 г., был легализован Законом РФ от 9 октября 1992 г. № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле»⁵.

Нельзя отрицать тот факт, что при определенных условиях государство при помощи права не только оформляет (легализует) фактически сложившиеся отношения, требующие в силу своей общественной значимости правовой регламентации, но и запрещает неугодные взаимодействия, а также создает (порождает) новые социальные связи, в которых заинтересованы общество и государство. Так было и при переходе к советскому государству, по определению отрицавшему все проявления предшествующего царского мира. Это государство, однако, не только строило новую экономическую и политическую жизнь, но и приобщало граждан к тем ценностям, которые ей отвечали. В СССР воспитывались советские люди.

Российская Федерация в пик РСФСР отказалась от официальной идеологии и долгое время не уделяла должного (для государства) внимания системообразующим ценностям российского общества. Поэтому возникли очевидные трудности с определением общих интересов, необходимых для формирования властью действенной правовой политики.

Посредством законотворчества государство стало претворять в жизнь намеченные реформы. Следует признать, что этим же оно продолжает заниматься по сегодняшний день.

Ценность любого порядка, а правового в особенности, — в его предсказуемости. Налоговая система, пенсионная система и иные меры социальной поддержки населения должны представлять собой своеобразные островки стабильности в море правового регулирования, поскольку рассчитаны на долгосрочные стратегически важные отношения и касаются всех субъектов права. В них стороной выступает государство. Именно здесь, однако, наблюдается чехарда, что подрывает доверие к властному партнеру. Причем государство использует весьма изощренные меры для изменения сложившихся порядков, в частности разъясняя себе и гражданам, что прежнее понимание норм закона было неполным⁶.

³ Уголовный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁴ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 27.12.1990. № 30. Ст. 418.

⁵ Российская газета. № 240. 04.11.1992.

⁶ Так, например, государство поступило с налогообложением построек, расположенных на земельных участках, предоставленных для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, садоводства, огородничества или индивидуального жилищного строительства, не являющихся домами, жилыми строениями или гаражами. Письмом Минфина РФ от 16.05.2017 № 03-05-04-01/29325 за подписью директора Департамента А. В. Сазанова и письмом Минфина РФ и ФНС России от 17.05.2017 № БС-4-21/9186@ «Об исчислении налога на имущество физических лиц в отношении хозяйственных строений или сооружений» за подписью действительного государственного советника РФ 2-го класса С. Л. Бондарчука деревенские туалеты стали потенциальным объектом налогообложе-

Конечно, по мере формирования реальных социальных взаимодействий правотворческий процесс стал учитывать и их специфику, связав законодательство с действительностью. Однако, как уже отмечалось, развитые общественные отношения — результат длительной эволюции. Их устойчивость обусловлена не наличием соответствующих правовых моделей, а жизненными потребностями, социальным взаимодействием. Первые опытные образцы новых отношений, во-первых, вряд ли могли внести существенный вклад в совершенствование качества нормативных предписаний, а во-вторых, будучи неустойчивыми, придавали аналогичные свойства и законодательным актам. Приходится в очередной раз констатировать: в период реформ и хаоса законодательство стабильным не бывает. Не случайно одно из основных правил кодификации предписывает ее проведение только тогда, когда общественные отношения и их правовая регламентация приобрели устойчивый характер.

В итоге реализованных политических решений мы получили достаточно сложную и в определенной степени хаотичную систему общественных отношений, в которой присутствуют элементы предшествующей эпохи и нового светлого будущего. Особую проблему при этом представляет общественное сознание, которое со скоростью законодательства изменить невозможно. Как показал опыт, даже по прошествии нескольких десятилетий подавляющее большинство граждан Российской Федерации по-прежнему придерживается социалистических взглядов и менее 10 % разделяют либеральные идеи. Причем проведенные властью реформы вызвали очевидную ностальгию по прошлому. Отсюда неустойчивость даже тех новаций, которые так или иначе были восприняты практикой (в частности, постоянно ведущиеся в обществе дискуссии о необходимости пересмотра итогов приватизации и проведения национализации).

Несформированность общественных отношений требует постоянной корректировки установленных правил, выработки новых идеальных моделей, латания образующихся дыр, разрешения коллизий. Фактически регулирование осуществляется в ручном режиме методом проб и ошибок, является реакцией на внутренние и внешние факторы.

Наличие наряду с федеральным законодательством законодательства субъектов Федерации только усугубляет ситуацию, поскольку общую картину сложностей реформенного периода дополняет политическая борьба за власть.

Таким образом, сама система общественных отношений, для регулирования которых и создается законодательство, не может похвастаться стабильностью и устойчивостью. Из-за расхождения политических пристрастий единством не могут похвастаться также интересы власти и общества.

Если принять во внимание, что система законодательства выступает формой по отношению к системе права, обусловленной, в свою очередь, системой общественных отношений, проблемы в содержании неизбежно влекут перераспределение нагрузки в сторону формы, которая начинает выполнять специфические задачи. Именно она придает явлению стабильность и устойчивость в период трансформации содержания. Соответственно, итогом периода реформ может

ния, попав в категорию строений стоимостью до 300 000 руб. Как тут не вспомнить Веспасиана (хотя, наверное, в Древнем Риме туалеты выглядели лучше).

стать существование формы (системы законодательства) отдельно от содержания (системы права). Нормативное понимание права при этом способствует формирующемуся разрыву, поскольку признанные и поддерживаемые государством общеобязательные правила законодательного происхождения правом и именуются. Именно этим можно объяснить все чаще встречающуюся путаницу с параллельным использованием названий структурных элементов системы права и системы законодательства для обозначения массива норм права.

Приобретая самоценность, система законодательства начинает жить своей жизнью, развиваясь и подчиняясь внутренним законам самоорганизации, а также воле законодателя. Как модно сегодня говорить, хвост начинает вилять собакой. Совершенствование законодательства при этом может не иметь никакой связи с совершенствованием правового регулирования, поскольку создаваемая государством идеальная модель общественных отношений не всегда является жизнеспособной и праву соответствующей. Тогда приходится констатировать наличие теневого или неформального права. Думается, что именно законодательное давление со стороны государства в зарубежной литературе обозначает такое новое явление общественной жизни, как террор, или диктат, права.

Если принять во внимание низкий уровень культуры вообще и правовой культуры в частности, можно представить, что означает совершенствование законодательства в нынешних условиях. Примечательно, что ни один акт, официально регламентирующий процедуру законотворчества, вопросы соответствия права и закона не затрагивает. Речь не идет об идеальном праве, о естественных и неотчуждаемых правах человека и гражданина. Имеется в виду элементарная корреляция результатов процесса правообразования и правотворчества (то есть создание права, адекватного возможностям и потребностям общества, оптимального в конкретных условиях). Все эти связи представляют интерес преимущественно для юридической науки, равно как и принципы правотворчества, использование которых в законодательном процессе также должно носить системный характер.

Таким образом, при совершенствовании законодательства не стоит забывать, что право имеет свою собственную ценность, свои собственные границы, свои собственные принципы. Оно напрямую связано с жизнью общества, его культурой и традициями, объективно формирующимися порядками. Содержание законодательно установленных предписаний должно быть безупречным не только с технической (инструментальной) точки зрения, но и с позиции самого права. Для обеспечения связи права и законодательства праву, складывающимся социальным взаимодействиям надо, во-первых, дать возможность проявить себя. Во-вторых, результаты процесса правообразования необходимо исследовать и дать им научную оценку⁷. Это требует времени и средств. Однако только в этом

⁷ В настоящее время согласно ч. 1 ст. 112 Регламента Государственной Думы ФС РФ научная экспертиза законопроекта обязательной не является. Не предусматривают ее необходимость и действующие Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. Участие научного сообщества в законодательном процессе предполагает постановление Правительства РФ от 15.04.2000 № 347 «О совершенствовании законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации», которое устанавливает, что проекты планов законопроектной деятельности Правитель-

случае можно создать систему законодательства, которая будет гарантированно жизнеспособна, целостна и системна.

Таким образом, совершенствование законодательства следует рассматривать как комплексное мероприятие, включающее в себя меры не только технического совершенствования принимаемых актов, но и направленные на исследование реальных потребностей общества в контексте возможностей права и перспектив общественного развития. Законотворчество, вопреки этому, не только дискредитирует, но и разрушает право, дестабилизирует общественный порядок.

Следует также принять во внимание преемственность общественных отношений советского и постсоветского периодов. Это требует мониторинга советского законодательства на предмет возможности его использования в Российской Федерации. Ситуация с Крымом показала актуальность проблемы. Отчасти решение вопроса предложено в распоряжении Президента РФ от 18 марта 2011 г. № 158-рп «Об организации работы по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство Российской Федерации и (или) по признанию указанных актов не действующими на территории Российской Федерации»⁸. Однако этот процесс опять требует времени.

Кроме того, государству необходимо координировать цели и задачи своей деятельности с ожиданиями общества. Вряд ли следует признать положительным опыт разработки и проведения политики, плохо сочетающейся с массовым общественным сознанием.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Блумер Г. Символический интеракционизм : Перспектива и метод / пер. с англ. А. М. Корбута. — М., 2017. — 346 с.
2. Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. — СПб., 2004. — 845 с.
3. Доктринальные основы юридической техники / Н. А. Власенко, Г. Т. Чернобель, О. А. Дворникова [и др.] ; отв. ред. Н. А. Власенко. — М., 2010. — 368 с.
4. Дробязко С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) и др. — Минск, 2003. — Вып. 14.
5. Жужгов И. В. Мониторинг правового пространства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2006. — 213 с.

ства РФ разрабатываются с привлечением Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, а федеральные органы исполнительной власти обеспечивают научное обоснование предложений о разработке проектов федеральных законов. Кроме того, научные учреждения могут привлекаться к разработке законопроектов. Однако обязательность независимой научной экспертизы проектов законов ни это постановление, ни Основные требования к концепции и разработке проектов федеральных законов, утвержденные постановлением Правительства РФ от 02.08.2001 № 576, также не устанавливают.

⁸ Текст распоряжения официально опубликован не был.

6. *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. — СПб., 1905.
7. *Керимов Д. А.* Кодификация и законодательная техника. — М., 1962. — 104 с.
8. Концепции развития российского законодательства / Л. В. Андриченко, О. А. Акопян, В. И. Васильев [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — М., 2014. — 128 с.
9. *Леони Б.* Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина ; под ред. А. Куряева. — М., 2008. — 312 с.
10. *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. — М., 2017. — 800 с.
11. Научные концепции развития российского законодательства / А. И. Абрамова, С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — 7-е изд. — М., 2015. — 544 с.
12. Научные основы советского правотворчества / О. А. Гаврилов, Н. П. Колдаева, А. С. Пиголкин [и др.]; отв. ред. Р. О. Халфина. — М., 1981. — 317 с.
13. Нормография / Ю. Г. Арзамасов, М. Л. Давыдова, Т. Д. Зражевская [и др.]; отв. ред. Ю. А. Арзамасов. — М., 2017. — 460 с.
14. Правовой мониторинг / А. Н. Андрианов, В. Б. Болдырев, С. В. Бошно [и др.]; под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. — М., 2009. — 415 с.
15. *Радбрух Г.* Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. — М., 2004. — 238 с.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ОСНОВНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам эффективности законодательства. Отмечается, что эта проблема обусловлена качеством российского законодательства и низкой правовой культурой правоприменителей. Автор предлагает «Стратегию трех шагов», направленную на повышение качества российского законодательства. Первый шаг — это современная институализация нормотворческого процесса. Второй шаг — это официальное обучение законотворцев на основе учебного курса под названием «Нормография — теория и технология нормотворчества». Сегодня объективно существует необходимость включения в программы юридических вузов и факультетов изучения данного курса с целью подготовки высококвалифицированных специалистов по разработке проектов нормативных правовых актов и нормативных договоров. Третьим шагом в повышении эффективности российского законодательства предлагается создание современной системы правового мониторинга, основанной на научно обоснованных и проверенных эмпирическим путем специальных методиках правового мониторинга в различных сферах.

Ключевые слова: законы, нормативные правовые акты, нормотворческий процесс, законодательный процесс, нормография, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия, правовой мониторинг, центр правового мониторинга.

**Юрий Геннадьевич
АРЗАМАСОВ,**

доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры теории и истории
права факультета
права НИУ «Высшая
школа экономики»,
профессор кафедры
государствоведения
ИГСУ РАНХиГС
при Президенте РФ
uarzamasov@hse.ru
123022, Россия, г. Москва,
Б. Трехсвятительский пер.,
д. 3

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.125-135

Yu. G. ARZAMASOV,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law, Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics», Professor of the Department of State Studies, IGUSU RANHiGS at President of the RF
uarzamasov@hse.ru
123022, Russia, Moscow, B. Trekhsvyatitelskiy per., 3

EFFICIENCY OF THE LEGISLATION: THE PROBLEM, THE MAIN WAYS OF SOLVING

Abstract. The article is devoted to the problems of the effectiveness of legislation. It notes that the problem of the effectiveness of legislation is due to the quality of Russian legislation and the low legal culture of law enforcement. The author suggests a «Three Step Strategy» aimed at improving the quality

© Ю. Г. Арзамасов, 2018

of Russian legislation. The first step is the modern institutionalization of the rule-making process. The second step is the official training of lawmakers on the basis of a training course called «Normography is Theory and Technology of Rulemaking». Today, there is an objective need to include in the programs of law schools and faculties studying this course with the goal of training highly qualified specialists in drafting normative legal acts and normative treaties. The third step in improving the effectiveness of Russian legislation is the creation of a modern legal monitoring system based on scientifically verified and empirically tested special methods of legal monitoring in various fields.

Keywords: *laws, normative legal acts, rule-making process, legislative process, normography, assessment of regulatory impact, assessment of actual impact, legal monitoring, legal monitoring center.*

Проблема эффективности законодательства, если понимать данный термин как совокупность всех федеральных нормативных правовых актов и региональных законов (так его трактует современный российский законодатель), в современных условиях актуализируется с новой силой. Это объясняется следующими основными факторами: с одной стороны, низкой правовой культурой правоприменителей (следователей, судей, инспекторов, принимающих решения, руководствуясь только нормами позитивного права), с другой стороны, качеством российского законодательства, что подтверждают правовые коллизии как между актами, так и между нормами одного нормативного правового акта, пробельность как федеральных законов, так и подзаконных актов, несоответствие федеральных российских законов международным стандартам в области прав и свобод человека и гражданина. Не лучшая ситуация и в региональном законодательстве. Так, согласно официальным данным Министерства юстиции РФ в Центральном федеральном округе из действующих 161 945 нормативных правовых актов соответствуют федеральному законодательству только 80 008 актов. В Сибирском федеральном округе мы видим аналогичную ситуацию: там из 122 660 действующих нормативных правовых актов соответствуют федеральному законодательству только 60 870¹.

Обозначенную проблему, как нам представляется, нужно решать глобально, а не останавливаться только на вопросе качества закона, поскольку оно (качество) зависит прежде всего от правильного выбора специально-юридических средств и соблюдения правил нормотворческой юридической техники. Еще В. И. Никитский в советский период правильно подчеркивал, что «соответствие избранных правовых средств цели — необходимая предпосылка эффективности правовой нормы, а неправильный выбор средств достижения правовых целей может исказить смысл и значение последних»².

Как нам видится, речь нужно вести главным образом об эффективности норм права, то есть как нормы законов и конкретизирующих их подзаконных актов (ука-

¹ URL: <http://minjust.ru/ru/2017/svedeniya-o-sostoyanii-federalnogo-registra-normativnyh-pravovyh-aktov-subektov-rossiyskoy>.

² Никитский В. И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. С. 40.

зов Президента, постановлений Правительства, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, главным образом федеральных министерств) реализуются на практике, регулируя различные по своей природе правовые отношения, то есть на повестке дня встает проблема повышения эффективности правового регулирования.

Теоретики права считают, что эффективной норма права будет только тогда, когда цели правового регулирования, сформулированные и записанные законодателем, как правило, в начале нормативного правового документа, полностью реализованы. Таким образом, для выявления погрешностей в реализации норм закона следует соотносить между собой две основные величины — «результат» и «поставленная цель». Аналогичного мнения придерживается В. В. Игнатенко, полагая, что качество закона — это вполне самостоятельная категория, которая не просто означает устойчивую совокупность свойств правовой легальности, инструментально-правовых и технико-юридических свойств закона, но и «...является одной из предпосылок эффективного и стабильного действия закона в соответствии с поставленными при его издании целями»³.

Однако здесь для полноты рассматриваемой проблемы следует заметить, что абсолютная эффективность закона достигается при реализации всех целей и задач, поставленных федеральным либо региональным законодателем. И хотя такой математический расчет вроде бы приемлем, необходимо, вне всяких сомнений, использовать и другие оценочные показатели, например опросы граждан о состоянии бытовой коррупции в России, которые проводит неправительственная международная организация Transparency International, опросы государственных гражданских служащих, которые нередко проводят сотрудники правовых департаментов федеральных министерств, мониторинг общественно-го мнения и т.д.

Кроме того, в настоящее время мы наблюдаем появление совершенно новых для России технологий и видов правового мониторинга в нормотворческом процессе (оценка регулирующего воздействия — ОРВ, оценка фактического воздействия — ОФВ и т.д.).

Таким образом, мы видим, что сегодня актуализируется проблема применения комплексного метода при повышении эффективности правового регулирования, составляющей которого выступают различные социологические приемы (правовой мониторинг, социологические опросы государственных служащих, граждан и т.д.).

В своей монографии, посвященной эффективности норм административно-деликтного права, О. С. Рогачева сделала ряд общетеоретических выводов. В частности, она отметила, что «научная ценность категории “эффективность” состоит в том, что она объединяет в единый комплекс как вопросы социальной обусловленности норм права, так и вопросы их реализации и тем самым способствует нахождению наиболее рациональных правовых средств, а также норм их реализации»⁴.

³ Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 300.

⁴ Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права : монография. Воронеж, 2011. С. 337.

Профессор Ю. А. Тихомиров так рассуждал об эффективности закона: «Анализ результатов реализации законов не может ограничиваться сбором негативной информации. Его цель — дать оценку всем правовым результатам. Имеются в виду:

- а) показатели позитивного использования закона для решения определенных задач, введения режимов деятельности субъектов права;
- б) показатели нарушений законов (по видам и т.п.);
- в) информация о благоприятных правовых последствиях, например создание стимулирующих условий деятельности, повышение правовой культуры и т.п.;
- г) информация об отклонениях от норм законов ввиду их плохого качества, чрезмерной концентрации регулирования;
- д) информация об отклонениях позитивного свойства — о пробелах либо новых явлениях, которые могут быть предметом правового регулирования;
- е) информация о «теневом» праве как квазирегуляторе.

И тогда можно дать ответ на вопрос, какова же эффективность закона как меры соотношения между целями и результатами развития регулируемой сферы»⁵.

Как мы видим, современная теория предлагает различные модели в области эффективности законодательства. Тем не менее наш опыт работы в законодательных органах и преподавания юридических дисциплин позволил разработать собственную стратегию повышения эффективности законодательства. По нашему мнению, она должна состоять из следующих трех основных шагов (направлений).

Первый шаг. **Нужна новая современная институализация нормотворческого процесса.** Проведенный анализ показал, что правовое регулирование практически всех видов нормотворческого процесса в современной России находится не на должном уровне. В этой связи, как нам представляется, необходимо данные проблемы начинать решать, прежде всего, на законодательном уровне. Здесь следует заметить, что правовое регулирование реально опоздало на 25 лет, поскольку вместе с Конституцией РФ следовало бы принять закон «Об источниках права в Российской Федерации». Это объясняется тем, что до сих пор у современных юристов нет однозначного ответа, что такое «источник права», что такое «форма права». Кроме этого, в современном российском законодательстве отсутствует нормативно установленный перечень источников права, действующих в современной России. Например, вряд ли рядовой обыватель даст исчерпывающий ответ на вопрос: чем отличается правовой обычай от обычая? До сих пор не решена также проблема признания прецедентов источниками российского права, которые де-факто уже давно применяются в регулировании общественных отношений. Даже в Ватикане в 1929 г. был принят закон «Об источниках права».

Однако один такой закон не решит все проблемы правового регулирования законодательного процесса. На наш взгляд, проблема правового регулирования нормотворческого процесса в современной России должна решаться при помощи следующей модели. Наряду с федеральным законом «Об источниках права», практически одним пакетом необходимо принять и ожидаемый неизменно долго юридической общественностью федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». В этой связи нужно создать рабочую группу по

⁵ Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М., 2007. С. 441—451.

подготовке проекта данного федерального закона и практически с нуля подготовить новый проект, поскольку имеющиеся проекты представляют собой «лоскутное одеяло», так как отдельные нормы готовились еще А. С. Пиголкиным и его командой в ИЗИСП и неактуальны в сегодняшних условиях правового регулирования. Помимо этого, одним пакетом следует принять и видовые законы в сфере регламентации различных видов нормотворческих процессов, закрепляющие не общие нормы права, а уже специальные, регламентирующие статус и порядок принятия определенных видов нормативных правовых актов. Например, «в нормах видового закона “О нормотворческой деятельности и нормативных актах федеральных органов исполнительной власти в Российской Федерации” необходимо закрепить не только нормотворческую компетенцию федеральных органов исполнительной власти и формы ведомственных нормативных правовых актов, что реально будет способствовать их унификации, порядок их принятия, но и порядок осуществления контроля за ведомственным нормотворческим процессом и легитимностью (законностью) ведомственных нормативных правовых актов. Отсутствие на сегодняшний день такого закона является пробелом в праве и отрицательно сказывается на правовом регулировании. Помимо этого, в развитие норм данного закона в каждом федеральном органе исполнительной власти при участии научной общественности следует выработать концепции нормотворческой деятельности, которые должны детализировать положения федерального закона...»⁶.

Второй шаг. **Это официальное обучение законотворцев.** Нужны как специальные факультеты, так и курсы повышения квалификации государственных служащих. Реально реформировать правовую систему, совершенствуя при этом все виды нормотворческого процесса, возможно только при качественном повышении общей и, несомненно, правовой культуры всего корпуса государственных, а также муниципальных служащих. В связи с этим «необходимо на всех юридических факультетах высших учебных заведений и на курсах повышения квалификации государственных и муниципальных служащих ввести учебный курс под названием “Нормография”»⁷. Тогда в своей работе нормодатели станут опираться на общие принципы правотворчества, будут владеть знаниями методик подготовки и принятия различных видов нормативных правовых актов, соблюдать требования, предъявляемые к содержанию и форме при создании нормативных правовых актов. Муниципального и государственного служащего следует специально готовить к осуществлению профессиональных функций, применяя как проверенные временем, дидактическим опытом, так и инновационные методики обучения.

Как нам представляется, усилия «...теоретиков права должны быть направлены на сосредоточение разрозненных методик подготовки нормативных правовых актов и теоретических вопросов, касающихся проблем создания нормативных правовых актов в систему научно обоснованных знаний о нормотворчестве, которые и составят предмет самостоятельной науки — нормографии (дословный перевод — “пишу норму”). Последняя, по нашему мнению, займет особое ме-

⁶ Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М., 2013.

⁷ Арзамасов Ю. Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки — нормографии // Государство и право. 2007. № 10. С. 102.

сто в системе юридических наук, поскольку наподобие правовой герменевтики, правовой компаративистики и других прикладных наук будет носить вспомогательный характер по отношению как к общей теории права и государства, так и к отраслевым наукам»⁸. Обозначенные тенденции явно просматриваются: более чем в 10 вузах страны в том или ином объеме преподается курс нормографии.

«Известно, что в советское время ориентация преподавания была направлена на подготовку юристов-практиков, занимающихся той или иной правоприменительной деятельностью. В вузах готовили судей, адвокатов, следователей, нотариусов и т.д., а не нормотворцев, так как нормативных правовых актов по сравнению с сегодняшним днем было мало и отсутствовала необходимость в таких специалистах»⁹. Законы зачастую готовились в авральном режиме в Москве; что касается регионального нормотворчества, то оно было неактивно, региональные законы, по сути, дублировали нормы законов СССР. Сегодня ситуация иная, диаметрально противоположная. В современных условиях вала законодательства, наличия большого количества пробелов и коллизий в праве серьезной проблемой является отсутствие грамотных специалистов, умеющих подготовить тот или иной проект нормативного правового акта.

Резюмируя сказанное, можно отметить: объективно существует необходимость включения в программы юридических вузов и факультетов изучения курса нормографии, курса как теоретического, так и прикладного характера, как для отраслевых наук, так и для общей теории права и государства, с целью подготовки высококвалифицированных нормотворцев, специалистов по разработке проектов нормативных правовых актов и нормативных договоров, способных правильно выбрать нужную форму нормативного правового акта и грамотно его построить, чтобы нормативные правовые акты не были противоречивыми, а соответствовали международным стандартам в области прав и свобод человека и гражданина, российскому законодательству, чтобы в них не было противопоставления формы и содержания, не было нарушений правил и средств нормотворческой юридической техники. Решить данные проблемы возможно только с помощью теоретически обоснованной отрасли научных знаний под названием «нормография».

Здесь необходимо заметить, что на необходимость отдельной науки, которая бы рассматривала актуальные теоретические и эмпирические вопросы нормотворчества, а также нормотворческой юридической техники, в советский период указывали профессора А. С. Пиголкин и А. А. Ушаков. Тем не менее данная проблема в полном объеме до сих пор не решена и, несомненно, нуждается в конструктивном решении.

По нашему мнению, актуальность выделения данной науки очевидна: во многих вузах читаются курсы, направленные на повышение нормотворческой квалификации. Из этого следует, что поскольку есть учебная дисциплина, преподаваемая в высшем учебном заведении, то и подходы к ней должны быть тоже теоретически аргументированными, выверенными и перспективными. На Западе такая наука существует уже давно, там она носит название «легиспруденция».

⁸ Арзамасов Ю. Г. Тенденции развития юридических наук. С. 103.

⁹ Арзамасов Ю. Г. Указ. соч.

Третий шаг — **создание современной системы правового мониторинга**, основанной на научно обоснованных и проверенных эмпирическим путем специальных методиках правового мониторинга в различных сферах.

В этой связи ОРВ параллельно с ОФВ должны быть включены в российскую систему правового мониторинга, и все без исключения федеральные законы и нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти должны проходить процедуру оценки регулирующего воздействия и фактического воздействия с целью выявления их положительных и отрицательных последствий. Сегодня в контексте повышения эффективности правового регулирования опять актуализируется несколько забытая идея о создании системы правового мониторинга. Нужны специальные методики правового мониторинга в различных сферах.

При этом следует опираться как на проверенные временем и успешно зарекомендовавшие себя инструменты, так и на новые методики, виды экспертиз и т.п.

Остановимся на актуальных проблемах проведения различных видов экспертиз в законодательном процессе.

На современном этапе высокие требования предъявляются не только к качеству законов и других нормативных правовых актов, но и к проведению экспертизы, соответственно, как к разработчикам нормативных правовых актов, так и экспертам. Зарубежные исследователи предлагают различные критерии изучения качества законодательства, среди которых есть и вполне неординарные предложения, например обязательность разъяснения положений норм законов, анализа законодательных альтернатив. При этом практически все известные западные ученые в области нормотворчества (У. Карпен, Л. Мадер, К. Гиси и др.) предлагают такой критерий определения качества законодательства, как прогнозирование последствий реализации закона, что в России мы называем правовым мониторингом.

В настоящее время широкое распространение получает такой институт, как оценка регулирующего воздействия, который, по нашему мнению, является не чем иным, как определенным видом правового мониторинга, а точнее мониторинга проектов нормативных правовых актов. Более того, с 2015 г. параллельно с оценкой регулирующего воздействия стала применяться также оценка фактического воздействия. Согласно п. 3 Правил проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83 «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», оценка фактического воздействия нормативных правовых актов проводится в целях анализа достижения целей регулирования, заявленных в сводном отчете о результатах проведения оценки их регулирующего воздействия (при наличии), в целях определения и оценки фактических положительных и отрицательных последствий принятия нормативных правовых актов, а также выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности или приводящих к возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы РФ.

Проведенный анализ показал, что ОФВ представляет собой один из видов инструментов правового мониторинга. Эксперты прогнозируют, что в ближайшей

перспективе он вполне сможет заменить собой экспертизу действующих законов и других нормативных правовых актов высших органов государственной власти, которые прошли процедуру ОРВ. В этой связи считаем, что важной вехой в повышении эффективности правового регулирования является создание современной системы правового мониторинга, основанной на научно обоснованных и проверенных эмпирическим путем специальных методиках правового мониторинга в различных сферах.

Однако посмотрим, какие виды экспертиз должен осуществлять современный эксперт?

На сегодняшний день эксперт, сотрудник правового департамента, правового управления какого-либо органа власти обязан проводить не просто правовую экспертизу, но и антикоррупционную экспертизу, ОРВ, ОФВ, экологическую, педагогическую экспертизу. И список необходимых экспертиз на этом не заканчивается.

Однако при проведении данных видов экспертиз возникает масса проблем. Остановимся, например, на антикоррупционной экспертизе. Данный вид экспертизы проводится в соответствии с методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96.

Согласно п. 3 данной методики к коррупциогенным факторам, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, относятся: широта дискреционных полномочий; определение компетенции по формуле «вправе»; выборочное изменение объема прав; чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества — наличие бланкетных и отсылочных норм; принятие нормативного правового акта за пределами компетенции; заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов и т.д.

Между тем эти факторы не всегда следует относить к способствующим созданию условий для проявления коррупции. Такой вывод основывается на следующем.

Во-первых, среди факторов, связанных с реализацией полномочий органа государственной власти или органа местного самоуправления, было указано «определение компетенции по формуле “вправе”». Здесь необходимо дать определенные пояснения. Наиболее распространенной является классификация норм права в зависимости от характера правового регулирования и способа правового предписания. В соответствии с данным критерием выделяют обязывающие, запрещающие и управомочивающие нормы права. В управомочивающих нормах, адресованных к гражданам и другим субъектам правоотношений, разработчики проектов нормативных правовых актов вполне могут использовать термин «вправе». Однако что касается должностных лиц государственных и муниципальных органов, то их права, в том числе вытекающие из диспозиции с использованием термина «вправе», корреспондируют с их должностными обязанностями. Из этого следует, что при определенных условиях, перечисленных в диспозиции, разработчики проектов нормативных правовых актов вполне могут применять термин «вправе», но только когда в акте будут четко перечислены условия, при наличии которых следует использовать данный термин. Так, например, термин «вправе»

неоднократно применяется в тексте Конституции Российской Федерации, но ее нормы никто не относит к коррупциогенным.

Во-вторых, это такой фактор, как «чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества — наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления или организации, принявших первоначальный нормативный правовой акт». Конечно, государственные органы власти, принимая нормативные правовые акты, должны не ущемлять интересы органов местного самоуправления как институтов гражданского общества, а только содействовать реализации их задач по мере возможности.

Между тем, как нам видится, выделение данного фактора носит дискуссионный характер. Это объясняется тем, что нормотворческая юридическая техника в процессе своего развития и совершенствования уже выработала перечень способов изложения нормативного материала. Это прямой способ, ссылочный и бланкетный. Выделяют также и такой способ изложения нормативного материала, как воспроизведение. В данном контексте считаем необходимым подчеркнуть, что ссылки бывают перекрестными, то есть законодатель ссылается на статью того же нормативного правового акта, что приводит уж никак не к коррупциогенности, а к компактному изложению нормативного материала. Например, в ч. 4 ст. 975 ГК РФ говорится, что «доверитель обязан уплатить поверенному вознаграждение, если в соответствии со ст. 972 настоящего Кодекса договор поручения является возмездным».

Существуют нормы, которые не могут быть написаны другим способом, нежели бланкетным, то есть когда прямая ссылка не указывается, а подразумевается. Например, без бланкетных норм нельзя обойтись законодателю, когда он делает ссылку на другой нормативный правовой акт, но четко не указывает его реквизиты. Такое изложение норм права обусловлено прежде всего тем, что, если изменится название федерального органа исполнительной власти либо иного органа власти, то федеральному законодателю в срочном порядке понадобится вносить изменение в федеральный закон, что не всегда можно сделать быстро.

Данные примеры свидетельствуют о том, что называть коррупциогенным и помещать в Методику такой фактор, как наличие бланкетных и ссылочных норм, просто некорректно, поскольку в большинстве случаев это прием нормотворческой юридической техники: ссылки, как правило, придают большую компактность законам и другим нормативным правовым актам, предохраняя текст от ненужных повторений. Тем самым достигаются разумная, вполне оправданная краткость, экономия в изложении нормативного правового материала. Кроме того, с помощью ссылочных и бланкетных норм реально устанавливается общеправовой принцип системности права, то есть нормы права увязываются между собой.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что данная Методика нуждается не просто в серьезной доработке, а в новой редакции. Причем при ее подготовке следует использовать положительный опыт, накопленный в регионах, а также опыт подготовки методик Центром стратегических разработок, Генеральной прокуратурой РФ, торгово-промышленными палатами, зарубежную практику, теоретические и методические рекомендации современных отечественных ученых в области нормотворчества, юридической нормотворческой техники и правового мониторинга.

Антикоррупционную экспертизу, согласно указанным выше Правилам проведения антикоррупционной экспертизы, осуществляет Министерство юстиции РФ и независимые эксперты, аккредитованные Министерством юстиции. Такими экспертами могут быть и юридические, и физические лица. В целях обеспечения возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы проектов федеральных законов и других федеральных нормативных правовых актов разработчики размещают проекты на сайте regulation.gov.ru в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Теперь обратимся к лингвистической экспертизе. Важную роль при ее проведении играет оценка проекта нормативного акта с точки зрения обоснованности использования терминологии. Например, в ФРГ, где большинство законопроектов разрабатывается правительством, экспертиза «единства языка законов» возложена с 21 октября 1949 г. на федеральное Министерство юстиции и осуществляется одновременно с предварительной экспертизой правового оформления законопроектов. По нашему мнению, в России также следует ввести обязательную терминологическую экспертизу, что позволит избежать дублирования юридических терминов, ненужных заимствований из иностранных языков и т.п. В этой связи особая роль выпадает тезаурусу и «досье закона».

Между тем важность приобретает научная экспертиза проектов нормативных правовых актов, которая иной раз должна осуществляться в сочетании со специализированными видами экспертиз. При этом научная экспертиза должна находиться впереди других экспертиз. Данный вид экспертизы, по нашему мнению, следует проводить не только по наиболее сложным проектам нормативных правовых актов, когда необходим более высокий уровень профессиональных знаний, но по всем проектам нормативных правовых актов.

Считаем, что на региональном уровне в обязательном порядке следует нормативно закрепить обязательность проведения научной экспертизы всех законопроектов. Государственная Дума уже сделала определенный шаг в данном направлении. Такая экспертиза проектов регламентирована п. 1 ст. 112 Регламента Государственной Думы ФС РФ. Следует отметить, что в последнее время все чаще к услугам ученых прибегают представительные (законодательные) органы субъектов Российской Федерации, которые направляют в вузы и НИИ проекты своих законов для получения экспертных заключений.

Не стоит сбрасывать со счетов идею о создании Центра мониторинга законодательства при российском парламенте. Центр должен быть структурным подразделением при Федеральном Собрании РФ. Такой его статус способствует консолидации правотворческих усилий палат российского парламента, скоординирует его основные направления деятельности, в результате это будет отражаться на качестве федеральных и региональных законов, а самое главное, на эффективности правового регулирования. Центр мониторинга также обязан стать площадкой координации научных трудов, теоретических и прикладных исследований проблем правового мониторинга. Помимо этого он должен осуществлять полноценный **анализ современного законодательства**, то есть действия нормативных актов, как федеральных, так и региональных законов, а также нормативных правовых актов главы государства и Правительства России. Он должен осуществлять также функции обеспечения правовой информацией заинтересо-

ванных субъектов. Одной из важнейших функций центра должны стать разработка методов правового мониторинга и их грамотное апробирование. И конечно, центр должен взять на себя функции повышения квалификации государственных служащих, занимающихся вопросами нормотворчества, нормотворческой юридической техники и правовой аналитики и содействовать организации и преподаванию данных проблем в высшей школе.

Если, рассматривая данную проблему, провести сравнительный анализ, становится видно, что только у российского парламента нет своих НИИ и учебных заведений. Сегодня у каждого высшего органа государственной власти, а также у многих других федеральных органов власти есть свои учебные заведения, которые планомерно, с использованием современных учебных программ готовят кадры, а Федеральное Собрание РФ такой научной и учебной базы не имеет. Так, например, у Президента есть РАНХиГС, у Правительства — ИЗИСП. А почему же российский парламент остается «обделенным» в решении данного вопроса?

По нашему мнению, всесторонне изучив положительный опыт отдельных регионов, где созданы центры и департаменты правового мониторинга, следует как можно быстрее решить данную проблему, что, несомненно, скажется на качестве и эффективности правового регулирования. Всероссийский центр правового мониторинга может реально стать научной и методической базой для создания учебного заведения при Федеральном Собрании РФ. Причем во всех субъектах Федерации при региональных законодательных (представительных) органах следует создать его филиалы.

Общее руководство этим центром должен осуществлять аппарат Совета Федерации Федерального Собрания РФ, поэтому сотрудники данного учреждения должны иметь статус государственных гражданских служащих, которые будут работать профессионально на постоянной основе. В отдельных случаях для анализа и прогнозирования развития законодательства, его отраслей и т.п. на договорной основе могут привлекаться ученые-юристы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арзамасов Ю. Г.* Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. — М., 2013. — 480 с.
2. *Арзамасов Ю. Г.* Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки — нормографии // Государство и право. — 2007. — № 10. — С. 101—104.
3. *Игнатенко В. В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 343 с.
4. *Никитский В. И.* Эффективность норм трудового права. — М., 1971. — 247 с.
5. *Розачева О. С.* Эффективность норм административно-деликтного права : монография. — Воронеж, 2011. — 356 с.
6. *Тихомиров Ю. А.* Управление на основе права. — М., 2007. — 484 с.

**Антон Борисович
ДИДИКИН,**
кандидат юридических
наук, доктор философских
наук, ведущий научный
сотрудник Института
государства и права РАН
abdidikin@bk.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РИСКОВ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения процедур оценки регулирующего воздействия для профессиональной оценки рисков и повышения качества российского законодательства. Автор полагает, что внутреннее содержание процедур оценки регулирующего воздействия позволяет органу публичной власти совместно с экспертами проанализировать проблему и цели правового регулирования, сформировать измеримые индикаторы достижения целей регулирования, провести анализ издержек для исполнения требований нормативных правовых актов. Предлагается расширить предметную сферу оценки регулирующего воздействия и профессиональных суждений экспертов за счет углубленного анализа экономических рисков.
Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, профессиональное экспертное суждение, публичные консультации, нормативный правовой акт.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.136-143

A. B. DIDIKIN,

PhD in Law, Doctor of Philosophy, Leading Researcher,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
abdidikin@bk.ru

119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, d. 10

REGULATORY IMPACT ASSESSMENT AS A TOOL FOR PROFESSIONAL RISK ASSESSMENT AND QUALITY IMPROVEMENT OF RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. The paper deals with the peculiarities of applying regulatory impact assessment procedures for professional risk assessment and improving the quality of Russian legislation. The author argues that the internal content of regulatory impact assessment procedures allows the public authority together with experts to analyze the problem and objectives of legal regulation, to form measurable indicators for achieving regulatory objectives, to analyze the costs for fulfilling the requirements of regulatory legal acts. It is proposed to expand the subject area of regulatory impact assessment and expert judgment through in-depth analysis of economic risks.

Keywords: regulatory impact assessment, professional expert judgment, public consultations, regulatory legal act.

...Главной целью оценки регулирующего воздействия является обеспечение того, что законы и правила эффективно обеспечивают экономические, социальные и экологические выгоды, то есть что выгоды оправдывают издержки... Процесс ОРВ гарантирует, что оценка является открытой и прозрачной, что информация используется надежно и непредвзято.

*Скотт Джейкобс, управляющий директор
Jacobs, Cordova & Associates*

В российском законодательстве в последние годы возрастает интерес к внедрению принципов открытости и профессионального экспертного обоснования проектов решений органов публичной власти и регулирующих органов¹. Экспертные мнения не только выступают способом поиска рационально обоснованных и эффективных решений, но и позволяют учитывать экономические прогнозы последствий принятия публичных властных решений. Сферы применения мнений и суждений экспертов разнообразны — от участия экспертов в общественных обсуждениях проектов нормативных правовых актов и выполнения технических заданий при реализации государственных контрактов до проведения специального экономического и правового анализа, дающего возможность в зависимости от результатов принять взвешенное и соответствующее закону решение².

Теоретическая основа применения профессиональных экспертных суждений в значительной степени определяется потребностями правоприменительной практики (в частности, реализуемой в настоящее время реформой контрольно-надзорной деятельности) и разрабатывается в отраслевых юридических науках для выработки инструментов оценки и прогнозирования экономических рисков. Так, в трудах Е. Е. Фроловой категория «профессиональное мотивированное суждение» получила всестороннее изучение при применении механизма банковского надзора за кредитными организациями³. Поскольку цель банковского надзора

¹ Внедрение принципов открытости является результатом совместной работы Департамента по формированию системы «Открытое правительство» Правительства РФ и Общественной палаты РФ. См.: распоряжение Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // URL: <http://government.ru/docs/10122> (дата обращения: 02.03.2018).

² Например, в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 при характеристике необходимых реформ системы государственного управления предусмотрено поручение руководству субъектов РФ и муниципальных образований обеспечить формирование нормативно-правовой базы для внедрения процедур оценки регулирующего воздействия и экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, регулирующих предпринимательскую и инвестиционную деятельность. См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35265> (дата обращения: 02.03.2018).

³ См.: Фролова Е. Е. «Профессиональное мотивированное суждение» в банковском праве // Глобализация и публичное право : материалы III МНПК. М. : РУДН, 2015. С. 133—144.

состоит в объективной оценке финансового состояния кредитной организации и прогнозировании различных видов экономических рисков, без привлечения профессионального экспертного мнения обойтись невозможно. Е. Е. Фролова и Е. В. Кармадонова отмечают, что для финансового регулятора в рамках применения риск-ориентированного подхода в банковском надзоре профессиональное мотивированное суждение выступает источником информации об оценке объективных экономических фактов и текущего состояния кредитной организации как субъекта правоотношений⁴. В то же время Банк России может применять профессиональное суждение при планировании и осуществлении проверок кредитных организаций, что будет способствовать преодолению субъективизма и использованию административного ресурса при проведении банковского надзора. Фактически специалистам Банка России при проведении надзора важно оценить наличие собственных средств, отсутствие признаков неплатежеспособности и финансовых трудностей у кредитной организации⁵. Такая цель сопровождается конкретной проверкой кредитной организации при возникновении сомнений, и при наличии профессионального суждения эксперта вопрос может быть решен объективно. Вторым аспектом, который детально изучен Е. Е. Фроловой применительно к сфере банковского надзора, стала возможность прогнозирования экономических рисков с использованием профессионального мотивированного суждения. Среди большого перечня рисков предусмотрен интегральный показатель, который позволяет суммировать информацию о таких видах, как кредитный и рыночный риски, валютный и процентный риски, риск ликвидности и операционный риск⁶. Однако стоит отметить, что взаимоотношение кредитных организаций как субъектов осуществления коммерческой деятельности и финансового регулятора строятся на односторонней основе, как это следует из предписаний Банка России. Может ли кредитная организация представить обоснованные контрдоводы о финансовом состоянии, чтобы оспорить необходимость проведения проверки? Будут ли учитываться экспертные мнения в суде при оспаривании решений по результатам проверки? Каковы методические требования к подготовке профессиональных мотивированных суждений? Отсутствие прямых ответов на эти вопросы в законодательстве приводит к тому, что сфера контрольно-надзорной деятельности неуклонно расширяется без достаточных оснований, препятствуя тем самым улучшению инвестиционного и делового климата в стране и внедрению новых финансовых технологий. Реализуемая в России в последние годы реформа контроля и надзора на основе риск-ориентированного подхода

⁴ См.: Фролова Е. Е., Кармадонова Е. В. Категория «профессиональное мотивированное суждение» в банковском праве (часть первая) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2013. № 16. С. 35.

⁵ См.: Фролова Е. Е., Кармадонова Е. В. Категория «профессиональное мотивированное суждение» в банковском праве (часть вторая) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 17. С. 48.

⁶ См.: Фролова Е. Е., Кармадонова Е. В. Категория «профессиональное мотивированное суждение» в банковском праве (часть вторая). С. 52.

Проблема оценки правовых рисков в последние годы анализируется в работах К. В. Агамирова. См.: Агамиров К. В. Прогнозирование правовых рисков. М., 2018. Т. 1. С. 106—107.

упирается в необходимость качественного обновления экономического законодательства и расширения предметной сферы профессиональных мотивированных суждений экспертов.

Одним из важных инструментов профессионального диалога органов публичной власти и экспертов, предусмотренных российским законодательством с 2010 г., является оценка регулирующего воздействия (ОРВ)⁷. Возникнув на этапе административных реформ в развитых странах в 1970-е гг., ОРВ сегодня успешно внедряется и применяется в 65 государствах, включая развитые страны в составе ОЭСР, государства — участники Европейского Союза, Евразийского экономического союза, страны Юго-Восточной Азии и страны СНГ (Россия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Армения и др.). Причины популярности института ОРВ определяются особым правовым механизмом обсуждения проектов нормативных правовых актов, затрагивающих интересы бизнеса и инвесторов, до момента их вступления в силу.

Суть данной процедуры состоит в возможности проведения публичных консультаций по проекту нормативного правового акта с участием предпринимателей, деловых ассоциаций, профессиональных экспертов. Отсутствие в российском законодательстве и в юридической науке устоявшейся терминологии, связанной с ОРВ, тем не менее не препятствует использованию инструментов ОРВ для повышения качества действующих и проектируемых правовых норм. ОРВ может применяться на «ранней стадии», когда проект нормативного правового акта не разработан и существует лишь идея или концепция правового регулирования. В таком случае эксперты могут представить обоснованные аргументы о том, действительно ли требуется принятие нормативного правового акта для достижения целей правового регулирования. Несмотря на отсутствие в юридической науке устоявшейся терминологии, связанной с существованием множества видов различных экспертиз, ОРВ как разновидность экономической экспертизы постепенно становится важнейшим фактором реформирования и повышения качества законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность⁸.

Такой вывод основывается на том, что при проведении ОРВ оценивается не качество юридического оформления текста нормативного правового акта и не соблюдение правил юридической техники, а социально-экономическое содержание и последствия применения нормативных предписаний. Сущность процедуры ОРВ состоит в том, чтобы на основе мнений профессиональных экспертов и предпринимателей улучшить механизм правового регулирования, заложенный в проекте нормативного правового акта⁹. Если ранее было отмечено, что профессиональ-

⁷ См.: Дидикин А. Б. Роль оценки регулирующего воздействия в совершенствовании правового регулирования предпринимательской деятельности в России // Коммерческое право. 2016. № 2. С. 14—21.

⁸ См.: Правовые акты: оценка последствий / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2011. С. 63—64.

⁹ Главные вопросы, на которые при проведении ОРВ можно найти ответ, по словам «отца-основателя ОРВ» С. Джейкобса: «Что такое хороший закон? Почему законы не работают? Когда законы необходимы? Какое регулирование рынка лучше всего работает в плане улучшения результатов и качества жизни для граждан?» (см.: Jacobs S. The Ria Revolution // Business Line. 2015. November 19).

ное мотивированное суждение исходит от специалистов, взаимодействующих с финансовым регулятором и контролирующими органами при осуществлении банковского надзора, то процедура ОРВ на сегодняшний день является инструментом обеспечения открытости и учета мнений деловых ассоциаций, предпринимателей и профессиональных экспертов.

Следует отметить, что на основании норм Регламента Правительства РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260, устанавливается рекомендательный характер заключений об ОРВ. Тем не менее практика проведения оценки свидетельствует об учете предложений органами-разработчиками при доработке нормативных документов. В период с 2010 по 2017 г. уполномоченным органом (Минэкономразвития РФ) подготовлено более 5 тыс. заключений об ОРВ, из которых только 37 % — отрицательные¹⁰. В российских регионах, активно развивающих смешанную модель ОРВ совместно с деловыми ассоциациями и экспертами (Хабаровский край, Ульяновская область, Свердловская область, Новосибирская область и др.), для повышения результативности заключений об ОРВ применяются согласительные процедуры, а также запросы в адрес органов-разработчиков для проверки качества учета поступивших в ходе публичных консультаций предложений¹¹.

Предметная сфера оценки регулирующего воздействия в действующем федеральном законодательстве устанавливается различным образом. Так, например, постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 устанавливает обязательность проведения ОРВ в отношении проектов федеральных законов, разработанных Правительством РФ, а также проектов правовых актов Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, а Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 предусматривает обязательность проведения ОРВ и экспертизы в регионах и муниципальных образованиях¹². С 2017 г. формально

¹⁰ См.: Общие сведения об оценке регулирующего воздействия // URL: <http://orv.gov.ru/Education/Lesson/18> (дата обращения: 02.03.2018).

Кроме того, директор Департамента ОРВ Минэкономразвития РФ В. А. Живулин отмечает бюджетную экономию 3,2 трлн руб. за пять лет применения процедуры ОРВ (см.: Регулирующее воздействие: методики и опыт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2016. С. 45).

¹¹ Суть смешанной модели ОРВ состоит в активном вовлечении уполномоченными органами и органами-разработчиками в процесс публичных консультаций совещательных органов и объединений предпринимателей.

¹² См.: постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2018) ; приказ Минэкономразвития РФ от 27 мая 2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2018).

Следует отметить, что некоторые поручения Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 выполнены только в 2017 г. Так, ОРВ проектов федеральных законов, разработанных

внедрена оценка фактического воздействия для действующих правовых актов, ранее проходивших процедуру ОРВ, но на практике такой механизм работает только в российских регионах¹³. Во всех указанных случаях под процедуру оценки попадают лишь те проекты нормативных правовых актов, которые устанавливают или изменяют права и обязанности предпринимателей и юридических лиц либо предусматривают увеличение расходов бюджета на выполнение требований регулирования.

Внутреннее содержание экспертной деятельности при проведении ОРВ проекта нормативного правового акта предполагает анализ нескольких его элементов. Во-первых, анализируется проблема регулирования и ее негативные эффекты. Нормативные предписания, содержащиеся в юридической форме, могут быть средством решения проблемы регулирования, причем путем не только устранения пробелов в действующих правовых нормах, но и введения нового регулирования. Анализ альтернатив правового регулирования и возможность их количественной оценки с точки зрения бюджетных расходов делает итоговое экспертное заключение более качественным. Во-вторых, анализируется цель регулирования, которая предполагает достижение полезного эффекта и измеримых показателей. Орган-разработчик при проектировании нормативного правового акта может установить такие индикаторы достижения цели регулирования, а эксперты в ходе проведения публичных консультаций оценить их эффективность. В то же время федеральная и региональная практика проведения ОРВ часто свидетельствует о поверхностном подходе органов-разработчиков к характеристике экономических индикаторов. В-третьих, это оценка качества предложенных средств регулирования, анализ издержек, связанных с выполнением требований регулирования¹⁴. Прямым следствием опубликования заключения об ОРВ

депутатскими объединениями Государственной Думы РФ и принятых во втором чтении, может быть проведена по решению руководства Государственной Думы РФ (Регламент Государственной Думы ФС РФ, в ред. 27.04.2017). Такую оценку проводит Правительство РФ в лице Департамента оценки регулирующего воздействия Минэкономразвития РФ (Регламент Правительства РФ, в ред. 10.07.2017).

¹³ Применение экономической экспертизы действующих правовых актов и оценки регулирующего воздействия проектов правовых актов в сфере предпринимательской деятельности в российских регионах за последние три года выявило ряд особенностей для дальнейшего развития этих институтов общественного обсуждения. В регионах, как правило, формируется смешанная модель ОРВ и экспертизы с вовлечением экспертного сообщества в практику публичных консультаций. Наряду с этим, план экспертизы каждое полугодие проходит обсуждение и согласование на заседаниях совещательных органов при региональных министерствах экономики. Вместо оценки фактического воздействия в регионах применяется мониторинг фактического воздействия.

¹⁴ На портале regulation.gov.ru с 2016 г. действует специальный калькулятор для расчета издержек при проектировании нормативных правовых актов. Сами по себе методы расчета издержек и их нормативное закрепление дискутируются в научной литературе. См.: Карпова П. Г., Цыганков Д. Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент smart regulation // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3 ; Купряшин Г. Л., Сарычева Н. Н. Концепция «умного регулирования»: зару-

в таком случае будет доработка проекта нормативного правового акта. То же самое происходит при проведении ОРВ на «ранней стадии», когда публичные консультации проходят для обсуждения идеи, концепции правового регулирования, чтобы в конечном итоге орган-разработчик мог принять решение о том, нужно ли вообще разрабатывать проект нормативного правового акта.

Правовые нормы предусматривают обязательность размещения на федеральном портале www.regulation.gov.ru и официальном сайте органа государственной власти пакета документов с проектом нормативного правового акта, с уведомлением о сроках публичных консультаций и адресах сбора информации от экспертов. После завершения публичных консультаций экспертные мнения отражаются в сводной таблице и позволяют лицам, высказавшим мнения, ознакомиться с мнением органа-разработчика. Такой подход делает профессиональное мотивированное суждение средством улучшения нормативной правовой базы, а в отдельных случаях позволяет инициировать оценку фактического воздействия действующих нормативных правовых актов, которые, по мнению экспертов и предпринимателей, создают административные барьеры для бизнеса. Кроме того, в федеральной методике проведения ОРВ, предусмотренной приказом Минэкономразвития РФ от 27.05.2013 № 290, содержится подробная характеристика экономических рисков, которые подлежат оценке и прогнозированию с учетом мнений экспертов и предпринимателей. Такой прогноз может быть включен в итоговое заключение об ОРВ.

Таким образом, оценка регулирующего воздействия с точки зрения действующего законодательства выступает эффективным средством профессиональной оценки рисков, повышения качества проектируемых правовых норм и способом обеспечения обратной связи между регулирующими органами и институтами гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамиров К. В. Прогнозирование правовых рисков : в 2 т. — М. : Русайнс, 2018. — Т. 1. — 328 с.
2. Дидикин А. Б. Роль оценки регулирующего воздействия в совершенствовании правового регулирования предпринимательской деятельности в России // Коммерческое право. — 2016. — № 2. — С. 14—21.
3. Карпова П. Г., Цыганков Д. Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент smart regulation // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2012. — № 3. — С. 5—34.
4. Купряшин Г. Л., Сарычева Н. Н. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России // Вестник Московского государственного университета. Сер. 21 : Управление (государство и общество). — 2013. — № 2. — С. 3—20.

бежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21 : Управление (государство и общество). 2013. № 2. С. 3—20.

5. Оценка законов и эффективности их принятия : материалы международного семинара. — М., 2003. — 151 с.
6. Правовые акты: оценка последствий / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — М. : Юриспруденция, 2010. — 224 с.
7. Регулирующее воздействие: методики и опыт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — М. : Юриспруденция, 2016. — 72 с.
8. *Фролова Е. Е.* «Профессиональное мотивированное суждение» в банковском праве // Глобализация и публичное право : материалы III МНПК. — М. : РУДН, 2015. — С. 133—144.
9. *Фролова Е. Е., Кармадонова Е. В.* Категория «профессиональное мотивированное суждение» в банковском праве (часть первая) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2013. — № 16. — С. 34—41.
10. *Фролова Е. Е., Кармадонова Е. В.* Категория «профессиональное мотивированное суждение» в банковском праве (часть вторая) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2014. — № 17. — С. 46—53.
11. *Jacobs S.* The Ria Revolution // Business Line. — 2015. — November 19.

**Татьяна Васильевна
КАШАНИНА,**

доктор юридических
наук, профессор кафедры
теории государства
и права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

kashanina@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,
Садовая-Кудринская ул., д. 9

СНИЖЕНИЕ ЖЕСТКОСТИ САНКЦИЙ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье в историческом контексте анализируются меры государственного принуждения за совершение правонарушений. Автор делает следующие выводы: 1) в праве четко обнаруживается закономерность по снижению жесткости государственного принуждения по мере развития общества; 2) репрессивные санкции, играющие главную роль на том или ином этапе, уступают место менее репрессивным (смертная казнь — лишение свободы — штраф); 3) этот процесс идет постепенно, путем апробации менее репрессивных санкций сначала в качестве альтернативных; 4) в аграрном обществе смертная казнь является основной мерой государственного принуждения; 5) в индустриальном обществе мера государственного принуждения в виде лишения свободы берет на себя основную роль; 6) пенитенциарная система, ведающая применением мер государственного принуждения к правонарушителям, напрямую зависит от политического режима и является индикатором степени развития общества в той или иной стране.

Ключевые слова: государственное принуждение, санкции, смертная казнь, лишение свободы, штраф, обязательные работы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.144-153

T. V. KASHANINA,

Doctor of Law, Professor, Professor
of the Department of the Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

kashanina@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DECLINE OF SEVERITY OF SANCTIONS AS A TREND OF DEVELOPMENT OF LAW

Abstract. The article contains analysis of public enforcement measures for violations of law in historical context. The author makes the following conclusions: (1) in the law, one can find that severity of the public enforcement declines as the society develops; (2) repressive sanctions that play the key role on some stages give way to less severe ones (capital punishment — imprisonment — fine); (3) the process goes gradually by testing less repressive sanctions as, for a start, an alternative sanctions; (4) in agrarian society, the capital punishment is a primary measure of the public enforcement; (5) in in-

dustrial society the imprisonment takes the key role in the public enforcement; (6) the penitentiary system that deals with application of public enforcement to delinquents directly depends on political regime and is a precise indicator of society development in a particular country.

Keywords: *public enforcement, sanctions, capital punishment, imprisonment, fine, compulsory community service.*

1. Периодизация общественного развития

Для исследовательских целей необходимо определиться с тем, что следует относить к прошлому, настоящему и будущему, или иначе классифицировать общественное развитие. Но для этого вначале необходимо выбрать классификационный критерий.

По вопросу о периодизации общества существует множество точек зрения. Однако ярко выделяются два подхода к этой проблеме.

Авторы первого подхода ставят во главу угла *материальный* или *экономический критерий*: социально-экономические отношения (марксистская теория формаций), основная сфера производства (Д. Белл: *доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество*¹) и др.

Под воздействием научно-технической революции стали широко применяться и другие критерии периодизации общественного развития, хотя и с использованием этого же экономического ключа. Так, Э. Тоффлер в основу своей классификации положил такой критерий, как основные средства производства, и указал три периода в развитии цивилизации: *аграрная — индустриальная — технотронная цивилизация*. Если в аграрном обществе земля дает основную массу благ, то общество индустриальное базируется на машинной технике и господстве механики. В технотронном обществе новейшая техника, информационные технологии, автоматизация, роботизация заменяют операции человека с машинами, что оказывает определяющее влияние на все стороны социальной жизни².

Существует и *цивилизационный подход* к классификации общественного развития. В центре его внимания не одна какая-либо сторона общества, а совокупность всех черт того или иного общества — материальных, идейных, культурных, религиозных, нравственных — в их единстве и развитии.

Каждый из указанных подходов имеет право на жизнь, хотя все же они верны лишь частично. Однако мне представляется, что классификация Э. Тоффлера более четкая и определенная. Ее я и возьму за основу для выяснения вопроса о том, как эволюционируют меры государственного принуждения или санкции в праве. Естественно, внимание будет приковано прежде всего к самому жесткому виду юридической ответственности (уголовной ответственности), что позволит ярче высветить характер изменения санкций в праве.

И еще одно предварительное замечание: поскольку обозрение всего множества санкций (пусть даже и в пределах одного их вида) потребует большого объ-

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004. С. 38—45.

² Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2008. С. 45.

ема статьи, то в исследовании будут взяты на прицел лишь основные санкции, применяемые в тот или иной период общественного развития.

2. Смертная казнь

Смертная казнь — это вид государственного принуждения, заключающийся в *лишении человека жизни* в качестве наказания, узаконенного государством.

В аграрном обществе это основная мера наказания.

Прообразом этой санкции в древних государствах являлась кровная месть. Но в дальнейшем государство взяло на себя функции применения смертной казни, а потом и отправления правосудия.

«Смертная казнь считает годы своего существования тысячелетиями, а свои жертвы — миллионами». Именно такой печальный итог подвел дореволюционный русский исследователь этого вида наказания М. Н. Гернет³.

История смертной казни начинается с возникновения самой первой формы государственности. Считая, что смертная казнь выполняет роль превенции — общего предупреждения, древний законодатель стремился сделать ее наиболее мучительной. Такая форма наказания намеренно исполнялась публично, нередко казнили с предварительными пытками. Публичные казни использовались для устрашения, чтобы другим неповадно было нарушать законы⁴.

Известный русский правовед А. Ф. Кистяковский, одним из первых обратившийся к проблеме смертной казни, насчитал не один десяток ее способов (гильотинирование, четвертование, колесование, утопление, сварение в кипятке, сожжение, погребение заживо и др.)⁵.

Действительно, человечество показало себя, к сожалению, как очень жестокое сообщество. В. Е. Квашис, посвятивший свою докторскую диссертацию данной теме, не без иронии замечает, что по способам лишения жизни себе подобных человечество издавна проявляло выдумку, размах и изобретательность — не зря казни всегда собирали толпы людей⁶.

До наступления эпохи индустриализации, т.е. практически до XVIII в., никто и не думал отрицать законность этой меры наказания. Достаточно вспомнить, как в XVI—XVII вв. Европа пылала кострами инквизиции, смотреть на которые приходило все городское население.

Просветители сделали все возможное, чтобы уже к концу XVIII в. смертная казнь изменилась хотя бы в своей форме. И действительно, с той поры стали уходить в прошлое самые варварские способы приведения в исполнение смертной казни.

³ Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 14.

⁴ Монестье М. Смертная казнь. История и виды высшей меры наказания от начала времен до наших дней. М., 2008. С. 123.

⁵ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни (1867). Тула, 2000. С. 62.

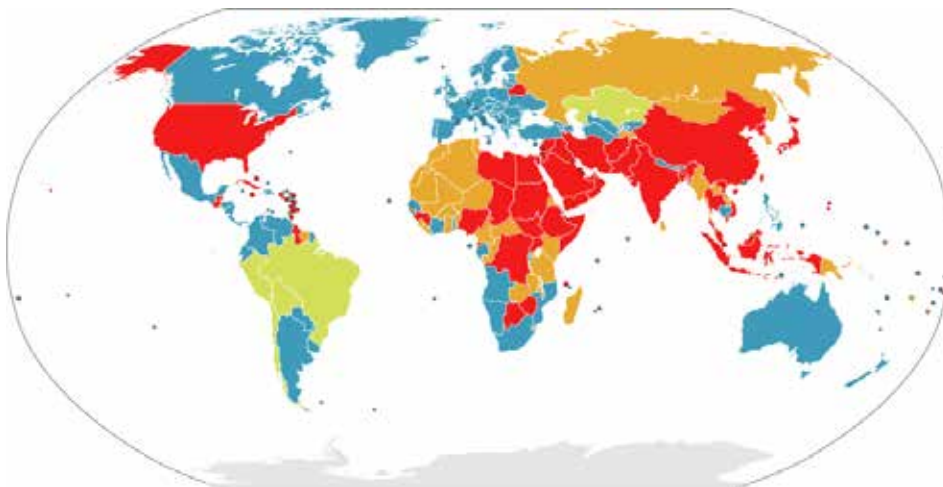
⁶ Квашис В. Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008. С. 22.

Сегодня в мире практикуются шесть видов смертной казни:

- 1) расстрел (наиболее распространенная в мире казнь);
- 2) смертельная инъекция (входит в употребление в развитых странах);
- 3) электрический стул (в США считается неприемлемой мерой для современного мира, ведется борьба за отмену этого способа казни);
- 4) повешение (используется в основном в азиатских странах);
- 5) обезглавливание (мечом — применяется в Саудовской Аравии);
- 6) побивание камнями (в основном женщин за измену — применяется в некоторых исламских странах).

Однако в конце XX в. отчетливо наметилась тенденция к решительной отмене смертной казни. Начало XXI в. ознаменовалось тем, что в 2/3 стран мира смертная казнь была отменена или ее применение было остановлено и количество приведения в исполнение смертных приговоров уменьшалось с каждым годом. Настал такой момент, когда возникло общественное движение за отмену смертной казни во всем мире. И возглавила его ООН. Для того чтобы побудить большинство государств действовать в этом направлении, был выдвинут лозунг: «Применение смертной казни ущемляет человеческое достоинство». ООН призвала все государства, где существует смертная казнь, наложить мораторий на ее применение. Более того, Совет Европы в 2007 г. провозгласил 10 октября Днем борьбы со смертно казнью. Результат не замедлил сказаться. Число стран, отказавшихся от смертной казни (либо отменили ее, либо прекратили ее практиковать), в 2017 г. достигло 170.

И тем не менее смертная казнь в современном мире все же применяется. По состоянию на 2016 г. в 87 % подтвержденных случаев высшая мера наказания приводится в исполнение в четырех странах — Ираке, Иране, Пакистане и Саудовской Аравии.

Карта, подготовленная организацией Amnesty International, на которой красным обозначены страны, применяющие смертную казнь⁷

⁷ URL: <https://amnesty.org.ru/>.

В апреле 1997 г. Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни. С тех пор в нашей стране действует мораторий на применение смертной казни. В 2009 г. Конституционный Суд РФ принял решение о том, что суды в стране не могут назначать такой вид наказания. Сегодня российские суды заменяют расстрел пожизненным заключением.

3. Лишение свободы

Лишение свободы — вид государственного принуждения, заключающийся в *принудительной изоляции* преступника от общества в специализированном учреждении с определенным режимом отбывания наказания.

Этот вид государственного принуждения стал основным именно в индустриальном обществе.

Справедливости ради надо отметить, что уже в аграрном обществе лишение свободы применялось, но незначительно и в самых варварских формах. Заключенные содержались в основном в темных подвальных помещениях монастырей, крепостей, в тюрьмах, казематах, в свирепом холоде и сырости.

«Шествие» лишения свободы по планете началось с Европы в XVI—XVII вв., когда индустрия начинает вырываться вперед аграрного производства в плане производительной силы, способной приносить общественное богатство с большей эффективностью. Однако лишь с XVIII—XIX вв. лишение свободы было широко закреплено в буржуазных кодексах.

Таким образом, лишение свободы становится основной мерой принуждения в индустриальную эпоху. Понятно, что это следует рассматривать как шаг гуманистический. Общество поднялось на новую высоту в технологическом плане (машинное производство) и, соответственно, в интеллектуальном и социальном развитии, а следовательно, требует более сострадательного, а попросту человеческого к себе отношения со стороны государства.

Пенитенциарная система на первом этапе индустриализации была практически той же варварской, что и на предыдущем. Постепенно она стала менее жесткой: тюрьмы и каторги были заменены ссылками, исправительно-трудовыми колониями.

Реальные условия отбывания наказания имеют огромные различия между странами.

Самые неблагоприятные условия — в пенитенциарных учреждениях стран третьего мира (Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, Африка). Здесь заключенные живут в спартанских хижинах в лагере, и хорошо если им удастся быть занятыми на тюремных фабриках. Чаще же им просто нечего делать — только изо всех сил стараться выжить в грязном, лишенном необходимых санитарных условий тюремном бараке, не имея никакой другой пищи и лекарств, кроме тех, о которых могут позаботиться их семьи.

В России положение заключенных хотя и не такое бедственное, приемлемым с позиций сегодняшнего дня его нельзя назвать, особенно с учетом статуса России в современном мире.

Наиболее благополучное положение с отбыванием лишения свободы — в странах Западной Европы, существенно хуже — в США.

В европейских странах заключенные живут в комнатах на одного человека, с индивидуальным умывальником и туалетом, телевизором и персональным компьютером, возможно, проходя заочно университетский курс и раз в неделю встречаясь в приватной обстановке с супругами или партнерами.

В некоторых из европейских стран уже сегодня пошли еще дальше: заключенные содержатся в условиях, практически мало отличающихся от условий жизни законопослушных людей. Места их содержания напоминают мотели, дома отдыха. Для некоторых из них лишение свободы означает всего лишь ношение электронных наручников.

Сроки лишения свободы напрямую зависят от вида политического режима. В тоталитарном государстве оперируют десятками лет лишения свободы. При авторитаризме сроки по большинству приговоров, как правило, вписываются в 10 лет.

Россия в этом плане соответствует своему статусу государства с авторитарным режимом. В России, согласно ст. 56 Уголовного кодекса РФ, максимальный тюремный срок составляет 20 лет. При сложении сроков за совершение нескольких преступлений максимальный срок не может быть длиннее 25 лет, а по совокупности приговоров — более 30 лет. Кроме того, в России существует и пожизненное заключение.

В отличие от России, в федеральных законах США и законах многих отдельных штатов нет такого понятия, как максимальный срок лишения свободы. Наказания за совокупность преступлений просто складываются, в результате чего осужденные получают сроки, отсидеть которые им и нескольких жизней не хватит.

Труд заключенных. Ни для кого не секрет, что в тюрьму попадают не только отъявленные преступники, которые не способны заработать на жизнь честным трудом. Там также отбывают срок множество настоящих мастеров своего дела, которые славятся своими золотыми руками. А поскольку содержание заключенных — это весьма затратное дело, то власти многих стран стараются привлечь узников к какому-нибудь полезному делу.

Таким образом решаются сразу две задачи. И заключенные не маются от безделья, и государство получает выгоду от их труда. Кроме того, труд облагораживает человека, и многие заключенные обучаются полезным навыкам и умениям, благодаря которым им будет легче адаптироваться в обществе, выйдя на свободу.

Руками заключенных делается множество разнообразных вещей. Главное здесь — умение организовать производственный процесс. Так, в США производятся практически все товары широкого потребления: от продуктов питания до бытовой электроники, в том числе и продукция всемирно известных брендов.

Пенитенциарная практика. Одним из интегральных показателей жесткости уголовной юстиции служит число заключенных на 100 тыс. жителей. Первое место по этому показателю занимают США, второе место принадлежит России. США лидируют также и по количеству заключенных в абсолютном значении — около 2,2 млн чел. находятся за решеткой. В России на 2017 г. содержалось 630 тыс.

чел.⁸ Если учесть, что это в основном мужчины в расцвете сил, то можно пред-
ставить, сколько теряет экономика в результате этого.

Вместе с тем есть и хорошая новость: в России в настоящее время к лишению свободы приговаривается всего приблизительно треть подсудимых, т.е. наметилась тенденция к сокращению.

Итак, институт лишения свободы, как видим, не вечен. Он возник исторически и видоизменялся на протяжении истории. Сегодня, может быть, он и незаменим в том отношении, что человечество не придумало пока ничего лучшего (более эффективного) для защиты общества от тяжких преступлений. Однако человечество потихоньку, ощупью, шаг за шагом, движется к постепенной замене лишения свободы иными мерами социального контроля.

4. Штраф

Штраф — это мера государственного принуждения, которая выражается в виде *денежного взыскания, поступающего в пользу государства*, назначаемого за совершение правонарушения.

В далеком прошлом, как известно, царила кровная месть. Однако надо сказать, что в древности появился также институт фиксированных денежных санкций (вира). Причем он был характерен для всех государств, в том числе и для России. Многие ученые склонны в этом усматривать зачатки гуманизма. Вряд ли так следует считать.

Дело обстоит проще. При возникновении вражды двух групп трудно было заранее предугадать, чем закончится кровная месть, ибо две враждующие между собой родовые группы могли уничтожить друг друга до последнего человека. Понятно, что при таком исходе будет ослаблено все племя в целом. Этого нельзя было допустить, ибо главная функция племени и его органов управления состояла в обеспечении безопасности (обороны или нападения) в мире, где враждовали все со всеми. Следует иметь в виду, что тогда воевали преимущественно *числом*, а не умением. В ситуации вражды между родами племя было заинтересовано в установлении мира между ними, поскольку оно не хотело терять своих людей и, таким образом, стать легкой добычей в руках внешнего врага. *Ви́ра* — это был своего рода спасательный круг для того, чтобы погасить вражду между родами (общинами)⁹.

Но наступила эпоха *аграрного производства*, которое обеспечило устойчивый источник существования для элиты, которая совсем не хотела его терять. Стали крепнуть государственно-правовые институты. Штраф как вид наказания уступил место смертной казни как более надежному способу удержания власти.

Однако в индустриальном обществе штраф за совершение преступления вновь начинает применяться. Причем на начальном его этапе штраф используется очень незначительно и выступает в качестве альтернативной санкции лишению свободы, но по мере процветания индустриального общества выдвигается

⁸ URL: <http://www.interfax.ru/russia/553191>.

⁹ *Кашанина Т. В.* Происхождение государства и права. М., 2014. С. 284.

в разряд основных санкций. Объяснить это можно тем, что чем более развито общество, тем более неприемлемыми становятся жесткие санкции: смертная казнь постепенно уходит в прошлое, а лишение свободы минимизируется.

В настоящее время штраф широко применяется в уголовном праве многих промышленно развитых стран мира: это первое по распространенности уголовное наказание в Англии и США. Получается, что оно уже пришло на смену лишению свободы. Во Франции штраф находится на первом месте среди имущественных наказаний. Законодательство ФРГ признает его вторым основным видом наказания.

Итак, в развитом индустриальном обществе, на переходе к технотронному обществу, штраф постепенно становится основной мерой наказания, пришедшей на смену лишению свободы. И это не случайно.

Штраф как вид уголовного наказания имеет много *достоинств*. К их числу относятся следующие:

- 1) уменьшение числа заключенных;
- 2) исключение контакта оступившихся впервые, а также осужденных за преступления небольшой тяжести с преступниками «со стажем»;
- 3) отсутствие больших затрат, связанных с исполнением данного вида наказания;
- 4) получение доходов в государственный бюджет;
- 5) возможность индивидуализации назначенного наказания в зависимости от имущественного положения осужденного.

Почти во всех зарубежных странах штраф считается наименее строгим наказанием. Посмотрим, каково положение дел со штрафом в России.

Анализ судебной практики показывает, что штраф применяется крайне редко. Причина такого положения дел со штрафами лежит на поверхности: российское общество еще слишком бедное, и те штрафы, которые предусматривает закон (до 5 млн руб.), многим преступникам выплатить не под силу, если учесть, что средняя заработная плата по стране на 2018 г. равнялась 35 тыс., да и проблема безработицы стоит достаточно остро¹⁰.

Пока в России на штраф смотрят как на диковинку, западные страны всю его модифицируют в соответствии с духом времени и учетом личности осужденных. Так, например, во многих странах применяются *штрафо-дни* (регулярное внесение в государственный бюджет определенных денежных сумм в течение некоторого промежутка времени)¹¹. Достаточно часто зарубежное законодательство предусматривает возможность предоставления льгот, связанных с уплатой штрафов: рассрочки платежей, освобождение от уплаты части штрафа в случае добропорядочного поведения лица и т.д.¹²

¹⁰ URL: <http://myfundraise.ru/banki/srednyaya-zarplata-v-rossii-v-2018-godu>.

¹¹ Архипенко Т. В. Уголовное наказание в виде штрафа в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2008. № 21. С. 36.

¹² Липатов Д. В. Штраф как вид уголовного наказания в законодательстве зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2006. № 2. С. 63.

5. Обязательные работы

Обязательные работы — это мера государственного принуждения, которая заключается в *бесплатных общественно полезных работах*, выполняемых осужденным в свободное от основной работы или учебы время.

Эта санкция появляется позднее штрафа и существует вначале на периферии государственного принуждения. Однако по мере укрепления штрафа в качестве основной санкции обязательные работы выдвигаются в разряд альтернативных. Можно прогнозировать, что когда-нибудь обязательные работы станут и основной санкцией, что связано в возрастанием значимости духовных ценностей по мере развития общества, ущемление которых будет тяжело переживаться правонарушителями.

Обязательные работы — это работы по *благоустройству города или поселка, очистке улиц и дворов, уходу за больными, погрузочно-разгрузочные, ремонтные, сельскохозяйственных работы или иные виды общественно полезных работ*, как правило, не требующие особой квалификации, специальных знаний и навыков.

Санкция в виде обязательных работ несет карательный заряд, т.е. возлагает неблагоприятные последствия на правонарушителя:

- 1) выполнение этих работ предусматривается в свободное от основной работы или учебы время, тем самым ограничивается свобода распоряжения временем;
- 2) от работы виновный не может уклониться;
- 3) невозможность для осужденного самому выбрать вид работы;
- 4) непрестижность работ;
- 5) бесплатность работ;
- 6) выполнение работ по месту жительства осужденного, где последний может быть узнан близкими и знакомыми, что во многих случаях усиливает воздействие наказания;
- 7) в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ (невыход на работы более 2 раз в месяц) они заменяются лишением свободы.

В России обязательные работы — это сравнительно новое правовое явление. Они закреплены только в УК РФ 1996 г. и введены в действие лишь в 2005 г. Обязательные работы предусматривают более 100 статей УК РФ. Казалось бы, этому надо только радоваться. Однако судебная практика показывает, что в нашей стране еще далеко до того, чтобы эта санкция вошла не то что в разряд основных, а хотя бы в качестве альтернативной лишению свободы, поскольку суды ее применяют исключительно редко. Подтверждается вывод о том, что в деле применения репрессии к правонарушителям большую роль играет политический режим, который очень точно свидетельствует о степени развития общества в той или иной стране. В развитом индустриальном обществе, вступающем в техно-электронную эру, меры наказания, не связанные с лишением свободы¹³, становятся реальной заменой содержанием в тюрьме.

¹³ В Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи).

Анализ санкций в историческом контексте показывает, что:

- 1) в праве четко обнаруживает себя следующая закономерность: по мере развития общества снижается жесткость санкций;
- 2) репрессивные санкции, играющие главную роль на том или ином этапе общественного развития, уступают место менее репрессивным (смертная казнь — лишение свободы — штраф);
- 3) этот процесс идет постепенно путем апробации менее репрессивных санкций сначала в качестве альтернативных;
- 4) в аграрном обществе смертная казнь является основной мерой государственного принуждения;
- 5) в индустриальном обществе мера государственного принуждения в виде лишения свободы берет на себя основную роль;
- 6) пенитенциарная система, ведающая применением мер государственного принуждения к правонарушителям, напрямую зависит от политического режима и является точным индикатором степени развития общества в той или иной стране.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипенко Т. В.* Уголовное наказание в виде штрафа в законодательстве зарубежных стран // *Российский следователь*. — 2008. — № 21. — С. 35—38.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. — М., 2004. — 778 с.
3. *Гернет М. Н.* Смертная казнь. — М., 1913. — 149 с.
4. *Кашанина Т. В.* Происхождение государства и права. — М., 2014.
5. *Квашиш В. Е.* Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. — М., 2008. — 800 с.
6. *Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни (1867). — Тула, 2000. — 188 с.
7. *Липатов Д. В.* Штраф как вид уголовного наказания в законодательстве зарубежных стран // *Международное публичное и частное право*. — 2006. — № 2. — С. 61—63.
8. *Монестье М.* Смертная казнь. История и виды высшей меры наказания от начала времен до наших дней. — М., 2008. — 398 с.
9. *Тоффлер Э.* Революционное богатство. — М., 2008. — 569 с.

лей от 14 декабря 1990 г.), предусматривается в общей сложности 11 видов санкций, не связанных с лишением свободы, в числе которых, помимо обязательных работ: 1) замечание, порицание и предупреждение; 2) поражение в гражданских правах; 3) экономические санкции и денежные наказания (штрафы); 4) конфискация или постановление о лишении права собственности на имущество; 5) возвращение имущества жертве или постановление о компенсации; 6) направление в исправительное учреждение с обязательным ежедневным присутствием; 7) домашний арест и др.

**Николай Яковлевич
СОКОЛОВ,**

доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
ktgp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОЦЕНКА ЮРИСТАМИ СОСТОЯНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного автором социологического исследования правовой культуры юристов, их оценок состояния действующего законодательства. Представители разных юридических профессий, как правило, дают средние оценки законодательству, с которым они работают в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная культура юристов, оценка законодательства, эффективность законодательства.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.154-158

N. Ya. SOKOLOV,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ktgp@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LAWYERS ASSESSMENTS OF THE CONDITION OF THE CURRENT LEGISLATION

Abstract. The article presents the results of the sociological research, conducted by the author, of the legal culture of lawyers, their assessments of the condition of the current legislation. Representatives of different legal professions, as a rule, give average assessments to the legislation with which they work in their professional activities.

Keywords: professional culture of lawyers, assessment of legislation, effectiveness of legislation.

Эффективность правового регулирования общественных отношений во многом зависит от качества законодательства. Отставание от потребностей общественного развития, пробельность, коллизийность отрицательно сказываются в конечном счете на состоянии законности и правопорядка.

Оценка состояния действующего законодательства во многом зависит от профессионального мнения юристов, несущих социальную ответственность за состояние механизма правового регулирования. Отсюда становится понятной важность и необходимость изучения профессионального мнения юристов о состоянии действующего законодательства.

Эта цель, наряду с другими, была поставлена автором при проведении социологического исследования профессиональной культуры юристов¹.

¹ Соколов Н. Я. Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание. М., 2014. 320 с.

В ходе исследования была использована квотная выборка внутри каждой специализированной профессионально-юридической группы. В качестве метода исследования был избран опрос в виде сочетания анкетирования и интервьюирования.

Согласно программе социологического исследования распространено 1 200 бланков опроса. После предварительной обработки полученного массива машинной обработке было подвергнуто 798 анкет, включая: судей — 109, прокуроров — 106, следователей — 137, адвокатов — 103, юрисконсульты — 111, нотариусов — 115, судебных приставов — 119.

Вопрос, который был поставлен перед опрошенными юристами, был сформулирован следующим образом: «Как Вы оцениваете качество законодательства, с положениями которого Вам приходится иметь дело в своей повседневной работе?» Ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Оценка юристами состояния действующего законодательства

Варианты ответов на вопрос «Как Вы оцениваете качество законодательства, с положениями которого Вам приходится иметь дело в своей повседневной работе?»	Количество ответивших (в % к числу опрошенных)
Очень высоко	0,5
Высоко	8,3
Средне	64,6
Низко	17,8
Очень низко	5,8
Затрудняюсь ответить	3,1

Таким образом, средне оценили состояние действующего законодательства 64,6 % опрошенных, высоко — 8,3 %, очень высоко — 0,5 %. В совокупности положительно состояние действующего законодательства оценили 73,4 % респондентов. Видимо, в целом это является основанием для чувства удовлетворения. Но нельзя забывать, что почти каждый четвертый опрошенный юрист оценил качество действующего законодательства низко: 17,8 % — низко и 5,8 % — очень низко.

Таблица 2

Оценка юристами законодательства в зависимости от их профессиональной специализации

Профессиональная специализация	Распределение ответов (в % к числу опрошенных)					
	Очень высоко	Высоко	Средне	Низко	Очень низко	Затрудняюсь ответить
Следователь	0,0	4,4	53,3	22,6	18,2	1,5
Прокурор, заместитель, помощник прокурора	0,0	6,6	67,0	17,9	5,7	2,8

Таблица 2. Окончание

Профессиональная специализация	Распределение ответов (в % к числу опрошенных)					
	Очень высоко	Высоко	Средне	Низко	Очень низко	Затрудняюсь ответить
Юрисконсульт	0,9	8,1	77,5	9,9	0,0	3,6
Нотариус	0,0	7,0	65,2	20,0	5,2	2,6
Адвокат	1,0	17,5	63,1	11,7	3,9	2,9
Судья	0,0	11,0	63,3	17,4	2,8	5,5
Судебный пристав	1,7	5,0	65,5	22,7	1,7	3,4

Наиболее высоко оценивают действующее законодательство судебные приставы (1,7 %), в то время как судьи, нотариусы, прокурорские работники и следователи вообще не сделали соответствующих пометок в анкете.

Ситуация несколько поменялась в положительную сторону в случае просто высокой оценки законодательства, когда процент согласных с этим утверждением увеличился. Чаще других высоко оценивали законодательство адвокаты (17,5 %), а реже других — следователи (5 %).

Средне оценивают действующее законодательство большинство опрошенных юристов. Наиболее часто этой точки зрения придерживаются юрисконсульты (77,5 %), реже — следователи (53,3 %).

Необходимо прислушаться к мнению юристов, низко оценивающих действующее законодательство. Особенно критично здесь настроены судебные приставы (22,7 %), более сдержаны юрисконсульты (9,9 %).

Не обошлось в процессе опроса и без очень низких оценок состояния действующего законодательства. Такую позицию чаще всего занимали следователи (18,2 %), реже — судебные приставы (1,7 %). Юрисконсульты не отметили соответствующую графу в анкете.

Больше других затруднились с ответом на заданный вопрос судьи (5,5 %), меньше других — следователи (1,5 %).

Таблица 3

Оценка юристами законодательства в зависимости от их стажа работы

Стаж работы юристом	Распределение ответов (в % к числу опрошенных)					
	Очень высоко	Высоко	Средне	Низко	Очень низко	Затрудняюсь ответить
Менее года	0,0	4,8	57,1	33,3	0,0	4,8
1—2 года	0,9	6,5	59,3	17,6	12,0	3,7
3—5 лет	0,5	9,0	62,4	18,5	7,9	1,6
6—10 лет	0,6	8,9	68,4	15,8	2,5	3,8
11—15 лет	0,0	10,0	66,4	16,4	4,5	2,7
16 лет и более	0,5	7,5	66,0	17,9	4,2	3,8

Интересно сопоставить точки зрения по рассматриваемому вопросу юристов со стажем менее года и стажем 16 лет и более. Юристы со стажем менее года более строги в оценке качества законодательства. Особенно категоричны те, кто проставил низкую оценку (33,3 %). Юристы же со стажем 16 лет и более оценивают состояние законодательства заметно выше: низкую оценку поставили 17,9 % из них.

Таблица 4

Оценка юристами законодательства в зависимости от их возраста

Возраст	Распределение ответов (в % к числу опрошенных)					
	Очень высоко	Высоко	Средне	Низко	Очень низко	Затрудняюсь ответить
До 25 лет	0,0	8,5	59,8	18,3	12,2	1,2
25—29 лет	0,6	4,6	68,6	16,0	8,0	2,3
30—39 лет	0,4	11,0	61,6	18,1	4,6	4,2
40—49 лет	0,9	8,0	64,6	19,8	3,3	3,3
50—59 лет	0,0	10,0	66,3	16,3	5,0	2,5
60 лет и старше	0,0	0,0	83,3	0,0	0,0	16,7

Как видно из приведенных данных, юристы молодого поколения, в возрасте до 25 лет, более строги в оценке состояния действующего законодательства: 18,3 % из них оценивают его низко, 12,2 % — очень низко. Старшее же поколение в значительном своем большинстве проявляют меньшую строгость, выставя среднюю оценку (83,3 %). Вместе с тем 16,7 % опрошенных в возрасте 60 лет и старше затруднились с ответом.

Таблица 5

Оценка юристами законодательства в зависимости от их половой принадлежности

Пол	Распределение ответов (в % к числу опрошенных)					
	Очень высоко	Высоко	Средне	Низко	Очень низко	Затрудняюсь ответить
Мужчины	0,5	8,1	62,5	18,5	7,6	2,8
Женщины	0,5	8,4	67,3	16,6	3,5	3,5

Как видно из приведенных данных, принципиальных различий в оценке женщинами и мужчинами состояния законодательства не наблюдается. Больше число женщин дали среднюю оценку (67,3 %). В то время как мужчины чаще выставляли низкую (18,5 %) и очень низкую оценку (7,6 %).

В настоящей публикации предпринята попытка выяснить оценку юристами состояния российского законодательства в целом. Между тем имеет смысл получить представление и об оценке юристами действующего отраслевого законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Соколов Н. Я.* Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание. — М. : Проспект, 2014. — 320 с.

ЗАКОНЫ О НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ СТРАН СНГ: ВОЗМОЖНОСТИ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В Российской Федерации не принят закон о нормативных правовых актах, в ряде стран СНГ аналогичные законы действуют уже почти два десятилетия, причем правовое регулирование данных отношений постоянно совершенствуется. Этот опыт вполне может быть учтен в отечественных исследованиях, в том числе направленных на научное обеспечение правотворческой деятельности. **Ключевые слова:** нормативный правовой акт, закон о нормативных правовых актах, источники права, законодательство, правотворчество.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.159-164

Сергей Васильевич ЛИПЕНЬ,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

svlipen@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

S. V. LIPEN,
Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
svlipen@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LAWS ON NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE CIS COUNTRIES: OPPORTUNITIES FOR COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

Abstract. The Russian Federation has not adopted a law on normative legal acts, in a number of CIS countries similar laws have been in force for almost two decades, and the legal regulation of these relations is constantly improving. This experience may well be taken into account in domestic studies, including those aimed at scientific support of law-making activities.

Keywords: normative legal act, law on normative legal acts, sources of law, legislation, lawmaking.

О необходимости закона о нормативных правовых актах начали говорить во второй половине 80-х гг. прошлого века для совершенствования правовой системы СССР. Разработки проекта этого закона велись в основном учеными Института законодательства и сравнительного правоведения¹. Эти раз-

¹ См., например: *Пиголкин А. С., Казьмин И. Ф., Рахманина Т. Н.* Инициативный проект закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. 1992. № 7. С. 76—86.

работки стали основой для принятия подобных нормативных актов в субъектах Российской Федерации, Рекомендательного законодательного акта о нормативных правовых актах государств — участников СНГ (1995 г.), законов о нормативных правовых актах (о правовых актах) действующих в странах СНГ: в Азербайджанской Республике, Кыргызской Республике, Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан, Туркменистане.

В России проект федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» был принят Государственной Думой в первом чтении (1996 г.), но отклонен во втором чтении (2004 г.).

Парадоксальность ситуации заключается в том, что, разработав теоретические основы правового регулирования правотворчества, типологии и действия нормативных правовых актов, представив проекты закона о нормативных правовых актах, которые в качестве образцов были востребованы на уровне и субъектов Российской Федерации, и государств — участников СНГ, ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в течение 1990—2010-х гг. продолжали разрабатывать проекты закона о нормативных правовых актах Российской Федерации². Как указывают Н. А. Власенко и Е. Е. Рафалюк³, известны проекты 1989, 1992, 1995 (разработан ИГП РАН с учетом проектов ИЗиСП), 2000, 2006, 2012, 2014 гг. (подготовлен Минюстом России на основе проектов ИЗиСП и представлен на общественное и профессиональное обсуждение⁴).

В то же время в странах СНГ в течение последних двух десятилетий активно нарабатывался опыт действия и совершенствования законодательства о нормативных правовых актах.

Так, в Азербайджанской Республике закон о нормативно-правовых актах был принят в 1999 г., в 2010 г. — конституционный закон о нормативных правовых актах, действующий в редакции конституционного закона 2016 г. В Республике Беларусь действует закон о нормативных правовых актах 2000 г. (с изменениями и дополнениями), в течение 2010—2011 гг. разрабатывался, активно обсуждался научной юридической общественностью и был внесен в парламент проект закона о правовых актах. Но идея принятия закона о всех правовых актах (не только о нормативных правовых) не стала преобладающей, в 2016 г. в нижнюю палату белорусского парламента был внесен и принят в первом чтении уже закон о нормативных правовых актах. В Республике Казахстан, напротив, закон о нормативных правовых актах 1998 г. утратил силу в связи с принятием закона именно

² См., например: Юртаева Е. А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 12—22.

³ Власенко Н. А., Рафалюк Е. Е. Концепция проекта закона о нормативных правовых актах и совершенствование законотворческого процесса // Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. С. 76—83.

⁴ Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России) // URL: [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=127365#06473735518250754](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=d oc&base=PRJ&n=127365#06473735518250754).

о правовых актах 2016 г. Закон о правовых актах, принятый в 2002 г., действует в Республике Армения.

В отечественном научном пространстве известны публикации о национальном опыте правового регулирования правотворческой деятельности, о законах о нормативных правовых (правовых) актах стран СНГ⁵. Перспективен, как представляется, сравнительно-правовой анализ данных законов, с помощью которого можно выявить различия в разрешении ряда важных теоретических проблем и в законодательном закреплении соответствующих положений.

Как можно видеть, есть разные подходы к концепциям рассматриваемых документов. Один из первых вопросов: нужен закон о нормативных правовых актах или закон о правовых актах? В странах СНГ есть разные подходы, российская юридическая наука однозначно определяется в пользу закона о нормативных правовых актах; известен также инициативный проект федерального закона «О формах российского права» (В. В. Ершов).

Далее, принципиальны проблемы содержания закона о нормативных правовых актах и сферы его правового регулирования. Один из ранних вариантов: подобный закон должен быть очень небольшим, «рамочным», с учетом того, что многочисленные вопросы правотворческой деятельности и действия нормативных правовых актов должны далее конкретизироваться в иных законах, подзаконных нормативных правовых актах, в методических рекомендациях по составлению проектов нормативных правовых актов. В таком виде регулирование правотворческой деятельности в странах СНГ не развивается, заметна тенденция к подготовке законов о нормативных правовых (правовых) актах как достаточно объемных документов, включающих вопросы подготовки нормативных правовых актов, их соотношения между собой, их толкования, действия во времени, в пространстве, по кругу лиц, их реализации.

Интересно сравнение подходов к терминологии, связанной с типологией законодательства, с соотношением разного вида нормативных правовых актов, с определением статуса постановлений конституционных судов, постановлений пленумов верховных судов. Так, в Республике Беларусь эти документы отнесены к нормативным правовым актам. Есть общее понятие законодательства: это система всех нормативных правовых актов (включая, по всей видимости, и подзаконные, и локальные нормативные правовые акты, решения органов местного самоуправления); введено понятие «акты законодательства» — нормативные правовые акты, составляющие законодательство Республики Беларусь); есть законодательное определение законов, а законодательное определение подзаконных нормативных правовых актов отсутствует. Введено понятие «законодательные акты»: к ним относятся Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, декреты и указы Президента Республики Беларусь.

Примерно такие же подходы используются в Законе «О правовых актах Республики Казахстан» 2016 г. Законодательство определяется как совокупность нормативных правовых актов, принятых в установленном порядке, тоже есть понятие законодательного акта — это закон, вносящий изменения и дополнения

⁵ См., например: *Нематов А. Р.* Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах»: прошлое, настоящее и будущее // Государство и право. 2009. № 10. С. 60—64.

в Конституцию Республики Казахстан, конституционный закон, кодекс, консолидированный закон, закон, постановление Парламента Республики Казахстан, постановления его палат. Особенностью является, как можно видеть, наличие такой разновидности закона, как консолидированный закон, — это закон, регулирующий комплексные по своему характеру общественные отношения. Наряду с понятием «юридическая сила нормативного правового акта», используется понятие «уровень нормативного правового акта», это его место в зависимости от его юридической силы в иерархии нормативных правовых актов. Кроме того, нормативные правовые акты подразделяются на основные и производные⁶, последние — положения, правила, инструкции и т.д. — принимаются или утверждаются посредством нормативных правовых актов основных видов и составляют с ними единое целое.

В Республике Армения законодательство (как синоним этого термина используется и термин «законодательные акты») образуют Конституция Республики Армения и внесенные в нее изменения, законы Республики Армения, постановления парламента, имеющие силу закона постановления Правительства Республики Армения, указы и распоряжения Президента Республики Армения, постановления Правительства Республики Армения или постановления премьер-министра Республики Армения. Таким образом, понятие законодательства (по сравнению с Беларусью и Казахстаном) сужается, а понятие законодательных актов — расширяется.

Несколько отличный подход используется в Узбекистане: здесь органами (должностными лицами), обладающими правом принятия нормативных правовых актов, являются палаты парламента, Президент Республики Узбекистан, Кабинет министров Республики Узбекистан, министерства, государственные комитеты и ведомства, органы государственной власти на местах. Нормативные правовые акты являются актами законодательства и образуют законодательство Республики Узбекистан. Налицо, таким образом, третий вариант определения объема терминов «законодательство» и «законодательный акт». Подобной терминологией, кстати говоря, не оперирует проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» 2014 г.

В сравнении содержания законов о нормативных правовых (правовых) актах стран СНГ наиболее корректно, по всей видимости, ориентироваться на белорусское и казахское законодательство, в Республике Беларусь государственными языками являются белорусский и русский, в Республике Казахстан государственным является казахский язык, в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (ч. 1, 2 ст. 7 Конституции Республики Казахстан). Тексты нормативных правовых актов на казахском и русском языках должны быть аутентичны (ст. 24 Закона «О правовых актах Республики Казахстан»).

Сравнение содержания законов о нормативных правовых (правовых) актах стран СНГ с целью понимания особенностей предлагаемых теоретических под-

⁶ Сходная терминология предлагается и в проекте российского федерального закона. См.: проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dosc&base=PRJ&n=127365#06473735518250754>.

ходов, выявления допущенных неточностей и совершенствования законодательства заслуживает самостоятельного внимания и более объемной работы.

Здесь же в самом общем плане укажем на сложность правового регулирования деятельности по созданию и реализации нормативных правовых актов, на необходимость учета как несомненных достижений, так и отдельных упущений законов о нормативных правовых (правовых) актах стран СНГ. В этих документах ценен сам опыт законодательного решения вопросов об иерархии нормативных правовых актов, о процессе их подготовки, о закреплении основной терминологии, используемой в правотворческой деятельности, и требований юридической техники, о действии нормативных правовых актов, об их реализации, о толковании, внесении изменений и дополнений, об ответственности правотворческих органов.

Так, в Законе «О нормативно-правовых актах Республики Узбекистан» определена ответственность должностных лиц за подготовку нормативных правовых актов органов исполнительной власти, не прошедших государственную регистрацию. Российскими учеными неоднозначно воспринимается нормативное определение права, данное в п. 19 ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» («право — система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений»). По все видимости, потребность в законодательном понятии права предопределяется необходимостью предложить надежный ориентир в толковании Конституции Республики Беларусь, в которой закреплен принцип верховенства права.

Качество «закона о законах», как предполагается, должно быть на самом высоком научном уровне. Однако правовое регулирование рассматриваемых общественных отношений в ряде случаев можно совершенствовать.

Так, нормативное закрепление принципов правотворчества с точки зрения разработки этого вопроса в научной литературе и доктринальных характеристик принципов законности, научности, демократизма, гласности в анализируемых законах о нормативных правовых (правовых) актах стран СНГ сложно признать удачным.

Практически во всех этих документах содержатся самостоятельные главы, посвященные правилам юридической техники, или требованиям, предъявляемым к содержанию нормативных правовых актов, их языку и стилю. И везде основные требования юридической техники могли бы быть изложены значительно более системно. В нормативном закреплении нуждаются, пожалуй, главные правила формулирования нормативного текста — правила точности и полноты регулирования общественных отношений. Вообще, в конструировании систем требований юридической техники в последние 10—15 лет проявилась новая тенденция — выдвижение на первый план так называемых содержательных правил, к числу которых относится достижение социальной адекватности права, точность и полнота правового регулирования, оправданный выбор способа правового регулирования и т.д. Все это, несомненно, должно находить отражение и в законах о нормативных правовых (правовых) актах.

С точки зрения соблюдения правил юридической техники, корректности языка, стиля, терминологии, формулирования норм и определений законы о нормативных правовых (правовых) актах должны быть по возможности безупречны. С этих позиций представляет интерес анализ недостаточно корректных выраже-

ний, формулировок, содержащихся в рассматриваемых законах стран СНГ. Например, в научных исследованиях отмечаются технические неточности, повторы и дублирование нормативных предписаний. В отдельных случаях стремление уйти от повторов создает удвоение или даже утроение терминологии. Имеются неудачные стилистические выражения, ряду определений, содержащихся в дефинитивных нормах, присущи ошибки слишком узкого и слишком широкого определения, тавтологии, опосредованного круга в определении (к примеру: акты законодательства — нормативные правовые акты, составляющие законодательство; нормотворческий процесс — нормотворческая деятельность нормотворческих органов (должностных лиц) по разработке и принятию (изданию) нормативных правовых актов, введению их в действие) и т.д.⁷ Следует тщательно относиться к разработке «закона о законах», поскольку возможные нарушения требований юридической техники здесь наиболее заметны.

Таким образом, сравнительно-правовое исследование законов о нормативных правовых (правовых) актах государств — участников СНГ открывает широкие возможности для изучения различных вариантов правового регулирования правотворческой деятельности, для учета накопленного опыта в отечественных исследованиях, в том числе направленных на научное обеспечение правотворческой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Василевич Г. А.* Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». — Минск : Право и экономика, 2006. — 128 с.
2. *Власенко Н. А., Рафалюк Е. Е.* Концепция проекта закона о нормативных правовых актах и совершенствование законотворческого процесса // Научные концепции развития российского законодательства : монография. — 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2015. — С. 75—86.
3. *Ковкель Н. Ф.* Логика и язык закона. — Минск : Право и экономика, 2009. — 297 с.
4. *Нематов А. Р.* Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах»: прошлое, настоящее и будущее // Государство и право. — 2009. — № 10. — С. 60—64.
5. *Пиголкин А. С., Казьмин И. Ф., Рахманина Т. Н.* Инициативный проект закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. — 1992. — № 7. — С. 76—86.
6. *Юртаева Е. А.* Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 12—22.

⁷ См., например: *Василевич Г. А.* Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Минск, 2006. 128 с. ; *Ковкель Н. Ф.* Логика и язык закона. Минск, 2009. С. 67—68.

Методология науки о государстве и праве

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ НА НАУЧНЫХ ФОРУМАХ В 2017 г. 1-Й МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

Аннотация. В статье охарактеризована постановка и разработка методологических проблем юридической науки на научных конференциях, состоявшихся в 2017 г. Представлен обзор выступлений на 1-м методологическом семинаре кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ключевые слова: методология юридической науки, методы научного исследования, теория права, взаимодействие теории права с отраслевыми юридическими науками.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.165-179

A. V. KORNEV,

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ktgp@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

I. S. BARZILOVA,

*Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ktgp@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

S. V. LIPEN,

*Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
svlipen@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

**Аркадий Владимирович
КОРНЕВ,**

*доктор юридических наук,
профессор, заведующий
кафедрой теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
ktgp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

**Инна Сергеевна
БАРЗИЛОВА,**

*доктор юридических
наук, профессор кафедры
теории государства
и права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
ktgp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

**Сергей Васильевич
ЛИПЕНЬ,**

*доктор юридических
наук, профессор кафедры
теории государства
и права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
svlipen@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

© А. В. Корнев,
И. С. Барзилова,
С. В. Липень, 2018

**METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE
AT SCIENTIFIC FORUMS IN 2017.
1ST METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE DEPARTMENT
OF THEORY OF STATE AND LAW KUTAFIN MOSCOW
STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)**

Abstract. *The article characterizes the formulation and development of methodological problems of legal science at scientific conferences held in 2017. A review of presentations at the 1st methodological seminar of the Department of theory of state and law Kutafin Moscow State Law University (MSAL) is presented.*

Keywords: *methodology of legal science, methods of scientific research, theory of law, interaction of the theory of law with branch legal sciences.*

Современный этап развития юридической науки характеризуется дальнейшей разработкой методологических проблем — уточнением статуса методологического знания, познавательных возможностей различных подходов и методов, изучением проблем развития и структуры юридической науки, актуальности и новизны научных исследований, взаимосвязи как юриспруденции с другими науками, так и различных юридических наук между собой. Определяя значение методологии, нередко утверждают, что уровень ее развития и качество методологического инструментария, используемого в научных исследованиях, фактически предопределяют степень развития соответствующего научного знания.

Тематика научных конференций, проводимых ведущими вузами и научно-исследовательскими институтами, является показателем актуализации той или иной юридической проблемы. Вопросы методологии юридической науки разрабатываются в основном в монографических исследованиях, в научных статьях, отдельные методологические проблемы так или иначе обсуждались на научных форумах в 2017 г. Прежде всего следует назвать конференции, ориентированные именно на методологию юридической науки:

- 1-й методологический семинар кафедры теории государства и права «Проблемы взаимодействия общей теории права и государства и отраслевых юридических наук», состоявшийся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 28 февраля 2017 г. (его обзор представлен ниже).
- Семинар «Проблемы новизны и обоснованности научных знаний о праве и государстве», состоявшийся 20 апреля 2017 г. в Российском государственном университете правосудия в рамках ежегодной конференции теоретиков. Основные доклады были посвящены обсуждению различных аспектов новизны теоретических, исторических, отраслевых юридических исследований, повышенный интерес вызвало обращение к проблемам новизны диссертационных исследований.
- Научная конференция «Историческая методология в правовой теории» прошла 20 декабря 2017 г. в Московском университете МВД России име-

- ни В. Я. Кикотя¹. На конференции обсуждались вопросы, связанные с местом и значением исторического метода познания в правовой теории, особенностями его реализации, ролью и корреляциями в системе юридической методологии, с перспективами развития исторической методологии, позиционированием принципа историзма в правовой теории, целесообразностью применения ретроспективных инструментов исследования в теории государства и права.
- Несомненное методологическое значение имеют также вопросы, связанные с пониманием права. Здесь следует отметить состоявшийся 13 февраля 2017 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ круглый стол «Интегративное понимание права»². Тот или иной подход к правопониманию определяет общий взгляд на политико-правовую систему, фактически задает методологию ее изучения. Как отмечалось, для современной юридической науки характерны интегративные подходы к изучению феномена права и всей юридической действительности.
 - Различные аспекты сравнительно-правовой методологии получили разработку на состоявшемся 1—2 декабря 2017 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ VII Международном конгрессе сравнительного правоведения «Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму», проблемы методологического плана обсуждались в том числе на секции «Методологические и теоретические проблемы выявления национального и универсального в праве»³.

Отдельные доклады методологического плана были сделаны на научных форумах 2017 г., посвященных обсуждению самых разных юридических проблем. Следует отметить, к примеру, Международную научную конференцию «Творческое наследие Л. И. Петражицкого: история и современность», состоявшуюся на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

Ряд докладов по вопросам методологии юридической науки, соответствующих тематике той или иной научной конференции, представил С. В. Липень — «О научных исследованиях революций и революционной идеологии в теории права и государства и в истории учений о праве и государстве»⁴, «Экономический анализ права в системе методов юридической науки»⁵, «Аксиологический

¹ Историческая методология в правовой теории : сб. материалов Второй Междунар. науч. конференции, посвященной памяти проф. В. М. Курицына / отв. ред. А. Г. Мамонтов, А. И. Клименко. М., 2018. 362 с.

² Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33—45.

³ Ковлер А. И., Ибрагимова Ю. Э., Сидоренко А. И., Бедоева З. Н. Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму (обзор VII Международного конгресса сравнительного правоведения) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 24—25.

⁴ Кроткова Н. В. Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 11. С. 26—28.

⁵ Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Моск. юр. форум. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения) : материалы конф. : в 4 ч. / ред. колл.: В. Н. Синюков (предс.) [и др.]. М., 2017. Ч. 1. С. 26—28.

подход в системе методов юридической науки»⁶, «К вопросу о методах научного исследования законодательства и юридической практики»⁷.

Как можно видеть, на научных форумах в 2017 г. внимание привлекалось к разработке и отдельных методов юридической науки (исторический, сравнительно-правовой, аксиологический и др.), и ряда вопросов методологического плана, актуальных для развития юридического знания (проблемы новизны научных исследований, взаимосвязи и взаимодействия юридических наук и др.).

На 1-й методологическом семинаре кафедры теории государства и права «Проблемы взаимодействия общей теории права и государства и отраслевых юридических наук», состоявшемся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 28 февраля 2017 г., на обсуждение были вынесены следующие вопросы: современное состояние и перспективы развития системы юридических наук; методологический инструментарий юридической науки; статус общей теории права и государства в системе юридического знания; общая теория права и отраслевые юридические науки: проблемы соотношения и взаимосвязи; юридический инструментарий и терминология в общей теории права и отраслевых юридических науках; новые правовые реалии в теоретических и отраслевых юридических исследованиях; система права в представлениях общей теории права и отраслевых юридических наук.

В работе методологического семинара приняли участие сотрудники Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессора, доценты, преподаватели Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Волгоградского государственного университета, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С приветственным словом к участникам обратился доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Николаевич Синюков. Он отметил необходимость проведения такого рода мероприятий и очертил перспективы общетеоретических исследований в контексте развития отраслевых юридических наук. В своем докладе «Перспективы общетеоретических исследований в контексте развития отраслевых юридических наук» профессор В. Н. Синюков констатировал наличие разрыва между теоретическим и отраслевым юридическим знанием. Кроме того, по его мнению, имеют место и слабые связи между самими отраслевыми юридическими науками. Профессор В. Н. Синюков признал необходимость пересмотра устоявшихся категорий общей теории права, таких как система законодательства, система права, механизм правового регулирования и др. По его мнению, современная реальность выдвигает новые требования к понятийно-категориальному аппарату юридической науки.

⁶ Нравственное измерение и человеческий потенциал права : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов. М. : Проспект, 2017.

⁷ Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Моск. юр. неделя. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения) : материалы конф. / редколл.: В. Н. Синюков (предс.) [и др.] : в 3 ч. М., 2018. Ч. 1. С. 40—43.

С докладом «Теоретические проблемы структуры уголовного права» выступил доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Александр Иванович Чучаев. Он констатировал фактически бессистемное развитие уголовного законодательства, которое развивается спонтанно, зачастую сумбурно и, по сути, является отражением наиболее актуальных общественных проблем и одновременно попыткой решить их почти исключительно уголовно-правовыми средствами. В своем выступлении профессор А. И. Чучаев отметил, что Особенная часть Уголовного кодекса РФ подвержена постоянным изменениям, причем предлагаемые составы преступлений не всегда логически продуманы и нередко противоречат ранее принятым юридическим конструкциям. Кроме того, имеет место серьезный кризис и в науке уголовного права. А. И. Чучаев считает, что после «классического» (дореволюционного) периода развития уголовно-правовой науки в доктрине мало что предложено нового, оригинального и поистине глубоко осмысленного с точки зрения вызовов современного общества.

Заведующий кафедрой теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор Владимир Борисович Исаков выступил с интригующим докладом «Теория государства и права в эпоху перемен». Профессор В. Б. Исаков предпринял попытку анализа состояния и наиболее актуальных проблем российской юридической науки. Автор отметил низкий уровень востребованности научного знания в государственной управленческой и правотворческой практике, разрыв связей между теорией государства и права и отраслевыми юридическими науками, кризис системы аттестации научных кадров, тенденцию к подражанию и некритическому заимствованию зарубежных разработок и образцов. Крупные, фундаментальные проблемы (такие как система права, толкование норм права, правопонимание) разрабатываются учеными на началах «самозаказа». Нет стабильного, понятного заказа и на разработку прикладных проблем, что обескровливает правовую поддержку научно-технического прогресса. Практически пересох поток социологических исследований. Беспокойство вызывает состояние самой юридической науки, которая забюрократизировалась, приобрела черты застойного и архаичного характера.

К проблемам качества научных исследований обратился заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор Валерий Васильевич Лазарев. По его мнению, необходимо актуализировать проблему добросовестности как правовой реалии современной науки.

В своем докладе «Актуальные проблемы системы финансового права» доктор юридических наук, профессор, первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Юрьевна Грачева отметила, что между структурными элементами финансового права существуют определенная разбалансированность и противоречия. В связи с этим она остановилась на проблеме формирования так называемого экономического права, на необходимость которого указывают некоторые ученые-юристы. Профессор Е. Ю. Грачева отметила, что такого рода предложения несколько преждевременны и нуждаются в дополнительных научных разработках.

Доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук Константин Дмитриевич Лубенченко затронул активно обсуждаемую в последнее время проблему выделения структурных элементов права. В своем выступлении «Теоретические основания построения системы права» он отметил, что в настоящее время наблюдается некоторая размытость таких оснований, отсутствуют общепринятые критерии деления норм на отрасли, институты права. Пока еще в качестве фундаментальных оснований никто не оспаривает предмет и метод правового регулирования. Однако и по этим проблемам можно услышать альтернативные позиции. Некоторые общественные отношения, а иногда и институты, трудно идентифицировать с правовой точки зрения, например Банк России и его деятельность.

Вопросам построения системы права посвятил свой доклад и доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Тимофей Николаевич Радько («Система права в представлениях общей теории права и отраслевых юридических наук»). Вопросы системы права, рассматриваемые сегодня, имеют давнюю историю. Начиная с 1938 г., когда состоялась предметная конференция, посвященная формированию системы права в СССР, ведутся дискуссии о критериях дифференциации отраслей права, о роли метода правового регулирования в качестве одного из основных критериев классификации, о количестве отраслей в системе права и т.д. Одним из вопросов, возникших несколько позднее, является спор о так называемых комплексных отраслях права. Его инициировал в 1946 г. Райхер, рассматривая роль и значение страхового законодательства. Профессор Т. Н. Радько обратил внимание коллег на следующее важное обстоятельство. Большинство ученых признают, что каждая отрасль права базируется на едином предмете и едином методе правового регулирования. Причем метод включает в себя несколько элементов и признаков, в совокупности образующих данный метод. Предмет также характеризуется определенными качественными свойствами. Все, кто ратуют за комплексные отрасли, пишут о множественности элементов в их предмете и методе или вообще отрицают значение предмета и метода как оснований классификации отраслей права. Таким образом, термин «комплексная отрасль права» изначально разрушает понятие «отрасль права» в его традиционном понимании. По мнению профессора Т. Н. Радько, в реальности комплексные правовые образования существуют и играют важную роль в правовом регулировании. Но почему они должны именоваться отраслями права? Русский язык богат, сейчас он активно пополняется иностранными понятиями. Если трудно найти адекватный термин комплексному образованию в русском, то можно попытаться использовать иностранный язык, дабы четко различать отрасль права и комплекс разнородных правовых норм, имеющих общую целевую направленность, но различные правовые методы и части различных предметов регулирования (так называемый множественный предмет).

Заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Сергей Ми-

хайлович Зубарев в своем выступлении «Развитие отдельных категорий общей теории права в науке административного права» поднял проблемы взаимодействия и взаимосвязи разных юридических наук. Его выступление можно разделить на две части. Одна была посвящена предмету административного права, вторая — смежным категориям, тем конструкциям и понятиям, которыми в одинаковой степени пользуются в науках конституционного и административного права. То есть, по сути, речь идет об использовании одинаковой терминологии в разных отраслях, наполнение которых существенно отличается друг от друга. В силу этого возникает проблема интеграции юридических наук, которая может быть обеспечена совместными усилиями представителей как общетеоретических, так и отраслевых дисциплин.

Доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук Сергей Сергеевич Зенин указал на основные традиции изучения такого феномена, как суверенитет. В своем выступлении «Суверенитет: междисциплинарные подходы к исследованию» он подробно остановился на различных версиях интерпретации суверенитета, с учетом национального и международно-правового аспектов. С его точки зрения, вполне можно говорить о божественном начале народовластия в истории развития суверенитета.

В докладе заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктора юридических наук Марины Леонидовны Давыдовой «Факторы развития системы юридических наук» была представлена классификация данных факторов.

С точки зрения связи с общенаучными закономерностями, закономерностями существования системы права и системы законодательства указанные факторы предложено разделить на внутренние и внешние. К внутренним относятся в первую очередь закономерные процессы дифференциации и интеграции научного знания, приводящие к появлению новых научных направлений внутри или на стыке уже существующих. Именно этими процессами обусловлены дискуссии о научном статусе юридической техники или сравнительного правоведения и границах между ними и общей теорией права. Не меньшее значение имеет и фактор преемственности в развитии научного знания. Так, именно в силу сложившейся научной традиции центральной дисциплиной теоретико-правового блока остается теория государства и права. И хотя ее комплексный характер признается большинством исследователей, вопрос об официальном разделении ее на теорию права и теорию государства, вероятнее всего, так и останется на уровне научной дискуссии. Традицией объясняется и преобладание тех или иных подходов к изучению конкретных дисциплин. Не случайно так велика разница между западной и отечественной (советской и постсоветской) философией права. Если в первой преобладает портретно-контекстуальный подход, ставящий целью погружение в мир отдельного ученого, то для второй зачастую этот ученый — лишь этап на пути к истине, как правило заранее известной рассказчику. Внешними факторами являются непосредственная связь науки с учебным процессом, а также нормативное регулирование в области структуры научного знания. К примеру, появление

в образовательном стандарте налогового права как самостоятельной учебной дисциплины неизбежно оказывает влияние на дискуссию о правомерности его претензий на самостоятельный отраслевой и научный статус. При этом ссылка на стандарт сама по себе вовсе не является серьезным аргументом. Однако импульс, который в данном случае придан развитию учебной дисциплины, в конечном итоге неизбежно укрепит и позиции сторонников соответствующей науки. Обратная ситуация с муниципальным правом, утратившим свою обязательность в соответствии с действующим стандартом. Аналогичным образом проявляется регулятивное влияние номенклатуры научных специальностей. С одной стороны, ее обновление всегда фиксирует изменения, происходящие в структуре юридической науки, а с другой — инициирует либо катализирует эти изменения.

Последнее наводит на мысль о правомерности еще одной классификации факторов, определяющих развитие системы юридических наук, — деления их на объективные и субъективные. Примерами объективных факторов являются глобализация, повышающая интерес к сравнительно-правовым исследованиям, изменения в структуре юридической профессии, влекущие развитие технико-юридического знания. Количество публикаций по подобным актуальным темам со временем перерастает в качество, приводя к появлению новых направлений в юридической науке. Нередко, однако, идеи формирования новых дисциплин обусловлены субъективными интересами исследователя: желанием подчеркнуть новизну диссертации, необходимостью обосновать новый учебный курс и т.п. Вероятно, значимость каждой такой инициативы должна пройти проверку временем.

Помимо факторов, влияющих на количество существующих юридических наук, огромное значение имеют те обстоятельства, которые определяют взаимодействие этих наук друг с другом. Так, для теории права одним из важнейших условий дальнейшего развития представляется ее способность критично относиться к собственным догмам, готовность прислушиваться к изменениям в отраслевых юридических науках, отражать современные тенденции правового развития. Только в этом случае возможно формирование прочной общетеоретической базы для прикладных научных разработок.

Тематика ряда докладов была посвящена выносимым на обсуждение вопросам о статусе общей теории права и государства в системе юридического знания, о соотношении и взаимосвязи общей теории права и отраслевых юридических наук — «Магистратура как синтез общей теории права и отраслевых юридических наук» (А. В. Корнев), «Теория государства и права в формировании профессионального сознания юристов» (Н. Я. Соколов), «Аспекты взаимодействия общей теории государства и права и отраслевых юридических наук» (С. В. Липень).

Концептуальный материал представил профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Юрий Алексеевич Веденеев («Теория государства и права: концептуальный статус научной дисциплины»).

Теория государства и права — составная часть юридической науки. Определение ее места в общей дисциплинарной структуре юридического знания — актуальная проблема и тема юриспруденции. Она всегда занимала эксклюзивное

положение в марксистско-ленинской государственно-правовой доктрине и санкционированной ею одноименной научной и учебной дисциплине. В итоге была выстроена весьма жесткая и идеологически мотивированная система и структура юриспруденции, ее предмета и научного словаря, номенклатуры основных проблем и подходов к их решению.

Представляется возможным вынести на обсуждение ряд тезисов, характеризующих отдельные этапы эволюции подходов к определению теоретико-методологического статуса теории государства и права, включая ее взаимоотношения с отраслевыми юридическими науками. Не касаясь выявления содержательной глубины формальных конфигураций теоретической юриспруденции, таких как теория государства и права или теория права и государства либо общая теория права, широкое или узкое понимание права, можно отметить следующее.

1. Традиционная версия понимания концептуального статуса теории государства и права — теория государства и права есть одновременно общая методология описания и объяснения государственно-правовых явлений. В рамках данного подхода получила свое доктринальное обоснование иерархическая модель построения системы юридической науки.

Теория государства и права — нормативная дисциплина, содержание которой образуют рамочные директивные определения предмета и языка других, в том числе и отраслевых, юридических наук. Теория государства и права — это *пре-скриптивный текст*, оформляющий и оценивающий конкретное юридическое знание на предмет его классовой достоверности, истинности и обоснованности. Отраслевые юридические науки в этой модели организации юридического знания составляют нижний уровень научной иерархии, вторичны относительно собственно теории права.

2. Новая редакция данного подхода в определении места теории государства и права в общей системе юридических наук воспроизводит себя в более гибкой и структурированной аргументации интегративной юриспруденции, что по своей сути является предметным и логическим продолжением взгляда на юридическую науку как вертикально организованную систему юридических знаний. Для придания концептуальной новизны «новому» формату главной юридической науки была развернута абсолютно бессодержательная дискуссия по вопросу различения понятий «интегральная» или «интегративная» юриспруденция.

Концепт «интегративная юриспруденция» имеет право на существование, прежде всего в плане открывающихся возможностей обнаруживать и формулировать новые смыслы и значения в понимании предмета и структуры науки права, а также ее теоретического языка и междисциплинарных связей в общей системе социальных, политических и юридических наук. И, как следствие, формировать и проектировать новые правовые онтологии и эпистемологии. Все иное в понимании ее теоретико-методологического статуса ориентировано на сохранение стандартной этатистской топики (догматики и аксиоматики) рассуждения о праве и государстве в их взаимных отношениях и определениях. Ахиллесова пята интегративной юриспруденции — неопределенность в определении ее действительного предмета. Переход от изучения государственно-правовых явлений

(юридических конструкций) к изучению концептуального языка дисциплины не состоялся по крайней мере вплоть до настоящего времени.

3. Юридическая наука в целом и теория государства и права в частности суть одна из форм существования и развития правовой реальности. Это концептуальная реальность со своей внутренней (*структурной*) и культурно-исторической (*эволюционной*) логикой ее становления и воспроизводства. Теория права, являясь составной частью правовой онтологии и эпистемологии, обнаруживает себя и выражает в системе правовых категорий и представлений, понятий и определений, юридических конструкций и суждений.

В этом смысле юридический язык отраслевых юридических наук, их собственная догматика и аксиоматика объективно насыщены переживаниями и представлениями о должном или недолжном порядке отношений, составляющими юридическую картину мира или правопонимание конкретной исторической эпохи, в рамках которого конструируется заданный формат юридической теории и практики.

Разумеется, процессы концептуализации предметов отраслевых юридических наук, их динамики и структуры носят комплексный характер, протекают в системе культурно-исторических, эпистемологических и аксиологических координат данного исторического места и времени. Пересечения и заимствования общеметодологических и конкретно-отраслевых подходов в понимании границ и содержания своего собственного предмета, структуры и содержания как со стороны теории права, так и со стороны отраслевых юридических наук носят циклический и взаимный характер.

Логика и траектория практических вызовов и адекватных научных ответов не заданы изначально, но постоянно выявляют себя в процессах консервации старых или появления новых концептуальных решений. В этой связи вполне закономерно появление в общем корпусе юридической науки, наряду с историей государства и права (институтов — *историческая юриспруденция*) и историей политических и правовых учений (доктрин — *доктринальная юриспруденция*), истории и методологии юридической науки (систем юридических знаний — *когнитивная юриспруденция*).

4. В этом плане, безусловно, представляет общенаучный интерес такой формат современной юридической науки и теории права, как *постюриспруденция*, весьма активно разрабатываемый представителями петербургской школы права. Ее исходная познавательная парадигма ориентирована, в отличие от классической юриспруденции, на изучение прежде всего самой юридической науки, ее онтологии и эпистемологии, то есть метатеоретических и концептуальных оснований. Предмет юридической науки — сама юридическая наука в определениях системы и структуры ее категориально-понятийного аппарата, соотношения практического и теоретического языка юриспруденции. В этом аспекте своего концептуального статуса постюриспруденция — это не что иное, как теория о теории науки права, или *метатеория*.

Историческая фаза саморефлексии выражает кардинально новую ступень теоретико-методологической эволюции научной дисциплины, то есть ее дисципли-

нарной матрицы. Это, по существу, и был ответ на концептуальный кризис формально-догматической юриспруденции. Этот момент, или парадигмальный сдвиг в понимании (и расширении) предмета теории права, дает основание признать глубинный характер процесса становления постклассической юриспруденции.

Ее проблемное ядро составляет разработка теории *междисциплинарных связей* в системе социальных и гуманитарных наук, в рамках которых предметы и методы взаимоопределяют и конституируют друг друга. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Предмет дисциплины обнаруживает себя через метод, а метод дисциплины заключен в самом предмете. Собственный предмет и методы теории права выражают себя в языке юриспруденции, категории с меняющейся исторической формой и содержанием, производной функции междисциплинарных связей.

Юридический язык не только и не столько отражает правовую реальность. Юридический язык ее замещает и производит. Здесь и заключено основное содержание вопроса взаимных отношений — концептуальных заимствований и обменов между собственно теорией права и отраслевыми юридическими науками, обладающими своими исследовательскими подходами и решениями. Это концептуальный симбиоз, обладающий собственной культурно-исторической логикой воспроизводства права и науки права.

Именно разработка данной проблемы и темы и составляет актуальное направление новой юриспруденции, основание дисциплинарной матрицы которой образуют соответственно культурно-историческая и сравнительно-историческая юриспруденция. Ее основной предмет — смена юридических картин мира или парадигм становления и развития теории и методологии юридической науки в контексте ментальных и социокультурных вызовов и ответов определенной исторической эпохи. Изучение процесса концептуальных заимствований и институциональных транзитов в их культурных и формальных юридических границах, содержания и формах продуктивно в рамках культурно-исторического подхода, поскольку юридическая наука, прежде всего и по определению парадигматическая дисциплина.

Парадигматический статус юриспруденции заключен и определяется в различных версиях правопонимания, каждой из которых корреспондирует свой формат права и науки права. Правопонимание или коллективные общие представления (*гештальт, габитус, базовые ориентации, стереотипы* восприятия, переживания, оценки) о должном или недолжном порядке социальных отношений лежат в основании как правообразования, так и правоопределения. В этом аспекте своего выражения теория правопонимания одновременно теория границ и условий концептуальных обменов и теория границ и условий институциональных изменений.

На принципиальную взаимосвязь теории права и отраслевых юридических наук обратила внимание профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Инна Сергеевна Барзилова (доклад «Значимость общетеоретических исследований в процессе развития отраслевых юридических наук»).

Высокая динамика современного отраслевого законодательства все чаще ставит вопрос интенсификации общетеоретических исследований, направленных на совершенствование механизма правового регулирования, системы действующих нормативных правовых актов. Отраслевые науки постоянно сталкиваются с отсутствием рассмотрения важных вопросов юриспруденции на общетеоретическом уровне. На современном этапе можно наблюдать определенное рассогласование, отсутствие взаимодействия в отраслевых и общетеоретических исследованиях, что в дальнейшем негативно сказывается на действующем законодательстве, праворегулирующем процессе в целом.

Среди важнейших проблем можно выделить создание единого согласованного понятийного аппарата юриспруденции. По этому поводу в юридической литературе все чаще ведутся активные дискуссии по логико-гносеологическим, методологическим, лингвистическим проблемам юридических дефиниций. Важность логического анализа применяемых определений predeterminedена их особым статусом в правовой сфере, связанной с институционализацией всех государственно-правовых явлений в юридических актах. Дефиниции позволяют придать известную упорядоченность, логичность и стройность в правовом регулировании, унифицировать законодательство в целом. Они выступают в качестве долговременной и продуктивной связи между элементами российской правовой системы, структурно оформляя ее. Однако довольно часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения отдельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются их специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, «перегрузкой» или, наоборот, существованием пробелов, противоречий в понятийном строе юриспруденции, отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и то же правовое явление, что приводит к трудностям в правореализационном процессе.

По всей видимости, имеет место и проблема соответствия юридических дефиниций постоянно меняющейся правовой действительности, что придает на современном этапе особую значимость исследованиям в сфере социологии права, изучающей функционирование институтов права в общественной системе. Заметная роль отводится и методологическим вопросам юридической науки в целом, нуждающейся в обширном философском и науковедческом контексте.

Проблема выстраивания единого понятийного ряда в юриспруденции в особой степени касается межотраслевых институтов, статус которых в условиях реформирования российской правовой системы и происходящей модернизации действующего законодательства значительно возрастает. Все это predeterminedляет необходимость совместных общетеоретических и отраслевых исследований.

Анна Александровна Головина, кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, в докладе «Проблемы взаимодействия теории государства и права и отраслевых юридических наук» отметила, что в со-

временном информационном обществе лавинообразно возрастает количество научной информации, в результате чего современная наука сталкивается с небывалой прежде дифференциацией научного знания, раздроблением научной картины мира. Учитывая эти тенденции, современная наука, в том числе и юридическая наука, для того, чтобы обеспечить успешное развитие, встает перед необходимостью совместить две противоположности: а) узкую специализацию, все же необходимую для получения глубоких знаний по предмету исследования, и б) реинтеграцию научного знания, в том числе путем проведения междисциплинарных исследований и развития интегрирующих наук. Для юридических наук такую интегрирующую роль выполняет теория государства и права, которая, таким образом, в современных условиях должна обратить особое внимание на синтез научного знания. А значит, актуализируются проблемы взаимодействия теории государства и права с отраслевыми юридическими науками. По мнению докладчика, для того, чтобы интенсифицировать это взаимодействие, могут быть предложены конкретные шаги: не только разделение на крупных научных конференциях проблематики обсуждения на секции по юридическим наукам, но и проведение междисциплинарных круглых столов, организация иных междисциплинарных площадок для дискуссий. Целесообразно также расширять практику написания коллективных монографий, авторами которых могут выступать и представители науки теории государства и права, и представители отраслевых юридических наук. В таком формате продуктивно и исследование сугубо теоретических проблем, и разработка теоретических основ конституционного права, гражданского права и т.д. Еще одним интересным направлением сотрудничества представителей теории государства и права и отраслевых юридических наук могло бы стать совместное преподавание некоторых дисциплин различными кафедрами в образовательных организациях, в частности внедрение в образовательный процесс таких мультисциплин (на материале и с привлечением педагогических кадров как теоретических, так и отраслевых кафедр), как «Теория правоотношений», «Теория юридической ответственности», «Теория прав человека», «Теория функций права», «Юридическая техника в различных сферах юридической деятельности» и т.д.

Елена Владимировна Кирдяшова, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), представила доклад «Теория государства и права в системе юридических наук: проблемы взаимодействия».

Характер и порядок взаимодействия теории государства и права с отраслевыми юридическими науками традиционно предопределяется системой юридических наук и функциями теоретико-правовой науки. Между тем активно развивающаяся в последние десятилетия государственно-правовая действительность, с одной стороны, далеко не всегда служит эталоном внедрения научных разработок, а с другой — теоретические знания зачастую отстают от изменяющейся практики и не учитывают фактические новации. Этот разрыв неизбежно приводит к определенным проблемам во взаимодействии отраслевых юридических наук и теории государства и права.

Практическая ориентированность юридических наук, исследующих основные сферы правового регулирования и фактическое действие права, не всегда находит должное отражение в предлагаемых общей теорией права и государства конструкциях. В частности, это касается вопроса источников соответствующих отраслей права. Юридическая догматика по определению не позволяет почувствовать динамику существующих отношений, а социология права пока еще не готова выполнять необходимые функции (в том числе по причине слабой координации с отраслевыми юридическими науками).

Наблюдается также отставание понятийного и категориального аппарата, разрабатываемого и предлагаемого теорией государства и права юридическим наукам. Отдельные новации правового регулирования, конечно, получают научное осмысление непосредственно через общую теорию, а затем уже используются другими юридическими науками (как было, например, с такими категориями, как спортивное право, информационное право, интеллектуальная собственность). Однако чаще наблюдается очевидное невнимание со стороны теории права и государства к потребностям общественного развития.

Имеет определенные трудности и процесс пополнения теоретико-правовых знаний эмпирическим материалом со стороны отраслевых наук. В рамках последних формируются свои внутренние отраслевые теории, которые фактически начинают конкурировать с общей теорией права и государства. Во многом это обусловлено ранее отмеченными недостатками.

Однако, как представляется, именно теоретико-правовая наука имеет все необходимые предпосылки и опыт для того, чтобы стать новатором и координатором юридической мысли, связующим звеном между юридической наукой и системой научного знания в целом.

Профессор кафедры теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук Дмитрий Юрьевич Полдников в докладе «Функциональный метод в изучении частного права в теории, истории и цивилистике» на богатом историко-правовом материале показал возможности использования этого метода на всем протяжении развития частного права: от начала его формирования до современности. Фактически частное право было показано не только как объект изучения в истории, теории и цивилистике, то есть в различных отраслях научного знания, но и с позиции юридической компаративистики. В связи с этим особо подчеркивалась роль различных юридических школ, которые успешно функционировали в наиболее известных европейских университетах.

Подводя итоги работы 1-го методологического семинара кафедры теории и истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор А. В. Корнев отметил высокий уровень состоявшейся научной дискуссии, необходимость дальнейшего обсуждения актуальных проблем развития юридической науки на последующих методологических семинарах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Историческая методология в правовой теории : сб. материалов Второй Международной науч. конференции, посвященной памяти проф. В. М. Курицына / отв. ред. А. Г. Мамонтов, А. И. Клименко. — М. : Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя, 2018. — 362 с.
2. Ковлер А. И., Ибрагимова Ю. Э., Сидоренко А. И., Бедоева З. Н. Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму (обзор VII Международного конгресса сравнительного правоведения) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 1. — С. 20—38.
3. Кроткова Н. В. Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. — 2017. — № 11. — С. 5—31.
4. Нравственное измерение и человеческий потенциал права : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов. — М. : Проспект, 2017.
5. Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. / ред. колл.: В. Н. Синюков (предс.) [и др.]. — М. : РГ-Пресс, 2017. — Ч. 1. — 400 с.
6. Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 33—45.
7. Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции / редколл.: В. Н. Синюков (предс.) [и др.] : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2018. — Ч. 1. — 656 с.

**Олег Владимирович
ТАНИМОВ,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
tanimov@mail.ru
 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ПРИМЕНЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО (ВСЕОБЩЕГО) МЕТОДА ПОЗНАНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИКЦИЙ В ПРАВЕ

Аннотация. В статье исследуется диалектический метод познания правовых (юридических) фикций. Рассматриваются уровни методологии юридической науки. Выявляются противоречия, вызывающие необходимость применения фикций в праве.

Ключевые слова: фикция, метод познания, право, противоречия, философский метод.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.180-187

O. V. TANIMOV,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

tanimov@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE APPLICATION OF PHILOSOPHICAL (UNIVERSAL) METHOD OF COGNITION TO STUDY THE FICTIONS IN LAW

Abstract. The dialectical method of cognition of legal fictions is studied in the article. We have considered the levels of legal science methodology. There are contradictions which make it necessary to apply fictions in law revealed.

Keywords: fiction, method of cognition, law, contradictions, philosophical method.

Фикция, на бытовом уровне и в общеупотребительном значении, представляет собой какую-либо выдумку, вымысел, обман, подлог и пр. Тем не менее фикции существуют и в других смыслах и формах, очень часто достаточно позитивных¹. Например, в юриспруденции имеет место категория «юридическая фикция». Она представляет собой прием, заключающийся в том, что действительность подводится под какую-либо условную формулу, т.е. легально заведомо несуществующее положение объявляется существующим и наоборот. Последнее время применение фикций в праве является достаточно актуальной темой как для теоретических исследований, так и в процессе правотворческой деятельности законодателя. Заметим, что при наличии достаточно большого количества работ, посвященных фикциям, ни в одной из них подробно не рассматри-

¹ Подробнее см.: Танимов О. В. Сферы существования фикций: мировоззрение, научное познание, право // История государства и права. 2017. № 20. С. 52—56.

ваются вопросы методологии их исследования. Рассмотрим применение философского метода познания при исследовании правовых (юридических) фикций.

Одним из важнейших условий повышения эффективности юридической науки, углубления проводимых исследований и разработки актуальных правовых проблем является дальнейшее усиление методологического аспекта правоведения, отмечает Т. Н. Радько².

Существенное увеличение внимания к данному курсу в юридической науке совершенно не случайно. Сегодня можно заключить, что без последующего расширенного продвижения методологии и прогрессирования методов научного познания нельзя результативно воздействовать при помощи юриспруденции на урегулирование противоречий, связанных с созданием правового государства, защитой прав и свобод личности. Сегодняшнее ее совершенствование отличается пониманием большинства ситуаций, возникающих в правовой сфере, с концептуально-мировоззренческих (философских) взглядов. Исследование философских проблем, возникающих в дискуссионных вопросах правоведения, является в современной юриспруденции, как и прежде, жизненной темой.

Теория познания фикций в праве является методологической проблемой, элементом методологической составляющей правовой науки, в определенной степени ее теоретико-познавательным основанием. Исследование данного аспекта проблемы фикций в праве обусловлено тем, что в настоящее время юриспруденция все чаще ставит вопросы «самопознания», т.е. выяснения того, какими методами и способами получены научные результаты; вопросы интерпретации субъекта и объекта познания, структуры познавательного процесса; проблемы истины и ее критериев, проблемы форм и методов познания и др.

Правоведению необходимо философское учение о знании, о возможности познания и его природе, о границах познаваемости и многом другом. Разработка гносеологической проблематики поможет установить особенность и эффективность путей познания государства и права, определить наиболее правильные и рациональные способы получения научного знания в государственно-правовой сфере. При этом должны быть использованы те философские положения и научные методы, которые имеют «первоочередное» отношение к исследуемой проблеме.

В философии принято считать, что любая, даже самая точная, наука не может удовлетвориться лишь одним методом. Каждая наука имеет свою методологию, состоящую из основного философского метода и иных методов (общих, частнонаучных).

Юридическая методология — это не только совокупность всевозможных когнитивных способов и приемов и не только абстрагирование философских средств, проецируемых на правовые реалии. В ней соединяются главные постулаты диалектики, общенаучные и частнонаучные методы.

Эта методология одновременно дополняется, обогащается, конкретизируется самим правоведением и прежде всего общей теорией государства и права, а также отраслевыми юридическими науками³.

² Радько Т. Н. Теория функций права : монография. М. : Проспект, 2014. С. 21.

³ См.: Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М. : Аванта+, 2001.

У нее есть автономный смысл, включающий в себя:

- пути и формы спецификации общеправового метода относительно исследования государства и права;
- связь философского, общих и частных методов в изучении государства и права;
- средства и конфигурации спецификации общих и частных научных методов исследования государства и права;
- характерные особенности использования частнонаучных методов в изучении государства и права.

Все это дает возможность иметь в виду методологию юридической науки, объединяющую в единую стройную систему всеобщий философский метод с общенаучными и частноправовыми методами познания⁴. Важно различать методологию науки и методологическую функцию науки⁵.

Методологию необходимо рассматривать в качестве основы мировоззрения, теоретических методов знания, которые формируют структуру и ориентирование изыскания. В этом случае в качестве методологической функции науки выступает ее роль для частных или междисциплинарных наук. Следовательно, существует потенциал определенной науки играть методологическую роль в отношении иных наук⁶. Теория государства и права существует не отвлеченно, писал А. М. Васильев, а выступает как фундаментальная наука по отношению к специальным наукам, для которых знание об объективно закономерном и существенном в государстве и праве служит теоретической основой формирования собственной теории, выработки собственных средств познания, а также научно-практических рекомендаций⁷.

Можно утверждать, что методология юридической науки содержит определенные ступени, которые близко связаны друг с другом. Ядром (основой) этих ступеней является общеправовый метод, к которому примыкают методологические принципы юриспруденции, основополагающие положения и категории юридической науки, представляющие собой формулировки мировоззренческих постулатов и категорий относительно юридической действительности. Их ценность и мощь в конечном итоге содержится в диалектико-материалистическом методе, но выражается не прямо, а косвенно — через общепринятые тезисы юриспруденции. Это то звено юридической науки, которое непосредственно связано с философией и по своему содержанию характеризует объективную диалектику права⁸.

Диалектика права же обусловлена в конечном итоге диалектикой естественно-исторического развития, проявляющегося в философских и мировоззрен-

⁴ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 22.

⁵ См.: Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. Международное право: проблемы методологии. М.: Междунар. отношения, 1971. С. 15.

⁶ Например, теории государства и права по отношению к отраслевым наукам.

⁷ Васильев А. М. Теория государства и права как фундаментальная наука правоведения // Правоведение. 1975. № 1. С. 12.

⁸ См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 342—343.

ческих тезисах юриспруденции. Осознание данной концептуальной позиции в виде первоначальной буквы вдохновляет изыскателей государства и права на обладание первоначально научной теоретической основой, позволяет находить классический выход в сложных социальных коммуникациях, отличать объективные и субъективные аспекты в государстве и праве, принимать во внимание возникающие между ними каузальные, функциональный, структурные и т.д. процессы.

Мировоззренческое значение диалектико-материалистического метода заключается в том, что он позволяет познать и объяснить материалистическую сущность государства и права, их место в системе надстроженных явлений, закономерности становления, развития и функционирования⁹.

Ученый-юрист, благодаря философскому (всеобщему) методу, получает в свой арсенал принципы познания правовых явлений, общие категории, имеющие методологическое значение для юридической науки. Данный метод содержит в своей основе материалистическую диалектику, применение законов и категорий которой к познанию государственно-правовых явлений составляет суть методологии юриспруденции. Только применяя основные законы диалектики: единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные, а также используя такие категории, как сущность и явление, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, возможно верно познать сущность и роль фикций в праве и разработать эффективные меры по повышению эффективности их применения.

Разумеется, применение законов материалистической диалектики в правоведении должно состоять не в том, чтобы брать диалектические закономерности и подводить под них примеры из права, а в том, чтобы обнаружить диалектику в самом праве, в закономерностях его развития, т. е., суть применения должна заключаться не в умозрительном конструировании диалектики для права, а в обнаружении диалектики в праве¹⁰.

Осмысление связей и опосредствований в исследуемых объектах, предметах, процессах и явлениях — одно из главных философских положений. И от его правильного применения зависит качественное и полное изучение проблемы фикций в праве.

Сущность и содержание правовых фикций не могут быть постигнуты, если их подвергать анализу в отдельности, обособленно от иных правовых и социальных явлений. Фикции взаимосвязаны и взаимообусловлены общественными отношениями, на которые оказывает влияние право, волей господствующих политических сил, историческими условиями действия права, задачами, стоящими перед правом, и т.д. Поэтому исследование фикций в праве предполагает осмысление их взаимосвязи как между собой, так и с названными выше явлениями. Этого требует сама постановка вопроса о фикциях в праве, поскольку известно, что содержание фикций в сущности любого явления включает внутренние и внешние его связи, обеспечивающие его относительную устойчивость и согласованное взаимодействие с другими явлениями и процессами.

⁹ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 23.

¹⁰ См.: Радько Т. Н. Указ. соч. С. 24.

Еще в древнеримском праве назначение фикций заключалось в «корректировке» права, когда какой-нибудь из фундаментальных принципов входил в очевидное противоречие с «доброй совестью» и «справедливостью»¹¹. Перспективные направления, пути и формы реализации фикций в праве следует определять с позиций учения материалистической диалектики о противоречивом характере общественного развития, ибо сама необходимость использования правом фикций во многом определяется характером общественных противоречий. А фикция и призвана устранять эти противоречия. Отметим наиболее характерные из них.

Противоречия, которые наряду с иными объективными причинами (в частности, экономическим уровнем развития общества) вызывают необходимость применения фикций в праве:

- между публичным и частным интересами, которые разделяются весьма условно. Это приводит к коллизиям между этими интересами и противоречиям между участниками соответственно публичных и частных правоотношений. Кроме того, нередко публичные интересы, выраженные в правовых нормах, не реализуются на практике, т.е. реально не осуществляются. Они не учитываются ни в политической деятельности, ни в частной сфере¹²;
- между современными вызовами формирующейся рыночной экономики и существующими предписаниями закона. Нормативная регламентация рыночных отношений довольно часто осуществляется посредством специальных юридических методов, дающих возможность исключить коллизии, появляющиеся в процессе применения права, обойти часть сложных вопросов в подтверждении (опровержении) наличия или отсутствия определенных условий или ситуаций. К таким приемам (аксиомам, презумпциям, аналогиям и пр.), без применения которых разрешение целого ряда правовых проблем оказалось бы весьма затруднительным, относятся и фикции. Ярким примером является юридическая (фиктивная, условная) природа безналичных денег;
- между преждевременно изданными правовыми нормами и фактическими материально-экономическими возможностями общества. Одним из используемых Конституционным Судом РФ методологических подходов к выявлению и разрешению данных социальных противоречий является аксиологический анализ общественных отношений и соответствующих им правовых норм¹³;

¹¹ Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс. М. : Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 83.

¹² См.: Пескова А. А. Баланс публичных и частных интересов при реализации права на судебную защиту муниципальной собственности // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 24—28.

¹³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 48 и ст. 58 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

— между новыми требованиями экономики и пробелами в правовой системе, когда развитие экономики требует правового урегулирования определенных отношений, а оно отсутствует. Например, в условиях финансового кризиса в ряде развитых стран, где обостряются проблемы дефицита государственных и территориальных бюджетов, возрастает интерес к государственно-частному партнерству как форме ведения финансово-хозяйственной деятельности и создания объектов, требующих значительных инвестиций. Развитию данного направления экономического партнерства в России мешает отсутствие правовой базы его регулирования¹⁴. Кроме того, пробелы всегда отрицательно сказываются на эффективности правового регулирования, затрудняют применение норм права, а в итоге тормозят развитие общественных отношений¹⁵.

Необходимо отметить, что наиболее эффективным устранением противоречий между правом и экономикой является своевременное принятие правовой нормы, оперативное ее издание¹⁶.

Противоречия, обусловленные уровнем политического развития общества, вызывающие применение фикций в праве:

— между существующей политикой и несоответствующими ей, в отдельных случаях, принимаемыми нормативными правовыми актами. Причиной данного противоречия могут быть: неверное (ошибочное) осмысление требований политики, лоббирование ведомственных (узковедомственных) или частных интересов и т.д. Например, *условное* приравнивание понятия «задержание транспортного средства» (ст. 27.13 КоАП РФ) к понятию «эвакуация транспортного средства»;

— между запросами и требованиями вновь сформированной политики государства и утратившими в связи с этим актуальность, изжившими себя правовыми нормами. Чаще всего данное противоречие возникает как следствие приоритета политики по отношению к праву. Кроме того, причинами появления указанного противоречия являются бюрократическая неоперативность законотворческих органов и специальный механизм принятия закона, что вызывает пробелы в законодательстве и правовой системе в целом.

Противоречия, возникающие в процессе формирования правовой культуры и правового сознания населения:

Российской Федерации», п. 7 ст. 63 и ст. 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4968 ; постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2006 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений ст. ст. 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области» // СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2970.

¹⁴ Боровикова Е. В. Применение специальных налоговых режимов в договорах государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 42. С. 39.

¹⁵ Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 3.

¹⁶ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 25.

- между существующим и должным уровнем правовой культуры, процессом и традициями ее формирования в социуме;
- между требованиями законодательства и отсталым правосознанием отдельных членов общества. Как в этой связи квалифицированно отмечает Т. Н. Радько, закон не в силах одним фактом своего появления сразу и навсегда установить идеальное состояние в отношениях, имеющих определенную противоправную устойчивость; он может лишь в какой-то мере способствовать уменьшению противоправных деяний¹⁷;
- между целями и методами формирования правосознания. Данное противоречие способно порождать правовой нигилизм. По этому поводу, не отрицая факт развития правосознания и в 1990-е гг., В. Н. Синюков пишет, что «оно пошло неприемлемым для нашего правосознания этическим путем — через “точечное” повышение благосостояния судей, формирование их замкнутой иерархии и независимости от населения, коммерциализацию юридического образования, непомерное разбухание правоохранительных органов с неизбежной бюрократизацией, деградацией общественной правозащитной функции, снижение уровня доступности юридической помощи населению и культивирование прочих антисистемных явлений»¹⁸.

Применительно к процессу формирования правосознания важно также учитывать, что «требования правовых норм не всегда (или же не всеми) воспринимаются охотно, поскольку в праве выражаются передовые идеи и требования, а общество состоит из лиц, в том числе маргиналов, конформистов, чье сознание значительно отстает от передового. Любое общество — это не однородное целое. Оно состоит из классов, различных социальных и иных групп и слоев. Уровень их правосознания, разумеется, не одинаков, и уже вследствие этого возможны противоречия между правом и поступками людей, из которых какая-то часть не воспринимает предписываемое правовое требование в качестве обязательного правила своего поведения»¹⁹.

Именно поэтому, устраняя указанные противоречия, в процессе повышения уровня правосознания и правовой культуры у данной категории людей требуется применение правовых фикций как один из вариантов решения проблемы.

Непосредственное отношение к исследованию фикций в праве имеет правило материалистической диалектики изучать предметы и явления в изменении, развитии. Попробуем обосновать данное утверждение.

Во-первых, решение данной проблемы предполагает определенную последовательность действий, соответственно, безусловные целенаправленные шаги в праве.

Во-вторых, рассмотрение фикций в праве только в статическом состоянии, без учета эволюционного развития, сформирует узкое понимание созидательной роли права в жизни общества, создаст видение лишь какого-либо одного аспекта

¹⁷ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 25.

¹⁸ Синюков В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7.

¹⁹ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 25—26.

правовой действительности. Аналогичный подход означает скорее исследование инертного бытия, чем осуществление права.

В связи с этим можно справедливо утверждать, что основное правило диалектики познавать исследуемые явления в тесной связи с их развитием не только не может быть игнорировано при исследовании фикций в праве, но, напротив, представляется одним из самых важных.

Изучение правовых фикций в динамике, поступательном движении дает возможность объективно установить истинную картину функционального состояния правовой системы, увидеть в ней трансформации, порожденные более значительными преобразованиями, совершающимися в общественных отношениях, регулируемых правом.

В ходе эволюционного развития правовых фикций проявляются их основные черты, позволяющие всегда обосновывать применение фикций исходя из практических нужд, что дает возможность устранять противоречия в системе, обеспечивая ее успешное функционирование.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций. — Свердловск, 1972. — Т. 1. — 395 с.
2. *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.* Международное право: проблемы методологии. — М. : Междунар. отношения, 1971. — 176 с.
3. *Боровикова Е. В.* Применение специальных налоговых режимов в договорах государственно-частного партнерства в Российской Федерации // *Международный бухгалтерский учет.* — 2012. — № 42. — С. 39—47.
4. *Васильев А. М.* Теория государства и права как фундаментальная наука правоведения // *Правоведение.* — 1975. — № 1. — С. 7—15.
5. *Керимов Д. А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). — М. : Аванта+, 2001. — 560 с.
6. *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения. — М., 1974. — 184 с.
7. *Пескова А. А.* Баланс публичных и частных интересов при реализации права на судебную защиту муниципальной собственности // *Конституционное и муниципальное право.* — 2010. — № 10. — С. 24—28.
8. *Радько Т. Н.* Теория функций права : монография. — М. : Проспект, 2014. — 272 с.
9. *Салогубова Е. В.* Римский гражданский процесс. — М. : Юридическое бюро «Городец», 1997. — 144 с.
10. *Синюков В. Н.* Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // *Журнал российского права.* — 2009. — № 7. — С. 31—44.
11. *Танимов О. В.* Сферы существования фикций: мировоззрение, научное познание, право // *История государства и права.* — 2017. — № 20. — С. 52—56.

Трибуна молодого ученого

**Александра
Александровна
АРНАУТОВА,**

аспирант кафедры теории
государства и права
Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

**alexandraarnaut111@
gmail.com**

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. В юридической науке выработаны различные подходы к пониманию эффективности права, правовых норм. Позиция, согласно которой эффективность правовых норм представляет собой соотношение между фактическим результатом их действия и теми целями, для достижения которых эти нормы были приняты, представляется более точной. Эффективность нормативного правового акта определяет его качество. Принимая во внимание выделяемые исследователями критерии качества нормативного правового акта, можно выделить следующие средства повышения эффективности (а значит, и качества) нормативных правовых актов: экспертиза проектов нормативных правовых актов, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов на официальном сайте regulation.gov.ru, оценка регулирующего воздействия, мониторинг правоприменения.

Ключевые слова: эффективность права, эффективность законодательства, эффективность правового регулирования, эффективность правовых норм, качество нормативных правовых актов, экспертиза проектов нормативных правовых актов, оценка регулирующего воздействия, мониторинг правоприменения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.188-193

A. A. ARNAUTOVA,

Postgraduate Student of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

alexandraarnaut111@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

MEANS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF NORMATIVE LEGAL ACTS

A tract. Different approaches to understanding the effectiveness of law and legal norms have been worked out in the legal science. The position, according to which the effectiveness of legal norms represents a correlation between the actual result of their action and those goals for which these norms were adopted, is more accurate. The effectiveness of a normative legal act determines its quality. Taking into account the criteria of quality of normative legal act, researchers can identify the following means of increas-

ing the efficiency of normative legal acts, which are simultaneously means of improving their quality: examination of draft normative legal acts, public discussion of draft normative legal acts on the official site regulation.gov.ru, regulatory impact assessment, enforcement monitoring.

Keywords: *effectiveness of law, effectiveness of legislation, effectiveness of legal regulation, effectiveness of legal norms, quality of normative legal acts, expertise of drafts of normative legal acts, assessment of regulatory impact, monitoring of law enforcement.*

Последнее время наблюдается повышение интереса к теме эффективности законодательства. Однако еще М. Б. Шаргородский в 1973 г., ссылаясь на М. П. Лебедева и Г. Глазермана, писал, что юридические науки нуждаются в изучении эффективности законодательных мер и форм правового регулирования общественных отношений, а изучение эффективности правовых предписаний, исследование форм их воздействия на общественные отношения в современных условиях становится одной из главных задач юридической науки¹.

На сегодня сложились различные подходы к пониманию эффективности права, правового регулирования, правовых норм.

Одно из первых определений (сформулированное по аналогии с определением экономической эффективности) было предложено М. П. Лебедевым. Ученый считал, что под эффективностью правового регулирования следует понимать получение наибольшего результата в достижении цели данного правового предписания и общей цели — торжества коммунизма². Д. А. Керимов отмечал, что правовое регулирование эффективно при своевременном обнаружении возникающих возможностей, определении их зрелости, развитости, обоснованности для перехода в действительность, а также при анализе путей, средств, методов реализации данных возможностей³. А. С. Пашков и Д. М. Чечот полагали, что эффективность правового регулирования — это его действенность, результативность, т.е. способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном полезном для общества направлении⁴. М. Б. Шаргородский под эффективностью понимал абстрактное понятие, означающее только способность применяемого средства содействовать достижению желательной цели, не имеющее отношения к оценкам («полезные для общества», «торжество коммунизма»)⁵. Оценки же могут использоваться только при анализе цели регулирования. По мнению В. П. Кудрявцева, В. И. Никитинского, И. С. Самощенко, В. В. Глазырина, эффек-

¹ Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 56.

² См.: Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 23.

³ См.: Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1960. С. 143.

⁴ Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 7.

⁵ См.: Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 57—58.

тивность правовых норм представляет собой соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты⁶. Кроме того, данные исследователи различали два уровня эффективности: юридическую и социальную.

Разрабатываются и нетрадиционные подходы к пониманию эффективности права. Например, В. В. Лапаева под эффективностью права понимает степень согласования социальных интересов на базе правообразующего интереса⁷. И. Л. Честнов, считая мониторинг социальной жизни важнейшей предпосылкой измерения эффективности права, предлагает антропологическую программу измерения эффективности права⁸.

Позиция, согласно которой эффективность правовых норм представляет собой соотношение между фактическим результатом их действия и теми целями, для достижения которых эти нормы были приняты, представляется более точной.

Эффективность нормативного правового акта определяет его качество. Некачественным нормативным правовым актом невозможно обеспечить достижение целей, для которых он был принят. Для создания качественных нормативных правовых актов и для оценки действующих требуется применять определенные критерии.

Критерии качества в юридической литературе определяются по-разному. В. Ф. Прозоров выделил содержательные (адекватность экономической политики назревшим потребностям экономического развития) и регулятивные (техничко-юридические, стилистические, системные и др.) условия (характеристики) качества хозяйственного законодательства⁹. В. В. Игнатенко выделил три группы (вида) качественно-правовых свойств закона: 1) свойства правовой легальности; 2) инструментально-правовые свойства; 3) технико-юридические свойства¹⁰. С. В. Поленина распределила параметры качества закона на три группы: социальные, политические и юридические¹¹.

Принимая во внимание перечисленные критерии, можно выделить следующие средства повышения эффективности нормативных правовых актов, которые являются одновременно и средствами повышения их качества:

1. Экспертиза проектов нормативных правовых актов.

Экспертиза законопроекта — специальное исследование, проводимое с целью оценки качества законопроекта, его соответствия Конституции Российской Федерации и действующему законодательству, оценки перспектив действия за-

⁶ Кудрявцев В. П., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М. : Юрид. лит., 1980. С. 22.

⁷ Эффективность правового регулирования : монография / под общ. Ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М. А. Беляева. М. : Проспект, 2017. С. 42.

⁸ Эффективность правового регулирования. С. 88.

⁹ Прозоров В. Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. М. : Юрид. лит., 1991. С. 77.

¹⁰ См: Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях : монография. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. С. 20.

¹¹ См: Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.

кона, принятого на основе данного законопроекта¹². Сущность экспертизы законопроекта и проекта любого другого вида нормативного правового акта одинакова. Как отмечает Е. А. Журкина, экспертная деятельность занимает особое место среди средств оценки эффективности законодательства¹³. Проведение экспертиз проектов нормативных правовых актов (правовой, лингвистической, юридико-технической, общественной, научной, антикоррупционной, независимой, социально-экономической) существенно повышает их качество, что в свою очередь повышает эффективность. Ценность экспертизы проектов нормативных правовых актов заключается в предотвращении совершения правотворческих ошибок.

2. Общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов на официальном сайте regulation.gov.ru.

Информация о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения размещается на официальном сайте regulation.gov.ru в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», созданном для размещения указанной информации¹⁴. Целью размещения проектов нормативных правовых актов на данном сайте является также обеспечение возможности проведения их независимой антикоррупционной экспертизы. Общественное обсуждение проекта нормативного правового акта позволяет соблюсти принцип гласности правотворчества, выявить социальные потребности и ожидания.

3. Оценка регулирующего воздействия.

Оценка регулирующего воздействия проводится федеральными органами исполнительной власти в отношении проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии. В ходе этой оценки выявляются возможные положительные и отрицательные последствия принятия акта или решения, положения, устанавливающие избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, анализируется существующая проблема и возможные способы ее решения¹⁵.

4. Мониторинг правоприменения.

Основная цель осуществления мониторинга правоприменения — совершенствование правовой системы Российской Федерации.

¹² Иванец Г. И., Калинин И. В., Червонюк В. И. Конституционное право России : энциклопедический словарь. М. : Юрид. лит., 2002.

¹³ См.: Журкина Е. А. Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 13.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4902.

¹⁵ См.: постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.

Л. А. Иванова видит сущность правового мониторинга в оценке качества нормативно-правовой основы регулирования и эффективности ее реализации в ходе правоприменительной деятельности¹⁶.

Проект доклада Президенту РФ о результатах мониторинга правоприменения должен содержать описание результатов выполнения плана мониторинга за предыдущий год, предложения о мерах по совершенствованию нормативных правовых актов Российской Федерации, повышению эффективности правоприменения, повышению эффективности противодействия коррупции¹⁷.

В некоторых научных работах в качестве средства повышения эффективности нормативных правовых актов рассматривается юридическая техника¹⁸. С такой позицией трудно согласиться, поскольку юридическая техника представляет собой относительно автономный раздел теории права¹⁹. Даже рассматривая юридическую технику как совокупность юридико-технических приемов и правил, применяемых для создания нормативных правовых актов, их интерпретации и систематизации, нельзя считать ее средством повышения эффективности нормативных правовых актов. В этом случае средствами повышения эффективности могли бы выступать конкретные приемы и правила юридической техники. Более того, правила и приемы юридической техники применяются на этапе проведения экспертиз проектов нормативных правовых актов, что обосновывает отнесение экспертизы проектов нормативных правовых актов к средствам повышения их эффективности.

Таким образом, средствами повышения эффективности нормативных правовых актов являются экспертиза проектов нормативных правовых актов, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов на официальном сайте regulation.gov.ru, оценка регулирующего воздействия и мониторинг правоприменения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Журкина Е. А. Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 25 с.
2. Иванец Г. И., Калинин И. В., Червонюк В. И. Конституционное право России : энциклопедический словарь. — М. : Юрид. лит., 2002.
3. Иванова Л. А. Определение эффективности нормативных актов в процессе правового мониторинга : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 24 с.

¹⁶ См.: Иванова Л. А. Определение эффективности нормативных актов в процессе правового мониторинга : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13—14.

¹⁷ См.: Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

¹⁸ См.: Максимова Е. В. Юридическая техника как средство повышения эффективности нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти : монография / МВД РФ, ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический ин-т». Уфа : Уфимский юридический ин-т МВД РФ, 2012. 106 с.

¹⁹ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М. : Норма: Инфра-М, 2011. С. 23.

4. *Игнатенко В. В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях : монография. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. — 310 с.
5. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника : учебник. — М. : Норма: Инфра-М, 2011. — 496 с.
6. *Керимов Д. А.* Свобода, право и законность в социалистическом обществе. — М. : Госюриздат, 1960. — 223 с.
7. *Кудрявцев В. П., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В.* Эффективность правовых норм. — М. : Юрид. лит., 1980. — 280 с.
8. *Лебедев М. П.* Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. — 1963. — № 1. — С. 22—32.
9. *Максимова Е. В.* Юридическая техника как средство повышения эффективности нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти : монография / МВД РФ, ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический ин-т». — Уфа : Уфимский юридический ин-т МВД РФ, 2012. — 106 с.
10. *Пашков А. С., Чечот Д. М.* Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. — 1965. — № 8. — С. 3—12.
11. *Поленина С. В.* Качество закона и эффективность законодательства. — М., 1993. — 56 с.
12. *Прозоров В. Ф.* Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. — М. : Юрид. лит., 1991. — 157 с.
13. *Шаргородский М. Д.* Наказание, его цели и эффективность. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 160 с.
14. Эффективность правового регулирования : монография / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. — М. : Проспект, 2017. — 240 с.

**Елена Игоревна
СТЕПУШКИНА,**

аспирант кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
estepushkina@yandex.ru
123995, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Правотворческая деятельность является одной из правовых форм реализации социальной функции государства. Для правотворчества социального государства важны принципы справедливости и научности. Принцип научности правотворчества предполагает разработку концептуальных положений социального государства и их последовательное проведение в законодательстве. Для правотворческой деятельности социального государства необходимы разработка нормативных документов стратегического характера (доктрин, концепций, стратегий) и социальных стандартов — норм, на основе которых определяются уровни основных государственных социальных гарантий.

Ключевые слова: социальное государство, социальная функция государства, правовые формы деятельности государства, правотворчество, систематизация законодательства, научность правотворчества.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.194-201

E. I. STEPUSHKINA,

Postgraduate Student of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

estepushkina@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

LAW-MAKING ACTIVITY OF THE SOCIAL STATE

Abstract. Law-making activity is one of the legal forms of realization of the social function of the state. For the law-making of the social state, the principles of justice and science are important. The principle of scientific law-making involves the development of conceptual provisions that specify the chosen model of the social state, and their consistent implementation in the legislation. It is necessary to develop legal documents of a strategic nature (doctrines, concepts, strategies) and social standards — norms on the basis of which the levels of basic state social guarantees are determined, for the law-making activity of the social state.

Keywords: social state, social function of the state, legal forms of state activity, lawmaking, systematization of legislation, scientific lawmaking.

только затем можно говорить об их реализации, то есть о правоисполнительной и правоохранительной формах осуществления функций государства.

Значение правотворчества для функций государства отметили в своих работах, например, Ю. В. Марченко, М. В. Слипенчук¹. Но надо сказать, что правотворческая форма реализации социальной функции государства изучена только в некоторых вопросах². В то же время взгляд на обширную литературу о правовых аспектах социальной государственности убеждает нас в том, что правотворческая форма реализации социальной функции государства затрагивается в научном анализе многих проблем — значения права, принципов права в социальном государстве, правового понимания, правовой идеологии, нормативно-правового оформления, правовых основ, правовых факторов, юридических индикаторов, юридических критериев социального государства и др. При этом освещаются прежде всего законодательные основы социального государства, принятие необходимых нормативных правовых актов для реализации положений ст. 7 Конституции РФ.

В целом с учетом работ последних лет можно вести речь об интересных тенденциях в развитии правотворческой деятельности социального государства. В десятках публикаций последних двух десятилетий речь идет о том, что уровень социальной дифференциации и преобладающая направленность политики в социально-экономической сфере ставят под сомнение реализацию статьи Конституции РФ о социальном государстве. При этом, как отмечает один из авторов, Россия отказалась от инструментов сглаживания расслоения населения, успешно апробированных во многих странах³.

Можно предложить конституционно-правовые механизмы, способные сделать реальностью положения о социальной государственности. К их числу относятся: закрепление не только фискальной, но и социально-перераспределительной функции налогов; прогрессивного налогообложения доходов личной (не используемой для производственных нужд) собственности; недопущение льготного налогообложения доходов от капитала по сравнению с доходами от трудовой деятельности; социальной функции собственности т.д.⁴

¹ Марченко Ю. В. Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 5 (63). С. 20—26 ; Слипенчук М. В. Особенности правотворческой деятельности при реализации функций государства // Закон и право. 2009. № 8. С. 30—32.

² См.: Ильин А. В. Сущность российского правотворчества в условиях проблем построения социального государства // Социально-экономические аспекты развития современного общества. М., 2017. С. 72—81 ; Евстратов А. Э. Цели правотворчества социального государства (постановка проблемы) // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2016. № 1 (46). С. 28—35.

³ Болдырев О. Ю. Социальное государство и конституция // Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений : сб. науч. тр. участников Междунар. конф. «XXIV Кондратьевские чтения» / под ред. В. М. Бондаренко. М., 2017. С. 47—51.

⁴ Болдырев О. Ю. Указ. соч. С. 50—51.

Правотворческая деятельность социального государства анализируется также с точки зрения необходимости выявления и согласования противоположных социальных интересов, претендующих на законодательное признание и закрепление⁵. Интересны выводы относительно недостатков социального законодательства, а также соответствующих правотворческих процедур (сделанные на основании исследований 1990-х гг.), в силу которых социальные права не могут быть в полной мере обеспечены.

Плодотворной представляется разработка принципов правотворчества в социальном государстве и взгляд на правотворческую форму реализации социальной функции государства. Среди принципов правотворчества называют законность, справедливость, научность, демократизм, гласность и ряд других. Думается, что в связи с социальным государством особое значение имеют принципы справедливости и научности, которые должны наполняться соответствующим содержанием.

Как указывает А. Э. Евстратов, практическая реализация доктрины правового и социального государства предполагает трансформацию всех элементов государственно-правовой системы. Осуществление функций государства должно соответствовать идеалам справедливости и гуманизма, обеспечивать верховенство права, гарантировать взаимную ответственность граждан и государства. основополагающий принцип социального государства — принцип достойной жизни, отражающий принцип справедливости⁶.

Думается, что содержание социальной государственности как государственности справедливой должно находить отражение в принципе не только справедливости, но и научности. Его содержание может быть выражено в научных концепциях развития российского законодательства⁷.

Принцип научности правотворческой деятельности в социальном государстве требует разработки теоретических подходов к систематизации социального законодательства. Эта проблема, как отмечает М. А. Бухтерева по состоянию на начало 2000-х гг., не нашла широкого освещения в отечественной государственно-правовой науке⁸. В настоящее время перспективы систематизации социального законодательства уже оценены.

Так, отмечается необходимость систематизации социального законодательства в целях упорядоченности, консолидированности, большей ясности правового регулирования отношений по социальной защите населения. Так как массив

⁵ Ильин А. В. Указ. соч. С. 72—81.

⁶ Евстратов А. Э. Указ. соч. С. 29, 34.

⁷ См., например: Путило Н. В. Глава 11. Развитие законодательства в области здравоохранения // Научные концепции развития российского законодательства : монография. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. С. 193—204 ; Волкова Н. С. Глава 12. Концепция развития законодательства в сфере образования // Там же. С. 205—215 ; Шелютто М. Л. Глава 16. Развитие семейного законодательства // Там же. С. 246—258 ; Литовкин В. Н. Глава 17. Развитие жилищного законодательства // Там же. С. 259—269 ; Захаров М. Л. Глава 18. Развитие законодательства о социальном обеспечении // Там же. С. 270—286.

⁸ Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 202 с.

подзаконных нормативных правовых актов в этой сфере достаточно обширен, выражение «законодательство в сфере социальной защиты населения» следует понимать широко, как совокупность не только законов, но и всех нормативных правовых актов⁹.

Как указывает Н. А. Толкунова, использование различных форм систематизации законодательства (инкорпорации, консолидации и кодификации) проистекает из специфики современной ситуации. Из-за отсутствия должной полноты правового регулирования социальной защиты населения здесь, по всей видимости, невозможна отраслевая консолидация. Но частичная консолидация этого законодательства в рамках отдельных его институтов вполне возможна и, более того, в ряде случаев актуальна (например, речь может идти о консолидации законодательства о социальном обслуживании населения). Институциональная кодификация законодательства в сфере социальной защиты населения, когда его отдельные институты находили отражение в кодексах, тоже может быть частично проведена. Несмотря на неясность перспектив единого кодекса законодательства в сфере социальной защиты, думается, что возможна подготовка Пенсионного кодекса Российской Федерации¹⁰.

Естественным образом идут рассуждения и об отраслевом статусе социального законодательства, здесь авторы склоняются к тому, что это не что иное, как комплексный нормативный массив, находящийся на стадии становления комплексной отрасли законодательства¹¹.

Важный аспект принципа научности правотворчества (равно как и планомерного осуществления организационно-исполнительной и правоприменительной деятельности) на современном этапе — разработка документов стратегического планирования.

Начало более планомерному подходу к реализации социальной функции государства было положено, по всей видимости, в 2005 г., с началом реализации Приоритетных национальных проектов — программы по росту «человеческого капитала» в России, объявленной 9 сентября 2005 г. на первом заседании осенней сессии Государственной Думы Президентом России В. В. Путиным и реализуемой органами исполнительной власти России и ее субъектов с 2006 г. Приоритетные национальные проекты и реализуемые федеральные программы явились значимым организационным шагом в развитии социальной функции государства и правовых форм ее осуществления, что отражалось в разработанных в этот период документах.

Так, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. была разработана с целью определения путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе¹².

⁹ Толкунова Н. А. Систематизация российского законодательства в сфере социальной защиты населения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 11.

¹⁰ См.: Толкунова Н. А. Указ. соч. С. 13—14.

¹¹ См.: Бухтерева М. А. Указ. соч. ; Толкунова Н. А. Указ. соч. С. 11.

¹² Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. : утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-рп // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Далее, в 2009 г. в целях реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности были приняты Основы стратегического планирования в Российской Федерации¹³. Данные Основы являлись ключевым методологическим документом для организации работы федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов РФ по реализации стратегических национальных приоритетов на федеральном, региональном и отраслевом уровне¹⁴.

Новый этап в развитии стратегического планирования наступил в 2014 г., когда был принят Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹⁵. Как указывает Ю. А. Тихомиров, многолетнее забвение прогнозной тематики наконец сменяется возрождением интереса к ней, хаотичность социально-экономических процессов потребовала введения перспективных механизмов их преодоления¹⁶. Этот закон, предусмотренные в нем документы стратегического планирования, принимаемые в течение этих лет, также служат предметом научного обсуждения¹⁷.

Таким образом, очевидна роль концептуальных документов в организации правотворческой и правореализационной формы осуществления социальной функции государства. В этой связи следует отметить неоднократно высказываемую идею о необходимости уточнения концептуальных подходов к содержанию социальной государственности, разработке документов доктринального характера, развитию основных положений концепции социальной государственности в законодательстве.

Так, М. А. Бухтерева еще в начале 2000-х гг. говорила о необходимости принятия базового нормативного акта о гарантиях государства в социальной сфере — закона «О социальной защите в Российской Федерации» (сейчас в большей степени говорят о Социальном кодексе РФ¹⁸), о необходимости проведения «методической работы по определению и уточнению минимального потребительского бюджета»¹⁹.

Известен и разработанный коллективом авторов макет-проект Социальной доктрины Российской Федерации, представляющий собой модель нормативного

¹³ Основы стратегического планирования в Российской Федерации : утверждены Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 536 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Молчанов Н. А., Егоров В. П., Матвеев Е. К. Новые аспекты правового регулирования государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 29.

¹⁵ СЗ РФ. 2014. № 26. Ст. 3378.

¹⁶ Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 105—111.

¹⁷ Баранов В. М. Стратегия законодательства современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации // Юридическая техника : ежегодник. 2015. № 9. С. 29—42.

¹⁸ Локосов В., Ярашева А. Проект Социального кодекса Российской Федерации и социальное государство // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 131—138.

¹⁹ Бухтерева М. А. Указ. соч. С. 107—124.

правового документа доктринального уровня, определяющего политику России в области социального развития. Социальная доктрина Российской Федерации — особый тип документа, задающего управленческое содержание государственной политики, в том числе в стратегической перспективе. В предлагаемом подходе социальная политика понимается шире, чем только социальная защита, — это весь комплекс развития человеческого потенциала страны²⁰.

Как отмечает Н. А. Толкунова, необходима подготовка Концепции социальной защиты населения, эта Концепция позволила бы начать консолидацию комплексной отрасли законодательства в сфере социальной защиты населения²¹.

Одна из перспективных идей, высказываемых еще с начала 2000-х гг. в рамках разработки Концепции социального государства, касается разработки Государственных социальных стандартов, с этого должно начинаться доктринальное и законодательное обеспечение социальной функции государства. Эти стандарты могли бы быть ориентиром для правотворческой, правореализационной и правоохранительной деятельности.

По справедливому замечанию П. А. Лаптева, с присоединением нашей страны к Совету Европы и ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод правовое бытие России обрело новое качество и новое, европейское изменение. Не будет преувеличением сказать, что 5 мая 1998 г. — дата вступления в силу Европейской конвенции для России — для нашей правовой системы является датой переломного, по-своему даже революционного момента. Российская Федерация вошла в европейское «правовое пространство» (применительно к праву Совета Европы) и должна стремиться к тому, чтобы глубоко осваивать для себя это пространство и учиться жить юридически неизолированно от Европы. Для этого требуется прежде всего корректировка законодательства Российской Федерации, чтобы оно ни при каких обстоятельствах не расходилось с Европейской конвенцией, со стандартами Совета Европы²².

Надо полагать, что разработчики Концепции социального государства Российской Федерации руководствовались именно этими соображениями и использовали европейский опыт в области социальной политики. В качестве Государственных социальных стандартов предлагается понимать устанавливаемые государством нормы и нормативы, обеспечивающие реализацию Конституцией РФ социальных прав граждан и порядок предоставления этих прав, являющихся одновременно и ориентирами для социальной и экономической политики. Государственные социальные стандарты устанавливаются в виде законодательных актов и (или) других видов нормативных правовых актов и являются обязательными для применения на всей территории Российской Федерации²³.

²⁰ Социальная доктрина Российской Федерации: макет-проект : монография / В. И. Якунин [и др.] ; под общ. ред. С. С. Сулакшина. М., 2010. 224 с.

²¹ Толкунова Н. А. Указ. соч. С. 12.

²² Лаптев П. А. Значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод для правовой системы России // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. М., 2003. С. 15—16.

²³ Концепция социального государства Российской Федерации. М., 2002. С. 30—32.

Необходимо, как справедливо считают разработчики Концепции, принять федеральный закон «О государственных социальных стандартах», которым определить их систему, охватывающую такие основные сферы социальных отношений, как оплата труда и трудовых отношений; обеспечение занятости и помощи безработным, пенсионное обеспечение; обеспечение лекарственными средствами и товарами массового спроса; обеспечение населения жильем, коммунальными и бытовыми услугами; образование и профессиональная подготовка; наука, культура; социальное страхование, социальная помощь и социальное обслуживание населения; обеспечение экологической безопасности; защита социальных прав граждан²⁴.

Концепция социального государства, разработанная в первой половине 2000-х гг., является результатом совместного труда государственных органов, научных и образовательных учреждений. Но пока она не стала официальным документом, перспективы разработки и принятия Государственных социальных стандартов весьма неопределенные.

Принцип научности правотворчества предполагает разработку концептуальных положений, конкретизирующих избранную модель социального государства, и последовательное проведение их в законодательстве. Для правотворческой деятельности социального государства, наряду с конституционным закреплением социально-экономических прав, принципиальной представляется разработка нормативных документов стратегического характера (доктрин, концепций, стратегий); необходима доктринальная разработка и законодательное закрепление социальных стандартов — норм, на основе которых определяются уровни основных государственных социальных гарантий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов В. М. Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации // Юридическая техника : ежегодник. — 2015. — № 9. — С. 29—42.
2. Болдырев О. Ю. Социальное государство и конституция // Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений : сб. науч. тр. участников Междунар. конф. «XXIV Кондратьевские чтения» / под ред. В. М. Бондаренко. — М., 2017. — С. 47—51.
3. Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 202 с.
4. Евстратов А. Э. Цели правотворчества социального государства (постановка проблемы) // Вестник Омского университета. — Серия : Право. — 2016. — № 1 (46). — С. 28—35.
5. Ильин А. В. Сущность российского правотворчества в условиях проблем построения социального государства // Социально-экономические аспекты развития современного общества : межвуз. сб. науч. трудов. — М., 2017. — С. 72—81.

²⁴ Концепция социального государства Российской Федерации. С. 30—32.

6. *Лаптев П. А.* Значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод для правовой системы России // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. — М., 2003.
7. *Локосов В., Ярашева А.* Проект Социального кодекса Российской Федерации и социальное государство // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2013. — № 2. — С. 131—138.
8. *Марченко Ю. В.* Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2008. — № 5 (63). — С. 20—26.
9. *Молчанов Н. А., Егоров В. П., Матевосова Е. К.* Новые аспекты правового регулирования государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 2. — С. 28—34.
10. Научные концепции развития российского законодательства : монография. — 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — М., 2015. — 540 с.
11. *Слипенчук М. В.* Особенности правотворческой деятельности при реализации функций государства // Закон и право. — 2009. — № 8. — С. 30—32.
12. Социальная доктрина Российской Федерации: макет-проект : монография / В. И. Якунин [и др.] ; под общ. ред. С. С. Сулакшина. — М., 2010. — 224 с.
13. *Тихомиров Ю. А.* Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 105—111.
14. *Толкунова Н. А.* Систематизация российского законодательства в сфере социальной защиты населения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2011. — 28 с.

Радько Т. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. — М. : Проспект, 2017. — 717 с.

В учебнике освещается широкий спектр наиболее актуальных и дискуссионных вопросов современной теории государства и права, уточнения предмета теории государства и права, более правильного определения ее роли в системе юридических наук.

Для студентов юридических вузов и факультетов, магистрантов, аспирантов.

Теория государства и права : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Проспект, 2017. — 503 с.

Учебник подготовлен в соответствии с государственным образовательным стандартом коллективом кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с привлечением известных специалистов из других вузов. При подготовке издания широко использованы отечественная и зарубежная литература, классическое наследие, нормативные материалы. Проблемность, анализ разных точек зрения сочетаются с простотой изложения.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Мартышин О. В. Философия права : учебник для магистров. — М. : Проспект, 2017. — 427 с.

Учебник соответствует программе по дисциплине «Философия права», разработанной на кафедре теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В издании широко использована отечественная и зарубежная литература, дается ее критический анализ. Изложение отличается логической ясностью и простотой.

Для магистрантов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. — 3-е изд., испр. и доп.— М. : Проспект, 2017. — 971 с.

В учебнике, подготовленном кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), дан анализ основных направлений политической и правовой мысли от древности до наших дней в России, странах Запада и Востока. При этом политико-правовая мысль России представлена более полно, что продиктовано ее особой важностью в свете происходящих в нашей стране перемен и необходимостью переосмысления прошлого.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических, философских, исторических и политологических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами политики, государства и права.

Лазарев В. В., Липнев С. В. Теория государства и права : учебник для академического бакалавриата. — 5-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2018. — 521 с.

Авторы настоящего издания предлагают свое видение учебного курса теории государства и права. Учебник отличается новизна изложения материала по существу и по форме. Данное учебное издание преследует цель наиболее широко охватить общетеоретические вопросы государства и права. Речь идет не только о полном наборе изучаемых студентами тем, но и об обозначении едва ли не всех проблем в рамках отдельной темы. В целях удобства использования учебник снабжен предметным и именовым указателями, что в учебной литературе по теории государства и права практически не встречается. Учебник удостоен премии Правительства РФ в области образования.

История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2017. — 800 с.

Учебник подготовлен специалистами, в течение многих лет читавшими курс истории политических учений (историю учений о государстве и праве) в известных вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Минска и Ташкента. Авторы избрали оригинальную методику изложения материала, позволяющую в пределах вузовской программы получить знания о развитии идей о государстве и праве в разное время, в разных странах, разными выдающимися мыслителями.

Учебник ориентирован на подготовку к практической деятельности в государственно-правовой сфере. Он окажется полезным многим политическим деятелям в решении проблемных вопросов современности. Для студентов, магистрантов и аспирантов, научных работников и преподавателей юридических вузов.

Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки : университетский курс для магистрантов юридических вузов. — М. : Норма : Инфра-М, 2018. — 496 с.

Издание содержит учебный материал, посвященный различным аспектам методологии юридических научных исследований, а также истории юридической науки.

Для студентов вузов, обучающихся по специальностям юридического профиля по программам магистратуры, для аспирантов и преподавателей юридических факультетов университетов, других юридических учебных заведений.

Корнев А. В. Социология права : учебник. — М. : Проспект, 2017. — 410 с.

Предлагаемый учебник подготовлен в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования. В нем излагаются ключевые темы и категории, составляющие содержание учебного курса «Социология права». В учебнике рассматривается также соотношение общей теории права и государства, социологии права и философии права. Наряду с этим, показывается значение прикладных социологических исследований для отраслевых юридических дисциплин.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для всех, кто интересуется социолого-правовой проблематикой.

Введение в юридическую профессию : учебник для бакалавров / отв. ред. Т. Н. Радько. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Проспект, 2017. — 370 с.

Учебник написан в соответствии с новыми государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования и учебной программой для подготовки бакалавров права. Во второе издание учебника внесены дополнения и изменения по ключевым темам и категориям, связанным с изучением профессии юриста в историческом и современном понимании смысла и назначения юридической деятельности, спецификой юридической профессии, профессиональной культуры и этики юристов, содержанием навыков профессиональной деятельности юристов, их правозащитной работы.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для всех, кто интересуется вопросами профессиональной деятельности юристов.

Кашанина Т. В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить : учебник. — М. : Проспект, 2018. — 392 с.

Юридическое документоведение — новая учебная дисциплина в юридических вузах, направленная на приобретение практических навыков выполнения юридической работы. В учебнике подробно рассматриваются правила создания юридических документов — законодательных, корпоративных, правореализационных и правоприменительных. Изложение материала сопровождается схемами и рисунками. В конце учебника дается список рекомендуемой литературы. В приложении для тренинга студентов по составлению юридических документов даны наиболее распространенные их образцы, помещено и методическое обеспечение курса.

Для бакалавров и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также практикующих юристов.

Юридическая наука и ее значение в современном обществе : сборник докладов Международной научно-практической конференции (Москва, 11 апреля 2013 г.) / под ред. Т. Н. Радько, А. В. Корнева, С. В. Липеня. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. — 256 с.

В сборник вошли доклады Международной научно-практической конференции «Юридическая наука и ее значение в современном обществе», организованной кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Основное содержание сборника составили исследования, в которых дан теоретический анализ методологических проблем развития юридической науки в связи с обсуждением заглавного доклада и статьи профессора В. В. Лазарева «Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика)».

Корнев А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа : монография. — М. : Проспект, 2015. — 320 с.

В монографии рассматриваются проблемы становления и развития консервативной и либеральной политико-правовых идеологий в России, их концептуальной сущности, содержания и форм выражения. Дан сравнительно-правовой анализ политической и юридической составляющей этих ведущих доктрин второй половины XIX — начала XX в. Кроме того, предпринята попытка объяснения закономерного исторического фиаско этих двух политических партий, считавшихся демиургами политического процесса дореволюционной России. По вполне очевидным причинам дискуссии между консерваторами и либералами сфокусированы на институте государства, ибо любая политическая борьба имеет одну цель — завоевать государство и посредством законов навязывать свою политическую волю. Современная Россия находится в состоянии политической, а если смотреть шире — исторической неопределенно-

сти. Взаимное отчуждение общества и государства достигло опасных пределов. Представляется, что уверенности, а вместе с ней относительной социальной гармонии в обществе наша страна достигнет лишь в том случае, если будет найдена отвечающая исключительно нашим, российским реалиям пропорция консервативных, либеральных и социалистических начал, как, собственно, это имеет место в других странах. В силу этого обстоятельства автор по тексту нередко обращается к современности. Книга окажется полезной тем, кто интересуется проблемами истории и теории государства и права, политической теории, истории политических и правовых учений, философии права.

Лазарев В. В. Законодатель как сторона в конституционном судопроизводстве : судебные речи. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2015. — 880 с.

Актуальность проблем формирования правовых позиций в ходе конституционного судопроизводства обусловлена необходимостью сохранения стабильности правового регулирования и вместе с тем важностью корректировки тех правовых решений и конструкций, которые не обеспечивают выполнение стоящих перед государством задач.

В книге последовательно изложены позиции законодателя, отстаиваемые в Конституционном Суде РФ и оказавшие влияние на его решения по каждому из рассматриваемых дел. Приводятся полные тексты выступлений В. В. Лазарева как постоянного представителя Государственной Думы, фрагменты полемики с его участием в ходе конституционного процесса, отражающие не только анализ юридической стороны дела, системное толкование конституционных норм в неразрывной связи с отраслевыми нормами и сложившейся практикой их реализации, но и научный подход в интерпретации всех обстоятельств, относящихся к выполнению требований Конституции.

Для ученых-правоведов, сотрудников правозащитных органов и организаций, депутатов, государственных и муниципальных служащих, преподавателей, аспирантов, студентов, осваивающих программы бакалавриата и магистратуры, а также для всех, кто сегодня причастен к законотворчеству, толкованию и применению законодательства.

Лазарев В. В. «Шестидесятничество» казанских лет. — М. : Статут, 2017. — 704 с.

Собрание научных трудов одного из основоположников казанской юридической школы профессора Валерия Васильевича Лазарева посвящено актуальным проблемам теории государства и права и истории политических и правовых учений. Оригинальность названия обусловлена позиционированием автора: «шестидесятников» принято искать в среде писателей и публицистов. Но среди юристов были и есть свои «шестидесятники». В частности, лекции В. В. Лазарева на юрфаке КГУ в 60—70-е гг. XX в. отвечали этому понятию.

Включены работы В. В. Лазарева «Пробелы в праве (вопросы понятия пробелов и критика теории беспробельности права)», «Применение советского права», «Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории)», «Социально-психологические аспекты применения права», «Чаадаев».

Книга предназначена для магистров и преподавателей юридических вузов, а также для практических работников и всех, кто интересуется проблемами государственного управления, правового регулирования и пробелов в праве.

Лафитский В. И. Великие конституции (Истоки, факторы развития и роль в современном мире). — М. : Статут, 2017. — 516 с.

В книге прослеживаются истоки и эволюция конституционно-правовых идей, основные черты и особенности великих памятников конституционного правотворчества от первых конституций эпохи Американской и Великой Французской революций до Конституции РФ 1993 г.; оцениваются основные векторы конституционно-правового развития XXI в.; в приложении публикуются избранные конституционно-проектные, публицистические и экспертные работы автора в Конституционной комиссии Российской Федерации (1992—1993 гг.), Администрации Президента Крыма А. Ю. Мешкова (1994—1995 гг.), Венецианской комиссии Совета Европы (2013—2017 гг.).

Танимов О. В. Теория юридических фикций : монография / отв. ред. Т. В. Кашанина. — М. : Проспект, 2015. — 307 с.

Монография — результат многолетнего исследования автором фикций в праве. В ней раскрываются понятие и сущность юридической фикции в праве, рассматриваются причины возникновения юридических фикций, обосновывается необходимость их применения в праве. В этой связи исследуются взгляды правоведов различных эпох на сущность феномена фикции. Значительное внимание уделено классификации юридических фикций.

Рекомендуется студентам юридических вузов и факультетов, аспирантам, преподавателям, депутатам, практическим юристам и всем интересующимся проблемами юридической техники, одним из приемов которой и являются юридические фикции.

Система права: история, современность, перспективы : монография / под ред. Т. Н. Радько. — М. : Проспект, 2018. — 279 с.

В монографии рассматриваются теоретико-методологические и исторические основы исследования системы российского права, подробно приводится история советских дискуссий по данной проблематике, дается компаративный анализ доктринальных подходов к системе права в России и зарубежных странах, в том числе на постсоветском пространстве. Исследуются уровни системной организации правовой материи, а именно отрасли права и институты права, процессы дифференциации и интеграции структурных образований как отражение динамики системы права. Уделяется особое внимание малоизученным аспектам критериев образования отраслей в системе российского права, обобщается практика выделения так называемых «новых» отраслей в системе права, предлагаются пути выхода из наметившегося теоретико-методологического кризиса в применении критериев отраслеобразования. Обозначаются проблемы современного этапа исследования системы права, ставятся вопросы, которые могли бы стать предметом широкого обсуждения научной общественности в рамках новой дискуссии о системе российского права, которая продолжала бы традиции трех советских дискуссий. Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, юристов — практических работников и всех, кто интересуется проблемами системы права и российского права в целом.

Борисов А. В., Корнев А. В., Петручак Л. А. Юридическое образование в России : история, современность, перспективы развития : монография. — М. : Норма, 2017. — 209 с.

Монография посвящена становлению и развитию отечественного юридического образования. Рассматриваются различные периоды и современное состояние юридического образования в России. Особое внимание уделено перспективам развития российского юридического образования в контексте интеграции образовательного пространства и возникающим в связи с этим проблемам. Показано, что содержание и направленность юридического образования отражали те процессы, которые происходили в жизни общества и государства. Делается акцент на улучшении качества юридического образования, повышении правовой культуры и правовых знаний и процессе формирования гражданского общества и государства.

Для руководителей юридических образовательных учреждений, преподавателей, студентов, практических работников. Книга будет полезна широкому кругу читателей в силу общественной значимости образования вообще и юридического в частности.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

Авторы-составители разделов
«Право в историческом преломлении»
и «Постскриптум»:

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор журнала «Вестник
Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)», доктор юридических наук,
профессор
yurii-rags@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
Садовая-Кудринская ул., д. 9

Ирина Викторовна ПОТАПЧУК,
начальник редакционно-издательского
отдела Федерального агентства
по управлению государственным
имуществом
i.potapchuk@mail.ru
109012, Россия, г. Москва,
Никольский пер., д. 9

Буквально через несколько дней после Октябрьской революции был принят нормативный акт органов советской власти, регламентировавший деятельность судебных органов. Первоначально проект декрета был разработан П. И. Стучкой и М. Ю. Козловским. Он вошел в историю под названием «Декрет о суде № 1». О значении его В. И. Ленин говорил на III Всероссийском съезде Советов: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессии, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества»¹. В развитие Декрета о суде № 1 в феврале и июле 1918 г. были опубликованы декреты № 2 и 3, в которых была определена компетенция окружных и народных судов, установлен порядок подачи и рассмотрения кассационных жалоб на решения судов, порядок судопроизводства и т.п.

Совнарком (СНК) – правительство России во главе с В.И. Лениным. Слева направо: В.Д. Бонч-Бруевич, В.Е. Трутовский, А.Г. Шляпников, П.П. Прошьян, В.И. Ленин, И.В. Сталин, А.М. Колонтай, П.Е. Дыбенко, Е.К. Кокшарова, Н.И. Подвойский. 10 марта 1918 г. (фрагмент фото из Государственного музея политической истории России)

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Политическая литература, 1973. Т. 26. С. 421.

Декрет о суде № 1 24 ноября 1917 г.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

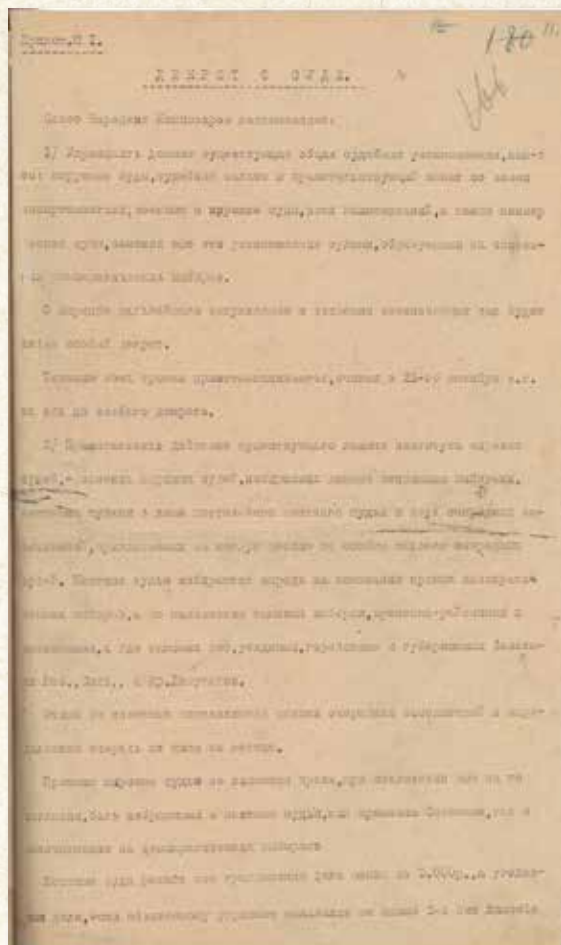
1. Упразднить донныне существующие общие судебные установления, как то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов. О порядке дальнейшего направления и движения неоконченных дел будет издан особый декрет. Течение всех сроков приостанавливается, считая с 25 октября с.г. впредь до особого декрета.

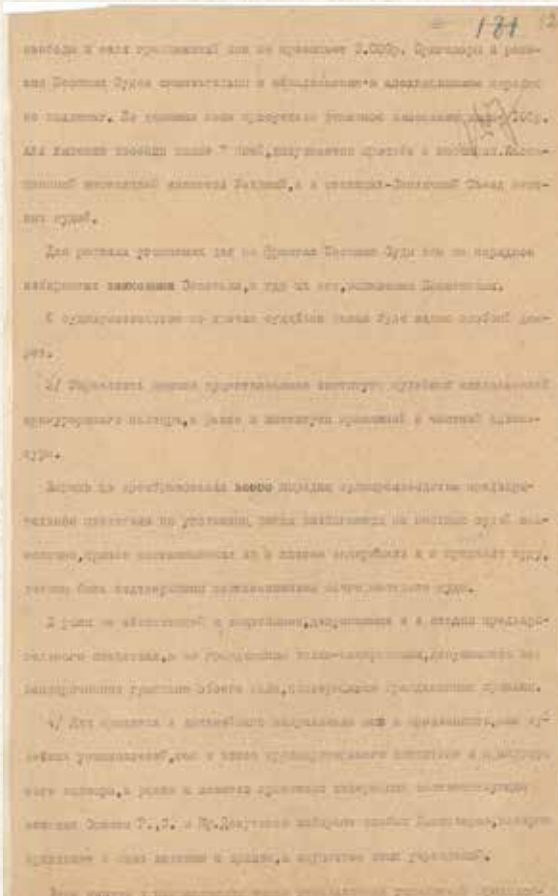
2. Приостановить действие существующего донныне института мировых судей, заменяя мировых судей, избираемых донныне непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно — районными и волостными, а где таковых нет, уездными, городскими и губернскими Советами Раб., Солд. и Кр. Депутатов.

Этими же Советами составляются списки очередных заседателей и определяется очередь их явки на сессию.

Прежние мировые судьи не лишаются права, при изъявлении ими на то согласия, быть избранными в местные судьи как временно Советами, так и окончательно на демократических выборах.

Местные суды решают все гражданские дела ценою до 3000 р. и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2 лет лишения свободы и если гражданский иск не превышает 3000 р. Приговоры и решения местных судов окончательны и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. По делам, по коим присуждено денежное изыскание свыше 100 р. или

лишение свободы свыше 7 дней, допускается просьба о кассации. Кассационной инстанцией является уездный, а в столицах — столичный съезд местных судей.

Для разрешения уголовных дел на фронтах местные суды тем же порядком избираются полковыми советами, а где их нет — полковыми комитетами.

О судопроизводстве по прочим судебным делам будет издан особый декрет.

3. Упразднить донные существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры.

Впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично, причем постановления их о личном задержании и о предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда.

В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверенными, допускаются все неопороченные граждане обоюбого пола, пользующиеся гражданскими правами.

4. Для принятия и дальнейшего направления дел и производств как судебных установлений, так и чинов предварительного следствия и прокурорского надзора, а равно и советов присяжных поверенных, соответствующие местные Советы Р., С. и Кр. Депутатов избирают особых комиссаров, которые принимают в свое ведение архивы и имущества этих учреждений.

Всем низшим и канцелярским чинам упраздняемых учреждений предписывается оставаться на своих местах и под общим руководством комиссаров исполнять все необходимые работы по направлению неоконченных дел, а равно и давать в назначенные дни заинтересованным лицам справки о положении их дел.

5. Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

Примечание. Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов Р., С. и Кр. Дел. и Рабочего и Крестьянского Правительства, а также программам-минимум Р. С. Д. Р. Партии и Партии СР.

6. По всем спорным гражданским, а также и частно-уголовным делам стороны могут обращаться к третейскому суду. Порядок третейского суда будет определен особым декретом.

7. Право помилования и восстановления в правах лиц, осужденных по уголовным делам, впредь принадлежит судебной власти.

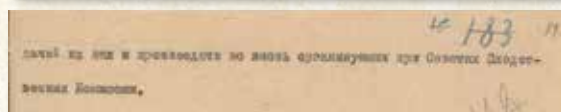
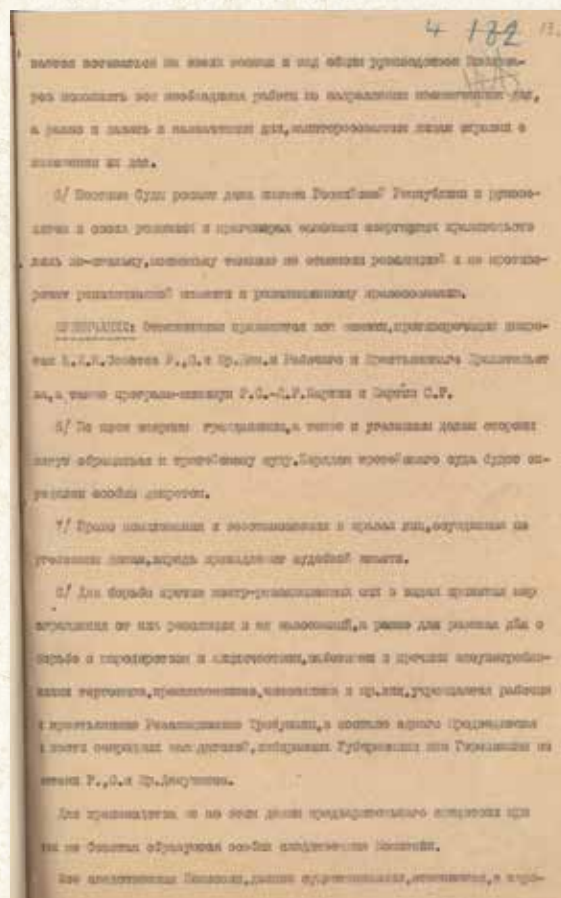
8. Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц учреждаются рабочие и крестьянские Революционные Трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых Губернскими или Городскими Советами Р., С. и Кр. Депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии.

Все следственные комиссии, донныне существовавшие, отменяются с передачей их дел и производств во вновь организуемые при Советах следственные комиссии.

[5 декабря (22 ноября) 1917 г.]

Распубликован в № 17 «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 7 декабря (24 ноября) 1917 г.
СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

Декрет о суде № 2
20 февраля 1918 г.

В развитие и дополнение Декрета о суде от 24 ноября 1917 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:

Часть первая. Окружные народные суды

Ст. 1. Для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда, образуются окружные народные суды, члены которых избираются по округам местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Округа соответствуют прежним округам, но от соглашения Советов зависит изменить территорию данного округа, увеличив или сократив таковую.

Ст. 2. Общее собрание членов окружного народного суда устанавливает количество гражданских и уголовных отделений в составе председательствующего и не менее двух постоянных членов в каждом. Число членов суда может быть увеличено или уменьшено местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по собственному почину или по представлению о том судебных мест.

Члены суда избирают из своей среды председателя суда и председателей отделений, отзывают их и избирают на их места других. Из-

бранные же члены суда, не исключая председателей, отзываются избравшими их Советами.

Ст. 3. Все przygotowительные к суду действия решаются коллегиально в составе не менее трех постоянных членов окружного народного суда. Решение дел по существу в гражданских отделениях происходит в составе трех постоянных членов окружного народного суда и четырех народных заседателей. По уголовным же делам решение их по существу происходит в составе двенадцати очередных заседателей и двух запасных, под председательством одного из постоянных членов суда.

Общие списки народных заседателей составляются губернскими и городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских де-

путатов на основании списка кандидатов, представляемых местными районными и волостными Советами.

Очередные списки каждой сессии составляются путем жеребьевки исполнительными комитетами Советов.

Примечание. Размер суточного вознаграждения заседателей определяется теми же Советами с обязательностью постепенного перехода к бесплатному несению гражданами государственной повинности по отправлению правосудия.

Часть вторая. Кассация решений

Ст. 4. Обжалования в апелляционном порядке отменяются и допускается только кассация решения.

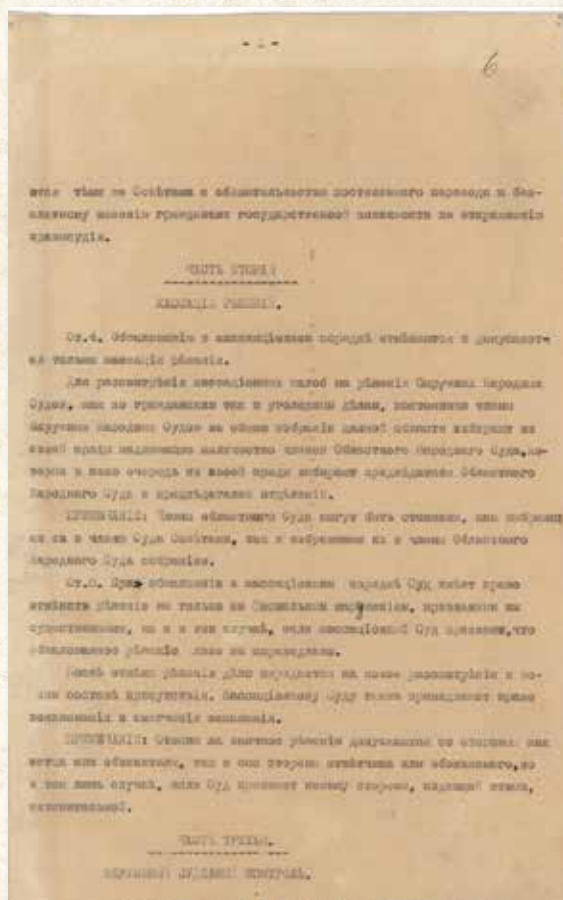
Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов как по гражданским, так и уголовным делам постоянные члены окружных народных судов на общем собрании данной области избирают из своей среды надлежащее количество членов Областного народного суда, которые, в свою очередь, из своей среды выбирают председателя областного народного суда и председателей отделений.

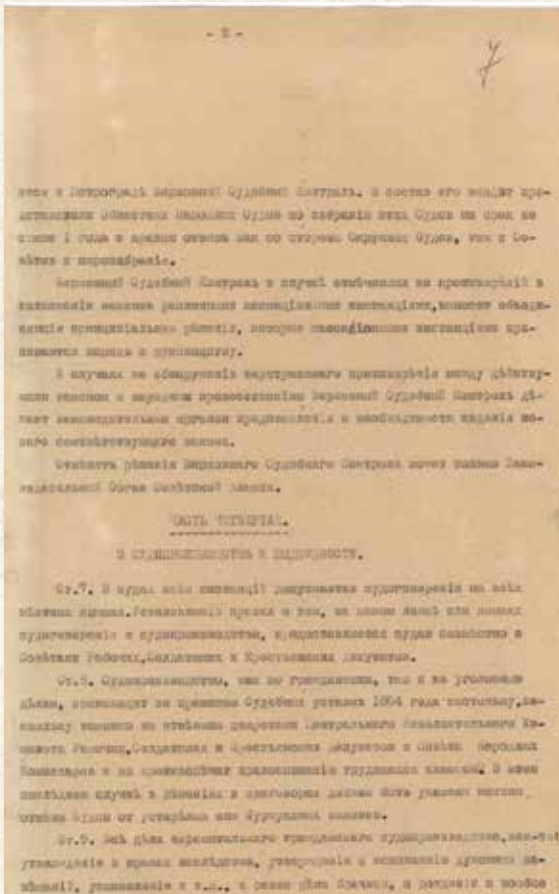
Примечание. Члены областного суда могут быть отозваны как выбравшими их в члены суда Советами, так и избравшим их в члены областного суда собранием.

Ст. 5. При обжаловании в кассационном порядке суд имеет право отменить решение не только по формальным нарушениям, признанным им существенными, но и в том случае, если кассационный суд признает, что обжалованное решение явно несправедливо.

После отмены решения дело передается на новое рассмотрение в новом составе присутствия. Кассационному суду также принадлежит право помилования и смягчения наказания.

Примечание. Отзывы на заочное решение допускаются со стороны как истца или обвинителя, так и со стороны ответчика или обвиняемого, но в том лишь случае, если суд признает неявку стороны, подающей отзыв, извинительной.

Часть третья. Верховный судебный контроль

Ст. 6. В целях достижения единообразия кассационной практики как съездов местных народных судей, так и областных народных судов, учреждается в Петрограде Верховный судебный контроль. В состав его входят представители областных народных судов по избранию этих судов на срок не свыше 1 года с правом отзыва как со стороны окружных судов, так и Советов и переизбрания.

Верховный судебный контроль, в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносит объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству.

В случаях же обнаружения неустранимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием, Верховный судебный контроль делает законодательным органам представления о необходимости издания нового соответствующего закона. Отменять решения Верховного судебного контроля может только законодательный орган Советской власти.

Часть четвертая. О судопроизводстве и подсудности

Ст. 7. В судах всех инстанций допускается судоговорение на всех местных языках. Установление правил о том, на каком языке или языках ведется судоговорение или судопроизводство, предоставляется судам совместно с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Ст. 8. Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов. В этом последнем случае в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов.

Ст. 9. Все дела охранительного гражданского судопроизводства, как то: утверждение в правах наследства, утверждение к исполнению духовных завещаний, усыновление и т.д., а равно дела

брачные, о рождении и вообще дела, оценке не подлежащие, подсудны местному суду. Дела о конкурсах на сумму свыше 3000 руб. передаются в ведение окружных народных судов.

Ст. 10. Вопросы о подсудности как по гражданским, так и по уголовным делам решаются окончательно без права обжалования судом, к которому поступило дело, причем суд, признав дело себе не подсудным, немедленно препровождает дело со всем производством в надлежащий по его решению суд, который обязан решить дело.

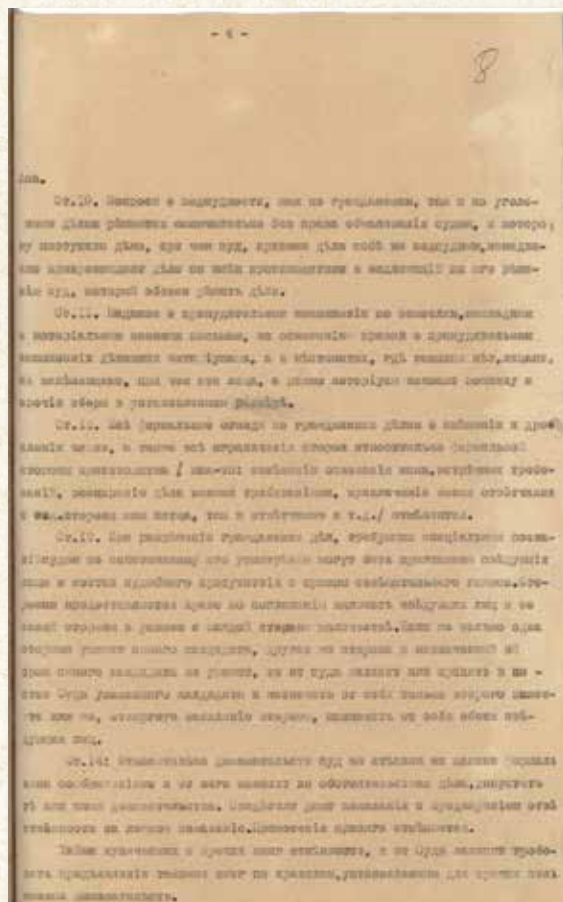
Ст. 11. Надписи о принудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам, на основании правил о принудительном исполнении, делаются нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими, причем эти лица, а равно нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном размере.

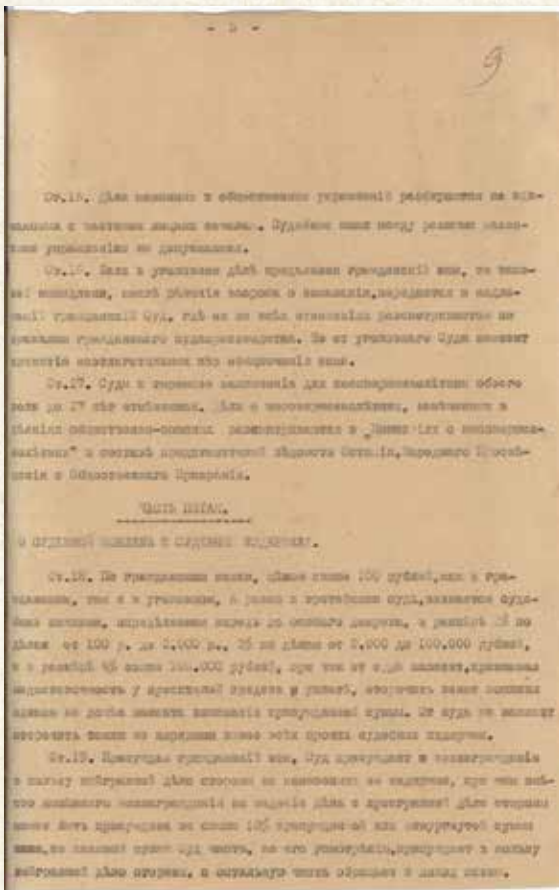
Ст. 13. При разрешении гражданских дел, требующих специальных познаний, судом, по собственному его усмотрению, могут быть приглашены сведущие лица в состав судебного присутствия с правом совещательного голоса.

Сторонам предоставляется право по соглашению включать сведущих лиц и со своей стороны в равном с каждой стороны количестве. Если же только одна сторона укажет своего кандидата, другая же сторона в назначенный ей срок кандидата не укажет, то от суда зависит или принять в состав суда указанного кандидата и назначить от себя второго эксперта, или же, отвергнув заявление стороны, назначить от себя обоих сведущих лиц.

Ст. 14. Относительно доказательств суд не стеснен никакими формальными соображениями и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства. Свидетели дают показания с предварением ответственности за ложное показание. Принесение присяги отменяется. Тайна купеческих и прочих книг отменяется, и от суда зависит требовать предъявления таковых книг по правилам, установленным для прочих письменных доказательств.

Ст. 15. Дела казенных и общественных управлений разбираются на одинаковых с частными лицами началах. Судебные иски

между разными казенными управлениями не допускаются.

Ст. 16. Если в уголовном деле предъявлен гражданский иск, то таковой немедленно, после решения вопроса о наказании, передается в надлежащий гражданский суд, где он во всех отношениях рассматривается по правилам гражданского судопроизводства. Но от уголовного суда зависит принятие неотлагательных мер обеспечения иска.

Часть пятая. О судебной пошлине и судебных издержках

Ст. 18. По гражданским искам, ценой свыше 100 руб., как в гражданском, так и в уголовном, а равно третейском суде взимается судебная пошлина, определяемая впредь до особого декрета в размере 2 % по делам от 100 руб. до 3 000 руб., 3 % по делам от 3 000 руб. до 100 000 руб., и в размере 4 % свыше 100 000 руб., причем от суда зависит, признавая недостаточность у просителей средств к уплате, отсрочить взнос пошлины, однако не более момента взыскания присужденной суммы. От суда же зависит отсрочить таким же порядком взнос всех прочих судебных издержек.

Ст. 19. Присуждая гражданский иск, суд присуждает и вознаграждение в пользу выигравшей дело стороны за понесенные ею издержки, причем вместо нынешнего вознаграждения за ведение дела с проигравшей дело стороны может быть присуждено не свыше 10 % присужденной или отвергнутой суммы иска, из какой суммы суд часть, по его усмотрению, присуждает в пользу выигравшей дело стороны, а остальную часть обращает в доход казны.

Ст. 20. Взимание кассационного залога отменяется, вместо такового взимается судебная пошлина, как за первую инстанцию, которая не подлежит возврату, причем в отношении расчета кассационных издержек соблюдается действовавший до сих пор порядок.

Часть шестая. О предварительном следствии

Ст. 21. Предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного суда, производится следственными

комиссиями из трех лиц, избираемых, впредь до назначения прямых выборов, Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В целях расследования дела, следственная комиссия может обратиться за содействием как к Красной гвардии или народной милиции, так и ко всем частным и должностным лицам, равно и государственным и общественным учреждениям.

Участие защиты в стадии предварительного следствия может быть ограничено по постановлению следственной комиссии, если того требуют интересы раскрытия истины, причем решения в этих вопросах подлежат обжалованию в окружном народном суде.

На определения следственных комиссий приносятся жалобы в окружной народный суд.

Ст. 22. По уголовным делам обвинительный акт заменяется постановлением следственной комиссии о предании суду. Если же таковое окружным народным судом будет признано недостаточным, то от него зависит возврат дела в следственную комиссию для доставления их одному из членов суда.

Часть седьмая. Об обвинении и защите

Ст. 23. Судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты.

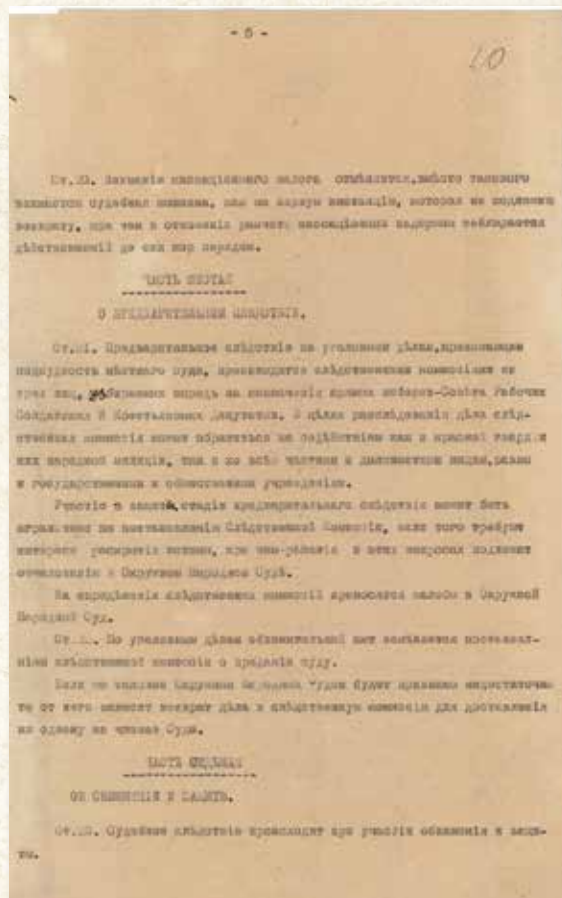
Ст. 24. При Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создается коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты.

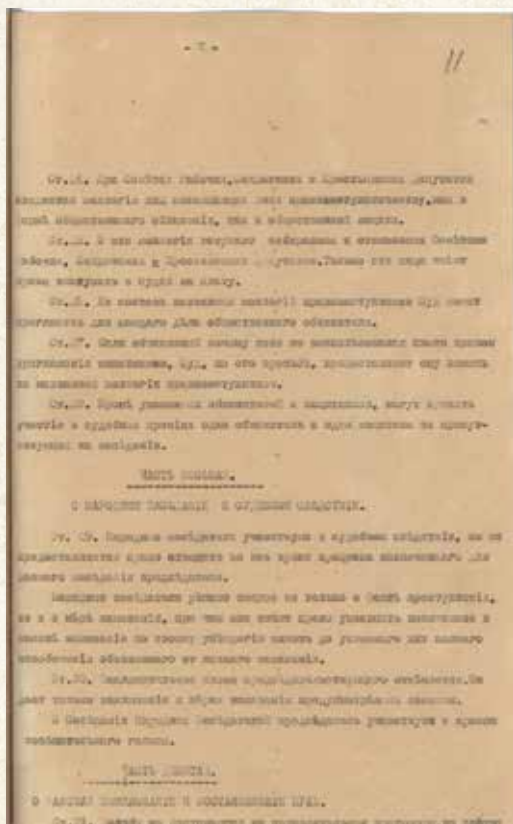
Ст. 25. В эти коллегии вступают лица, избираемые и отзывающиеся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только эти лица имеют право выступать в судах за плату.

Ст. 26. Из состава названных коллегий правозаступников суд может пригласить для каждого дела общественного обвинителя.

Ст. 27. Если обвиняемый почему-либо не воспользовался своим правом приглашения защитников, суд, по его просьбе, предоставляет ему помощь из названной коллегии правозаступников.

Ст. 28. Кроме указанных обвинителей и защитников, могут принять участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из присутствующих на заседании.

Часть восьмая. О народном заседании и судебном следствии

Ст. 29. Народные заседатели участвуют в судебном следствии, им же предоставляется право отводить во все время процесса назначенного для данного заседания председателя. Народные заседатели решают вопрос не только о факте преступления, но и о мере наказания, причем они имеют право уменьшить положенное в законе наказание по своему убеждению вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания.

Ст. 30. Заключительное слово председательствующего отменяется. Он дает только заключение о мерах наказания, предусмотренных законом. В совещании народных заседателей председатель участвует с правом совещательного голоса.

Часть девятая. О жалобах, помиловании и восстановлении прав

Ст. 31. Жалобы не допускаются на оправдательные приговоры, на смягчение наказания и на полное освобождение обвиняемого от наказания.

Ст. 32. Всем лицам, осужденным по приговорам народного суда, предоставляется право просить местный народный суд по месту жительства

просителя об условном или досрочном освобождении, а также о помиловании или о восстановлении в правах. Если местный суд придет к заключению, что ходатайство это не лишено серьезных оснований, он передает дело на рассмотрение суда по первоначальной подсудности.

Ст. 33. По всем решениям и приговорам, вынесенным действовавшими донныне судами после 25 октября 1917 г. и впредь до введения в действие настоящего Декрета, сторонам предоставляется право требовать пересмотра дела в той же инстанции.

Ст. 34. Срок обжалования как в кассационном, так и в частном порядке по всем как уголовным, так и гражданским делам устанавливается одинаковый — месячный. Подача жалоб останавливает исполнение лишь по постановлению о том первой или кассационной инстанции.

Часть десятая. Об исполнении решений и приговоров

Ст. 35. Исполнение решений и приговоров, впредь до особого декрета о выборных органах исполнения, производится в действо-

вавшим до сих пор порядке с заменой членов милиции Красной гвардией, где таковая существует.

Часть одиннадцатая. О действующих законах

Ст. 36. По гражданским и уголовным делам суд руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими донныне, лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию. Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и, вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование. Та же справедливость должна применяться в суде уголовном.

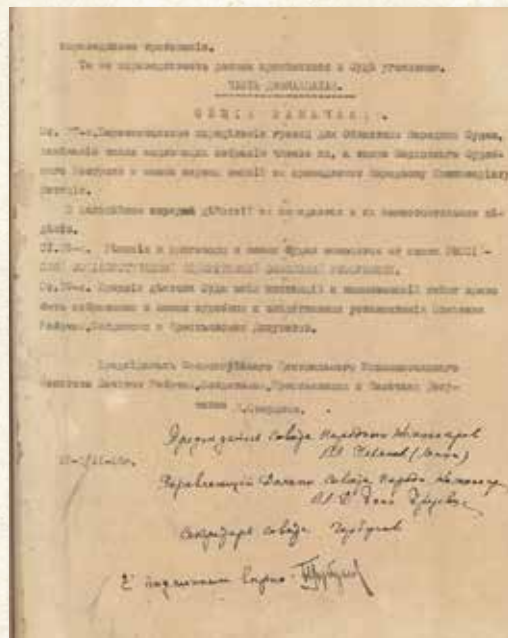
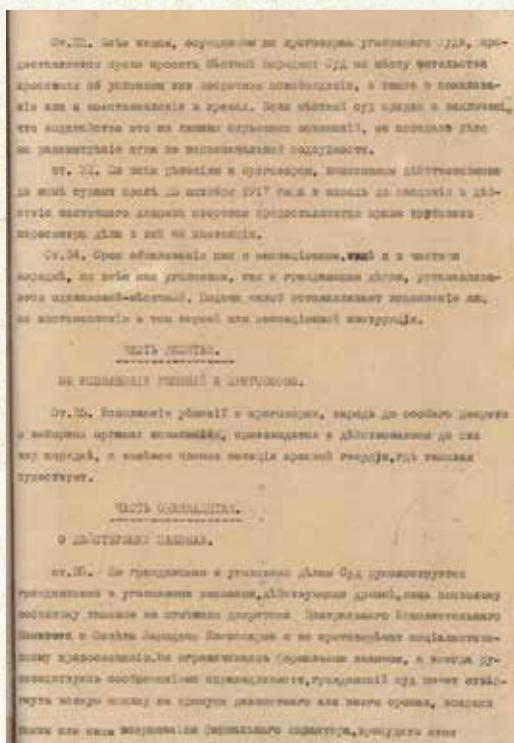
Часть двенадцатая. Общие замечания

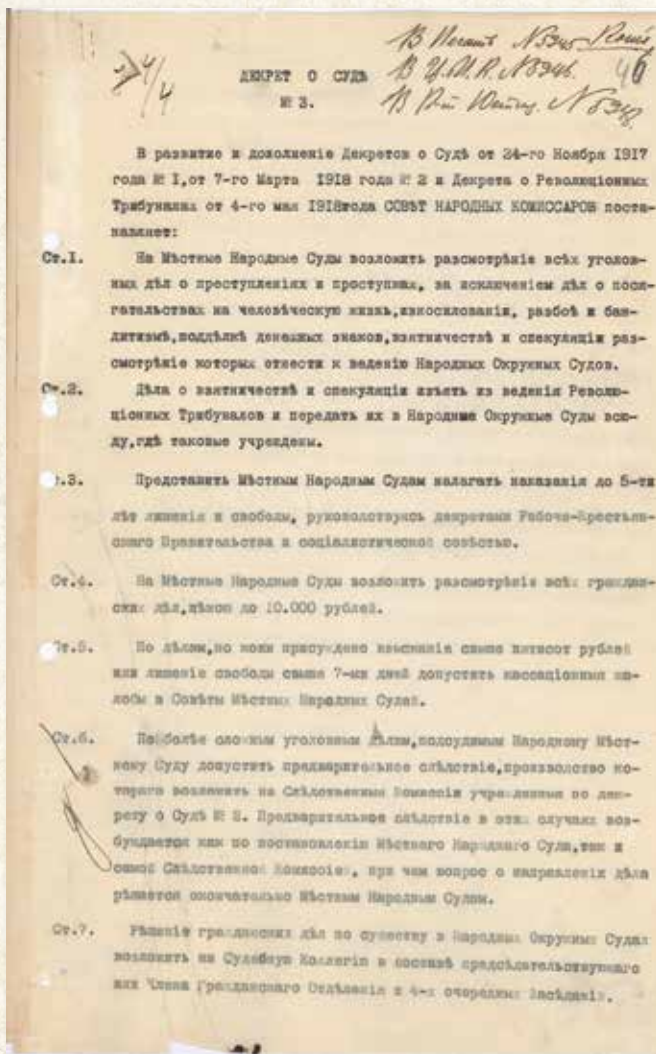
Ст. 37. Первоначальное определение границ для областных народных судов, намечение числа подлежащих избранию членов их, а также Верховного судебного контроля и созыв первых сессий их принадлежит Народному комиссариату юстиции. В дальнейшем порядок действий их передается в их самостоятельное ведение.

Ст. 38. Решения и приговоры в новых судах выносятся от имени Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Ст. 39. Прежние деятели суда всех инстанций и наименований имеют право быть избранными в новые судебные и следственные установления Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Председатель ВЦИК Я. Свердлов.
Председатель СНК Вл. Ульянов (Ленин).
Управляющий делами СНК
Вл. Бонч-Бруевич.
Секретарь Совета Н. Горбунов.

Декрет о суде № 3
20 ИЮЛЯ 1918 г.

В развитие и дополнение Декретов о суде от 24 ноября 1917 года № 1, от 7 марта 1918 года № 2 и Декрета о революционных трибуналах от 4 мая 1918 года Совета Народных Комиссаров постановляет:

Ст. 1. На местные народные суды возложить рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, рассмотрение которых отнести к ведению народных окружных судов.

Ст. 2. Дела о взяточничестве и спекуляции изъять из ведения революционных трибуналов и передать их в народные окружные суды всюду, где таковые учреждены.

Ст. 3 Предоставить местным народным судам налагать наказания до 5 лет лишения свободы, руководствуясь декретами Рабоче-Крестьянского правительства и социалистической совестью.

Ст. 4 На местные народные суды возложить рассмотрение всех гражданских дел ценю до 10 000 рублей.

Ст. 5. По делам, по коим присуждено взыскание свыше пятисот рублей или лишение свободы свыше 7 дней допустить кассационные жалобы в Советы местных народных судей.

Ст. 6. По более сложным уголовным делам... допустить предварительное следствие, производство которого возложить на следственные комиссии, учрежденные по Декрету о суде № 2.

<...>

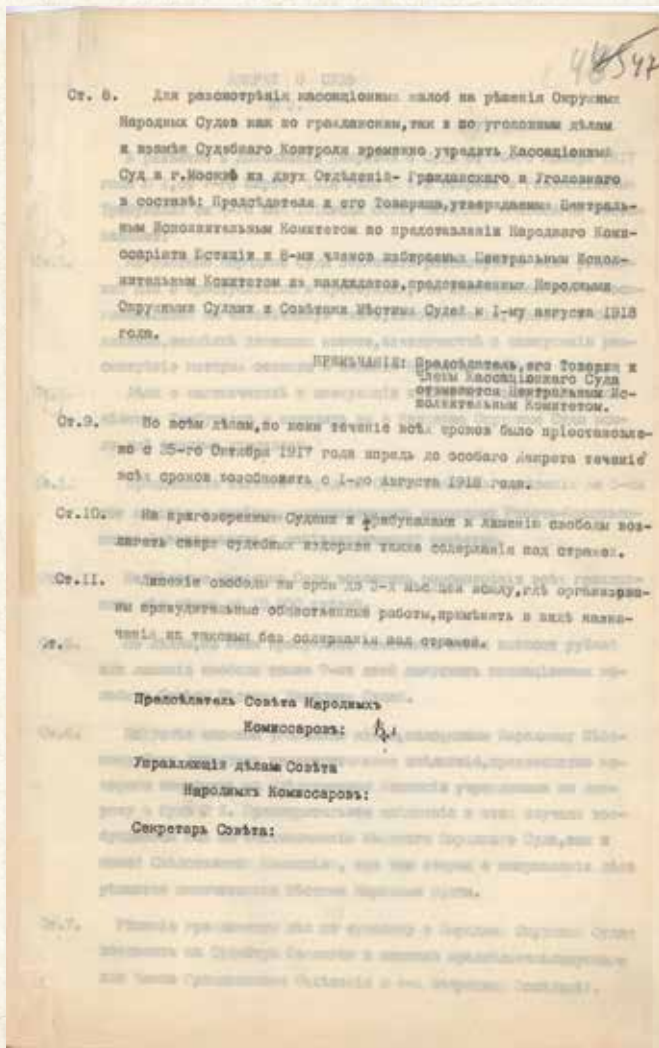
Ст. 8. Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов как по гражданским, так и по уголовным делам и взамен судебного контроля временно учредить

Кассационный суд в Москве из двух отделений — гражданского и уголовного...

Ст. 9. По всем делам, по коим течение всех сроков было приостановлено с 25 октября 1917 года впредь до особого декрета, течение всех сроков возобновить с 1 августа 1918 года.

Ст. 10. На приговоренных судами и трибуналами к лишению свободы возлагать сверх судебных издержек также [издержки на] содержание под стражей.

Ст. 11. Лишение свободы на срок до 3 месяцев всюду, где организованы принудительные общественные работы, применять в виде назначения на таковые без содержания под стражей.

Юридическое наследие

**ИДЕАЛ НОВОГО
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА¹**

Павел Иванович Новгородцев (1866—1924) — русский юрист-правовед, философ, общественный и политический деятель, историк (автор книг по истории философии права).

От нового времени мы имеем наибольшее количество политических учений, представляющих самые разнообразные направления. Более чем в какую-либо другую эпоху мысль идет здесь различными ходами, то стараясь предвосхитить будущее, то обращаясь к прошлому. Но среди этого разнообразия взглядов и направлений легко заметить один основной путь, около которого сосредоточивается все

остальное. Этот путь намечается историческим развитием новых европейских государств, приводящих все их без исключения, по некоторому непреложному закону, к одному и тому же идеалу правового государства. Развитие этого идеала до сих пор нельзя признать законченным. В конце XIX столетия правовое государство вступило в новую фазу своей эволюции. К каким результатам приведет эта новая эволюция, совершающаяся на наших глазах, трудно предвидеть. Во всяком случае, многовековое предшествующее развитие идеала правового государства выяснило его главные основания. Его образ, хотя и подлежащий дальнейшей эволюции, ясен. Мы постараемся представить здесь основные черты этого образа в той последовательности, в которой они выяснились в постепенном развитии политической мысли.

Идеал правового государства возникает и развивается, прежде всего, в противопоставлении идеалу средневековой теократии. Начиная от Макиавелли и вплоть до французских политиков наших дней основным требованием нового идеала ставится, чтобы государство было светским. В развитии нового идеала это требование является столь же существенным, как и то, чтобы государство стало правовым. Можно сказать, что оба требования вытекают из одного источника — из стремления к единому и обязательному для всех правовому порядку. Тягостное раздвоение, внесенное в христианские общества борьбой духовной власти со светской, заставляет представителей нового идеала стремиться к единству под верховенством светской власти. Марсилиус Падуанский в своем *Defensor pacis* явился предвестником этого течения, которое затем с резкой крайностью

¹ Привод. по: Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. М. : Высшая школа, 1914.

нашло свое выражение у Макиавелли и явилось характерной особенностью таких выдающихся политических писателей нового времени, как Боден и Гоббс, Локк и Руссо. Когда в знаменитом месте «Общественного договора» Руссо встречаем похвалу Гоббсу за то, что он был «единственный из христианских авторов, который видел и зло, и средство к его исцелению», и когда мы находим у него суровые требования общественного единства, мы чувствуем, что и в XVIII веке старая вражда к раздвоению общества, порожденному борьбой за теократический идеал, сохранила свою силу. Но более того: и в современной борьбе французского государства с клерикализмом мы наблюдаем отзвуки того же старого спора. Когда же здесь высказываются стремления к проведению до конца светлого идеала, это не более как продолжение той борьбы, первые проявления которой замечаются в Средние века. Протестантские страны сумели потушить старую вражду и найти известное равновесие церковного и светского элементов. В странах католических этого равновесия нет и до сих пор, и то решение вопроса, которое, казалось, было найдено в отделении церкви от государства, на практике не принесло полного успокоения. Первое государство стоит тут, во всяком случае, перед проблемой, которую нельзя считать решенной до конца, и это может быть потому, что мы имеем здесь дело не только с проблемой политики и права, но и с проблемой культуры. В борьбе светского идеала с церковным проявляется борьба двух культурных систем, из которых каждая стремится к распространению своих начал. Найти выход из этой борьбы в тех странах, где она не привела еще к прочному примирению, есть задача будущего. Очевидно, она заключается в разграничении сфер влияния церкви и государства, соответственно существенному призванию каждого из них. Но как в Средние века церковь старалась подчинить нравственному единству одинаково и духовную, и гражданскую область, так в Новое время государство стремится иногда распространить свое единство и в сферу нравственного влияния. По крайней мере, во Франции, в начале XX века, мы слышим о «клерикализме наизуворот» и о стремлении «превратить государство в церковь» — путь, который указал правовому государству еще Руссо, требовавший установления особой государственной религии, обязательной для всех граждан. Это — любопытный признак того, что в борьбе с теократическим идеалом правовое государство хочет заимствовать у него главную силу и в своеобразной форме возродить его основную идею.

В свое время церковь, явившись на смену античному государству, произвела переоценку прежних идеалов и понятий. Добродетели языческого мира, его герои, его идеалы — все это поблекло и потускнело пред новыми задачами христианской добродетели, нравственного подвижничества, аскетического отрешения от жизни. Церковь была объявлена царством Божиим, а государству была отведе-

Марсилий ПАДУАНСКИЙ (род. около 1270) — средневековый схоласт, политический философ, теоретик светского государства.

Жан БОДЕН (1529/1530—1596) — французский политик, философ, экономист, юрист, член парламента Парижа и профессор права в Тулузе.

Никколо МАКИАВЕЛЛИ (1469—1527) — итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель — занимал во Флоренции пост секретаря второй канцелярии, отвечал за дипломатические связи республики.

на низшая и служебная роль военного и полицейского учреждения, причем и это второстепенное служение признавалось незаконным, если государи не получали своего меча из рук церкви и не обращали его на ее защиту. В политических теориях Нового времени первое место отводится государству, и в соответствии с этим у наиболее горячих сторонников его производится новая переоценка человеческих идеалов. У Макиавелли, у Гоббса, у Руссо государство становится источником нравственной жизни людей, занимает место церкви; самая религия оценивается с точки зрения государственного принципа. У Гегеля государство получает название «земного бога»; чрез него и в нем проявляется нравственная идея на земле: тут воспроизводится в абстрактных терминах идея божественности и боговдохновенности, причем эти качества в новом идеале приписываются государству. Снова возвеличивается мир земной, светский, политический, и пред ним сфера церковная отступает на второй план. И подобно тому, как в Средние века последней мечтой церковной философии было объединение всех людей под нравственным авторитетом церкви, так и здесь, в философии Канта, высшей целью истории объявляется объединение всего человечества под господством единого и равного для всех права.

Томас ГОББС
(1588—1679) — *английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета.*

Таково внешнее соотношение двух идеалов — нового и средневекового. Но спрашивается: представляется ли столь же глубоким их внутреннее противоречие, соответствует ли оно их видимому разногласию? Ответ на это намечается сам собой, в связи с общим представлением о ходе исторического развития. Подобно тому, как средневековая церковь, провозглашая отрешение от мира, не могла упразднить земных интересов и светских начал, и сама прониклась ими, так и новое государство, как ни резко противопоставляло оно себя церковному идеалу, не могло отрешиться от христианского духа, которым проникнуто нравственное сознание новых народов. Вл. Соловьев

хорошо заметил, что «неверующие двигатели новейшего прогресса действовали в пользу истинного христианства» и что «социальный прогресс последних веков совершился в духе человеколюбия и справедливости, т.е. в духе Христовом». В этом смысле неверующие либералы Нового времени вносили даже известное расширение в христианский идеал, раскрывали новую сторону его положительного общественного осуществления. Средневековый идеал, напротив, выдвигал на первый план задачу личного душеспасения и с этой стороны требовал выполнения своих индивидуалистических начал.

Но это необходимое соотношение двух идеалов раскрывается нам с другой стороны. Последовательное развитие идеала светского государства должно было поставить перед ним вопрос, на какие силы он может опираться для достижения своих целей. Сводя всю жизнь к единству власти и права, оно должно было увидеть, что этих начал недостаточно для того, чтобы основать на них прочный порядок, и вот почему теоретики нового государства так настойчиво заявляют о необходимой связи права с нравами и нравственностью. С конца XIX века, когда правовое государство вступило на путь социальных реформ, что бесконечно усложнило его задачи, подобные заявления слышатся громче, чем когда-либо; и мы присутствуем при любопытном зрелище, как государство, в начале про-

шлого века объявленное божественным и всемогущим, постепенно лишается своего прежнего величия, заявляет об ограниченности своих сил и делает призыв к факторам нравственным — к воздействию общественного мнения, к благотворному влиянию воспитания, к деятельности частных обществ и организаций. Мы наблюдаем лишь первые проявления этого процесса и не знаем еще, к чему он приведет: окончится ли он признанием необходимости нового синтеза политических начал с религиозными и церковными или выразится в каких-либо иных формах организованного влияния нравственных элементов, это откроется лишь будущему.

Светское государство — это только одна сторона нового идеала. Рядом с ней постепенно раскрывается и другая сторона: новое государство должно быть светским и правовым. Но как в первом отношении — в стремлении к приведению светских начал — новый идеал нельзя признать законченным и счастливо преодолевшим все затруднения, так не находим мы этой законченности и в другом направлении — в требовании государства правовых принципов. В середине XIX века могло казаться, что в этом отношении достигнут известный предел в формах парламентарного и демократического государства, осуществляющего равенство и свободу. Но, не говоря уже о том, что позднейшее развитие обнаружило эволюцию этих форм, с одной стороны, в смысле сочетания представительства с референдумом и иными формами народоправства, а с другой — в смысле усиления исполнительной власти, и принципы равенства и свободы также подверглись эволюции. Для современного взгляда то понимание равенства и свободы, которое со времени Французской революции считалось выражением истинных задач правового государства, признается формальным и отрицательным, теперь требуют иного положительного осуществления этих начал, причем деятельность государства в этом направлении не имеет строго определенных границ. Эволюция правового государства в этом отношении касается, прежде всего, его функций; но это изменение функций не может не отразиться и на его организации. Мы снова подходим здесь к такому пункту в новом политическом идеале, определение которого есть дело будущего. Невозможно ожидать, чтобы в результате этой эволюции, поскольку мы можем ее предвидеть, правовое государство перестало быть правовым. Когда социалисты говорят иногда о государстве будущего как о некоторой противоположности правовому государству, здесь происходит просто смешение понятий. Современные правовые учреждения могут быть отменены, но на их место станут другие правовые учреждения, ибо государство вне права немыслимо, если, конечно, оно не обратится в нравственное общение, но в таком случае оно перестанет быть и государством.

Из этого видно, что идеал правового государства до сих пор находится в состоянии эволюции. Но и в этом отношении к предшествующему времени мы можем заметить такую же эволюцию этого идеала: он сложился не вдруг, черты его выяснились постепенно, по мере развития политической мысли. У первых выразителей его мы не сразу открываем связь с позднейшими учениями. Тем не

Джон ЛОКК
(1632—1704) —
английский педагог
и философ, предста-
витель эмпиризма
и либерализма.

Жан-Жак РУССО
(1712—1778) — фран-
цузский философ, пи-
сатель, мыслитель
эпохи Просвещения.
Виднейший пред-
ставитель сенти-
ментализма. Его на-
зывают предтечей
Великой французской
революции.

менее, на всем протяжении Нового времени можно проследить ясную и прямую линию, через которую проходит одна и та же общая мысль. Эта мысль, лежащая в основе идеала правового государства, уже упомянута нами выше: она сводится к требованию единого и равного для всех права. С этим, как мы сказали, связывается и стремление к светскому идеалу, устраняющему двойственность правоотношений.

Джордано БРУНО
(1548—1600) — *итальянский монах-доминиканец, философ-пантеист и поэт; автор многочисленных трактатов. Признан выдающимся мыслителем эпохи Возрождения и великим представителем эзотеризма.*

Первые теоретики нового правового идеала, как Боден, Гоббс, остановились на требовании, чтобы государство стало суверенным и единым. В их учениях видели иногда апологию абсолютизма и произвола; на самом деле они стоят в прямой связи с позднейшими теориями правового государства, что подтверждается, между прочим, и тем обстоятельством, что теория государственного суверенитета, развитая Боденом, воспроизводится и в государственном праве XIX века, а от Гоббса ведет свое происхождение в Англии так называемая аналитическая школа юриспруденции, которая также выражает взгляды Новейшего времени. Требование суверенного и единого государства в своей идеальной основе выражает не что иное, как устранение неравенства и разнообразия прав, существовавших в Средние века. При раздробленности феодального

государства право человека определялось его силой и силой той группы, к которой он принадлежал. Новое государство призвано было совершить процесс уравнивания общественных элементов и превратить сословное общество с его многочисленными делениями в общество гражданское, построенное на начале равной правоспособности. Для этого оно должно было уничтожить между собой и гражданами все посредствующие ступени властвования и подчинить всех единому и общему для всех закону. Суверенное государство должно было уничтожить тот строй, на почве которого создавались бесправие и неравенства, выделения и исключения, привилегии и монополии. Таков был идеальный смысл той политической теории, которая была создана не в противовес феодальному порядку отношений. Если эта идеальная цель осуществилась не сразу, это зависело от особых условий исторического развития, но принцип суверенного государства полагал для нее прочный фундамент — требование единого и равного для всех права.

Джулио Чезаре ВАНИНИ
(1585—1619) — *итальянский философ-вольнодумец.*

Это была, однако, лишь первая ступень в развитии правового идеала Нового времени. Требуя подчинения всех граждан единому и равному для всех праву, он должен был затем включить в свое содержание и новое требование, чтобы этому праву была подчинена и сама государственная власть. Найти условия для правомерного существования власти, сделать право основанием государственной жизни, обеспечить равенство и свободу не только в отношениях между гражданами, но и в отношении к ним государства — такова была новая цель,

которая была выдвинута дальнейшим развитием политической мысли. Основное значение в формулировании этих начал принадлежит английским и французским учениям. Выработанные ими определения кажутся в настоящее время элемен-

тарными и простыми, но именно потому, что они стали общим достоянием, к которому все привыкли.

Политическая доктрина Французской революции придала идеалу правового государства, подготовленному долгими усилиями предшествующего развития мысли, ясные и твердые основания. Провозгласив, с одной стороны, идею народного суверенитета, а с другой — неотчуждаемые права личности, она утвердила те основания, на которых и до сих пор покоится теория правового государства. Однако самые эти основания не представлялись столь простыми и бесспорными, чтобы стать незыблемыми аксиомами политической мысли. Критическая мысль XIX века подвергла разностороннему анализу как эти основания, так и их взаимоотношение, и теперь, в начале XX столетия, мы имеем все данные утверждать, что теория правового государства переживает третью стадию своего развития, если первой признать учение о суверенном государстве, нашедшее наиболее часто выражение у Бодена, а второй — доктрину Французской революции (подготовленную английскими учениями XVII века). Основной особенностью этой третьей стадии является новое понимание прав личности, равенства и свободы. Это понимание приводит современное государство к такому решению своих задач, которое далеко оставляет за собой прежние представления. В связи с этим подвергаются пересмотру и иначе формулируются все основания старой теории.

Джованни ДОМЕНИКО (1568—1639) — итальянский философ, утопический коммунист. В 15 лет ушел в монастырь ордена доминиканцев, где изучал сочинения античных мыслителей, особенно Аристотеля, средневековых теологов (Фомы Аквинского и др.), натурфилософов эпохи Возрождения.

Зарождение новой философии права

Когда историки хотят обозначить эпоху, в которой следует искать зарождения новых идей о праве и государстве, обыкновенно указывают на XVI век, в юридико-политической литературе которого скрываются зачатки всей позднейшей философии права. Более тщательное исследование генезиса новых идей заставило бы нас взойти гораздо далее, в глубь Средних веков, где мы, после любопытных работ Гирке и Бецоляда все более привыкаем отыскивать первые проблески естественно-правовых теорий и демократических учений, ознаменовавших собой развитие Нового времени. В особенности XIV столетие, с его смелой борьбой против пап, с новыми учениями о демократической основе не только государства, но и церкви, привлекает наше внимание, когда мы изучаем происхождение новой политической мысли. Трактаты Вильгельма Оккама и Марсилия Падуанского являются в этом отношении особенно любопытными. Несомненно, однако, что только в XVI веке эти зачатки приобретают ту степень зрелости и законченности, которая позволяет нам говорить о них как о признаках наступления новой эры. Та пора, когда теократия господствовала над умами, в этом году проходит безвозвратно. Многие сознают, что для папства настал час расплаты за старые грехи. «Когда припоминаешь первоначальный дух церковных установ-

Галилео ГАЛИЛЕЙ (1564—1642) — итальянский физик, философ, математик, оказавший значительное влияние на науку своего времени.

Пьер АБЕЛЯР
(1079 — 1142) — *средневековый французский философ-схоласт, теолог, поэт и музыкант. Один из основоположников и представителей концептуализма.*

лений и сравниваешь, насколько удалась от него практика, начинаешь понимать, что мы находимся накануне крушения или возмездия», — так писал в начале XVI века Макиавелли, как бы предсказывая близкое наступление протестантизма. Симптомы нового настроения всюду сказываются; их незачем более искать под оболочкой схоластических мудрствований, как это приходилось делать за два века до того, в момент первых взрывов протестующей мысли. Запретные идеи высказываются с небывалой определенностью и с неслышанной смелостью.

Если нужно в немногих словах выразить общее стремление нового настроения мысли, то для этого стоит лишь вспомнить формулу, которая давным-давно устроена историками для обозначения всего этого движения. Освобождение мысли от церковных авторитетов и утверждение светских начал развития — вот основные черты, которые одинаково отмечают и политические, и общественные, и философские течения эпохи. Медленным и трудным процессом совершается это освобождение. Католическая церковь, привыкшая к владычеству над миром, употребляет все усилия, чтобы поддержать свое падающее влияние. По-прежнему ее строгие кары поражают смелых новаторов, пытающихся проложить путь свободному исследованию. И даже в XVII веке, после того как Реформация стала совершившимся фактом, церковные рассуждения поражают многих героев новой мысли. В 1600 году был сожжен в Риме один из провозвестников новой философии — Джордано Бруно; 19 лет спустя в Тулузе был сожжен другой философ — Ванини; с 1599 по 1626 год томится в тюрьмах инквизиции Кампанелла; в 1632 году подвергается заточению Галилей. Но никакие кары не могли остановить могучего потока свободомыслия.

Фома АКВИНСКИЙ
(1225—1274) — *итальянский философ и теолог, канонизирован католической церковью как святой, систематизатор ортодоксальной схоластики («князь философов»), основатель томизма; с 1879 г. признан наиболее авторитетным католическим религиозным философом, который связал христианское вероучение (в частности, идеи Августина Блаженного) с философией Аристотеля.*

Когда Галилей, измученный допросами инквизиции и вынужденный словесно отречься от движения Земли, в конце концов, воскликнул: «И все-таки она движется», его устами говорила целая эпоха, которая, несмотря ни на что, продолжала идти свободными путями.

Целый ряд причин обусловил собой это освободительное течение, которое отнюдь не следует соединять с каким-либо частным его проявлением. Некоторые из немецких писателей склонны приписывать всю заслугу разрушения старых основ протестантскому движению и порожденному им духу свободы. Но протестантизм, как на этом справедливо настаивает Виндельбанд, был не причиной, а лишь одним из проявлений этого духа. На самом деле новое направление мысли было обусловлено по преимуществу тем духовным ростом европейского общества, который медленно, но неизменно совершался в течение всех Средних веков и особенно усилился со времени крестовых походов. Было бы ошибочно смотреть на Средние века исключительно как на тягостный перерыв в культурном развитии Европы. Конечно, эта эпоха не была непосредственным продолжением высокой умственной жизни древнего мира. Но здесь, под цивилизующим влиянием христианства и при помо-

щи великих авторитетов древности, начинается свое собственное развитие, полагающее первые основы западноевропейской культуры. Каковы бы ни были недостатки средневековой церкви, ее культурное значение не может подлежать сомнению. Самая схоластика, которая в наше время считается синонимом ложной философии, смесью школьного педантизма и бесплодного умствования, сыграла немаловажную роль в деле философского развития. При всех заблуждениях своих она, несомненно, способствовала как изощрению логического мышления, так и поддержанию научного интереса. Не забудем также и того, что по самой задаче своей она включала в себя рационалистический элемент и в этом отношении явилась преддверием новой философии. Целью ее было оправдание при помощи разума догматов церкви, переводение этих догматов на язык логического мышления.

Но эта работа сама собой пробуждала рационалистические силы духа и рано или поздно должна была привести к более смелому полету их. Примирить разум и церковное вероучение удавалось не всегда, а это являлось источником сомнений. Первым схоластикам, вроде Ансельма Кентерберийского, людям твердой веры, легко было говорить, что в случае подобных сомнений они готовы преклонить голову и смириться. Позднее это было не так легко. Пример Абеляра, наделавшего в XII веке столько шума своим философским истолкованием догмата о Троице и всем своим рационалистическим направлением, показал церкви, сколь опасной может явиться философия для твердости ее вероучений. Несмотря на расцвет схоластики в XIII веке и блестящий успех учений Фомы Аквинского, доверие к схоластической философии постепенно падает, одни видят в ней угрозу против незыблемости церковных догматов, другие считают ее слишком ограниченной и связанной обязательным подчинением церковному авторитету. Рано или поздно она должна была потерять свой кредит; но воспитанное ею мышление обратилось к другим задачам и вступило на путь самостоятельного философствования.

Но, при всех своих воспитательных заслугах, средневековая культура отличалась известной стереотипностью и связанностью. Кажется, не надо разъяснять, насколько общему духу католической церкви соответствовало стремление уловить и замкнуть вечный поток мысли в некоторые твердые формулы и стереотипные положения, которые должны были затем повторяться веками. Но могло ли надолго помириться с этим человеческое мышление, которое, по самой природе своей, отличается свойством прогрессивной подвижности? Воспитавшись под сенью средневековой культуры, мысль начинает, наконец, проситься на свободу, а здесь подоспели влияния со стороны, и старые преграды были прорваны. Бежавшие из Византии, после завоевания ее турками, греки привезли с собой в Италию богатые сокровища древней философии и поэзии, известные прежде на Западе. Почти одновременно с этим совершается целый ряд открытий географических, астрономических, физических и иных, изменивших кругозор тогдашнего общества. Наступает эпоха необыкновенного оживления мысли, которая очень хорошо названа эпохой Возрождения. Книжная мудрость, затверженная веками, не удовлетворяет никого более. После медленного и едва заметного движения

Бернардино ТЕЛЕЗИО

(1509—1588) — итальянский учёный и философ. Окончил Падуанский университет в 1535. Основное сочинение — «О природе вещей согласно её собственным началам» (1565; 9 книг в 1586).

ПАРАЦЕЛЬС
(1493—1541) — знаменитый швейцарский философ, естествоиспытатель, натурфилософ эпохи Возрождения.

вперед, которое было единственно возможным в Средние века, теперь наступает пора смелых предприятий и гениальных исследований, самая мысль о которых являлась ранее невозможной. Всюду обнаруживается стремление к новому и неизведанному; всюду полагаются новые пути и открываются новые горизонты.

Два интереса являются особенно характерными для этого времени: гуманистический и натурфилософский. Представление о гуманизме связывается с тем возрождением древней культуры, которое дает имя всей этой эпохе. Древние писатели изучались прилежно и в Средние века, но здесь они употреблялись с исключительной целью служить логическим фундаментом для чуждого им здания для церковной догмы. Теперь они получают интерес сами по себе; и притом это был уже не тот урезанный и приспособленный к церковным потребностям Аристотель, которым по преимуществу, пробаивались в Средние века. Теперь становятся известными и весь Платон, и стоики, и эпикурейцы: даже Демокрит, Эмпедокл и другие второстепенные философы древности находят вновь своих почитателей. На этой

Иеремия (Джереми) БЕНТАМ
(1748 — 1832) — английский философ-моралист и правовед, социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма, родоначальник одного из направлений в английской философии — утилитаризма.

почве увлечения древностью и вырастает гуманизм, который был первым проявлением светской образованности в новое время. От божественного теперь обращаются к человеческому, от *divina* к *humaniora*; не у церковных богословов хотят черпать отныне поучение, а у древних языческих философов, которые рассуждали и писали с полной свободой мысли, вне всяких шаблонов и ограничений. Впервые прежней культуре была противопоставлена светская, впервые два различных направления мысли, отличающихся одно от другого и по своим приемам, и по своим основам, столкнулись между собой. В Средние века происходила также борьба партий и направлений; но эта борьба совершалась на одной и той же почве церковных воззрений. Все черпали свои аргументы из одной и той же церковной философии. Разница мнений сводилась, в конце концов, к различному толкованию тех же текстов Священного

Писания. Теперь светская мысль идет своей особенной дорогой и утверждениями церковных философов противопоставляет свои самостоятельные доводы. Гуманизм был первым проявлением мысли, отрешившейся от средневековых авторитетов. Но это было только начало.

Постепенно от изучения древних философов переходят к попыткам самостоятельного творчества и собственными силами стараются проникнуть в тайны бытия, и что особенно характерно для этой эпохи, теперь проявляется стремление к изучению природы. Для средневекового человека природа была закрытой книгой. Ум был направлен на изучение божественного, притом же таинственные силы природы считались управляемыми дьяволом и овладеть ими казалось греховным. Теперь натурфилософия становится одним из самых привлекательных предметов изучения. Парацельс, Кардан, Телезий, Патриций и, наконец, величайший философ этой эпохи Джордано Бруно — таковы главнейшие представители этого натурфилософского направления. У Джордано Бруно мы с особенной

ясностью можем видеть, какой переворот совершился в умах в течение эпохи Возрождения. В его системе природа является не областью греха и проклятия, какой она представлялась в Средние века, а естественным истечением божественной сущности, царством красоты и порядка, в котором проявляет себя Бог. Бруно усваивает пантеистическую точку зрения. Система его часто переходит в восторженный гимн природе.

Конечно, в эту эпоху, которая лежит на самом рубеже Средних веков, дают еще себя чувствовать следы недавнего прошлого. После того как в течение столь долгого времени думали и рассуждали по чужой указке, не сразу могли привыкнуть к полной свободе мысли. Гуманисты на первых порах и по приемам мысли, и по характеру своих интересов во многом еще напоминают схоластиков. К древним писателям по-прежнему относятся с суеверным почтением и смиренно преклоняются пред их авторитетом. Но это преклонение постепенно уступает место чувству полной независимости, которое порой принимает форму самопревознесения. Приведем в пример хотя бы Петра Рамуса, который с такой запальчивостью нападает на Аристотеля, объявляя, что вся его философия ложна. Было, конечно, слишком самонадеянно, когда Рамус Аристотелевой логике, и до сих пор выдерживающей все испытания времени, противопоставлял свою собственную; но в этой смелой критике, казавшейся в те времена для многих неслыханной дерзостью, проявлялся тот свободный дух, который обещал для будущего самостоятельность и самобытность философской мысли.

Таковы были умственные течения, среди которых зарождается новая философия права. Следует ли удивляться тому, что и в этой области замечается коренной переворот в умах. Это было тем более естественно, что жизнь выдвигала на очередь новые вопросы, которые требовали своего обсуждения. XVI век был эпохой великих столкновений: с одной стороны, здесь продолжается завязавшаяся ранее борьба между феодальной анархией и утверждавшейся все более и более государственной властью; с другой стороны, происходит столкновение порожденных Реформацией элементов с теми силами, которые стали на защиту единоспасающей церкви. И в то время как теоретики крепкой государственной власти возрождают древнее понятие о государстве, сторонники религиозной свободы развивают ряд либеральных и демократических учений, которые в пылу полемики получают радикальный характер. Наконец, и народные массы находят здесь своих представителей. Томас Мор, а вслед за ним Кампанелла возрождают коммунистическое учение Платона и напоминают общественному сознанию о бедных и обездоленных классах.

**Анри-Бенжамен
Констан де РЕБЕК**
(1767—1830) — французско-швейцарский писатель, публицист, политический деятель времен Французской революции, бонапартизма и Реставрации.

Лоренц фон ШТЕЙН
(1815—1890) — немецкий философ-гегельянец, правовед, историк, экономист, советник японского правительства, автор идеи социального государства.

Адемар ЭСМЕН
(1848—1913) — выдающийся французский юрист в области истории права и государственного права. Преподавал с большим успехом различные отрасли юридической науки сначала в Дуэ, потом в Париже. В 1889 г. была создана в юридических факультетах особая кафедра истории французского права и современного государственного права Франции, которую Эсмен и занял в Париже.

Таким образом, все главнейшие направления, с которыми приходится ведать-ся обыкновенно историку юрико-политических учений, находят здесь своих представителей. Мы рассмотрим последовательно все эти учения и начнем с теории крепкой государственной власти, которая нашла своего яркого выразителя в лице Макиавелли.

Уолтер БЭДЖЕТ
(1826—1877) — британский экономист и политический философ XIX в., представитель манчестерской школы в политической экономии. В 1867 г. написал книгу «*The English Constitution*», в которой детально исследовал государственное устройство Великобритании, особенно функционирование парламента и британской монархии, и сравнивал систему британского и американского правительства. Книга признана образцовой и была переведена на многие иностранные языки.

Общий взгляд на развитие политической мысли во второй половине XIX столетия

Бентам, Бенджамен Констан, Гегель, Лоренц Штейн характеризуют с разных сторон господствующее направление государственной науки, как оно сложилось в разных странах Европы в первой половине XIX века. Если мы сравним с их учениями те положения, к которым пришла политическая мысль в своем последующем развитии, мы должны будем отметить целый ряд важных и существенных перемен. Если во вторую половину истекшего столетия мы не встречаем в области политики ярких и руководящих писателей, это не значит, чтобы этот период не ознаменовался постановкой новых проблем. Движение мысли совершается тут менее заметно, с меньшим шумом, но это не мешает ему быть глубоким и непрерывным.

Определяя в немногих словах ту перемену, которая произошла в общем направлении политической мысли к началу XX века, мы должны сказать, что старые идеи подверглись здесь существенной переработке. Идея народного суверенитета, принцип разделения властей, принцип личных прав — все эти начала старой политической доктрины в наше время получают иное определение и иное политическое значение. Хотя и до сих пор можно указать сторонников старой конституционной школы, самым выдающимся из них следует признать французского писателя Эсмена, хотя в современной литературе есть даже и писатели, некоторыми идеями совпадающие с представителями реакционной доктрины начала XX века Галлером — таков немец-

кий юрист Зейдель; однако рядом с этим вырабатываются новые взгляды, далеко отклоняющиеся от формул политической теории первой половины прошлого века.

Тот преимущественный интерес, который ранее принадлежал конституционной монархии, считавшейся наилучшим воплощением идеала правового государства, постепенно переходит к представительной демократии, которая, как показывает пример Англии, может сочетаться и с монархическим началом. С другой стороны, опыт применения республиканских форм в Соединенных Штатах Северной Америки и во Франции показал, что эти формы не носят в себе непременно семян разложения, как предполагал Лоренц Штейн, хотя и он уже должен был сделать оговорку для Северной Америки. Таким образом, противоположение монархии и республики утратило свое прежнее теоретическое значение. Вместе с тем центр тяжести был перенесен на вопросы внутренней организации управления и пред-

ставительства. В этом отношении последовательно были выдвинуты вопросы о местном самоуправлении, о референдуме, об организации всеобщего избирательного права, об усилении исполнительной власти при соответствующем укреплении ее зависимости от народа путем непосредственного избрания.

В связи с утверждением повсюду конституционных форм английская конституция перестает играть то руководящее значение для политической мысли, которое принадлежало ей ранее, со времени Монтескье. Она становится лишь одним из конкретных примеров правового государства, имеющим

и свои бесспорные преимущества, но также и свои недостатки. В самой Англии раздаются весьма авторитетные голоса не только в пользу реформы некоторых сторон ее политического устройства (в этом направлении уже и осуществлено весьма важное требование прав верхней палаты), но также в пользу заимствования новых учреждений, как напр., референдума, успевшего обнаружить свои достоинства в Швейцарии. Но независимо от этих предположений английская конституция не только со времен Монтескье и Бентама, но даже с тех пор, как писал о ней Беджгот (в начале 60-х годов прошлого века), значительно изменилась. Беджгот справедливо выдвинул в английском строе его значение как системы самоуправления общества, на эту сторону школа Бенжамена Констана, сосредоточившая свое внимание на вопросе об организации власти, не обратила внимания, а для Лоренца Штейна такое указание могло бы только подтвердить его мысль об отступлении английского парламента от начала самостоятельности государства по отношению к обществу. Не отрицая основного факта, раскрытого Беджготом, следовавшие за ним писатели — Дайси и особенно Сидней Лоу — указали в позднейшей эволюции английского парламентаризма новое явление — возросшую власть кабинета министров, по существу руководящего в настоящее время и исполнением, и законодательством. Старая теория разделения властей, с ее стремлением подчеркивать их обособление, совершенно ниспровергается этим явлением, свидетельствующим, как раз наоборот, об усилившейся их связи и взаимной зависимости. Никто не станет теперь видеть секрета английской свободы в теории Монтескье; объяснение ее мы скорее найдем в указании Беджгота, которое, впрочем, сделалось и общим положением государственной науки, что в Англии власть носит характер, зависимый и ответственный по отношению к обществу. Само собой разумеется, что остается в силе та сторона теории разделения властей, которую никто не оспаривает и которая заключается в требовании распределения функций между разными органами. И в свое время теория Монтескье имела значение главным образом в том отношении, что она противопоставлялась неорганизованному сочетанию отдельных функций в руках власти независимой и безответственной.

Опыт широкого применения конституционных форм на континенте Европы успел обнаружить, наряду с их превосходством, по сравнению с прежними формами, также и их несовершенство. В этом отношении наибольшее внимание выпадает на долю того политического элемента, который является жизненным нервом правового государства, т.е. системы представительства. Победоносное распространение идеи всеобщего избирательного права далеко не разрешило

Георг ЕЛЛИНЕК
(1851—1911) —
немецкий юрист, госу-
дарствовед, предста-
витель юридического
позитивизма.

задачи правильного представительства народной воли. Если, и вообще говоря, эта задача не разрешима вполне, то здесь возможны усовершенствования. В сторону этих усовершенствований или, как выражается французский писатель Бенуа, в сторону организации всеобщего голосования, и направляются усилия современной политической мысли. Условий для такой организации ищут или в переходе к пропорциональным системам, или в представительстве профессиональных групп, или, наконец, в особой организации самых выборов. Требование референдума, высказываемое различными писателями в Англии и Франции, по существу имеет ту же цель — обеспечить наилучшее выражение народной воли. Сюда же следует отнести и ожидания, поддержанные в последнее время и Еллинеком, что развивающаяся самоорганизация общества, объединяя отдельных лиц во множестве взаимно перекрещивающихся групп, вместе с тем вызовет к жизни новые силы для выражения народных нужд, помимо официально признанных органов правительства и представительства. Приведет ли эта самоорганизация к переустройству государства на новых началах, как это предполагает Дюги в своем новейшем труде (*Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'Etat* 1908), или же только к восполнению существующих государственных органов новыми органами для выяснения интересов отдельных общественных групп, во всяком

Леон ДЮГИ
(1859—1928) — французский юрист, специализировавшийся на публичном праве и прибегавший к так называемому методу социологического позитивизма. Профессор, а затем декан университета Бордо. Яркий защитник теории общественной службы, он, с другой стороны, настаивал на социальной функции права собственности и разработывал важную критику института государства, которое для него была лишь одним из возможных способов управления, неустойчивой формой, которая могла исчезнуть.

случае, остается незыблемой основная идея устройства правового государства путем самоуправления общества на началах представительства. В этом самоуправлении по-прежнему видят лучший способ для охраны индивидуальных прав и утверждения свободы; но вместе с тем ищут для него новых формул и форм, которые могли бы наилучшим образом утвердить идею, по существу непререкаемую и бесспорную.

Однако, как далеко ни идут представители государственной науки в вопросе о представительстве современного государства, они все же сохраняют и ту, другую идею — единства государства и права, которая с самого начала была противопоставлена началу средневековой раздробленности. Писатели, наиболее близко подходящие к идее расслоения общества по группам и профессиям, как Бенуа и в особенности Дюги, все же твердо стоят за идею единого государства, контролирующего и наблюдающего за разнообразием входящих в него групп. С этой точки зрения нападки Дюги на принцип суверенитета представляются не более как недоразумением, так как они касаются не идеального существа этого принципа, а той внешней оболочки, с которой он сочетался иногда в истории, т.е. идеи всемогущего и всевластного государства.

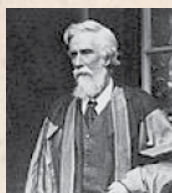
Но более существенные перемены совершились в последнее время не столько во взглядах на организацию государства, сколько в воззрениях на его функции, на задачи его деятельности. С этой стороны можно сказать, что правовое государство с конца XIX века вошло в новую стадию развития. Теоретики первой половины этого века полагали, что государственная деятельность должна ограничиваться охраной прав граждан; они

выступали с требованием полного невмешательства в частную жизнь граждан, в экономическую сферу. Это считалось наилучшим средством обеспечить свободу и равенство. В Англии этот взгляд был выражен Бентамом, во Франции — Бенжаменом Констаном, в Германии — Вильгельмом Гумбольдтом. Свобода и равенство понимались тут чисто формально, юридически в смысле обеспечения их в законе, путем устранения юридических неравенств и стеснений. Для своего времени, когда надо было уничтожить тягостный гнет старого порядка, осуществление свободы и равенства в этом смысле являлось огромным шагом вперед, и неудивительно, что первоначально вся задача правового государства представлялась исчерпывающейся с достижением этой цели. Однако политическое развитие XIX века обнаружило, что для осуществления начал равенства и свободы требуется не только устранение юридических препятствий к их утверждению, но также некоторых материальных, положительных условий их реализации. В жизненной борьбе свобода и равенство для слабых и изнемогающих превращается в отвлеченное понятие, лишенное действительного значения. Требуется влиятельная поддержка государства и общества, чтобы помочь каждому, кто в этом нуждается, достигнуть действительной свободы и настоящего равенства с другими.

Проникаясь этим сознанием, европейские государства одно за другим вступают с конца XIX века на путь социальных реформ. Задача, которая ставится в этой области, представляется бесконечно более трудной и сложной по сравнению с той задачей, которую правовое государство ставило себе ранее. Для того чтобы устранить юридические неравенства и стеснения, достаточно было отмены старых законов с соответствующим преобразованием различных учреждений. Осуществление равенства и свободы в положительном смысле требует продолжительной деятельности устроения жизни при помощи создания лучших материальных условий общественного развития. Современная политическая мысль, ставя государству эту трудную задачу, не ждет ее немедленного осуществления, как и вообще, устраняет мысль о скором достижении всеобщей гармонии.

В этом отношении новая точка зрения коренным образом отличается от той, которая так часто высказывалась в XIX веке. Рассматривая философию Гегеля, мы видим, как ему представлялось, что высшая ступень мирового духа уже достигнута. Мы видели, как целый ряд писателей прошлого века находил в той или иной политической форме истинное и всецелое выражение начал разума. В наши дни, выражаясь словами английского юриста Дайси, для добросовестного мыслителя невозможно думать, что в мире — воображаемом или действительном — можно открыть какую-либо совершенную конституцию, способную служить образцом для исправления недостатков существующих государственных форм.

По-прежнему верят в прогресс, в необходимость стремления к идеалу, но исчезает мысль о том, что абсолютный идеал может быть осуществлен во временных относительных формах.

Альберт Вэнн ДАЙСИ

(1835—1922) —

английский юрист.

Главная из его работ: «Основы государственного права Англии» — одна из самых глубоких работ по государственному праву, в которой было придано особое выдающееся звучание концепции верховенства права. Член-корреспондент СПбАН с 03.12.1916 — по отделению исторических наук и филологии (разряд историко-политических наук).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВА¹

Князь **Евгений Николаевич ТРУБЕЦКОЙ** (1863—1920) — философ, правовед, публицист, общественный деятель. Инициатор и участник книгоиздательства «Путь» (1910—1917), один из организаторов Психологического общества при Московском университете, Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Обучаясь на юридическом факультете Московского университета (1881—1885), Трубецкой увлекался изучением истории философии. После окончания университета работал в Ярославском юридическом лицее. В 1892 г. получил степень магистра, после защиты докторской был профессором Киевского, а с 1906 г. Московского университета.

Он первый в отечественной литературе дал целостное эстетическое, философское, историческое и богословское истолкование древнерусской иконы. Князь Трубецкой был также видным общественным и политическим деятелем. Состоял членом Государственного совета (1907—1908), был одним из основателей «Союза мирного обновления» и главным редактором печатного органа этого союза — «Московского еженедельника» (1906—1910), в котором публиковались Бердяев, Булгаков, И. А. Ильин, Эрн, Франк и др.

Первая и основная задача юридической энциклопедии заключается в определении самого понятия о праве. Пока мы не выясним себе, *что такое право вообще*, все наши суждения о тех или других конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определенного научного содержания. По поводу каждого нашего отдельного суждения, относящегося к той или другой области юриспруденции может возникнуть сомнение, представляет ли оно собою действительно суждение о праве или о чем-то другом, что не есть право. При отсутствии удовлетворительного определения понятия права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками; а при отсутствии таких границ наука права всегда рискует или не охватывать весь свой предмет или совершать захваты из других, чуждых ей областей знания.

Чтобы так или иначе разрешить спорный в науке вопрос о существовании права, необходимо прежде всего остановиться на тех признаках определяемого понятия, которые не вызывают сомнения, и затем перейти к тем, которые представляются спорными. Прежде всего несомненно, что право выражает собою *правило поведения*. В каком бы смысле мы ни употребляли слово «право», мы всегда подразумеваем под ним что-то такое, на что не следует посягать, чего не

¹ Приводится по: Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909.

должно нарушать; с этим словом в нашем уме всегда связывается то или другое повеление, предписание каких-либо положительных действий или воздержания от действий. Всякому праву соответствует чья-либо обязанность, требование, обращенное к какому-либо лицу или лицам. Когда мы говорим о праве кредитора на получение долга, это значит, что определенное лицо — должник — обязан уплатить этот долг. Когда мы говорим о праве собственности какого-либо лица, это значит, что все прочие лица — несобственники — должны воздерживаться от всяких посягательств против того, что составляет для них чужую собственность. Когда мы говорим о праве власти, мы непременно подразумеваем, что те или другие лица — подчиненные — обязаны повиноваться власти.

Если право всегда устанавливает чьи-либо обязанности, то столь же несомненно, что оно всегда выражает собою *чье-либо притязание*. Во всяком праве есть две стороны — лицо управомоченное, которое может требовать, и лицо или лица обязанные, которые должны исполнять требование. Собственник может требовать от всех прочих людей, чтобы они уважали его собственность; точно так же кредитор может предъявлять требование к должнику, власть — к подчиненному.

Из всего предшествовавшего видно прежде всего, что право неразрывно связано, во-первых, с существованием лица, которое является его обладателем и носителем, и, во-вторых, с существованием общества лиц, среди коих лицо управомоченное осуществляет свое право, к которым оно предъявляет свои требования. Если всякое право непременно выражает собою притязания одних лиц, обязанности других, то ясное дело, что всякое право предполагает общество и вне общества представляется невозможным. Представим себе лицо, совершенно изолированное, живущее вне всякого общества, вне всякого отношения к другим лицам: такое лицо, очевидно, не обладало бы никакими правами; нельзя говорить о правах собственности такого лица, о его праве на жизнь или на действия других лиц, ибо у него нет ближних, которые бы могли признавать или оспаривать эти права. Где нет лица или лиц, *обязанных* соблюдать чужое право, там нет и лица управомоченного, стало быть, нет и самого права.

Если мы и можем говорить о праве какого-нибудь Робинзона, живущего на необитаемом острове, то только в предположении какого-либо возможного ближнего, возможного общества других лиц, которые когда-либо нарушат его одиночество. Если мы, например, говорим о правах собственности Робинзона, то это не значит, очевидно, что неодушевленные стихии не должны портить его имущество или что дикие звери не должны посягать на его жизнь и расхищать его стада; это может значить только, что всякое другое разумное лицо, которое может появиться на острове Робинзона, не должно посягать на принадлежащие ему вещи.

Таким образом, всякое право предполагает *общество*: только в предположении общества разумных лиц можно говорить о праве; с другой стороны, не может существовать и общества разумных лиц без права. Представим себе такое собрание людей, где никто не признавал бы за своим соседом никаких прав, стало быть, ни права на жизнь, ни права на имущество; очевидно, что такое собрание людей не было бы обществом; люди могут составлять общество только при том условии, если за отдельным лицом признается известная сфера, в которой должны господствовать его цели, — иначе говоря, если за ним признается сфера прав, коих не должны нарушать его ближние. Право, таким об-

разом, есть необходимое условие всякого общества: оно — тот общий порядок, которому должно подчиняться как целое общество, так и каждый отдельный его член. Живя в обществе, я должен сознательно поступиться в пользу ближнего целым рядом эгоистических интересов и целей: я должен уважать чужую жизнь, свободу и имущество; так же должен относиться ко мне мой ближний: все мы должны почитать право, как общий порядок, который должен господствовать над волей каждого из нас. Отсюда — первое и самое общее определение права: *право есть порядок, регулирующий отношения отдельных лиц в человеческом обществе.*

Рассматривая это определение, как мы увидим далее, далеко не полное, мы обнаружим целый ряд других свойств, других существенных признаков права. Право, как сказано, всегда выражается в виде *притязаний, требований* — с одной стороны, в виде *обязанностей* — с другой стороны. Ясное дело, что притязания, требования могут предъявляться только к разумным, сознательным существам, способным понимать требование; только по отношению к таким существам возможно говорить об обязанностях: смешно было бы говорить об обязанностях растения или камня, и по меньшей мере неосновательно было бы заявлять о наших правах волкам или тиграм. Но и этого мало: требования права, как и вообще всякие веления разума, могут обращаться только к лицам, способным их исполнить или не исполнить, т.е. к существам, обладающим способностью свободного выбора. Если я обращаюсь к ближнему с требованием уплатить мне долг, оказать мне повинение не посягать на принадлежащую мне вещь, то, очевидно, я предполагаю, что он может исполнить мое требование, соблюсти или нарушить мое право; право, как мы видели, всегда выражает собою не только чье-либо притязание, но и чью-либо обязанность; но обязанность может быть приписана только такому существу, которое способно выбрать между должным и недолжным: право властвует над нами не как непреодолимый закон природы, а как требование, обращенное к нашей свободной воле, веление, которое мы можем исполнить или нарушить.

Мы не станем здесь вдаваться в сложный метафизический вопрос о свободе человеческой воли, т.е. об отношении человеческой воли к властвующей в мире необходимости. Для нашей цели пока достаточно установить, что право предполагает свободу в двояком смысле: во-первых, как способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведение (свобода внутренняя) и, во-вторых, как возможность действовать вовне, преследовать и осуществлять какие-либо цели в мире внешнем (свобода внешняя).

Свобода внутренняя, как мы видели, предполагается правом как условие его существования: к ней предъявляются веления права; веления эти имеют смысл лишь постольку, поскольку они обращаются к существу, способному сознательно избирать ту или другую цель, тот или другой образ действий. В этом смысле слова свобода составляет неотъемлемое психическое качество всякого разумного существа. Мои ближние, разумеется, могут так или иначе влиять на мое поведение, побуждать меня к избранию тех или других целей. Но никакие действия ближних, никакие вообще внешние препятствия не могут лишить меня самой способности сознательно избирать мое поведение, сознательно определяться теми или другими мотивами.

Иное дело — свобода внешняя, свобода как возможность осуществлять те или другие цели в мире внешнем: в этом смысле наша свобода может быть стеснена, ограничена или даже вовсе уничтожена внешними препятствиями, в том числе, конечно, действиями наших ближних. Никто не может воспрепятствовать мне желать тех или других целей, например, желать пользоваться какою-либо вещью или чьими-либо услугами, желать жить, но ближние мои могут воспрепятствовать осуществлению этих целей, лишить меня своих услуг, имущества и самой жизни — словом, всячески стеснить и даже вовсе уничтожить мою внешнюю свободу.

Нетрудно убедиться в том, что свобода в этом смысле составляет *содержание* права. Ясное дело, что, где нет внешней свободы, там нет и самого права. Существо, совершенно лишенное внешней свободы (раб), есть вместе с тем и существо совершенно бесправное. Во всяком праве свобода лица в смысле не стесненной другими лицами возможности осуществлять те или другие цели составляет настолько существенный признак, что с уничтожением его уничтожается самое право.

Истинность этого положения может быть подтверждена анализом всякого конкретного права. Что такое, например, право на жизнь? Право это означает, что человек свободен располагать своей жизнью, что никто из ближних не должен ему в этом препятствовать; оно означает, что человек свободен жить в мире внешнем и что все прочие люди должны уважать эту свободу. Что такое право на долг? Свобода кредитора располагать в известный срок определенной частью имущества должника, требовать с него уплаты. Право на чужие услуги — есть свобода располагать определенными услугами других. Право собственности есть свобода лица — собственника — всесторонне господствовать над принадлежащей ему вещью.

Казалось бы, впрочем, что существуют такие права, которые не только не включают в себе этого признака — свободы, но, напротив того, исключают его, закрепляют состояние несвободы: таково, например, крепостное право. В этом всегда заключалось одно из главных возражений тех юристов и философов, которые отказываются признавать свободу существенным признаком права. Возражением этим, между прочим, воспользовался проф. Петражицкий в своих «Очерках философии права». Однако при внимательном анализе оно оказывается совершенно неубедительным; на самом деле крепостное право есть одно из тех кажущихся исключений, которые блистательно подтверждают общее правило: крепостное право действительно отнимает свободу у крепостного, но оно предоставляет свободу господину. Крепостное право есть свобода господина распоряжаться своим крепостным. Если мы откинем этот признак свободы господина, то у нас ничего не останется от самого понятия крепостного права: только в силу этой признанной обычаем или законом свободы господина его господству над его крепостными усвоено название права. Крепостное право, очевидно, не есть право крепостного, ибо последний несвободен и по этому самому совершенно бесправен; оно есть право господина именно потому, что оно выражает свободу господина. Значит, всякое право включает в себе элемент свободы, хотя эта свобода может быть и одностороннею, иметь характер привилегии одного лица в ущерб другому. *Где вовсе нет свободы, там вообще не может быть никакого права.*

Гораздо больший интерес представляет другое возражение, которое всегда противопоставляется защищаемому учению, а именно — вечная ссылка на малолетних и слабоумных. Говорят, что эти лица обладают правами, будучи вместе с тем лишены свободы: они не свободны распоряжаться ни своей личностью, ни своим имуществом: они находятся всецело во власти опекунов и родителей.

Основная ошибка этого возражения заключается в смешении свободы внешней со свободой внутренней. Та внешняя свобода, которая составляет существенный признак *всякого* правомочия, не предполагает никаких психических свойств у ее обладателя. Свобода эта заключает в себе два признака — отрицательный и положительный. Это, во-первых, *независимость от чужого произвола*, а во-вторых, *условная возможность самоопределения*, т.е. возможность положительных действий.

Где нет личной независимости, там нет и права: этот признак существен для прав малолетнего, как и всякого другого лица. Подобно всяким другим субъектам права малолетние и слабоумные ограждены против чужого произвола целым рядом правил как в личной, так и в имущественной сфере; ни личность, ни имущество их не могут быть обращены в орудия какого-либо другого лица. Именно этим положение правоспособного опекаемого отличается от положения раба; одна из важнейших задач самой опеки заключается в том, чтобы обеспечить независимость личности опекаемого. Поэтому мы без всякого противоречия можем признавать свободными малолетних и слабоумных. Свободны они в силу предоставленных им прав и лишь постольку, поскольку они обладают правами.

Обладают ли они свободой в смысле возможности совершения положительных действий? Утвердительный ответ на этот вопрос не подлежит сомнению, если мы примем во внимание *условный характер той свободы, о которой здесь идет речь*.

Когда мы говорим, что какому-либо учреждению или акционерной компании предоставляется свобода совершать определенные действия, например, свобода продавать, покупать, распоряжаться определенным имуществом, выражение «свобода» ни в ком не вызывает недоумений, несмотря на то, что учреждения и акционерные компании никакими психическими свойствами не обладают. Ибо для всех ясно, что термин «свобода» тут имеет условное значение: под «действиями» акционерной компании подразумеваются законные действия ее представителей, уполномоченных действовать от ее имени, осуществлять ее права; под «свободой» акционерной компании разумеется предоставленная ее представителям возможность совершать эти действия от ее имени.

В таком же условном смысле свобода совершать определенные действия принадлежит и малолетним. Они также *через посредство своих представителей* свободны распоряжаться своим имуществом, извлекать или не извлекать из него доход, умножать и отчуждать его при условии соблюдения требования закона. Что в данном случае речь идет о свободе правообладателя, а не о свободе другого лица, видно из того, что опекун, распоряжающийся имуществом малолетнего, действует не по собственному праву, а осуществляет право опекаемого. Он свободен лишь в пределах этого права. Наконец, по достижении зрелого возраста, т.е. опять-таки *условно*, малолетнему предоставляется совершать те же действия самому, непосредственно.

Свобода, как субъективный, личный элемент права, не исчерпывает собою его сущности. Наряду с личным элементом свободы, право включает в себе другой — объективный, общественный элемент — правило поведения или норму, ограничивающую свободу отдельного лица. Этот элемент — ограничение свободы нормою — представляет собою столь же существенный признак права, как и сама свобода. В самом деле, представим себе, что свобода лица, например, свобода человека ничем не ограничена, что нет никаких правил, ее обуздывающих и сдерживающих. Ясное дело, что при таком порядке вещей не может быть речи о праве. Если каждому человеку принадлежит безграничная свобода распорядиться чужой жизнью, то это значит, что никто не имеет права на жизнь; если нет правила, ограничивающего его свободу захватывать все те вещи, которые он желает, отнимать их у соседей, то это значит, что ни у кого нет права собственности. Если нет никаких правил, ограничивающих мою свободу принуждать ближних к тем или другим действиям в мою пользу, если я могу бить, оскорблять и обращать их в орудие моей прихоти, то это значит, что никто не имеет никаких личных прав. Следовательно, где свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами; никакими предписаниями, там нет вообще никакого права: существенным признаком права является *правило или норма, ограничивающая свободу*.

Таким образом существо права выражается в двух основных проявлениях или функциях: с одной стороны, оно предоставляет отводить лицу известную среду свободы; с другой стороны, оно ограничивает эту сферу рядом предписаний, рядом обязательных правил.

Раньше уже было сказано, что право есть порядок, регулирующий отношения отдельных лиц в обществе; теперь мы видим, что этот порядок проявляется, во-первых, как внешняя свобода лица, а во-вторых, как правило или норма, с одной стороны, предоставляющая лицу определенную сферу внешней свободы, а с другой стороны, ее ограничивающая. Поэтому данное раньше определение права может быть здесь дополнено и выражено в следующей краткой формуле: *«Право есть внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой. Или что, то же самое: право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях»*.

Определение это существенно отклоняется от учений, господствующих в современной юриспруденции, а потому нетрудно предвидеть, что оно встретит многочисленные возражения. Не подлежит сомнению, что с точки зрения наиболее распространенных в наше время воззрений оно покажется прежде всего слишком широким: оно обнимает в себе многое такое, что большинством современных юристов и философов права принято относить не к праву, а к нравственности или к условным правилам общежития. Если держаться высказанного выше определения, то придется признать за правовые многие такие нормы, которые не только не пользуются признанием со стороны государственной власти, но и вообще не опираются на санкцию того или другого общественного авторитета, т.е. ряд таких норм, которые господствующим воззрением не признаются за правовые. Каковы бы ни были разногласия современных юристов и философов права, весьма значительная часть из них сходится в том предположении, что санкция того или другого внешнего авторитета служит необходимым признаком права. <...>

Старые теоретики естественной школы неправильно видели в человеческом обществе единственно произведение разума, продукт человеческого сознания и воли. Но в их учении есть зерно и истины: поскольку в развитии общества участвуют лица, воля и сознание являются важным фактором общественного развития. В этом участии человеческой воли и сознанию в развитии общества и заключается характерная черта последнего и различие между общественным организмом и организмом биологическим.

Это различие и служит главной причиной, почему общественный организм должен быть охарактеризован как организм своеобразный, *sui generis*. В отличие от клеток животного и растительного организма, люди сознают те цели, к которым они стремятся как в совокупности, так и в отдельности; они способны сознательно воодушевляться общественными идеалами и осуществлять их в действительности путем борьбы, ценою упорных усилий и тяжелых жертв. В этом участии сознания и воли в процессе общественного развития и заключается *надорганизмический* фактор развитая общества. <...>

Государство

Исследовав вопрос о сущности общества, перейдем к рассмотрению той его формы, которая представляется наиболее интересной для юристов, — к рассмотрению *государства*. Всякая форма человеческого общества предполагает непременно существование такой *общественной цели*, которая не может быть осуществлена разрозненными усилиями отдельных лиц; общество всегда преследует такую цель, для достижения которой люди должны соединиться, образовать кооперацию. Далее, для существования общества недостаточно преходящих, мимолетных целей; если люди соединяются для того, чтобы выполнить сообща какую-нибудь работу или устроить облаву на медведей, или пирушку, то тут не может быть и речи об обществе: для существования общества необходима *цель постоянная, длящаяся*. Есть такие цели, для достижения которых человек добровольно вступает в ту или другую кооперацию: такие цели лежат в основе, например, акционерных компаний, обществ ученых, или благотворительных. Но есть и такие цели, которые объединяют людей помимо их воли, которые навязываются людям в силу самого их рождения. В силу самого рождения я принадлежу к тому или другому классу, национальности, государству: хочу я или не хочу, я в силу того положения, в какое поставило меня рождение, заинтересован в целом ряде целей, общих мне с другими лицами.

Разнообразию целей соответствует и великое разнообразие форм человеческого общества. Так как различные человеческие общества отличаются друг от друга прежде всего своими целями, то казалось бы, что для определения отличия государства от других форм человеческого общества надо рассмотреть отличие цели государства от целей других общественных союзов. Поэтому многие философы и государствоведы, пытавшиеся дать определение государства, клали в основание своих исследований отличие государственной цели от целей других общественных союзов. Попытки эти, однако, должны были окончиться полнейшей неудачей: прийти к какому-нибудь соглашению относительно цели го-

сударства представляется невозможным, так как не только само понимание цели государства в различные эпохи различно, но и в действительности государство в различные эпохи преследует различные цели: отсюда — разногласия между мыслителями, исходившими при определении государства из изучения его цели.

Аристотель, например, определяет государство как «соединение многих родов и деревень ради общения наилучшей, совершенной жизни». Древние греки вообще не признавали ничего высшего, чем государство и преследуемая им земная цель. И в самом деле, государство у них было средоточием всех умственных и нравственных интересов граждан: оно олицетворяло собою высшую цель и смысл существования личности, почему Аристотель и называет его «сообществом совершеннейшей жизни». В Риме государство уже перестает быть средоточием всех умственных и нравственных интересов; задача его существенно суживается: соответственно с этим римлянин Цицерон видит в нем уже не олицетворение «высшего совершенства» человеческой жизни, а союз людей, объединенных общими началами права и общей пользой.

В Средние века цель государства совершенно иная: оно рассматривается как орудие церкви: задачей его считается насаждение истинной веры; и в самом деле, помимо целей светских средневековое государство преследует также и цели религиозные, что явствует, например, из истории крестовых походов.

В новое время цель государства опять-таки меняется: оно становится светским союзом, преследующим чисто светские цели. Но и в этих пределах то, что понимается под целью государства, беспрестанно меняется; в действительности и тут цель государства то расширяется, то суживается. Сообразно с этим, по справедливому замечанию Коркунова, определения государства, даваемые с точки зрения его целей, в высшей степени субъективны; в этих определениях отражается не только разнообразие целей, в действительности преследуемых государством, но и разнообразие тех целей, которыми государство *должно* задаваться с точки зрения идеальных представлений о нем различных исследователей. Так, например, по Гегелю, государство есть «высшая действительность нравственной идеи», по Велькеру, оно «союз, стремящийся к правовой свободе и к счастью своих подданных», по Чичерину, оно — «союз, управляемый верховной властью для общего блага». Все эти определения несостоятельны потому, что в действительности государство вовсе не всегда представляет собой высшую действительность нравственной идеи, вовсе не всегда стремится к общему благу, к счастью *всех* своих подданных: словом, государство в действительности преследует весьма разнообразные цели, а потому при определении государства нельзя исходить из представления единой цели, преследуемой всеми государственными союзами.

Чтобы найти определение государства, надо начать с того признака, который никогда не возбуждал спора. Таким признаком является *власть*: никто никогда не сомневался в том, что государство есть союз, обладающий властью над своими членами. Стало быть, исходной точкой для определения государства должна послужить *власть*.

Но тут затруднение заключается в том, что власть есть признак, в котором государство сходится со многими другими союзами: властью обладают, например, различные местные общества, за которыми признается правительством

автономия, например городские общества, олицетворяемые думами, уездные общества, олицетворяемые уездными земскими собраниями, и т. п. Очевидно, что для определения государства необходимо выяснить, в чем заключается отличие государственной власти от власти других общественных союзов.

Профессор Коркунов видит отличительную особенность государства в том, что оно одно осуществляет самостоятельно принудительную власть. Коркунов хочет этим сказать, что власть государства, будучи принудительной, есть вместе с тем власть первоначальная, ни от кого не заимствованная, не подчиненная никакой другой власти, и что в этом заключается коренное отличие государства от всяких союзов.

Вряд ли, однако, можно согласиться с тем, что признаки, характеризующие государственную власть в отличие от власти других общественных союзов верно подмечены проф. Коркуновым. Прежде всего принудительный характер присущ не исключительно одной государственной власти. Власть, которую пользовалась в Средние века католическая церковь, была принудительной; разбойничья шайка или революционный клуб, карающий своих членов смертью за всякую измену и отступничество, обладают властью в высокой степени принудительной. Мало того, все перечисленные формы общения при всем их различии сходятся в том, что власть их — совершенно самостоятельная, не заимствованная ни от какой другой власти. Таким образом, все эти три формы общения обладают теми специальными признаками, в которых Коркунов видит особенность и отличие государства.

В действительности основное отличие государства состоит не в том, что оно имеет власть самостоятельную и принудительную, а в том, что оно пользуется властью самостоятельной и исключительной *в пределах определенной территории*. Власть католической церкви тем и отличается от государственной власти, что она — территориальна. Власти римского папы подчинены все католики, где бы они ни проживали, стало быть это — власть над лицами, а не над лицами и *территорией*. Правда, в былые времена существовала особая папская территория; но тогда эта территория была папским государством, и папа, как верховный глава этой области, был светским государем. Власть шайки разбойников и политического клуба есть также власть *только* над лицами. Но допустим, что шайка разбойников завоевывает какую-нибудь территорию (как это иногда и бывало в Средние века), изгоняет из ее пределов всякую другую власть и подчиняет своему исключительному господству. В этом случае разбойничья шайка утрачивает свой первоначальный характер и приобретает характер государственный.

Особенность государства, как сказано, заключается в том, что оно властвует самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории. Не подлежит сомнению, что, кроме государства, существуют другие общественные союзы, власть которых также территориальна (местные автономные общества). Власть этих союзов, будучи территориальной, отличается от власти государства тем, что она не самостоятельна, а напротив того, заимствована и подчинена высшей власти. Власть земства или города не самостоятельна: она существует лишь постольку, поскольку государство дает ее местным обществам, допускает в своих пределах местное самоуправление; она не исключительна, так как наряду с ней в той же местности существуют другие власти — власть центрального

правительства в лице губернатора и др. Напротив того, государство в пределах подчиненной ему территории господствует вполне исключительно, т.е. не допускает в этих пределах существования власти, не подчиненной ему. Никакое государство, как бы сильно оно ни было, не может воспрепятствовать образованию в своих пределах враждебных ему анархических партий или разбойничьих обществ; но оно остается государством лишь до тех пор, пока оно в состоянии отстаивать свою самостоятельную власть над территорией против внутренних и внешних врагов.

Определив отличительные особенности государственной власти, мы можем следующим образом резюмировать результат нашего анализа: *государство есть союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории*. Соответственно с этим определением в понятие государства входят следующие три элемента:

- 1) власть, обладающая указанными признаками самостоятельности и исключительности;
- 2) совокупность лиц, подчиненных этой власти, — народ и
- 3) территория.

ИЗ ПЕРИОДИКИ ПРОШЛОГО

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА Ж.-Ж. РУССО
В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К УЧЕНИЮ МОНТЕСКЬЕ
О РАВНОВЕСИИ ВЛАСТЕЙ¹**

Александр Семенович АЛЕКСЕЕВ (1851—1916) — юрист, правовед. В 1890 г. был назначен ординарным профессором Московского университета по кафедре государственного права. Одновременно в 1896 г. был инспектором классов Мариинско-Ермоловского училища, а в 1897—1906 гг. — директором Московской практической академии коммерческих наук (читал курс основ государственного права; при его активном участии был выработан очередной устав академии). С 30 ноября 1894 г. — член Общества любителей российской словесности; с 14 мая 1896 г. — действительный статский советник. В 1900—1909 гг. был деканом юридического факультета Московского университета. В 1905 г. ему было присвоено звание заслуженного профессора Московского университета. С 1910 г. возглавил Московское юридическое общество (после смерти С. А. Муромцева). В 1911 г. покинул университет в связи с делом Кассо.

**Различие в воззрениях Руссо и Монтескье на отношение
законодательной власти к правительственной**

Все политическое учение Руссо проникнуто глубокой верой в непогрешимость народной воли: голос народа — голос Бога на земле, и чем этот голос слышится чаще, чем он раздается непосредственнее и свободнее, чем безропотнее ему подчиняются и правители, и граждане, тем лучше устроено государство и тем более обеспечена в государстве политическая свобода.

Совершенно иной мотив звучит в доктрине Монтескье: она, в противоположность учению Руссо, внушена недоверием к человеческой природе и стремится обставить носителей власти целым рядом сдержек, которые стесняли бы их свободу и предупреждали свойственное всем людям стремление злоупотреблять предоставленной им властью.

В государстве Руссо вся полнота верховной власти покоится в руках народа, который осуществляет ее частью непосредственно, частью через своих слуг. Народ-суверен является, таким образом, органом, который обладает властью непосредственной, ни в ком и ни в чем не находящей себе границ, кроме тех правил, которые он сам себе ставит.

¹ Алексеев А. С. Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо в ее отношении к учению Монтескье о равновесии властей // Вестник права. 1905. № 3. С. 99—123.

В государстве же Монтескье такого суверенного органа нет, а существует ряд органов, между которыми распределяются различные функции верховной власти. Ни один из них не пользуется неограниченной властью и власть каждого из них служит сдерживающим фактором, умеряющим власть другого.

Руссо, веря в непогрешимость народной воли, убежден, что обеспечить в государстве за народом *неограниченную власть*, значит обеспечить господство законов справедливых и поэтому устойчивых.

Монтескье же всякую неограниченную власть, откуда бы она ни исходила и в чьих бы руках бы она ни находилась, считает злом, нетерпимым в благоустроенном государстве. Достоинство государственного устройства, по его учению, зависит не от того, в чьих руках находится власть, а от действительности тех условий, которые умеряют и ограничивают эту власть.

Руссо, как и Монтескье, различает власть законодательную и власть правительственную и, признавая их разнородность, считает нужным, подобно автору «Духа законов», поручать их и разнородным органам. Но Руссо, во имя безусловного господства народной воли, как источника законов, признает верховной властью власть законодательную, принадлежащую народу; в правительственной же власти видит подчиненную функцию, отправление которой должно быть поручено подзаконным органам, учреждаемым народом-сувереном, от него получающим свои полномочия и действующим под его надзором.

По учению же Монтескье, верховенство столько же проявляется в законодательной власти, сколько и в правительственной власти. Обе эти власти равноправны и равносильны; ни одна из них не подчинена другой и обе, вращаясь свободно и независимо в сфере своей компетенции, своими полномочиями умеряют и ограничивают друг друга.

Это различие в воззрениях Руссо и Монтескье на юридическую природу правительственной власти обуславливает собою и различие воззрений этих двух мыслителей на организацию правительственной власти и на отношение ее к власти законодательной.

Правительственная власть поручается в государстве Руссо — подчиненным органам, избираемым народом-сувереном из своей среды и на определенный срок: эти органы, кто бы они ни были, монарх ли, аристократическое ли меньшинство или демократическое большинство суть ничто иное как слуги народа и черпают свою власть в воле народа, ей безусловно подчинены и отправляют свои полномочия лишь до тех пор, пока на то будет соизволение народа, который имеет право не только сменять правителей, но и изменять самую форму правления.

В государстве же Монтескье носитель верховной правительственной власти такой же самостоятельный и непосредственный орган, как и законодательный корпус; монарх существует в силу самого государственного устройства, никому не обязан своею властью и ни от кого не получает своих полномочий, а правит в силу самостоятельного права. Если Руссо признает законным лишь то правительство, которое избирается народом из среды народа, то Монтескье совершенно наоборот видит в избрании правителей из среды законодательного корпуса нарушение основных требований, которым должно удовлетворять государственное устройство, имеющее свою задачу охранять политическую свободу. «Если

бы не было монарха, — говорит Монтескье, — и власть правительственная была бы поручена известному числу лиц, взятых из законодательного корпуса, то не существовало бы свободы, так как обе власти были бы соединены; одни и те же лица имели бы право иногда, и могли бы всегда участвовать и в той и в другой».

По учению Руссо, опасность политической свободе не может грозить со стороны законодательной власти; она, как общая воля, судящая о предметах общего интереса, всегда справедлива; опасность может грозить лишь со стороны правительственной власти, носители которой всегда склонны злоупотреблять властью в своих интересах и в ущерб общим интересам. Эта правительственная власть и должна поэтому быть ограничена целым рядом норм, которые безусловно подчинили бы ее власти законодательной.

По учению же Монтескье, опасность политической свободе грозит со стороны всякой власти; она грозит ей столько же со стороны законодательной власти, сколько и со стороны правительственной: обе поэтому нуждаются в сдержках; но так как правительственная власть ограничена уже по самой природе своей, законодательная же по существу свободна, то последняя и должна быть обставлена, сравнительно с правительственной, гораздо большими сдержками, предупреждающими свойственное законодательной власти стремление подчинить себе власть правительственную.

Нормы, определяющие отношения законодательной власти к правительственной, в государстве Руссо исходят из того принципа, что законодатель-суверен владыка, а правители его слуги, в государстве же Монтескье они вытекают из противоположного начала, а именно из того принципа, по которому власти законодательная и правительственная равносильны и равноправны, и в обеих в одинаковой степени проявляется верховенство. Эти нормы в государстве Руссо безусловно подчиняют правительственную власть законодательной, в государстве же Монтескье они их ставят рядом и имеют своей целью обеспечить каждой из них самостоятельность и независимость и способность взаимно сдерживать и ограничивать друг друга.

Британский юрист, историк, его называли «современный отец английской правовой истории», профессор Фредерик Мейтленд на заре XX в. ввел в оборот научное определение «Юридическое столетие (юридический век)», которое относил к XIX в. Это определение было скорее связано не столько с произошедшими юридическими событиями, хотя значимость их трудно переоценить, сколько с той плеядой имен величайших юристов, труды которых создавались в этот период. В начале века основной центр «научного взрыва» находился в Европе, несколько позднее, с середины XIX в., к нему подключилась Россия, а к концу XIX в. — и США. Вместе с именами рождаются и научные школы. Можно смело сказать, что не было более такого времени, которое за жизнь одного поколения породило бы такое количество «самородков», оставивших свои непревзойденные по охвату и глубине исследования, произведения для будущих поколений ученых.

В Европе это — Тибо, Савиньи, Густав Гуго Эйхгорн, Пухта, Дербург, Вангеров, Виндшейд, Иеринг, Левин, Голдшмидт, Гирке, Зом, Мейтленд, Генри Мэн...

В России — С. И. Баршев, С. В. Пахман, К. П. Победоносцев, Б. Н. Чичерин, И. Е. Андреевский, В. И. Сергеевич, Н. Л. Дювернуа, А. Д. Градовский, Л. А. Комаровский, Н. С. Суворов, А. Я. Антонович, Ю. С. Гамбаров, С. А. Муромцев, П. Г. Виноградов, А. И. Каминка, Е. В. Васьковский, Г. С. Фельдштейн, В. Э. Грабарь, Н. М. Коркунов, И. А. Покровский, Т. М. Яблочков, Н. А. Мандельштам, М. А. Таубе, Г. Ф. Шершеневич, Н. С. Таганцев...

Но все эти ученые были не только исследователями, но и участниками величайших юридических событий. Завершался очень большой период развития человечества, который историки называют Новым временем, оно уйдет с XIX веком, прихватив с собой 17 лет XX века. В этом выпуске «Вестника» мы завершаем обзор важнейших событий Нового времени. Впереди читателя ждет уже Новейшее время...

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,

главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор
yurii-rags@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
Садовая-Кудринская ул., д. 9

Ирина Викторовна ПОТАПЧУК,

начальник редакционно-
издательского
отдела Федерального
агентства по управлению
государственным
имуществом
i.potapchuk@mail.ru
109012, Россия, г. Москва,
Никольский пер., д. 9

© Ю. Г. Шпаковский,
И. В. Потапчук, 2018

НОВОЕ ВРЕМЯ

ХІХ век — начало ХХ века

(Продолжение)¹

РОССИЯ

1801 г., 8 (20) сентября

Манифест о присоединении Грузии к России.

1802 г., 8 (20) сентября

Манифест об учреждении министерств. Представлял собой нормативный правовой акт, регламентирующий деятельность новых отраслевых органов управления в Российской империи. Одновременно утверждалось восемь министерств: военных и сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. По своей сути, новыми для России были министерства внутренних дел и народного просвещения. В 1811 г. внутренняя организация, порядок деятельности и права министерств были определены «Общим учреждением министерств». В целом министерская система в сложившемся виде сохранилась до 1917 г., когда была сменена народными комиссарами. Манифест явился важнейшим этапом в преодолении кризиса государственного управления, в реформировании системы центральной власти в России.

1803 г., 20 февраля

Указ об отпуске помещиками своих крестьян на волю по заключении условий, основанных на обоюдном согласии (**Указ о вольных хлебопашцах**) — законодательный акт российского императора Александра I, по которому помещики получили право освобождать крепостных крестьян поодиночке и селениями с выдачей земельного участка. Издан в рамках реформирования Российской империи, проходившего в 1800-е гг. За свою волю крестьяне выплачивали выкуп или исполняли повинности. Если оговоренные обязательства не выполнялись, крестьяне возвращались к помещику. Тем не менее ничто не мешало помещику отпустить крестьянина безвозмездно — все определялось договором между крестьянином и помещиком. Крестьян, получивших таким образом волю, называли свободными или вольными хлебопашцами (отсюда и популярное название указа). За все 25 лет царствования Александра I лишь 47 тыс. крестьян (т.е. меньше 0,5 % от общего числа крепостных) смогли таким образом купить себе свободу: большинство помещиков не помышляли о «раздаче своей собственности».

1809 г.

Введение к уложению государственных законов — план всеобщего государственного преобразования в Российской империи, подготовленный М. М. Сперанским.

¹ Начало см.: Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 10, 12 ; 2018. № 1.

1826 г.

Аккерманская конвенция между Россией и Турцией. Турция обязывалась соблюдать привилегии Молдавии, Валахии и Сербии. Россия получила право свободной торговли на территории Турции и право судоходства в ее водах.

1837—1841 гг.

Реформа управления государственными крестьянами в России (реформа П. Д. Киселёва (министр государственных имуществ Российской империи)). Реформа порядка управления государственными крестьянами включала: учреждение центрального органа, открытие местных палат, прием государственных имуществ, создание окружных, волостных и сельских управлений. Новая система была создана для управления казенными имуществами, попечительства над государственными крестьянами, для заведывания сельским хозяйством.

1855 г., 26 января

Первый русско-японский договор «Симодский трактат» — о торговле и границах, подписан в г. Симода Е. В. Путятиным (русский адмирал, государственный деятель и дипломат), Масанори Цуцуи и Тосиакира Кавадзи. Договором устанавливались дипломатические отношения между странами. Во владениях обоих государств русские и японцы должны были пользоваться покровительством, защитой личной безопасности и неприкосновенностью собственности. Государственная граница устанавливалась между островами Итуруп и Уруп, причем первый отходил к Японии, а последний, как и другие Курильские острова, к северу, составляли владения России. Сахалин (Карафуту) оставался неразделенным. Для русского судоходства были открыты порты Симода, Хакодате и Нагасаки. В двух первых портах разрешалась взаимная торговля и в одном из них могло быть открыто русское консульство. На русских подданных распространялись экстерриториальность и все права и преимущества, какие Япония представила и даст впоследствии другим нациям. Были установлены регулярные русско-японские дипломатические отношения.

1856 г., 18 марта

Подписание Парижского мирного трактата между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией. Завершив Крымскую войну 1853—1856 гг., Россия возвращала Турции Карс, уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать там военный флот. Подтверждалась автономия Сербии, Дунайских княжеств.

1860 г.

Учреждение государственного банка. Учрежден в 1860 г. на основе реорганизации Государственного коммерческого банка. Основные положения процедуры реорганизации и устав Государственного банка были утверждены указом Александра II от 31 мая 1860 г., опубликованным 9 июня 1860 г.

1861 г., 19 февраля

Манифест 19 февраля 1861 г. Крестьянская реформа в России. **Отмена крепостного права.** Основные положения документа были следующими: крепостные крестьяне империи получали полную личную независимость, теперь их называли «свободными сельскими обывателями». Отныне крепостные считались полноценными гражданами страны с соответствующими правами. Все движимое крестьянское имущество, а также дома и постройки признавались их собственностью. За помещиками сохранялись права на свои земли, но при этом они должны были предоставлять крестьянам приусадебные, а также полевые наделы. За пользование земельными участками крестьянам надлежало заплатить выкуп как непосредственно хозяину территории, так и государству.

1863 г., 18 июня

Университетский устав — правовой акт Российской империи, определявший устройство и порядки в университетах империи. Являлся одним из основных результатов университетской реформы в сфере образования, проводимой в общем контексте «Великих реформ» императора Александра II. Самый либеральный из университетских уставов дореволюционной России.

1863 г., 18 (30) июля

Валуевский циркуляр — предписание министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева, направленное в Киевский, Московский и Петербургский цензурные комитеты, о приостановлении печатания на украинском языке («малороссийском наречии» по терминологии того времени) литературы религиозной, учебной и предназначенной для начального чтения. К пропуску цензурой разрешались «только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы».

1864 г.

Основание Петербургского частного коммерческого банка — первого акционерного банка в России. Устав банка был утвержден Александра II 28 июля (9 августа) 1864 г. Основной капитал банка определялся в 10 млн руб. (§ 3) и распределялся на 40 тыс. акций по 250 руб. каждая, из этих акций первоначальному выпуску подлежала половина, вторая половина могла быть выпущена позже по постановлению общего собрания акционеров и с разрешения министра финансов (§ 4). В § 1 Устава были указаны следующие учредители банка: барон Людвиг Гауф, Григорий Елисеев — коммерции советник, Роберт Клеменц — коммерции советник, Егор Брандт — коммерции советник, Ф. Мори — представитель торгового дома «Асмус Симонсен и К°», Эдуард Казалет — с.-петербургский 1-й гильдии купец. По рекомендации барона А. Л. Штиглица многие банкирские дома Берлина, Лондона, Амстердама, Гамбурга, Парижа и Вены подписались на акции банка общей стоимостью 1 млн руб. Первым директором банка был назначен Е. Е. Брандт. В 1866 г. было высочайше разрешено принимать акции банка в казенные залоговые для обеспечения платежа рассроченного акциза за вино и таможенных пошлин. В 1871 г. банку было высочайше разрешено проведение за свой счет операций с государственными ценными бумагами, при этом сумма таких операций ограничивалась 4 млн руб.

1864 г.

Земская реформа — одна из либеральных «великих реформ» Александра II, предусматривавшая создание системы местного самоуправления в сельской местности — земских учреждений или просто земства. Главным актом реформы стало издание 1 января 1864 г. Положения о губернских и уездных земских учреждениях. В ходе реформы создавались губернские и уездные земские собрания и земские управы — и те и другие выборные, на началах бессословности. Избиратели делились на 3 курии: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ. Правом участия в выборах по 1-й курии пользовались владельцы не менее чем 200 десятин земли, владельцы промышленных, торговых предприятий или другого недвижимого имущества на сумму не ниже 15 тыс. руб. или приносящего доход не менее 6 тыс. руб. в год, а также уполномоченные от землевладельцев, обществ и учреждений, владевших не менее 1/20 ценза 1-й курии. Избирателями городской курии были лица, имевшие купеческие свидетельства, владельцы предприятий или торговых заведений с годовым оборотом не ниже 6 тыс. руб., а также владельцы недвижимой собственности на сумму от 500 руб. (в небольших городах) до 3 тыс. руб. (в крупных городах). Выборы по крестьянской курии были многостепенными: сельские общества выбирали представителей на волостные сходы, те — выборщиков, а последние — гласных в уездное земское собрание.

1864 г.

Новое Положение о начальных училищах, в отличие от законов 1828 г., допускало финансирование правительственными ведомствами начальных школ. Вводилась новая система управления ими. Вместо единоличной власти директоров гимназий и смотрителей уездных училищ, были созданы коллегиальные училищные советы с участием представителей местного самоуправления. Гимназии были объявлены доступными для всех сословий (а не только дворян и детей чиновников по уставу 1828 г.). Контингент их учеников расширился за счет средних слоев. Вводилось преподавание богословия неправославных исповеданий. Гимназии были впервые разделены на два вида: классические и реальные. В первых основными предметами оставались древние языки, во-вторых делался упор на новые языки (французский и немецкий) и естественные науки. Доступ в университет открывали лишь первые, выпускники реальных гимназий могли поступать на конкурсной основе в технические и сельскохозяйственные институты. Был введен новый тип школ — прогимназии, включавшие 4 младших класса гимназии. Они обычно открывались в небольших городах и облегчали их жителям доступ к образованию. Также были отменены телесные наказания учеников, разрешено освобождать неимущих учеников от платы за обучение, допущено получение гимназического аттестата экстерном. Было отменено разделение гимназических учителей на старших и младших, повышено их жалование и внесен ряд других улучшений.

Положение о начальных училищах действовало до 1874 г., Устав гимназий — до 1871 г.

1864 г.

Судебная реформа Александра II — комплексная реформа судоустройства и судопроизводства. Разработана в 1861—1863 гг., утверждена в 1864 г. и проведена в 1866—1899 гг. Реформа предусматривала полное изменение судоустройства с созданием двух ветвей судов — мировых и общих судебных установлений, каждая из которых имела по две инстанции (мировые судьи и мировые съезды; окружные суды и судебные палаты) и Кассационных департаментов Сената как общей третьей инстанции. Реформа существенно изменила принципы и процедуры судопроизводства: суд стал гласным, открытым и устным, с состязательным процессом, при котором стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств; в уголовный процесс было введено судебное следствие, на котором проверялись данные предварительного следствия. Был создан институт присяжных, созывавшийся для суда над обвиняемыми в тяжких уголовных преступлениях. Рассмотрение дела в судах было ограничено двумя инстанциями (первой и апелляционной), для суда присяжных — одной инстанцией, и для всех дел — одной кассационной инстанцией. Судебная власть была полностью отделена от административной; судебное следствие было отделено от полицейского и стало процессуально независимым. Судьи общих судов стали несменяемыми, а мировые судьи — выборными на срок. Кроме непосредственно суда, были реформированы судебное следствие, прокуратура, нотариат, создано сословие присяжных поверенных (адвокатура). Реформа сопровождалась заменой персонала судебных учреждений, приведшей к существенному повышению квалификации судебных чинов и искоренению коррупции. основополагающими документами реформы были **Судебные уставы 1864 г.** (Учреждение судебных мест, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями).

1865 г.

Цензурная реформа. Преобразование цензуры в России на основе Временных правил о печати. Вводила карательную цензуру вместо предварительной для ряда столичных изданий, устанавливала судебную ответственность за нарушение цензурных правил. В 1872 г. была урезана возобновлением преследования печати в административном порядке.

1866 г., 24 ноября

Закон «О поземельном устройстве государственных крестьян» — за сельскими обществами сохранялись земли, находившиеся в их пользовании на правах «владения» (прямого пользования). Выкуп наделов в собственность был регламентирован законом от 12 июня 1886 г. При осуществлении этих реформ наделы государственных крестьян сократились на 10 % в центральных губерниях, на 44 % — в северных. Выкупные платежи возросли по сравнению с оброчной податью на 45 %. Платежи были рассчитаны на 49½ лет и в некоторых случаях должны были вноситься до 1931 г., но были прекращены с 1 января 1907 г. в рамках столыпинской аграрной реформы под влиянием Революции 1905 г.

1867 г., март

Продажа Аляски Соединенным Штатам Америки — сделка между правительствами Российской империи и Северо-Американских Соединенных Штатов, в результате которой за 7,2 млн долл. были проданы ее владения в Северной Америке общей площадью 1 518 800 кв. км. Впервые с предложением о продаже Аляски выступил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский в 1853 г.

1870 г.

Реформа городского самоуправления — одна из либеральных реформ императора Александра II, имевшая собой цель дать населению городов право ведать свое городское хозяйство. Подготовка реформы началась еще в 1862 г., но император выпустил Городовое положение 16 июня 1870 г. только спустя 8 лет.

1873 г.

Союз трех императоров — совокупность соглашений между Россией, Германией и Австро-Венгрией. Союз первоначально предусматривал военную помощь в случае нападения четвертой державы. Фактически утратил силу в 1885—1886 гг. из-за обострения австро-германо-русских противоречий в болгарском кризисе 1885—1887 гг.

1874 г.

Введение всеобщей воинской повинности (**военная реформа**). Военная реформа была одной из главных в ряде важных новаторских реформ Александра II. В качестве основной предпосылки к ее проведению стало поражение в Крымской войне. Данная правительственная неудача существенно подорвала доверие общества к правителю, обнажив все недостатки в армии: недостаток человеческих ресурсов, хаос в управлении армией, несвоевременное оснащение, плохая подготовка кадров и пр. Основной целью военной реформы было формирование армии, которая бы не требовала особых затрат на содержание и которая была бы в мирное время незначительной, однако могла бы мобилизоваться в период военных действий в короткий срок.

1876 г., 8 июля

Рейхштадское соглашение (секретное) между Россией и Австро-Венгрией. Заключено в Рейхштадском замке, в Чехии. Стороны обязались в случае победы Турции в войне с Сербией и Черногорией требовать восстановления довоенного положения и административных реформ в Боснии и Герцеговине; в случае победы сербов и черногорцев — согласовать действия в целях урегулирования последствий войны.

1878 г.

Подписание Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией. Завершил Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Болгария, Босния и Герцеговина получили автономию, Сербия, Черногория и Румыния — независимость. К России отходили Южная Бессарабия и крепости Ардаган, Карс, Батум и Баязит. Условия были пересмотрены на Берлинском конгрессе.

1880 г., 12 февраля

Учреждение Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Чрезвычайный государственный орган в России в феврале — августе 1880 г. Создан для борьбы с революционным движением. Председатель — М. П. Лорис-Меликов.

1882 г.

Учреждение Крестьянского поземельного банка — государственное кредитное учреждение, работавшее в 1882—1917 гг. в Российской империи. Банк выдавал долгосрочные ссуды на покупку частновладельческих, прежде всего дворянских, земель.

1882 г., май

Закон об отмене подушной подати. Этот небольшой по объему документ завершал собой целую эпоху подушной подати в России, введенной Петром I. Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета с 1 января 1887 г. отменялась подушная подать для всех плательщиков Российской империи, кроме Сибири. Для основной территории Сибири (Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний) подушная подать была отменена С. Ю. Витте с 1 января 1899 г. законом 19 января 1898 г. Однако действие закона не распространялось на Алтайский округ Томской губернии, Приамурское генерал-губернаторство, Якутскую область, Киренский округ Иркутской губернии, Туруханский край Енисейской губернии, Нарымский край Томской губернии, Березовский и Сургутский округа Тобольской губернии.

1882 г., 1 июня

Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Устанавливал запрет на работу детей до 12 лет, для детей 12—15 лет ограничивал время работы 8 часами в день (притом не более 4 часов без перерыва) и запрещал ночную (от 9 часов вечера до 5 часов утра) и воскресную работу, а также запрещал применение детского труда во вредных производствах. Владельцы предприятий должны были «предоставлять возможность» детям, не имевшим свидетельства об окончании по меньшей мере одноклассного народного училища или приравняваемого к нему учебного заведения, посещать школы не менее 3 часов в день или 18 часов в неделю.

1885 г., 3 июня

Закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах». По нему воспрещалась ночная работа подростков до 17 лет и женщин на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Вступил в силу с 1 октября 1885 г. Министр финансов мог распространять действие закона и на другие отрасли, но это было сделано только для вредных работ в фарфоровом и спичечном производствах. В 1897 г. закон был распространен также на все текстильное производство, т.е. дополнительно на предприятия льняной промышленности и по обработке смешанных тканей (хотя в административном порядке это было установлено еще с марта 1886 г.).

1887 г., 18 июня

«Перестраховочный» договор между Россией и Германией. Обиходное (в дипломатических кругах Германии и России) название тайного договора между Россией и Германией, подписанного канцлером Бисмарком и русским послом П. А. Шуваловым. В том же месяце ратифицирован обеими сторонами. В условиях развала (после Сербско-болгарской войны 1885—1886 гг.) «Союза трех императоров» Германия, стремясь избежать русско-французского сближения, пошла на заключение двустороннего соглашения с Россией. «Застраховавшись» для новой войны против Франции союзом с Австрией и Италией, Германия решила «перестраховаться» соглашением с Россией. В январе 1887 г. переговоры в Берлине начал Петр Шувалов вместе со своим братом Павлом Шуваловым, — первоначально со статс-секретарем ведомства иностранных дел Германии, старшим сыном Отто фон Бисмарка Гербертом Бисмарком. Петр Шувалов предложил Германии полную свободу действий в отношении Франции в обмен на препятствование Германией овладению Россией проливами и восстановлению ею контроля над Болгарией; Отто Бисмарк был приятно удивлен предложениями Шувалова. После некоторого периода охлаждения отношений между Берлином и Петербургом, в мае 1887 г., возобновились переговоры между Павлом Шуваловым и Отто Бисмарком, закончившиеся подписанием тайного договора. По его условиям обе стороны должны были сохранять нейтралитет при войне одной из них с любой третьей великой державой, кроме случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию. К договору прилагался особый протокол, по которому Германия обязывалась оказать России дипломатическое содействие, если русский император найдет нужным «принять на себя защиту входа в Черное море» в целях «сохранения ключа к своей империи». Германия обещала также никогда не давать согласия на реставрацию князя Баттенбергского на болгарском престоле, что было для императора Александра III вопросом личного престижа и самолюбия.

1889 г., 12 июля

Положение о земских участковых начальниках. В 40 губерниях России, на которые распространялось Положение (главным образом на губернии с помещичьим землевладением), создавались 2 200 земских участков (примерно по 4—5 на уезд) во главе с земскими начальниками. В уездах учреждался уездный съезд земских начальников, который состоял из административного и судебного присутствия. Ему передавались функции упраздняемых уездного по крестьянским делам присутствия и мирового суда (мировой суд сохранялся лишь в Москве, Петербурге и Одессе), что значительно усиливало административно-полицейскую власть земских начальников. Необходимость введения института земских начальников объяснялась «отсутствием близкой к народу твердой правительственной власти». Земские начальники назначались министром внутренних дел по представлению губернаторов и губернских предводителей дворянства из местных потомственных дворян-землевладельцев. Земский начальник должен был обладать определенным имущественным цензом (свыше 200 десятин земли или другим недвижимым имуществом на 7 500 руб.), иметь высшее образование, трехлетний стаж службы в должности или мирового посредника, или мирового су-

ды, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При недостатке кандидатур, удовлетворявших этим требованиям, земскими начальниками могли назначаться местные потомственные дворяне со средним и даже начальным образованием, состоявшие в военных или гражданских чинах, независимо от стажа службы, однако имущественный ценз для них повышался вдвое. Кроме того, министр внутренних дел «в особых случаях», в обход указанных условий, мог назначить земским начальником любого из местных дворян.

1890 г., 12 июня

Земская контрреформа. Пересматривались положения Земской реформы 1864 г. в сторону стеснения прав земств, усиления контроля администрации за их деятельностью (создание губернских по земским делам присутствий, предоставление губернаторам права решать вопрос о целесообразности постановлений земств и др.).

1892 г., 11 июня

Городская контрреформа. Принято новое Городовое положение, которое произвело изменения в городской избирательной системе. Были отстранены от выборов мелкие и средние собственники ввиду повышения имущественного ценза, необходимого для участия в выборном процессе. Существенно ограничивались права и независимость органов городского самоуправления.

В городах было ограничено избирательное право для несостоятельных слоев населения. Избирательных прав лишались не только рабочие, но и все, не имеющие недвижимой собственности: квартиронаниматели, приказчики, мелкие торговцы. Правительство отстранило от выборов в городские думы и тех домовладельцев, имущество которых оценивалось ниже 3 тыс. руб. в столицах и не менее 1,1—2 тыс. руб. в губернских городах. В 132 городах с населением более чем 9 млн человек избирательным правом на выборах в городские думы пользовались не более 100 тыс. человек. Положение 1892 г. расширило власть городского головы, который отныне считался состоящим на государственной службе.

1893 г., 14 декабря

Закон об ограничении права распоряжения наделными землями — ограничил право крестьян на проведение общих переделов сроком в 12 лет. Частные переделы вообще запрещались, однако попытки бюрократических регламентаций успеха не имели; крестьяне делили землю в обход закона.

1895—1897 г.

Денежная реформа (денежная реформа Витте) — установила золотой монометаллизм или свободный обмен кредитных билетов на золото (золотой стандарт). Реформа также означала девальвацию рубля по курсу «двух третей», которая прошла без ожидавшихся потрясений.

1897 г., 2 июня

Закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». Этим законом было введено ограничение времени рабочего дня на фабриках и заводах 11,5 часами для мужчин, а в случае работы в ночное время, а также в субботу и перед праздниками — 10 часами. Для женщин было установлено ограничение рабочего дня в 10 часов. Закон также запрещал работы в воскресенье и устанавливал 14 обязательных праздников (в 1900 г. к ним было добавлено еще три). По «взаимному соглашению» рабочие могли работать в воскресный день взамен будничного. Вместе с тем сверх установленного этим законом рабочего времени можно было вводить еще и сверхурочные работы по особому договору. Закон вступил в силу с 1 января 1898 г., был разом распространен на 60 губерний Европейской России и охватил все промышленные заведения и горные промыслы, частные и казенные (хотя на практике на казенных заводах уже и так в основном был установлен более короткий рабочий день).

1903 г., 22 марта

Уголовное уложение, в котором были учтены произошедшие в России изменения; характер и техника его нормативных установлений оказались таковы, что, несмотря на смену общественно-политического строя в 1917 г., они не утратили актуальности и оказали существенное влияние на содержание нормативных актов советского периода.

Уложение состояло из 37 глав, включавших 687 статей, из которых 72 относились к общей части, которая содержала положения о преступлении и наказании, области действия уголовного закона, формах вины, субъекте преступления, обстоятельствах, исключающих преступность деяния и других институтах. Уложение объединяло в себе нормы, ранее разнесенные на два кодекса — Уложение о наказаниях и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и должно было полностью заменить оба этих закона.

Уложение 1903 г. устанавливало, что преступлением признается деяние, «воспрещенное во время его совершения законом под страхом наказания»; в числе других его новшеств следует упомянуть запрет на применение уголовного закона по аналогии, введение категоризации уголовно-наказуемых деяний на тяжкие преступления, преступления и проступки, норму о возрастной невменяемости, упрощение системы наказаний. Основными видами наказаний по Уложению были смертная казнь, каторга, ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, заключение в тюрьме, арест и денежная пеня (штраф). Уложение так и не вступило в силу в полном объеме.

1903 г., 10 июня

Указ «Об учреждении старост в промышленных предприятиях». Первый в истории российского фабрично-заводского законодательства указ, признававший представительство рабочих. Он предоставлял право хозяевам заведений фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, подведомственных фабричной и горной инспекции, разрешать рабочим выбирать старост для осуществления контактов с администрацией предприятий и властями по вопросам исполнения условий найма, организации быта рабочих.

1905 г., 6 августа

Высочайший **Манифест об учреждении Государственной думы** — законодательный акт верховной власти Российской империи. Манифест объявлял об учреждении Государственной думы и определял принципы выбора ее депутатов. Одновременно было опубликовано Положение о выборах от 6 августа 1905 г. Государственная дума создавалась для предварительной разработки и обсуждения законодательных предложений. Фактически, по мнению исследователей конституционализма, данным манифестом Дума учреждалась как законосовещательный орган, имеющий посредника между ней и государем в виде Государственного совета.

1905 г., 23 августа

Портсмутский мирный договор с Японией. Завершил Русско-японскую войну. По условиям договора Япония получила Квантунский полуостров с Порт-Артуром и южную часть Сахалина.

1905 г., 17 октября

Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Декларировал принципы буржуазного конституционализма, предопределившие особенности российского самодержавия вплоть до победы Февральской революции. Именно этот документ положил начало так и не завершившемуся, весьма противоречивому процессу превращения российской абсолютной монархии в монархию конституционную.

1905 г., 24 ноября

Именной высочайший указ Правительствующему сенату о временных правилах о повременных изданиях. Временные правила хотя и ограничивали свободу печати, но в сравнении с дореволюционным законодательством (имеется в виду Революция 1905 г.) стали значительным шагом вперед на пути к демократическому обществу. Ими была ликвидирована предварительная цензура для всех периодических изданий, выходящих в городах, отменены административные взыскания, министр внутренних дел лишился права воспрещать обсуждение в печати какого-либо вопроса, отмены правила о залогах для периодических изданий и некоторые другие ограничения. Регистрацию открывавшихся изданий осуществлял губернатор. Указ содержал перечень оснований для наложения ареста и штрафов на издания.

1905 г., 11 декабря

Указ об изменении Положения о выборах в Государственную думу. Значительно расширился круг избирателей. Правительство отказывалось от ряда уступок, сделанных в ходе революции. К трем куриям прибавилась четвертая — рабочие. Практически все мужское население страны в возрасте старше 25 лет, кроме солдат, студентов, поденных рабочих и части кочевников, получило избирательные права. По новому закону предусматривались 4 избирательные курии: от землевладельцев, городского населения, крестьян и рабочих. Депутаты избирались избирательными собраниями, состоящими из выборщиков от

каждой губернии и ряда крупных городов. Землевладельцы с полным земельным цензом (150 десятин) непосредственно участвовали в уездных съездах землевладельцев, голосовавших за выборщиков от губернии. Мелкие землевладельцы выбирали уполномоченных в уездный съезд по одному на каждый полный ценз. Городское население малых городов голосовало за выборщиков в губернские избирательные собрания; крупные города имели собственные избирательные собрания, наравне с губернскими. Рабочие выбирали съезд своих уполномоченных, на котором избирались выборщики на избирательное собрание губерний или крупных городов. Представительство от горожан и рабочих было трехступенчатым. Схема выборов уполномоченных от предприятий была следующей: от мелких предприятий с числом 50 и более рабочих по одному уполномоченному, от крупных предприятий — 1 уполномоченный от полной тысячи рабочих. Таким образом, давалось преимущество мелким предприятиям и ограничивалось представительство от крупных, где был организованный пролетариат. Крестьянские выборы были четырехстепенными: первую степень образует волостной сход, вторую — съезд уполномоченных от волостей, третью — губернское избирательное собрание.

1906 г., 4 марта

Именной Высочайший указ Правительствующему сенату о Временных правилах об обществах и союзах. Документ был подготовлен в рекордный для российских законов четырехмесячный срок. Составление общей части Временных правил было возложено на Министерство юстиции, раздел о профессиональных обществах готовился в Министерстве торговли и промышленности. В Свод законов они вошли в качестве приложения к ст. 118 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, что вызвало критическую оценку в правовых кругах. Указ 4 марта различал «общества», под которыми понималось объединение лиц с определенной целью (просветительской, научной, благотворительной и др.), и «союзы» (объединение нескольких обществ). Провозглашалась замена концессионного порядка образования обществ явочным, согласно которому общества могли создаваться без разрешения правительственной власти. Между тем явочный принцип образования обществ оказался декларативным. Общества, желавшие получить права юридического лица (приобретать недвижимое имущество, иметь денежные средства, создавать капиталы, заключать договоры, являться истцом и ответчиком в суде, открывать свои учреждения и др.), подлежали обязательной регистрации в губернских (городских) по делам об обществах присутствиях, причем последним предоставлялась возможность отказа в регистрации. Губернатору или градоначальнику предоставлялось право приостанавливать действия общественных организаций. Закрывались общества решением губернских (городских) по делам об обществах присутствий. В обязательном порядке проходили регистрацию союзы и общества, имевшие отделения. Указ способствовал расширению сферы общественной самодеятельности, усилению роли общества в решении важных вопросов жизни населения страны. Деятельность общественных организаций получила с его изданием правовую основу, впервые оформленную в едином юридическом акте.

1906 г., 4 марта

Именной Высочайший указ Правительствующему сенату о Временных правилах о собраниях. Согласно Временным правилам собрания подразделялись на частные и публичные. Указом разрешались публичные собрания по вопросам государственным, общественным и экономическим. Собрания публичные (доступные неопределенному числу лиц, а также лицам, лично неизвестным устроителям собрания) проводились с разрешения полиции или губернатора. О времени, месте и повестке дня собрания необходимо было предварительно предупредить полицию. На собраниях в обязательном порядке присутствовал представитель полиции, который был правомочен закрыть собрание. Собрания непубличного характера можно было устраивать без разрешения властей. Участники и устроители незаконных собраний подлежали уголовной ответственности.

1906 г., 23 апреля

Высочайший Манифест об утверждении Основных государственных законов. Проект Указа подготовлен Государственной канцелярией и Советом министров. Указ подписан императором Николаем II 23 апреля 1906 г. В нем прямо указывалось на незыблемость самодержавной власти всероссийских императоров, которая, однако, не остается неизменной: теперь уже царь не может единолично осуществлять законодательную власть. Составленный с учетом утвержденных царем Основных государственных законов, Свод основных государственных законов отныне насчитывал 223 статьи, объединенные в два раздела. **Первый раздел «Основные государственные законы»** имел 11 глав: о существе верховной самодержавной власти; о порядке наследия престола; о совершеннолетию государя императора, о правительстве и опеке; о вступлении на престол и присяге подданства; о священном короновании и миропомазании; о титуле его императорского величества и государственном гербе; о вере; о правах и обязанностях российских подданных; о законах; о Государственном совете и Государственной думе и образе их действий; о Совете министров, министрах и главноуправляющих отдельными частями. Второй раздел — «Учреждение о императорской фамилии», как и прежде, включал в себя пять глав: о степенях родства в доме императорском; о рождении и кончине членов императорского дома и родословной оному книге; о титулах, гербе и прочих внешних преимуществах; о содержании членов императорского дома; о гражданских правах членов императорского дома. Основные законы 23 апреля 1906 г. — важный шаг по пути превращения России из феодальной монархии в монархию буржуазную, но шаг противоречивый, что и предопределило неоднозначную оценку в исторической и в юридической литературе. Но все ученые сходятся на том, что данные законы — акт конституционного значения.

1906 г., 9 ноября

Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» — положил начало аграрной реформе, которая проводилась под общим руководством председателя правительства П. Столыпина. Она оказалась основной в серии столыпинских реформ, которые стали ответом самодержавия на вызов Первой российской революции 1905—1907 гг.

1907 г., 3 июня

Положение о выборах в Государственную думу. Устанавливало порядок выборов в так называемую булыгинскую думу. Второй избирательный закон был установлен совокупностью нескольких законодательных актов, последовавших за Манифестом 17 октября 1905 г., в том числе и актом, принятым в декабре 1905 г., и не отмененных ими статей Положения 6 августа 1905 г. Вносило существенные изменения не только в избирательное право, но и в политическую систему общества. Положение о выборах 1907 г. и сохранившие силу закона статья Положения о выборах 1906 г., вошедшего в Свод законов, были объединены Государственной канцелярией в единый законодательный акт, под тем же названием вошедший в Свод законов издания 1907 г.

1910 г., 14 июня

Закон «Об изменении и дополнении некоторых положений о крестьянском землевладении». Содержал важные новации; явился следующим шагом в деле разрушения традиционной сельской общины. Все общины, в которых не было общих переделов с момента наделения их землей, признавались общинами с подворным землевладением. Все владельцы участков в общинах с подворным землевладением (включая и те общины, в которых подворное землевладение практиковалось ранее, и те общины, которые были причислены к ним данным законом) получили права частных собственников, даже если они и не заявляли такого желания. Для юридического закрепления права собственности крестьянину надо было получить удостоверительный приговор сельского схода, который сход должен был постановить в обязательном порядке в месячный срок, простым большинством голосов. При отказе схода выдать приговор необходимые документы выдавались земским начальником. Закон провозгласил частную собственность на весьма значительную часть наделных земель. В губерниях Европейской России наделы не производились с момента наделения землей в 58 % общин и селений, составлявших 3 716 тыс. домохозяйств площадью 33,7 млн десятин. В тех общинах, которые производили переделы, за каждым домохозяйством сохранялось право требовать укрепления земли в частную собственность на условиях, близких к закону 1906 г. Не претерпели существенных изменений и правила для крестьян, желающих получить отрубной участок. Закон представлял собой некоторое отступление от прежнего курса на выделение участков к одному месту, связанное с тем, что землеустроительные комиссии не справлялись с потоком заявлений на землеустроительные работы: в 1910 г. было подано около 450 тыс. ходатайств о землеустройстве, из которых удалось реализовать только около 260 тыс. Правительство было вынуждено предпочесть закрепление в собственность чересполосных владений (как требующее меньшего объема землеустроительных и организационных работ) отсрочкам в исполнении заявлений на полное разверстание.

1911 г., 6 августа

Постдамское соглашение между Россией и Германией. Неудачная попытка Германии оторвать Россию от Атлантики, используя русско-английские противоречия. Германия признала Северный Иран сферой русского влияния. Россия обязывалась не препятствовать постройке Багдадской железной дороги.

1915 г., 18 марта

Англо-франко-русское соглашение — секретное соглашение между странами Антанты, по которому Великобритания и Франция соглашались разрешить вековой Восточный вопрос путем передачи Константинополя с черноморскими проливами Российской империи в обмен на земли в азиатской части Османской империи. В результате соглашения Османской империи впервые в истории противостояла коалиция из трех великих держав. Платой за Константинополь должна была стать развернутая Россией военно-морская Босфорская операция. Без участия русского флота Дарданелльская операция английского командования потерпела неудачу, но уже в 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков добился от союзников подтверждения, что условия соглашения 1915 г. остаются в силе.

ЕВРОПА**1804 г., 21 марта**

Кодекс Наполеона (Гражданский кодекс) — фундаментальный законодательный акт Франции, представляющий собой масштабную кодификацию гражданского права и давший мощный толчок для последующего кодификационного процесса во многих странах мира. Разработан по инициативе первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта и действует с изменениями и дополнениями вплоть до наших дней. Целью составления Кодекса была замена действовавшего во Франции хаотичного и разрозненного массива источников гражданского права, включавшего как правовые обычаи, так и различные нормативные акты. Состоял из трех (в настоящее время — из пяти) книг, содержащих выстроенные по институционной системе правовые нормы о статусе физических лиц, брачно-семейных отношениях, вещах, наследовании и обязательствах. Принятый непосредственно после Великой французской революции являлся своеобразным компромиссом между различными источниками французского права — римским правом, обычаями, королевскими указами, а также революционным законодательством; кроме того, при его составлении широко использовались достижения юридической науки. Кодекс отверг существовавшие сословные различия и привилегии и послужил одной из основ формирования нового буржуазного общества, закрепив в своих нормах секуляризацию семейных отношений, равенство участников гражданского оборота, неприкосновенность частной собственности, свободу заключения гражданско-правовых договоров и в то же время — патриархальные взгляды на брак и семью, характерные для рубежа XVIII—XIX вв. С точки зрения юридической техники Кодекс отличается стройностью изложения, гибкостью и четкостью формулировок и определений, что наряду с прогрессивными нормами явилось одной из причин его ассимиляции правовыми системами десятков стран Европы, Америки и других частей света.

1806 г., 23 марта

Закон о запрещении работорговли — «О запрещении ввоза рабов английскими работорговцами в колонии иностранных держав и страны Америки». Запрещалось также отправление невольничьих судов чужих государств из английских портов. Запрещались и объявлялись незаконными любые торговые сделки, контракты и соглашения, касающиеся продажи, покупки, обмена, перевозки рабов или каких-либо лиц, предназначенных к использованию в качестве рабов. Запрещение действовало в том случае, если данные торговые сделки имели целью любые перевозки этих людей из Африки или с какого-нибудь острова, страны, территории в Вест-Индию или в другую часть Африки, которая не являлась владением его величества, а также в любую другую страну. Нарушивший закон должен был быть оштрафован. За каждого проданного или купленного раба полагалось уплатить 100 фунтов стерлингов. Половина этой суммы поступала в казну, другая — тому, кто сообщит о нарушении закона.

1808 г., 2 июля

Акт об унии Англии и Ирландии.

1815 г.

Принятие в Англии первого так называемого «**Хлебного закона**», по которому устанавливались высокие пошлины на ввоз импортного хлеба. Этот закон и все последующие «хлебные» законы (1815—1846 гг.) являлись торговым барьером, который защищал английских фермеров и землевладельцев от конкуренции с дешевым иностранным зерном. Барьеры были введены законом об импорте 1815 г. и отменены законом об импорте 1846 г. Эти законы часто рассматриваются как пример британского меркантилизма, и их отмена отмечается как значительный шаг на пути к свободной торговле. Хлебные законы увеличивали прибыль крупных землевладельцев-аристократов, обеспечивали занятость населения в сельском хозяйстве, но ограничивали рост прибыли крупных торговых компаний и уровень жизни городских нищих.

1819 г., 29 ноября

«Шесть актов» против свободы слова, собраний и печати в Англии. Британский парламент разом утвердил шесть законов, или, как их немедленно прозвали шутники, «Шесть актов для затыкания рта». Законы ограничивали свободу слова, собраний и печати, дабы затруднить агитацию в пользу реформы парламента и введения всеобщего избирательного права.

1825 г., 27 апреля

Закон о вознаграждении бывших эмигрантов за конфискованные у них во время Французской революции земли. Закон провел брат короля Людовика XVIII граф Д'Артуа, в 1824 г. вступивший на престол под именем Карла X, который провел в палатах закон, по которому всем, потерявшим свои земли в результате Революции, назначалось вознаграждение в 3-процентной ренте, всего на сумму 1 млрд франков. После Июньской революции данная рента была отменена (5 января 1831 г.).

1830 г., 14 августа

Опубликована во Франции **новая конституционная хартия**, которая юридически оформила победу финансовой буржуазии. Король объявлялся главой исполнительной, а не законодательной власти. Право законодательной инициативы предоставлялось парламенту. Должность пэра теперь не передавалась по наследству, как это было прежде; пэры должны были избираться так же, как и члены нижней палаты. Президент палаты теперь тоже избирался, а не назначался королем, как при Бурбонах. Заседания обеих палат объявлялись публичными (при правительстве Реставрации заседания палаты пэров были закрытыми). Срок полномочий членов палаты был сокращен с 7 до 5 лет. Возрастной ценз для избирателя составлял 25 лет, для избираемого — 30 лет. Имущественный ценз для избирателя устанавливался отныне в размере 200 франков годового налога, а право быть избранным получал плативший не менее 500 франков налога в год. Трудящиеся массы и даже широкие круги средней и мелкой буржуазии по-прежнему были лишены избирательных прав. Ряд других пунктов хартии гарантировал буржуазии основные политические свободы: совести, печати, собраний и т. д. Конституционная хартия 1830 г. закрепила господство ограниченной группы класса буржуазии — его банковских и финансовых кругов. Франсуа Гизо — один из авторов новой конституции — откровенно признавался в том, что хартия 1830 г. предназначена для подавления революции и укрепления классового господства буржуазии.

1832 г., 4 июня

Парламентская реформа в Англии. В соответствии с биллем о реформе создавались новые избирательные округа, утверждался ряд других положений.

1833 г., 1 августа

Отмена рабства в английских колониях.

1833 г., 28 августа

Акт о ликвидации Ост-Индской компании как торговой организации.

1833 г., 29 августа

Принятие в Великобритании **закона об ограничении детского труда**, который запрещал предприятиям (за исключением шелкоткацких фабрик) принимать на работу детей моложе 9 лет, детям 9—13 лет разрешалось работать не более 8 часов, а труд подростков 13—18 лет ограничивался 12 часами.

1834 г., 14 августа

Закон о бедных — английский закон в отношении бедных людей в Англии и Уэльсе. Закон радикально изменил существовавшее законодательство о бедных и централизовал систему социальной помощи. Были отменены пособия в денежной форме и в виде пищи. Около 15 тысяч английских и уэльских приходов были реорганизованы в союзы по закону о бедных (Poor Law Unions), в каждом союзе в обязательном порядке открывался работный дом (если его еще не было), который становился основным каналом получения помощи. Социальную помощь

за редкими исключениями можно было получить только в работном доме. Закон делал непривлекательным получение помощи и стигматизировал бедных, условия жизни в работном доме предусматривали: разделение семей (отдельное проживание мужчин, женщин, мальчиков и девочек), скудное и однообразное питание, тяжелую рутинную и бессмысленную работу (например, раскалывание камней), занятость детей на шахтах и фабриках, ношение униформы. Закон вводил новые должности, в частности должность чиновника по надзору над бедными (*relieving officer*), который в исключительных случаях мог предоставить помощь вне работного дома.

1841 г.

Принятие во Франции **Закона об ограничении продолжительности рабочего дня для детей и подростков.**

1847 г., 1 мая

Закон о 10-часовом рабочем дне для женщин и подростков в текстильной промышленности Англии. Это же правило распространялось на мужчин, работающих вместе с детьми и женщинами в одну смену.

1848 г., 4 ноября

Принятие Учредительным собранием Франции **Конституции Второй Французской республики** (конституция была разработана собранием). В отличие от всех предыдущих Конституций, в которых, как правило, упор делался на естественные права человека, в этой упор был сделан на общесоциальное назначение государства. Государство помогало неимущим, искало работу для безработных, существовали различного рода пособия. Основой республики признавались собственность, труд и семья. Впервые в истории Франции был введен институт президентства, который избирался на 4 года без права повторного переизбрания. Национальное собрание (парламент) было однопалатным и состояло из 750 человек, избираемых на 3 года, на основе всеобщего прямого мужского избирательного права при тайном голосовании. Избирателями являлись все граждане старше 21 года, избираемые — старше 25 лет. Депутаты являлись неприкасаемыми и неотзываемыми. Государственный совет формировался Национальным собранием сроком на 6 лет. Он предварительно рассматривал законопроекты, контролировал исполнение законов, создавал административные уставы. Конституцией 1848 г. было введено разделение властей, но не была введена система сдержек и противовесов, что в конечном счете привело к усилению президентства, упразднению некоторых статей Конституции, авторитаризму.

1850 г., 31 мая

Отмена всеобщего избирательного права во Франции. Законодательное собрание приняло новый избирательный закон, который устанавливал трехлетний ценз оседлости и другие ограничения, лишившие избирательного права в первую очередь крестьян.

1864 г., 25 мая

Отмена закона Ле Шапелье во Франции. Переход к так называемой «либеральной империи». Рабочие получали право на стачки и союзы.

1867 г., февраль

Конституционная реформа в Австрийской империи. Империя превратилась в двухцентровую дуалистическую Австро-Венгрию с идентичными правами и обязанностями. 21 декабря на территории государства, за исключением Королевства Венгрии, была введена в действие Конституция, которая фактически явилась обобщенным наименованием пяти основных государственных законов и закона о представительстве. По своему характеру в значительной степени сходна с Великими реформами российского императора Александра II, проводившимися на протяжении 1860-х гг. По Конституции утверждались буржуазные принципы ответственности правительства перед парламентом, права и свободы, сохранялась монархия (император становился еще и королем Венгрии). Имущественный ценз при выборах в госсобрание и рейхсрат. «Общие министерства» — МИД и военное. Общая внешняя торговля, валюта, таможня. Не было единого правительства.

1867 г., 15 августа

Вторая парламентская реформа в Великобритании. Проведена по инициативе лидера консерваторов Дизраэли, крупного политического деятеля второй половины XIX в. Суть реформы — изменение избирательного закона, расширявшего права граждан и включившего в электорат мелкую буржуазию и часть рабочих.

1871 г., 16 апреля

Конституция Германской империи — действовала по 1919 г., основана на конституции Северогерманского союза. Предусматривала большое влияние короля Пруссии, по должности являвшегося также президентом союза, или германским императором. Предусматривала также наличие бундесрата (представительства государств — участников империи, а с 1911 г. и Эльзаса-Лотарингии, с правом вето Пруссии на изменения конституции) и рейхстага (избираемого всеобщим голосованием граждан мужского пола, согласно изначальной редакции конституции на 3 года, с 1888 г. — на 5 лет).

1875 г., 24—25 февраля

Конституция Третьей республики. Принята Учредительным собранием, не представляла собой единого документа, а складывалась из трех законов:

- Закон об организации Сената;
- Закон об организации государственной власти;
- Закон об отношениях между государственными властями.

Конституционные акты определяли структуру и компетенцию высших органов государственной власти. Отсутствие единого конституционного нормативного акта давало возможность обойти вопрос об общих принципах государственного строя. Ни одна статья прямо не утверждала республику, но в целом три конституционных закона устанавливали республиканский строй во главе с президентом, парламентом как высшим органом законодательной власти и парламентским

правительством. Главой государства являлся президент, который избирался на 7 лет абсолютным большинством голосов Сената и Палаты депутатов, соединенных для этой цели в единое Национальное собрание. Он мог быть переизбран. Ему было предоставлено право законодательной инициативы, опубликования законов, наблюдения за их исполнением. Он мог отсрочить заседания палат, потребовать повторного обсуждения законопроекта, уже согласованного палатами. С согласия Сената распускал Палату депутатов до истечения законного срока ее полномочий. Президент являлся главой вооруженных сил. Ему предоставлялось право назначения на все высшие военные и гражданские должности.

1882 г., 20 мая

Секретный союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией (**Тройственный союз**) — военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, который положил начало разделу Европы на враждебные лагеря и сыграл роль в подготовке и развязывании Первой мировой войны (1914—1918). Государства взяли обязательства (сроком на 5 лет) не принимать участия ни в каких союзах или соглашениях, направленных против одной из этих стран, консультироваться по вопросам политического и экономического характера и оказывать взаимную поддержку. Договор возобновлялся в 1887 и 1891 гг. (при этом вносились дополнения и уточнения) и автоматически продлевался в 1902 и 1912 гг.

1905 г., 13 августа

Референдум в Норвегии. **Расторжение унии со Швецией.**

Сто лет назад: месяц в истории

1 АПРЕЛЯ

Royal Air Force

1 апреля 2018 г. Королевские военно-воздушные силы (Royal Air Force, RAF) Великобритании отмечают свой 100-летний юбилей.

Первоначальное название Военно-воздушных сил Великобритании — Королевский летный корпус (Royal Flying Corps, RFC). RFC был создан 13 апреля 1912 г. указом короля Георга V. В начале Первой мировой войны RFC состоял из пяти эскадронов — одного наблюдательного воздухоплавательного (RFC No 1 Squadron) и четырех, во-

оруженных самолетами (эскадроны RFC No 2 и No 3 были первыми авиационными подразделениями в мире). Начиная с 13 сентября 1914 г. RFC использовался для воздушной разведки. В течение 1914 г. также осуществлялась и аэрофото-съемка, но более или менее эффективной она стала только в следующем году. К 1918 г. фотосъемка могла осуществляться уже с высоты до 15 000 футов, и на таком снимке можно было распознать более 3 000 фигур людей. Парашютами пилоты RFC во время Первой мировой войны не пользовались, парашют марки Calthrop Guardian Angel (модель 1916 г.) был официально принят на вооружение лишь в конце 1918-го.

Медаль к 100-летию ВВС Великобритании

17 августа 1917 г. генерал Ян Смэтс представил Военному совету рапорт относительно будущего военной авиации. Ввиду ее значительного потенциала для «опустошения вражеских земель и разрушения промышленных и густонаселенных центров в больших масштабах» он рекомендовал создать новый вид войск, который был бы на одном уровне с армией и королевским флотом. Его создание сделало бы возможным использование персонала и техники Королевской военно-морской авиационной службы (Royal Naval Air Service, RNAS) на Западном фронте, а также прекратило бы конкуренцию

между видами вооруженных сил, которая неблагоприятно сказывалась на закупках самолетов. 1 апреля 1918 г. RFC и RNAS были объединены. Образовался новый вид войск — Королевские военно-воздушные силы. RAF находились под командованием нового Министерства ВВС (Air Ministry). Имея в 1914 г. в своем штате 2 073 человека, к началу 1919 г. в RAF было уже 40 000 боевых самолетов и 114 000 человек.

1 АПРЕЛЯ

ДЕКРЕТ О ПРИОБРЕТЕНИИ ПРАВ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Приобретение прав российского гражданства иностранцами определяется следующими условиями:

1. Каждый иностранец, проживающий в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, может приобрести права российского гражданства.

2. Для приобретения прав российского гражданства иностранец делает о том заявление в местный, по месту жительства, Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, с указанием рода своих занятий и сообщением сведений о том, не подвергался ли он судебному преследованию по обвинению в общеуголовном преступлении, а если подвергался, то за какие деяния.

3. Самоличность делающего заявление, при отсутствии других средств к ее установлению, удостоверяется свидетельством полноправных граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Примечание. За представление заведомо ложных сведений для приобретения прав российского гражданства виновные подвергаются уголовной ответственности, как за дачу ложных показаний, и могут быть лишены приобретенных ими прав.

4. В случае признания заявителя удовлетворяющим требованиям ст. 1 и 3 настоящего Декрета, Совет выдает ему надлежащее удостоверение о приобретении им прав российского гражданства.

5. В исключительных случаях допускается принятие в число российских граждан иностранцев, пребывающих за пределами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Заявления таких иностранцев подаются ими непосредственно или через ближайшего дипломатического представителя Российской Социалистической Федеративной Советской Республики за границей на имя председателя Центрального Исполнительного Комитета и рассматриваются Центральным Исполнительным Комитетом.

6. Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов сообщает о принятых им в российское гражданство иностранцах в Комиссариат внутренних дел, который их регистрирует, публикует их списки во всеобщее сведение и через Народный комиссариат по иностранным делам извещает государства, гражданами которых они состояли.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Советов рабочих,
солдатских, крестьянских и казачьих депутатов
Я. Свердлов

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета
В. Аванесов

8 АПРЕЛЯ

Декрет «О флаге Российской Республики»

Флагом Российской Республики устанавливается Красное знамя с надписью: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика».

Председатель Всероссийского
Центрального Исполнительного Комитета

Я. Свердлов

9 АПРЕЛЯ

Присоединение Бессарабии к Румынии

В 1918 г. Румыния объявила западноевропейским государствам о том, что не исключает аннексии Буковины и Бессарабии. В тот момент в регионе находилась Молдавская Демократическая Республика, руководимая лояльным Румынии Сфатул Цэрий. Это нарушало договор с РСФСР, подписанный в начале года. Воспользовавшись гражданской войной в России и анархией, румынские войска в январе того же года пересекли реки

Дунай и Прут и дошли до Днестра. Со Сфатул Цэрий был подписан договор об объединении Бессарабии с Румынией. Новая граница с ОСР и УНР, потом с УССР и Молдавской АССР в составе СССР до 1940 г. проходила по линии Днестра.

15 АПРЕЛЯ

ДЕКРЕТ О СНЯТИИ ПАМЯТНИКОВ, ВОЗДВИГНУТЫХ В ЧЕСТЬ ЦАРЕЙ И ИХ СЛУГ, И ВЫРАБОТКЕ ПРОЕКТОВ ПАМЯТНИКОВ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

I) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера.

2) Особой Комиссии из Народных Комиссаров Просвещения и Имуществ Республики и Заведующего Отделом изобразительных искусств при Народном Комиссариате Просвещения поручается, по соглашению с художественной коллегией Москвы и Петрограда, определить, какие памятники подлежат снятию.

3) Той же Комиссии поручается мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской Социалистической Революции.

4) Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день I мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и постановлены первые модели новых памятников на суд масс.

5) Той же Комиссии поручается спешно подготовить декорирование города в день I мая и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России.

6) Областные и губернские Советы приступают к этому же делу, не иначе как по соглашению с вышеуказанной Комиссией.

7) По мере внесения смет и выяснения их практической надобности ассигновываются необходимые суммы.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
 Народные комиссары
А. Луначарский, Сталин

17 АПРЕЛЯ

Первое собрание Цеха живописцев святого Луки — группы учеников художника Д. Н. Кардовского

Д. Кардовский. Заседание Совета народных комиссаров под председательством Ленина

Группа художников, возникшая по инициативе Д. Н. Кардовского, В. И. Щухаева и А. Е. Яковлева, которые своей задачей ставили возрождение профессиональных традиций старых мастеров. Официально оформлена не была. В основе преподавания лежала методика Д. Н. Кардовского, построенная на тщательном изучении рисунка; Кардовский требовал от учеников «безукоризненного владения линией, четкости в проработке отдельных форм, любви к детали, законченности произведения». Организационная структура повторяла средневековую цеховую систему: мастер — подмастерье — ученик; работу предполагалось строить на строгой дисциплине и подчинении художественной воле «главного мастера».

21 АПРЕЛЯ

Советское правительство распустило Национальный парламент мусульман Внутренней России и Сибири (Милли меджлис)

22 АПРЕЛЯ

Под давлением Турции провозглашается независимая от России Закавказская Демократическая Федеративная Республика

22 апреля грузинские и азербайджанские делегации объявили независимость Закавказья от России, провозгласив создание государства — Закавказской федерации (ЗДФР), выполняя первое из предварительных условий, выдвинутых Турцией перед установлением мира. В тот же день правительство Гегечкори подало в отставку, и было утверждено новое правительство ЗДФР, в котором Чхенкели был и министром иностранных дел, и премьер-министром, и председателем делегации ЗДФР на мирных переговорах. Про-

должая выполнять свою часть условий, Чхенкели приказал расформировать фронтные части.

АПРЕЛЬ

Создана киностудия «Ленфильм» в Петрограде

Решением Наркома просвещения в Петрограде была образована киностудия «Ленфильм». Киностудия Ленфильм расположена в Санкт-Петербурге на Каменноостровском проспекте, в д. 10 на Петроградской стороне. На территории 4 га в 10 корпусах (40 тыс. кв. м) разместились 4 действующих павильона. Цеха декоративно-технических сооружений, подготовки съемок, монтажа, съемочной техники, светотехники и звукотехники, студия пластического грима, хранилище костюмов и реквизита. Коллекция исторического реквизита насчитывает 130 тыс. единиц хранения. Имеются исторические автомобили. Хотя ее корни восходят еще к Военно-кинематографическому отделу Скобелевского комитета, учрежденному в марте 1914 г. Изначально киностудия называлась Петроградский кинокомитет Союза Северных Коммун, а затем в разные годы название менялось. Свое имя «Ленфильм» она носит с 1934 г.

22 АПРЕЛЯ

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

I

Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов (добывающей, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и пр.) с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица Российской Республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякие торговые сделки с заграницей для ввоза и вывоза воспрещаются.

Примечание. Правила ввоза и вывоза почтовых посылок и пассажирских вещей будут изданы отдельно.

II

Органом, ведающим национализированной внешней торговлей, является Народный комиссариат торговли и промышленности.

III

Для организации вывоза и ввоза при Народном комиссариате торговли и промышленности учреждается Совет внешней торговли.

В состав Совета входят представители следующих ведомств, учреждений и организаций: а) ведомств военного, морского, земледелия, продовольствия, путей сообщения, иностранных дел и финансов; б) представители центральных органов регулирования и управления отдельных отраслей производства, как то: Центрочай, Главсахар, Центротекстиль и т.д., и представители всех отделов Высшего совета народного хозяйства; в) центральные организации кооперативов; г) центральные

представительства торгово-промышленных и сельскохозяйственных организаций; д) центральные органы профессиональных союзов и торгово-промышленных служащих; е) центральные органы торговых предприятий по ввозу и вывозу важнейших продуктов.

Примечание. Народному комиссариату торговли и промышленности предоставляется право привлекать в состав Совета внешней торговли представителей организаций, здесь не поименованных.

IV

Совет внешней торговли проводит план товарообмена с границей, вырабатываемый Народным комиссариатом торговли и промышленности и утвержденный Высшим советом народного хозяйства.

В задачи Совета внешней торговли входят: 1) учет спроса и предложения вывозимых и ввозимых продуктов; 2) организация заготовки и закупки при посредстве соответственных центров отдельных отраслей промышленности (Главсахар, Главнефть и т.д.), а при их отсутствии — при посредстве кооперативов, собственных агентур и торговых фирм; 3) организация закупок за границей при посредстве государственных закупочных комиссий и агентов, кооперативных организаций и торговых фирм; 4) установление цены вывозимых и ввозимых товаров.

V

1) Совет внешней торговли разделяется на отделы по отраслям производства и важнейшим группам вывозимых и ввозимых товаров, причем председателями отделов являются представители Народного комиссариата торговли и промышленности.

2) Председателем общего собрания членов Совета внешней торговли и его президиума, избираемого общим собранием, является представитель Народного комиссариата торговли и промышленности.

Примечание. Внутренняя организация Совета внешней торговли, число отделов, их задачи, права и круг деятельности будут выработаны особо.

3) Все решения отделов представляются президиумом Совета на утверждение Народного комиссариата торговли и промышленности.

VI

Настоящий Декрет входит в силу с момента его опубликования.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Народные комиссары:

Гуковский, Вронский, Сталин, Чичерин

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Вл. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета
Н. Горбунов

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.

ISSN 2311-5998

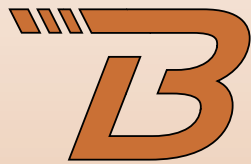
Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.
Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписной индекс — 40650.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна.
Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

Редактор *М. В. Баукина*.
Корректор *А. Б. Рыбакова*.
Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*.

Отпечатано в типографии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >